

ГАШЕК

Радко
Лытлик

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга Радко Пытлика основана на изучении большого числа документов, писем, воспоминаний, полицейских донесений, архивных и литературных источников. Автору удалось не только свести воедино большой материал о жизни Гашека, собранный зачастую по крупицам, но и прояснить многие факты его биографии.

- [Радко Пытлик](#)
 -
 -
 -
 - [Парадоксы сатирика](#)
 - [Легенда и факты](#)
 - [Детство](#)
 - [Рождение бродяги](#)
 - [Балканские скитания](#)
 - [«Экскурсия» в Баварию](#)
 - [Творчество за аванс](#)
 - [Миссионерское странствие](#)
 - [Вторжение варвара в литературу](#)
 - [«Две мамы мне не верят...»](#)
 - [Пражские кабачки](#)
 - [«Психологическая загадка»](#)
 - [«Идиот на действительной»](#)
 - [Партия умеренного прогресса участвует в выборах](#)
 - [Кабаре](#)
 - [Пражское дада](#)
 - [«Мой друг Ганушка»](#)
 - [Сараево](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

- [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
-

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 13

(574)

Радко Пытлик

ГАШЕК
Документальное
повествование

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Radko Pytlík
TOULAVÉ HOUSE
Zpráva o Jaroslavu Haškovi
MLADA FRONTA
1971

Авторизованный перевод
и примечания О. М. Малевича

Научная редакция перевода
и предисловие С. В. Никольского

© Перевод на русский язык. Предисловие.
Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

Jaroslav Havěk,

Парадоксы сатирика

Ярослав Гашек издавал первоначально «Похождения бравого солдата Швейка» небольшими выпусками, которые печатались один за другим по мере продвижения работы. О предстоящем появлении первых выпусков автор оповестил вместе со своими друзьями в озорных буффондных афишах, которые были расклеены весной 1921 года в плебейских районах Праги и выставлены в окнах городских трактиров. Текст, выдержанный в духе веселой мистификации и розыгрыша, помимо всего прочего, гласил:

«Одновременно с чешским изданием перевод книги на правах оригинала выходит во Франции, Англии, Америке.

Первая чешская книга, переведенная на мировые языки!

Лучшая юмористически-сатирическая книга мировой литературы!

Победа чешской книги за рубежом!

.....

Первый тираж 100 000 экземпляров!»

Афиши призывали читателей «выбросить из своих библиотек «Тарзана в джунглях» и разные дурацкие переводы уголовных романов» и «приобрести новаторский образец юмора и сатиры». Книга Гашека объявлялась «революцией в чешской литературе».

Едва ли в Чехословакии был тогда хоть один человек, который, читая такие афиши, мог предполагать, что эта шуточная реклама вскоре окажется не такой уж далекой от истины. Пройдет некоторое время, и Бертольд Брехт напишет: «Если бы кто-нибудь предложил мне выбрать из художественной

литературы нашего века три произведения, которые, на мой взгляд, относятся к мировой литературе, то в качестве одного из таких произведений я выбрал бы «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека».

Имя Гашека сейчас нередко ставят в один ряд с именами Аристофана, Рабле, Сервантеса. Понятие «швейковщина» стало нарицательным, подобно понятиям «донкихотство», «обломовщина» и т. д. Чешский писатель совершил крупное художественное открытие, создав новый комический тип. Иногда образ Швейка начинает даже жить как бы самостоятельной жизнью, отрываясь от романа Гашека и переключиваясь в произведения других писателей разных стран. Сохраняя основные черты созданного Гашеком типа и имя его героя, авторы таких произведений порой переносят его уже в иную эпоху и среду, в другую обстановку, включают в новые сюжеты. Так поступил, например, Брехт, изобразив находчивого и неуязвимого Швейка в столкновении с гитлеризмом. Такого же рода опыты были и в советской литературе и кино в период Великой Отечественной войны. Надо сказать, что в мировом искусстве не так уж много образов, имеющих подобное «бытование», подобную судьбу. Не случайно Швейк часто упоминается рядом с Санчо Пансой, Тилем Уленшпигелем и другими всемирно известными образами.

В традиционной новогодней передаче Московского телевидения, известной под названием «Голубой огонек», в этом году принимали участие два актера, загримированные под Швейка и Насреддина из Бухары. Герои чешского писателя и восточного фольклора (оба хорошо знакомые зрителям) вели шутивную беседу между собой. И невольно напрашивалось сравнение. Ведь Ходжа Насреддин — плод коллективного фольклорного творчества. Образ этого мудреца-острослова и находчивого комика на протяжении

длительного времени создавался в народной среде. Накапливались, отбирались и оттачивались комические сюжеты и истории. Не одно поколение принимало участие в создании этого образа, как же как, скажем, и в создании образа Тиля Уленшпигеля. Гашек аналогичную работу выполнил один, написав к тому же свой роман всего за два года. И при этом писал он сразу набело, почти без правки. Сохранилось свидетельство о том, как проходила работа над начальными страницами романа. Гашек писал их в присутствии своего друга Ф. Сауэра. Работа продвигалась так быстро, что порой у автора «уставала рука», и тогда за перо брался Сауэр, а Гашек диктовал.

В чем же секрет этого удивительного феномена?

По складу характера и образу жизни Гашек, казалось бы, мало походил на писателя. При слове «писатель» у нас невольно возникает представление о кропотливой повседневной работе за письменным столом в тиши кабинета, о напряженных и порой мучительных поисках выразительного слова и образа, о бесконечной правке и переписывании рукописей и т. д. С Гашеком все это как-то мало вяжется. Писал он легко и быстро, словно шутя, и как будто не особенно утруждая себя. Своего рабочего кабинета, да и письменного стола, как и квартиры, на протяжении большей части жизни он вообще не имел. Он мог писать в любой обстановке — на квартире у приятеля, в шумной редакционной комнате, в трамвае, в переполненном кафе. Создается впечатление, что он никогда не терзался муками слова и даже, пожалуй, иронически относился к этому понятию. Он способен был поспорить в кафе на пари, что в очередную фразу наполовину написанного рассказа вставит любое имя, которое предложат его собеседники, и при этом не нарушит логики и последовательности повествования.

Гашек словно насмеялся над самой серьезностью литературного творчества. Даже в самом начале своего

писательского пути он был удивительно равнодушен к спорам своих литературных коллег о проблемах литературы, о современных художественных формах, которые все тогда искали, о секретах искусства писателя и т. д. Он явно предпочитал этим спорам путешествия в нецивилизованные края Словакии и общение с пастухами и цыганами.

Означало все это облегченное отношение к литературному творчеству?

Были случаи, когда Гашек действительно превращал в шутку свои литературные занятия. Известно также, что часть своих рассказов он писал для заработка и действительно не придавал им особого значения. Но если бы к этому все и сводилось, то мировая литература, вероятно, не обогатилась бы таким произведением, как роман о Швейке. Определяющим было другое.

Дело в том, что главным в писательском труде была для Гашека не работа за письменным столом, а наблюдение жизни. Когда, казалось бы, с легкостью импровизатора он набрасывал страницы своих произведений, это была лишь заключительная стадия творческого процесса. Основная же творческая работа совершалась непосредственно в процессе наблюдения жизни.

В чешской литературе нет другого писателя, который, подобно Гашеку, так много общался бы с людьми. Мало найдется таких писателей и в других литературах. Почти всю жизнь он провел на людях. Он жил среди них, жил их жизнью, жил не только в смысле сопереживания, но и в самом прямом смысле слова.

Началось это еще в детстве, когда мальчик из необеспеченной семьи, а затем подросток, прислуживающий в москательной лавке, вращался среди мелкого пражского люда и люмпен-пролетариев. Уже тогда он познал жизнь улицы, многое переняв от ее образа мыслей и настроений, в частности от ее

насмешливо-неприятного отношения к солидной, респектабельной публике, богачам, полиции (впоследствии это скажется на общей атмосфере его произведений). Затем пришла полоса странствий молодого писателя, к которым его влекло, по-видимому, не только желание бежать на вольный простор из застойного мещанского и чиновничьего мира, но и сознательное стремление основывать литературное творчество на собственном наблюдении жизни. («Мы хотели досконально познать жизнь и писать о ней так, как мы сами ее познали», — вспоминал друг Гашека Ладислав Гаек.) В обществе таких же, как он, студентов, случайных знакомых, нищих, бродяг, иногда нанимаясь на поденную работу, ночуя в стогах сена или у пастушеского костра, а порой и в местных полицейских участках, Гашек в течение нескольких лет исходил пешком всю Австро-Венгерскую империю, а отчасти и соседние страны. Уже из этих странствий он вынес богатейший запас знаний о жизни и людях, о чем свидетельствуют и его многочисленные рассказы тех лет, по большей части возникшие на материале путешествий.

Далее — длившееся несколько лет участие в политическом движении чешских анархистов, агитационная деятельность среди рабочих и знакомство еще с одной стороной жизни и новой средой. Несомненно, огромный запас наблюдений, особенно о жизни плебса и богемы, дало Гашеку и постоянное посещение пражских кафе и трактиров, где не только встречались самые разнообразные люди, но и велись оживленные беседы, обсуждались всевозможные темы, рассказывались бесчисленные истории, случаи и т. д.

Затем служба в австро-венгерской армии в годы первой мировой войны, когда писатель очутился в гуще солдатской массы, лагеря для военнопленных в России, пребывание в чехословацких воинских частях на

Украине. Наконец, участие в гражданской войне в России, служба в Пятой Красной Армии. Здесь он проделал боевой поход в несколько тысяч километров, который уже сам по себе — целая эпопея.

Жизненных впечатлений Гашека хватило бы, наверное, на десяток писателей. Перед его глазами прошли тысячи и тысячи людей, человеческих типов, характеров, судеб. Он был свидетелем множества событий, эпизодов, ситуаций, поступков. А к этому еще надо прибавить, наверное, не менее богатый поток наблюдений, почерпнутых из разговоров и рассказов его бесчисленных собеседников. И все это совершалось в переломную эпоху, в годы общественного брожения начала века, в годы мировой войны, революции и гражданской войны в России, когда все было сдвинуто с привычных мест, когда пришли в движение целые страны, народы, классы, миллионы людей. И Гашек был не просто современником и очевидцем, но и активным участником этих процессов и событий. Если принять все это во внимание, то станет окончательно ясным, с каким необъятным морем жизненного материала постоянно соприкасался чешский писатель, какой гигантский объем информации перерабатывало его сознание. Все это и кристаллизовалось в его памяти, чтобы переплавиться затем в его произведения.

О том, насколько хорошо Гашек знал людей, наглядно свидетельствует, например, рассказ одного из его необычных знакомых — вора Ганушки, который попытался вначале поведать Гашеку приукрашенную историю своей жизни и очень удивлялся, что стоило ему сказать неправду, как Гашек немедленно останавливал его и тут же сам рассказывал, как все было на самом деле. И ни разу не ошибся. (Интерес к необычным, диковинным людям, кстати говоря, также вызывался жаждой познания.)

Но не только это, не только обилие жизненных впечатлений. Гашеку была свойственна очень большая творческая активность уже в момент восприятия происходящего. И это еще одна важнейшая особенность его творческой натуры. Художественное осмысление, творческая «обработка» виденного и слышанного начиналась, а в значительной степени и совершалась, сразу, уже в процессе наблюдения. Впечатления уже сразу формировались и отливались в его сознании как бы в художественном виде — результат постоянной инициативной работы мысли и воображения. В той или иной степени это, конечно, свойственно каждому писателю. Но у Гашека эта черта выражена необычайно сильно.

Больше того, Гашек зачастую но был пассивным наблюдателем, зрителем со стороны. Обладая дарованием комика, он давал выход своей энергии юмориста и сатирика не только в литературе, но и в жизни. Он любил творчески вмешаться в ситуацию, тут же на месте «досоздать» ее, проявить и заострить комическую сторону и комический смысл происходящего. Многочисленные комические истории, связанные с именем Гашека и делающие его образ почти легендарным, нередко представляют собой, собственно говоря, не что иное, как своего рода художественные произведения, созданные, так сказать, непосредственно в жизни, выполненные непосредственно на жизненном материале. Разве не является таким сатирическим художественным произведением создание партии умеренного прогресса в рамках закона, инсценированное Гашеком вместе с его друзьями в 1911 году во время дополнительных выборов в австрийский парламент? Образование этой партии, предвыборная агитация, митинги, речи Гашека, реклама и т. д. были в жизни разыгранной пародией на безвредные для власть

имущих соглашательские партии. А сколько у Гашека таких произведений «малых форм»!

Нередко такого рода творчество становилось постоянным процессом, занимавшим его не меньше, если не больше, чем собственно литературное творчество. И даже времяпрепровождение Гашека в кафе и погребках, где он обычно оказывался в центре внимания и выступал в роли и провоцирующего слушателя, и рассказчика, и комментатора-комика, и своего рода конференсье-организатора «юмориады», не только вызывалось стремлением почувствовать себя раскованным, но было для него тоже своего рода творчеством. Образ жизни Гашека в довоенные годы во многом был связан со средой пражской богемы. Но чаще всего это было нечто иное, нежели, например, есенинская богемная жизнь с тяжелыми приступами тоски и желанием утопить в вине меланхолию. Гашек жил в атмосфере комических импровизаций, чему обязан был, кстати говоря, и репутацией чудаковатого человека, от которого можно ожидать всяких выходов и у которого никогда не поймешь, где он ведет себя серьезно, а где шутит и разыгрывает. В глазах мещан его поведение действительно выглядело странным и эксцентричным, тем более что он не упускал случая подразнить и эпатировать самолюбие обыватели, не скрывая презрения к условностям мещанской морали.

Правда, эта репутация и маска — маска, которая тоже была художественным образом, — в известной мере устраивали Гашека. Надо учесть, что писатель все время находился на подозрении у полиции. А одно время в секретных донесениях тайных агентов о нем сообщалось как об «особенно опасном анархисте». И как раз подобная репутация давала ему возможность и в устных импровизациях, и в литературном творчестве осмеивать такие стороны жизни, на которые другие не отваживались посягать. Он, например, позволял себе в

пражских кафе произносить даже целые речи о «всемиловейшем» австрийском императоре, которые были лишь слегка замаскированной издевкой. В его устных «юмориадах», как и в литературном творчестве, вообще немалое место занимала политика. Упоминаясь друг Гашека Л. Гаек не случайно отметил однажды, что любой другой писатель поплатился бы тюрьмой за сотую долю того, что безнаказанно позволял себе писать Гашек. И немалую роль в этом играло то представление, которое Гашек создал о себе.

Постоянный процесс творчества «на людях» был одновременно и почвой для непосредственного литературного творчества, был «творческой лабораторией» писателя, как об этом метко сказал биограф Гашека Р. Пытлик.

И еще один момент. Непрерывное общение с людьми, особенно с городским плебсом, а позднее и с солдатской массой, позволяло Гашеку ассимилировать и включать в свое творческое мышление огромные богатства народного юмора. А народный юмор — сам по себе своеобразное художественное творчество и емкая форма комментария к жизни.

Гашек знал одну простую истину, которая заключается в том, что литература растет не столько из литературы, сколько из жизни. Конечно, в художественном творчестве значительную роль играет порой и вторичная типизация, синтез созданного литературой ранее. (Аналогией этому у Гашека является синтез народного юмора, а тем самым жизненного содержания, заключенного в нем.) Но все равно угол зрения, основу синтеза (как в его осознанном, так и в стихийном варианте) всегда дает только знание жизни.

Но чешский сатирик не был необразованным самородком. Если бы однажды собрать воедино имена писателей разных стран и эпох, разбросанные в виде

упоминаний в его произведениях, письмах и т. д., обнаружилась бы как раз его немалая начитанность (советским читателям, по-видимому, небезынтересно узнать, что он хорошо знал, в частности, русскую литературу, восхищался Пушкиным и особенно М. Горьким). Но шел он в своем творчестве от жизни, словно поняв с самого начала, что писатель должен найти свой путь, что писателя нет без знания жизни.

Только неустанным наблюдением жизни, непрерывной работой мысли и воображения и постоянным освоением народного юмора и можно объяснить тот факт, что роман Гашека и образ Швейка вобрали в себя такое огромное комическое содержание и выдерживают соревнование не только с выдающимися сатирическими произведениями мировой литературы, но и с лучшими анонимными творениями мирового фольклора, которые создавались целыми поколениями. Роман Гашека — итог творческого процесса длительностью в целую жизнь.

Механизм познавательно-творческого освоения действительности имел у Гашека свои особенности. Он в высшей степени обладал способностью видеть противоречия, противоречия событий, явлений, поведения людей, противоречия между внешней формой, видимостью и внутренним содержанием, показными мотивировками и скрытыми побуждениями, целью и средствами и т. д. Ощущение подобных противоречий в принципе является необходимым условием юмора и сатиры, основу которых и составляет обнажение скрытых и замаскированных несоответствий. Именно поэтому, кстати говоря, объектом сатиры не может быть, например, природа, хотя в других жанрах, скажем в пейзажной лирике, картины природы могут играть даже основную роль. Объект сатиры — поведение людей, ее функция — выявление комических противоречий.

В известном смысле можно сказать, что Гашек вообще мыслит такими противоречиями, остроумное раскрытие которых чаще всего отливало у него в сюжетную форму. Сколько таких до предела сжатых комических сюжетов вобрал его роман о Швейке! Ведь одних «попутных» рассказов Швейка, которые он охотно присовокупляет к каждому случаю, в романе не менее двухсот, и по большей части это миниатюрные комические новеллы, которые вполне могли бы быть развернуты в самостоятельные произведения. Или вспомним, например, сцены в тюрьме, куда Швейк попадает после сараевского убийства. Рассказ каждого из заключенных об истории его ареста, по сути дела, самостоятельный комический сюжет, всякий раз со своей неожиданной коллизией, со своей комической конструкцией.

Активное наблюдение жизни, постепенно накапливавшееся познание ее противоречий было и главной движущей пружиной тех изменений и сдвигов, которые происходили в сознании писателя и в его творчестве. Постепенно он все полнее и явственнее осознавал разительное несоответствие всей существующей общественно-государственной системы тем представлениям, которые внушались официальными мифами о ней, о ее законности, справедливости и т. д. Некогда сходный путь проделал чешский сатирик XIX века Карел Гавличек Боровский, пришедший к выводу, что «ни один из институтов, установленных абсолютистским правительством, не служит собственно тем целям, для которых он провозглашен на словах. Почти каждый из них действует в прямо противоположном направлении». Если говорить в самом общем виде, то, по сути дела, раскрытие аналогичного основного противоречия составляет сердцевину и творчества Гашека.

Ощущение противоположности мира низов и верхов, все более крепнущее осознание моральной несостоятельности существующего миропорядка стали источником нарастающего радикализма Гашека. А отсюда был уже один шаг не только до острой и злой сатиры, пришедшей на смену его ранним мягкоумористическим рассказам, но и до участия в политическом движении чешских анархистов. (Анархизм в Чехии тех лет часто оказывался притягательным для наиболее радикальных элементов, не удовлетворенных реформистской политикой социал-демократов. Значительная часть чешских анархокоммунистов влилась позднее в компартию, созданную в 1921 году.) Сближение с рабочей средой и знакомство с социалистическими идеалами еще больше утвердили Гашека в понимании того, что существующую систему невозможно улучшить никакими реформами. Мысль о том, что «нужно расквитаться наконец с эксплуататорами пролетариата», неоднократно повторяется в его статьях и сатирических фельетонах этих лет.

Однако опять-таки зоркая наблюдательность позволила Гашеку вскоре разглядеть неэффективность и анархистского движения, как и деятельности других оппозиционных партий, существовавших тогда в Чехии. И если, несмотря на это, острие его сатиры не притупилось и он не впал в безнадежность, то объясняется это тем, что в нем жило сознание не только порочности и абсурдности, но и ущербности того мира, который он осмеивал, жил неиссякаемый оптимизм плебса.

В поле зрения сатирика социальный и национальный гнет, вся система полицейско-бюрократического насилия, армия, церковь, буржуазная мораль, практика псевдонародных партий, мещанский быт и психология. Тема нищеты, социальных бедствий теперь выступает в

его произведениях как тема прямой взаимозависимости богатства одних и бедности других. Если задаться целью сопоставить чешскую литературу этого времени с русской, то многие рассказы Гашека своим резко контрастным социальным звучанием напомнят прозу Серафимовича. В одном из таких рассказов трагедии рабочих, погибших во время обвала в шахте, Гашек противопоставляет саркастическую картину веселого банкета с музыкой и фейерверками, устроенного женой шахтовладельца «в пользу семей погибших».

По-видимому, нет ни одной ступеньки государственно-бюрократической иерархии Австро-Венгерской империи, которая не подвергалась бы осмеянию в творчестве Гашека. Мы неоднократно встретим в его рассказах и образ слабоумного монарха, и целую галерею образов тупоголовых министров, чиновников, судей, жандармов, сыщиков. С позиций атеизма бичует он своекорыстие и мракобесие церкви, развенчивает кощунство буржуазной благотворительности.

Нельзя не сказать и о том, что многие публицистические статьи, фельетоны, памфлеты, да и сатирические рассказы Гашека рождались как отклик на конкретные факты и события, были направлены против конкретных лиц, которые зачастую назывались непосредственно по имени. Среди политиков, заклеянных им, немало влиятельных политических деятелей того времени, вставших впоследствии у кормила власти в буржуазной Чехословацкой республике, таких, как, например, Крамарж, Клофач, Соукуп и др.

В произведениях Гашека не просто сопоставляется мораль господствующих классов и народа. Передана сама атмосфера враждебно-насмешливого отношения народных масс, плебса, улицы ко всей социальной системе. В одном из рассказов судебный исполнитель,

пришедший отбирать у крестьянина корову и перепуганный гневом крестьян, предпочитает выдать себя за вора, чем сознаться в том, что он представитель властей.

Демократические герои Гашека часто оказываются по-своему активны. Донесена их живая готовность «насолить» властям, посягнуть любой неприятности должностного лица. На пути всех этих «отцов народа», сановных особ, продажных депутатов, блюстителей порядка, сыщиков, солдафонов-военных, церковнослужителей то и дело оказывается этот веселый герой, путающий им карты и делающий их посмешищем в глазах окружающих.

В произведениях Гашека звучит вызывающий и непочтительный смех народных низов, выходящих из повиновения хозяевам жизни.

Все сказанное делает понятной и логику дальнейшего развития Гашека. Его эволюция завершилась приобщением к революционному, коммунистическому движению в России, в котором он увидел настоящую силу, способную смести старый мир. В революционной борьбе русского пролетариата он нашел то, чего некогда не мог найти в движении чешских анархистов. Вступив в 1918 году в Москве в Коммунистическую Партию, Гашек участвует в борьбе за победу Советской власти. В составе Пятой армии, громившей Колчака и белочехов, он прошел путь от Уфы до Иркутска. В армии он заведовал походной типографией, был заместителем коменданта города Бугульмы, редактировал армейские газеты, был организатором митингов и концертов, собраний и бесед, выступал с лекциями и докладами, писал статьи и воззвания, сатирические рассказы и фельетоны, вел большую организационно-политическую работу.

В статье «Международное значение побед Красной Армии» он писал: «...рати всемирной буржуазии

отступают с потерями на русском фронте... Вести о победе Красной Армии в России приносят подъем всему, что завтра разыграется на Западе... С Востока на Запад Европы идет волна революции. Она уже разбудила сотни миллионов людей, она сорвала короны с Карла Габсбурга и Вильгельма Гогенцоллерна...»

Гашек окончил свою службу в должности начальника иностранного отделения политотдела Пятой армии и членом Иркутского Совета рабочих и красноармейских депутатов от Пятой армии. К концу похода он практически возглавлял всю работу о иностранцами, сотни тысяч которых скопились по пути следования Пятой армии.

Возвращение Гашека на родину не лишено было драматизма. Направляясь в Чехословакию по решению центральных органов чехословацких коммунистов для партийной работы, он прибыл в Прагу в декабре 1920 года, буквально через несколько дней после расстрела народных демонстраций и разгрома рабочего движения. По столам за ним ходят детективы. Чешская буржуазия как раз в это время создавала контрреволюционную легенду о «патриотических подвигах» в России белочешских легионов — тех самых, против которых сражался Гашек. Ему угрожают судебным процессом за измену родине. К тому же и некоторые прогрессивные круги, не осведомленные о его революционной деятельности в России и помнившие его по анархическому прошлому и шумным историям, проявляли в отношении к нему известное недоверие.

Единственным выходом оказалась возможность вновь принять позу прежнего комика. Это ничуть не означало, что как-то изменились революционные убеждения Гашека. Об этом говорят и его памфлетные выступления против реакции, которые он публиковал в коммунистической печати, в том числе в газете «Руде право». Не случайно, конечно, и своего героя Швейка

Гашек собирался провести через русский плен к участию в боях Красной Армии. Этот замысел нашел отражение и в упомянутых афишах, которые оповещали о предстоящем выходе первых выпусков «Швейка». Название романа воспроизводилось в этих афишах в следующем виде: «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой и гражданской войны у нас и в России». Сохранилось также свидетельство одного знакомого Гашека, с которым еще в России писатель делился замыслом романа об австрийском солдате, прошедшем путь от «серой скотинки» до красноармейца. По всей видимости, в последних книгах романа Швейк оказался бы родственным герою типа, скажем, Василия Теркина.

Впрочем, не только дальнейший замысел романа, который смерть помешала писателю завершить, но и та сила отрицания, которой отличается это произведение, во многом коренятся в революционных убеждениях Гашека.

«Похождения бравого солдата Швейка» — результат синтеза лучших качеств таланта Гашека, наиболее сильных сторон его творчества. И вместе с тем это новое художественное открытие. Исключительную силу этому роману придает прежде всего гениально найденный образ главного героя, в котором как бы сгущен определенный тип народного отношения к «верхам», к уродливой общественно-государственной системе. Швейк ощущает эту систему как враждебную силу, направленную против него. И он стихийно, но неустанно, под видом послушания сопротивляется ей, защищая себя и проявляя применительно к ситуации богатейшую изобретательность. С преувеличенным усердием исполняя распоряжения и желания начальства, он все доводит до абсурда, отвечая на абсурдность происходящего абсурдностью поведения. При этом Гашек нигде не объясняет мотивов поведения Швейка

до конца, лишь слегка приоткрывая их, ставя и читателя в такое положение, что он не может угадать, где кончается наивность Швейка и начинается сознательное издевательство.

«Похождения бравого солдата Швейка» едва ли не самый веселый сатирический роман нашего столетия. А между тем это роман о войне. Источник такого отношения к жизни, позволявшего Гашеку столь заразительно смеяться над темными силами социального зла, кроется в глубокой убежденности писателя в неизбежном крушении старого мира. Восприятие действительности у Гашека включает радостное ощущение надвигающегося краха этого мира, ощущение его близкого паралича, плохо скрываемого страха правящих кругов, их бессилия перед плебсом и тщетности их потуг сохранить видимость могущества и величия. Такое мировосприятие порождало атмосферу не только ненависти, но и смеха.

* * *

Критика и литературоведение буржуазной Чехословакии не питали особой благосклонности к Гашеку. Мещанским вкусам, воспитанным на слащаво-сентиментальной литературе и с подозрением отвергающим все непривычное, претил его откровенный показ изнанки жизни, его ядреный юмор. Официальная критика рада была поддержать версию о писателе-коммунисте как о низкопробном литераторе, который потрафлял площадным вкусам. Она не пренебрегала и возможностью опереться на ту легенду о Гашеке как чудаковатом и эксцентричном завсегдатае кафе, возникновению которой во многом способствовал некогда сам он. Надо сказать, что и прогрессивная критика в значительной своей части сохраняла

некоторую сдержанность в отношении к автору «Швейка». Его революционная деятельность в России в качестве комиссара Красной Армии, как уже говорилось, была еще мало известна в Чехословакии. Правда, уже в 20—30-е годы именно писатели-коммунисты, прежде всего И. Ольбрахт и Ю. Фучик, первыми по достоинству оценили Гашека. Ольбрахт был первым, кто назвал его гениальным. В двадцатые — тридцатые годы появились в печати некоторые воспоминания о Гашеке, написанные его довоенными друзьями и сохранившие многие драгоценные свидетельства. «Швейк» Гашека приобретал все большую популярность. Однако так и оставались несобранными многие произведения писателя, затерявшиеся по многочисленным журналам и зачастую скрытые под псевдонимами, которых у Гашека было около сотни.

Картина изменилась лишь в социалистической Чехословакии, где высоко чтут память великого сатирика, писателя-коммуниста. В местечке Липнице, в домике, где Гашек провел последние полтора года своей жизни и где написана значительная часть «Швейка», открыт мемориальный музей писателя. Ежегодно в Липнице проводятся фестивали юмора и сатиры имени Гашека, в которых принимают участие не только его соотечественники, но и зарубежные гости. Образовано литературное Общество друзей Я. Гашека. Сейчас создается кабинет Гашека при Музее национальной письменности в Праге, где будут сосредоточены издания и рукописи его произведений, архивные документы, литература о нем. Кабинет станет центром исследовательской работы. Но тем временем многое уже и сделано. Помимо многочисленных изданий «Швейка» и сборников рассказов Гашека, выпущено собранно его сочинений, насчитывающее 16 томов. И это очень большое достижение. Только сейчас стал по-настоящему очевиден весь огромный объем созданного

Гашеком менее чем за два десятилетия его творческой деятельности (Гашек умер в возрасте сорока лет, а в годы войны он писал сравнительно мало). В подготовке и издании собрания сочинений писателя большая заслуга принадлежит старому чешскому коммунисту Здене Анчику, лично знавшему Гашека (Анчик скончался пять лет тому назад), и несколькими пражскими литературоведами, в том числе Радко Пытлику. Главным образом ими было начато на новой основе и исследовательское осмысление жизни и творчества писателя. Написан ряд книг и статей. В числе этих работ видное место занимает книга Пытлика, сокращенный перевод которой предлагается вниманию читателей.

Автор книги задался целью подробно описать жизнь Гашека. Предшествующее чешское жизнеописание Гашека, принадлежавшее перу З. Анчика, хотя и отличалось четкостью в обрисовке Гашека — писателя и коммуниста, но носило эскизный и фрагментарный характер. Книга Пытлика основана на изучении большого числа документов, писем, воспоминаний, полицейских донесений, архивных и литературных источников. Автору удалось не только свести воедино большой материал о жизни Гашека, собранный зачастую по крупицам, но и прояснить многие факты его биографии. Так, например, до сих пор оставалось неясным, не является ли мистификацией описанное в произведениях Гашека его путешествие в Италию, его поездка на Балканы с целью принять участие в Илинденском восстании, его попытка перейти во время одного из странствий границу России. Р. Пытлик показывает достоверность всех этих фактов, о которых раньше можно было лишь предполагать на основе художественных произведений писателя.

С глубокой психологической проникновенностью и впервые столь подробно воссоздана история любви Гашека к Ярмиле Майеровой, его брака с ней и

последующего разрыва, во многом вызванного полной необеспеченностью писателя и конфликтом с мещанским окружением глубоко любимой им женщины. Новые факты содержат страницы, повествующие об участии Гашека в движении анархистов. Специальные главы посвящены пребыванию писателя в России, его службе в Красной Армии и партийной работе, хотя здесь учтены не все материалы, собранные главным образом советскими авторами. (Автору, в частности, остались неизвестными содержательная книга А. Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус» (М., 1965) и двухтомник, изданный советскими историками, «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов» (М., 1967, 1971), а эти книги помогли бы обогатить освещение событий, связанных с антисоветским мятежом чехословацкого корпуса и с участием чехов и словаков в борьбе за Советскую власть в России.) Пытлик подробно воссоздает последние годы и дни жизни Гашека, никем до него не описанные.

Даже читатель, знакомый с другими работами о Гашеке, найдет почти в каждой главе книги Пытлика много нового. В ней, в частности, немало выразительных психологических штрихов, доносящих живой облик писателя со свойственным ему раблезианским колоритом, натурой комика и в то же время серьезными поисками истины, жизненного и творческого пути.

Автор не склонен рисовать психологический портрет Гашека, изображая его лишь неунывающим и изобретательным весельчаком, каким он часто представлялся в глазах окружающих. Показана и другая сторона его жизни, моменты трудных психологических состояний, иногда отмеченных даже нотками трагизма и связанных с постоянной нуждой, неустроенностью, новыми и новыми поисками пути, порой отсутствием взаимопонимания и признания. Однако мрачноватый

колорит последнего периода жизни Гашека, пожалуй, преувеличен. Несмотря на сложность положения, в котором Гашек очутился по возвращении на родину, он оставался самим собой. И свидетельство тому его «Швейк», над которым писатель начал работать через несколько недель после своего приезда в Прагу и который был отнюдь не обороной, а наступлением. Это особенно ясно, если учесть полный замысел романа. Сам Гашек говорил: «Посмеюсь над всеми дураками, а заодно покажу, каков наш (т. е. чешский. — С. Н.) настоящий характер и на что мы способны». Явно имелись в виду те части романа, в которых писатель собирался показать Швейка как участника гражданской войны в России. Р. Пытлик, к сожалению, уделил общему замыслу романа недостаточное внимание.

Большую ценность в книге представляют наблюдения над психологией творчества Гашека. Создавая духовный портрет писателя, Пытлик сумел выразительно показать нераздельность его личности и творчества. Последнее не было для Гашека лишь определенной сферой его жизни. Жизнь и творчество Гашека составляют единое целое. Впервые высказана глубоко верная, на наш взгляд, мысль о том, что и устные комические импровизации Гашека в пражских кафе и пивных в предвоенный период его жизни были для него, собственно говоря, своеобразным художественным творчеством и одновременно творческой лабораторией. Это подтверждается и впервые обобщенными сведениями о попытках сценических выступлений Гашека.

Содержательны замечания о своеобразии писательской манеры Гашека, например, о том, что он стремился не столько к шлифовке и отработке слога, сколько к поискам комических «находок» и «поворотов», составляющих главную силу многих его рассказов. Не менее интересно показано, как расширялась и

обогащалась сатирическая палитра писателя, вбиравшая в себя все новые и новые формы. С определенного момента в его творчестве все больший удельный вес приобретает, например, искусство пародийной стилизации жанров политической публицистики и присущей им фразеологии.

Книга Пытлика — заметное событие в изучении творчества великого сатирика. Тем не менее следует учитывать, что она не завершает, а открывает процесс создания полной и всесторонней биографии Гашека, его творческого портрета. Да это и понятно. Жизнь и творчество любого крупного художника обычно поддаются освещению лишь посредством многих и разных книг, исследований, очерков. При всем том, что Пытлик сделал много, при всем обилии и богатстве материала, содержательности многих оценок и наблюдений не все вопросы в книге исчерпаны и освещены с равной степенью убедительности. Мнения автора кое-где выглядят как предположительные и гипотетические. По-видимому, в некоторые суждения в дальнейшем будут внесены и коррективы.

Есть в работе и пробелы. Думается, например, что все же недостаточно проявлена и подчеркнута общая логика духовного развития Гашека, которую мы пытались раскрыть несколькими страницами выше.

По-видимому, автор ограничил свои возможности, отказавшись от более подробного анализа литературного творчества писателя, а местами и от сколько-либо обстоятельной информации о его тематике и проблематике. Так, рассказы и очерки первого периода (на наш взгляд, вообще несколько недооцененные) определяются почти исключительно с точки зрения жанра. Почти ничего не говорится об их содержании. Полнее могла бы быть раскрыта социальная сатира Гашека 1904–1914 годов и т. д. Неполон и анализ романа о Швейке. Внимание сосредоточено главным образом на

фактах биографии Гашека, а применительно к творчеству — скорее на общих его принципах, своеобразии и особенностях творческого процесса, структурно-жанровых типах. Вероятно, учитывалось, что чешский читатель хорошо знает произведения Гашека и располагает к тому же предыдущим очерком Пытлика «Я. Гашек», изданным в Праге в 1962 году и посвященным как раз анализу его литературного творчества. Тем не менее самоограничение автора в новой книге создает определенные неудобства; особенно для зарубежного читателя. Отсутствие более конкретного анализа и оценки произведений, их тематики и проблематики приводит к тому, что бытовой фон порой несколько заслоняет внутреннее содержание творческой жизни писателя. Автор задался целью преодолеть инерцию легенд, которых немало наслонилось вокруг имени Гашека, и опираться лишь на факты. Но поскольку память очевидцев и документы зачастую сохранили лишь наиболее броские приметы внешнего поведения Гашека, в то время как его духовный мир получал выражение прежде всего в его литературном творчестве, местами создается даже несколько смещенная картина. Богемно-раблезианская окраска жизненного стиля Гашека оказывается как бы сгущенной, преувеличенной и затеняет более существенные стороны его жизни и внутреннего наполнения его духовного мира.

Правда, недостаточную информацию о творчестве писателя читатель может при желании восполнить, обратившись к другим работам о Гашеке, в том числе советских авторов, указанным в библиографии, которая прилагается к этой книге.

Надо сказать, что советские литературоведы, критики, мемуаристы также немало сделали для объяснения личности и творчества великого чешского писателя и особенно для освещения его партийной

работы в Советской России, Красной Армии. В архивах разысканы ценные документы. И число их время от времени пополняется.

Около четверти своей сознательной жизни Гашек провел в нашей стране. Сейчас он один из наиболее известных и популярных у нас писателей Чехословакии. Его произведения издавались на восемнадцати языках народов Советского Союза и выходили у нас общим тиражом более восьми миллионов экземпляров. При Обществе советско-чехословацкой дружбы в Москве существует Общество друзей Ярослава Гашека. В городе Бугульме, где Гашек был заместителем военного коменданта, открыт Музей Гашека.

Советские люди чтут Гашека как великого писателя и участника борьбы за победу Советской власти. И символично, что в Москве, недалеко от улицы Горького, от площади Пушкина и площади Маяковского, рядом с улицей Ю. Фучика, есть улица, носящая имя чешского писателя-коммуниста Ярослава Гашека.

С. В. Никольский

Легенда и факты

Жизнь всякого великого художника — а Гашек, бесспорно, им был — обретает черты своеобразного художественного произведения. Поэтому порой нелегко определить границы, отделяющие жизнь от творчества, особенно если они сливаются воедино, как у Гашека.

Источником биографии писателя стала мемуарная литература, стремившаяся приблизить к нам его человеческий облик с помощью выдуманных историй и анекдотов. Мемуаристы тщетно силились не уступить в остроумии и веселости самому Гашеку. Увы, между фантазией Гашека и фантазией вспоминаявших о нем богемных друзей есть одно существенное различие. Те никогда не умели по достоинству оценить значение этого мифа для его творчества, одухотворенного особым видением мира, которое безошибочно проникает в самую суть вещей. В загадочной легенде о Гашеке отсутствует прежде всего то основное свойство, которое делает его юмор оригинальным и неповторимым: способность интенсивно переживать каждое мгновение, *свойство жизненной достоверности.*

Если мы хотим познать подлинные жизненные корни мифа, легенды о Гашеке, нам придется терпеливо разматывать клубок вымыслов и полуправд, додумывать и связывать воедино обрывочные факты, догадываться о реальном значении отдельных мистификаций. И потому мы не намерены нагромождать новые гипотезы, а избираем форму репортажного, мозаичного, но зато правдивого *документального повествования.* Попытаемся факт за фактом *реконструировать* жизнь Гашека как *цепь событий.* Для этого мы используем весь доступный материал: переписку, полицейские отчеты, устные свидетельства, анекдоты и мемуарную

литературу. Широта и кажущаяся безбрежность повествования, выглядящего как своеобразная антология, как простое перечисление, соединение фактов, почерпнутых из различных биографических источников, должны гарантировать нас от искажения портрета Гашека, чего трудно избежать при одностороннем отборе материала или преднамеренном, предвзятом его истолковании.

Из разрозненных фактов и событий выступает исполинская фигура художника и творца, который, как мы еще покажем, затронул существеннейшие проблемы нашего века. За фактами и документами, несомненно, скрыта и подлинная жизнь Гашека — многозначная, неповторимая, жизнь как деяние.

Хаотическое разноголосье свидетельств и догадок, где переплетаются жизнь, миф и литературное творчество, заставляет задуматься над простейшим вопросом: каков же, собственно, был человек, написавший «Похождения бравого солдата Швейка»?

«Он прост и загадочен, почти как малый ребенок», — заявляет его верный друг Франта Сауер. «Основные черты его характера — мягкость, способность быстро переходить от настроения к настроению, мгновенная акклиматизация, стремление привлечь к себе внимание окружающих, высмеять кого-нибудь, представить в карикатурном виде», — утверждает первая жена писателя Ярмила Гашекова.

На фоне загадок и тайн, окружающих фигуру Гашека, вырисовывается образ полного, добродушного, порой по-детски жестокого и импульсивного человека, неудачника, тщетно пытавшегося найти себе применение в практической жизни, бродяги, вечно гонимого с места на место какой-то силой, ибо писать он умел только о том, что в совершенстве знал и интенсивно пережил. Образ человека мягкого, ребячливого, которого кучера, посещавшие жижковские

трактиры, наградили необычным прозвищем — бродячий гусенок. Мы не будем полемизировать с ранее изданными биографиями. Попытаемся рассказать обо всем заново с самого начала.

Детство

В понедельник 30 апреля 1883 года Катержина, урожденная Ярешова, жена преподавателя гимназии Йозефа Гашека, в темной квартире старого дома № 1325 по Школьской улице в Праге родила сына. Это был второй ребенок в семье, первый мальчик по имени Йозеф умер вскоре после рождения. В субботу 12 мая повивальная бабка Петронила Изерова отнесла новорожденного в находившийся неподалеку храм св. Штепана, и там его крестили. Капеллан Франтишек Бенда записал в метрику имена: Ярослав, Матей, Франтишек. Крестным отцом был доктор Матей Коварж, преподаватель государственной гимназии; крестной матерью — Юлия Слански, дочь владельца частной немецкой реальной гимназии на Микуландской улице, где Йозеф Гашек преподавал математику и физику. (Он не сдал второго выпускного экзамена в университете и потому мог преподавать лишь в частных учебных заведениях, где жалованье было ниже, чем в государственных гимназиях.) Позднее он устроился в банке «Славия» статистиком по страховым расчетам.

Гашеки происходили из древнего южночешского сельского рода. Дед, Франтишек Гашек, человек серьезный и умный, крестьянствовал в Мыдловарах. По утверждению В. Менгера, автора наиболее обширной биографической книги о детстве и молодости Гашека, этот дед писателя принимал участие в Пражском восстании 1848 года и был депутатом Кромержижского сейма^[1]. Отец матери Антонин Яреш сторожил поля и рыбные пруды князей Швар-ценбергов, первоначально — в Крчи у Противина. Родители познакомились в Писеке. Йозеф Гашек там учился и жил у Ярешей, которые к тому времени перебрались в окружной город.

Но свадьбы им пришлось ждать тринадцать лет; когда отец Ярослава женился, ему было тридцать пять.

После смерти жены дед Яреш переселился к дочери в Прагу и водил маленького внука гулять на Карлову площадь. Рассказы деда стали позднее основой новелл Гашека о ражицкой сторожке, которые очаровывают читателя сходством со старинными картинками.

Смутные воспоминания о родном южночешском крае служили идиллическим контрастом к горьким детским переживаниям в обстановке большого города. Семью Йозефа и Катержины Гашеков, состоявшую из Ярослава, его брата Богуслава, который был на три года моложе, и воспитанницы Марии, сироты, оставшейся после смерти брата Йозефа — Мартина, постиг удел нищающей интеллигенции. Постоянными их спутниками были заботы, нужда, всегдашняя неуверенность в завтрашнем дне. Эта участь наложила отпечаток на довольно мягкий характер Йозефа Гашека, который, как говорят, именно потому ожесточился, озлобился и стал пить. Во время эпидемии гриппа в 1898 году он заболел, был вынужден согласиться на операцию почек и вскоре умер, не дожив до пятидесяти. Ярославу было тогда тринадцать лет.

Материальное положение семьи после смерти кормильца резко ухудшилось. Единственной финансовой основой для займов в момент крайней нужды было приданое двоюродной сестры Марии (15 000 гульденов), к которому честный и совестливый учитель Гашек прежде не позволял прикасаться.

Мать писателя Катержина пыталась бороться с жестокой судьбой, ибо это была женщина решительная и энергичная. На небольшую компенсацию, полученную из банка, она во время каникул отправилась с детьми в родную деревню — Крч у Противина. После краткого пребывания там поехала в Водняны и Скочицы, где пришлось переночевать прямо на соломе, а затем — в Злив и Мыдловары, чтобы навестить родственников

мужа. Эти каникулы были единственным светлым воспоминанием в ее вдовстве. Дальше ее ждет уже только нищенское прозябание, необходимость отказывать себе во всем, шитье белья по заказам магазинов, жизнь в дешевых квартирах штепанского квартала.

Для обстановки детства Гашека весьма характерны частые переезды с места на место. Из многоэтажного благоустроенного дома на Школьной улице, где родился Ярослав, его родители через год переезжают на Ечную улицу в дом Швантля. Сюда к ним перебрался дед Антонин Яреш. В следующем году они переезжают в дом Подушека на Карловой площади, где живут в задней части дома, выходящей на так называемую Собачью улочку. Здесь родился младший брат Гашека Богуслав. Через три года мы находим Гашеков в доме «У психиатрической больницы», на углу улиц На боишти и Сокольской. Спустя год они занимают маленькую квартирку в соседнем доме Зелингера. Не проходит и полутора лет, как семейство Гашеков вновь переселяется, на этот раз на Штепанскую улицу, в дом, находящийся против школы, которую посещают оба мальчика. Через два года Гашеки находят квартиру на Липовой улице, но вскоре опять живут на Штепанской, где семья и потеряла кормильца. После этого Катержина Гашекова переезжает с детьми на Винограды, на улицу Пухмайера (ныне Любляпская), затем на улицу Шафарика, потом на улицу Челаковского, позднее на улицу Клицперы, на Шумавскую улицу, на Корунни проспект, пока наконец она не обосновалась окончательно в одном из домов Велеградской улицы. Там ее и настигла смерть.

По одному только перечню всех этих адресов, смена которых большей частью была вызвана затруднениями с оплатой, можно судить, каково было детство Ярослава. Еще ребенком ему довелось познать ощущение

неуверенности в завтрашнем дне, а постоянные переезды стали в чем-то предзнаменованием его бродяжьего будущего. Без тесных пражских дворишков, наполненных криком невымытых и оборванных детей, сплетнями и мелочными спорами соседей, без неприглядных, сырых, темных и холодных квартир, без детских воспоминаний о грубых нравах и безнадежной нищете безработных пролетариев, подмастерьев и ремесленников, о голодных и грязных нищих — без всего этого трудно понять, почему позднее Гашек так решительно старался освободиться от гнетущих жизненных тягот.

Именно в знакомстве с убогой жизнью и вечной нуждой пражской бедноты — истоки суровой горечи гашевского юмора. Отсюда, в частности, и мрачный фон его юморесок и рассказов о детях.

В духе позднейших анекдотов и легенд большинство биографов изображают маленького Ярослава озорником и непоседой. Как нам кажется, ближе к истине те, кто придерживается противоположной точки зрения и утверждает, что мальчик был тихим и запуганным. Будучи сыном преподавателя, он поначалу хорошо учился, хотя из-за неблагоприятных жилищных условий часто болел. «К шалостям остальных он обычно присоединялся самым последним, — вспоминает один из его соучеников, — скорее был страшно стыдлив, чем задирист». Другие рассказывают, что он боялся «смертушек», масок, вырезанных из тыквы, которыми его пугали товарищи. Итак, скорее можно говорить о повышенной впечатлительности юного Гашека, о его порой даже чрезмерной склонности к фантазерству, нежели о буйной и жизнедеятельной натуре. Тем резче бросается в глаза перелом, когда мальчик, взрослея, неожиданно преодолевает врожденную робость и с живой непосредственностью отдается неукротимой игре своего темперамента. Необузданность Гашека в самом

деле иногда походит на свойственное подросткам стремление чем-нибудь отличиться, шокировать окружающих, поразить их неожиданными идеями, необыкновенными выходками.

Мальчиком Ярослав выполнял обязанности служки в костеле св. Штепана, однако это было обусловлено скорее жадой легкого заработка, чем ханжеским католическим воспитанием. Знание церковной литургии и «Житий святых» Гашек впоследствии использовал при работе над антицерковными сюжетами и не в последнюю очередь в «Швейке», в пародийной проповеди фельдкурата Каца.

Как раз в годы, когда подросток требует особого внимания, ему не хватало твердой и решительной родительской руки. В его характере, чрезмерно впечатлительном и восприимчивом, появляется какая-то беззаботность и склонность к розыгрышам. При всей своей энергии мать не умеет совладать с этими свойствами его натуры. Он остается глух к ее бесконечным замечаниям и поучениям. Внутренняя раскованность, неожиданно обретенная мальчиком, повлияла, разумеется, и на его школьные успехи. Первый и второй классы гимназии на Житной улице он закончил с отличием, в третьем классе уже встречает большие затруднения (переэкзаменовка по математике), в четвертом даже остается на второй год. А с середины следующего учебного года (12 февраля 1898 года) бросает занятия и «с разрешения матери покидает данное учебное заведение».

Ярослав умеет подействовать на мать уговорами, лаской и пользуется ее снисходительностью. Он перестает систематически учиться, материал, который проходится на уроках, благодаря блестящей памяти усваивает еще в школе. Большую часть времени посвящает играм. В рассказах «Предательство Балушки», «Как Балушка научился врать», «Тайна

исповеди» и др. Гашек мастерски запечатлел детские похождения на развалинах древних крепостных стен. Зимой, когда Влтава покрывалась льдом, воины с обоих берегов мерились силами в боевых схватках, получивших название «баталии». Если грозила порка за плохой табель или какое-нибудь другое прегрешение, оставался запасной рубеж — старый сад Фолиманка, прибежище всех преследуемых мальчишек из Карлова и Виноград. В уютных маленьких пещерах сада можно было, уповая на будущее милосердие, переждать время гнева и мщения.

Гашек с детства удивительно легко преодолевает деформирующее влияние казенной школы. Система воспитания в Австро-Венгрии ставила своей целью неустанно обтесывать детский темперамент, ограничивать его определенными рамками. Ребенок приобретал ряд полезных навыков и усваивал общепринятые нормы поведения, что облегчало ему жизнь, зато лишало непосредственности. Школа воспитывала в нем склонность руководствоваться набором нормативов, застывших представлений и предрассудков. Образование покупалось дорогой ценой — человек при этом терял естественность. В результате такого воспитания он рано становился взрослым, но утрачивал восприимчивость ко всему, что выходило за рамки привычного стереотипа. В подобных обстоятельствах нелегко сохранить ощущение свободы и внутренней раскрепощенности. Достигнуть этого можно лишь путем преодоления внешних влияний и отказа от общепринятых условностей, чему сопутствует отрицательное отношение к господствующим авторитетам. Только таким способом молодой человек отвоевывал пространство, необходимое для развития его собственной личности.

Юный Гашек буквально каким-то чудом умел освобождаться от воздействия школы и воспитания,

избавляться от всего, что его связывало и ограничивало. Вопреки нередко высказывавшемуся мнению, это свойство не было врожденным, не было каким-то природным инфантилизмом, оно имело под собой серьезную общественную основу. Беззаботность вообще не была определяющей чертой характера Гашека. Его отличали мягкость, чуткость, быстрая смена настроений, умение ускользать из тисков условности. Живая непосредственность молодого Гашека уже сама по себе была бунтом, бегством из гнетущей обстановки.

Чтобы понять смысл этой внутренней раскованности, нужно представить себе тогдашнюю среднюю школу. Средневековые догматы прививались гимназистам как неприкосновенные и святые идеалы. Детей учили любви к «большой» родине, то есть Австро-Венгрии, преданности Габсбургской династии, правящей «по воле божией и с благословения святой римской церкви», что подчеркивалось самим императорским титулом — Апостольское Величество. Эти символы, пустота и безжизненность которых вызывали у чешских граждан австро-венгерской державы особое отвращение, почитались святыней. Подобострастная лояльность преподавательского состава по отношению к династической и церковной верховной власти еще более усиливала чувство протеста.

В 1897 году правительство Бадени под давлением немецких националистов отменило постановление о равноправии чешского языка. Чешская Прага, возмущенная недавней судебной расправой над участниками молодежной организации «Омладина», ответила демонстрациями. Толпы движутся по улицам, распевая революционные песни, громко заявляя о своем несогласии с политикой венского правительства. Дело доходит до стычек с полицией. Это несколько напоминает сорок восьмой год. На Житной улице даже возникла баррикада.

Подросток из обедневшей чиновничьей семьи, воспитанный в духе южночешских мятежных традиций^[2], возбужденно впитывает наэлектризованную атмосферу. Вместе с разбушевавшейся толпой он бьет стекла в Немецком театре, поджигает деревянную ограду немца Плешнера, бросает камни в нусельский полицейский участок. В одном из рассказов Гашек впоследствии вспоминал, что четырнадцатилетним гимназистом был задержан с камнями в кармане, когда конная полиция разгоняла демонстрантов. Его отпустили лишь после того, как он сумел доказать, что камни, служившие вещественным доказательством преступления, составляли часть школьной минералогической коллекции.

В тревожной атмосфере тех лет, наполненной борьбой масс с государственной властью, молодежь проявляет свойственный ей радикализм. Возрождаются чувства, подавлявшиеся в чешском народе в предшествующие десятилетия: ощущение собственной силы, гордости, уверенности в себе. Все это предопределяет позднейшее революционное отношение Гашека к своей эпохе.

Бурные события того года кончились политическим фиаско. Сбитый с толку громкими фразами о цивилизации и прогрессе, народ даже не осознал этого поражения. Но что-то от девяностых годов осталось: горечь, разочарование, утрата иллюзий, да еще вера в непостижимое, набирающее силу массовое движение.

После того как Гашек покинул гимназию, его ждала суровая жизненная школа. Сначала он пытается устроиться в типографию Гааса, где за него ходатайствовал брат отца и опекун Ян Гашек, фактор газеты «Народни политика» («Национальная политика»); но здесь юноша получил отказ. Тогда он нашел место в принадлежавшем пану Кокошке магазине аптекарских и москательных товаров на Перштине. Новая работа была

тесно связана с химикалиями, с химией, которая уже в гимназии стала его коньком. Ему нравится старая лавка в доме «У трех золотых шаров», напоминающая лабораторию алхимика. Здесь неустанно варятся и перемешиваются какие-то «чудесные целебные травы» для скота. Этот фирменный товар владельца заведения продается доверчивым деревенским жителям вместе с изображениями святых. Но вскоре старательный и деятельный практикант вынужден покинуть магазин. На рекламном плакате одной из коров он пририсовал очки и бороду, отчего у пеструхи появилось сходство с хозяином лавки.

После ухода из магазина на Перштинне Ярослав некоторое время служит у Пруши, владельца подобного же заведения на площади Тыла. Но, хлебнув горя во время своего первого знакомства с практической жизнью, охотно возвращается к учебе, поступает в Чехославянское коммерческое училище на Ресселевой улице и в 1899–1902 годах относительно успешно завершает здесь свое образование.

Рождение бродяги

Чехославянское коммерческое училище, по-видимому, отличалось от гимназии лишь тем, что дух австрийского верноподданничества уживался здесь с преклонением перед царским самодержавием. Директор училища, государственный советник д-р Ян Ржержабек, был человеком консервативным. На уроках коммерческой географии, которую Ржержабек преподавал, он требовал, чтобы учащиеся, отвечая, слово в слово повторяли его объяснения. Необычайно скучной дисциплиной было и «учение о добре», или, по определению Гашека, «юмористическое изображение нравственности». Господин государственный советник преподавал этот предмет вместо закона божия.

В той же сатире Гашек весьма скептически высказывается о своих занятиях в училище: «С таким же успехом меня могли бы отдать в школу, где учат подковывать лошадей». Тем не менее он окончил это учебное заведение со свидетельством первой категории. Наилучшие, отличные оценки у него по «реальным» предметам — по химии, технологии, товароведению, политэкономии. Самые плохие отметки (удовлетворительно) — по французскому языку, немецкой корреспонденции и стенографии. Поведение похвальное (высшая оценка).

О подлинных интересах юноши мы из этого свидетельства не узнаем. Судя по некоторым позднейшим высказываниям, он намеревался посвятить себя консульской службе, о чем говорит и его интенсивный интерес к Балканам и странам Дальнего Востока. (К числу его излюбленных книг относятся описания путешествий, например, «Миссионерское путеописание» Гука и Габе, повествующее об их

странствиях по Тибету, Монголии и Северному Китаю.) Однако планы Гашека в тех условиях были неосуществимы. Для поступления на государственную коммерческую или дипломатическую службу требовалось окончить консульскую академию в Вене. А для того чтобы попасть туда, нужно было внести в казну значительную денежную сумму. Не обойтись было и без влиятельных связей. Так что учились здесь лишь сынки дворян да состоятельных буржуа.

Большое значение для дальнейшей судьбы Гашека имело то обстоятельство, что в коммерческом училище преподавались также венгерский и русский языки. Знание венгерского ему пригодилось во время странствий по Верхней и Нижней Венгрии. Русским Гашек тоже овладел весьма основательно, если судить по написанным русской азбукой цитатам в корреспонденции и по тому, что во время пребывания в России он даже пробует писать по-русски для красноармейской печати. В полицейском протоколе, в графе «Знание языков», он перечисляет: немецкий, русский, венгерский, французский, польский.

Педагоги коммерческого училища не оказывают на духовный мир Гашека почти никакого влияния. Чешский язык здесь преподавал старый добряк. Йозеф Гануш^[3], чешскую и немецкую коммерческую корреспонденцию — литературный сотрудник газеты «Народни листы» («Национальная газета») Фердинанд Шульц^[4]. Но как раз по этим предметам у юноши неважные отметки. Он больше сходится с молодым преподавателем английского языка В. А. Юнгом, который хоть и не вел занятий в его классе, но уже был известным переводчиком. В кафе «Тумовка» ученики читали ему свои первые литературные опыты; Гашеку Юнг пророчески предсказал, что когда-нибудь тот станет чешским Марком Твенном.

Приглядимся к внешнему облику юноши на фотографии выпуска коммерческого училища. Лицо у него гладкое, овальной формы, полные щеки, небольшой подбородок тонет в, мягких складках шеи, довольно крупные прилегающие ушные раковины. Нос ровный, прямой, чуть вытянутый, рот маленький, губы выразительно очерченные, но тонкие. Черты нижней части лица мелковаты. В уголках рта чувствуется намек на легкую ироническую улыбку. Приподнятые брови, живые, умные, но немного прищуренные и словно бы скучающие глаза, придающие его добродушному лицу насмешливое и даже саркастическое выражение. Наивный, широко открытый взгляд Ярослав унаследовал от матери, ироническую усмешку — скорее от отца.

Внешне Гашек ничем особенно не выделяется. Друг его молодости Ладислав Гаек рассказывает: «Мы познакомились в коридоре коммерческого суда, вероятно, в 1901 году. У Гашека были темно-карие искристые глаза; он держался скромно, мило рассказывал о своем путешествии в Словакию».

Неукротимый темперамент девятнадцатилетнего молодого человека находит отдушину в каникулярных странствиях по Словакии. Он отправляется туда сразу же после окончания второго курса училища, летом 1900 года. Эти путешествия сыграли важную роль в его жизни, послужив произвольным толчком к литературному творчеству.

Еще раньше братья Гашеки обошли пешком немалый кусок Чехии, но то были всего лишь мальчишеские прогулки. Теперь это настоящее странствие, богатое приключениями. Благодаря содействию «проводника» Яна Чулена, однокашника Ярослава, происходившего из патриотической словацкой семьи, молодые путешественники познакомились с видными словацкими патриотами и будителями^[5] (в частности, с доктором

Душаном Маковицким, позднее — личным врачом Л. Н. Толстого).

У Чулена было ружье, и путники могли скрасить дорогу охотничьими впечатлениями. Из Нитранской Блатницы Ярослав пишет: «Край лесной, полный зверей. Есть здесь медведи и волки. Медведей мы встретили вчера — самца и самку с двумя медвежатами. Чулен в них выстрелил, и они убежали. Волки покажутся и сразу убегают. Они величиной с охотничью собаку».

Двери домов приходских священников-патриотов и двери школ всегда были открыты для молодых путешественников. Тогдашняя словацкая интеллигенция жила идеей чешско-словацкого братства, видела в нем гарантию национального возрождения и помощь в борьбе с насильственной мадьяризацией. Кто же откажет в просьбе о ночлеге бедным студентам, пришедшим из братской Чехии!

Второе каникулярное путешествие в 1901 году началось с обследования галицийских предгорий Татр. Потом братья Гашеки перевалили через горы. Этим восхождением Ярослав очень гордился. Из Липтовского Микулаша он писал домой: «Мы пересекли Татры без проводника. Видели горные озера и шли по дремучим лесам, где нужно было самим прокладывать себе путь, потому что дорог там нет. Пришлось перевалить через горную цепь высотой примерно в 2000 метров...»

Двоюродная сестра Мария, собирающая коллекцию открыток, получает весточку из Брезовой: «Милая Маня, посылаю тебе открытку из Брезовой в Малых Карпатах. Пусть тебе будет так же хорошо, как нам здесь. Малые Карпаты очень красивы и живописны. Всюду леса. Сердечно тебя приветствует Ярослав. Божа также шлет тебе привет». Другая открытка — из окрестностей Трнавы: «Дорогая Маня, привет тебе от путешественников по Венгрии. У нас хорошее настроение, особенно когда мы видим пивоварню и

полное еды блюдо. Таковы впечатления путешественников. Когда на своих двоих доберемся до дому, будет что порассказать».

В Чехии тогда очень интересовались словацкой тематикой. После нескольких лет декадентской самоизоляции молодая поэзия открывает красоту непосредственного переживания, упивается культом земли, черпает вдохновение в природе. Поколение, которое в начале столетия выступает с лозунгом «Да здравствует жизнь!»^[6] и в пику преодоленному символизму добавляет: «Да сгинет литература!», любит поездки в Моравскую Словакию и Словакию. Литераторов этого поколения привлекает сюда красота края и народ вопреки подъяремному существованию сохранивший неукротимый темперамент и удивительную творческую силу. Говорили, будто это область чистой, нетронутой народной культуры, а когда Роден, будучи в гостях у Йожи Упрки^[7], сравнил традиции этой страны с наследием античности, прославлению Словакии не было конца.

Писатель Ян Гавласа, соученик Гашека по гимназии, публикует в газете «Народни листы» путевые рассказы, где изображает область Татр как край экзотической, дикой, романтической красоты. Привлекают внимание и рассказы Казимира Пшервы-Тетмайера, действие которых происходит в галицийских предгорьях Татр. В новеллах польского автора жители гор выступают как цельные натуры с неукротимыми инстинктами.

Очерки, которые пишет Гашек, в сопоставлении с этой чисто экзотической трактовкой словацких мотивов поражают своей конкретностью. В их основе лежит трезвая наблюдательность, репортажная запись реально увиденного. Наряду с удачными пейзажными зарисовками здесь встречаются дословные цитаты из фольклора, элементы диалекта, отрывки из цыганских песен и т. д. Молодой автор избегает приключенческой

фабулы и, следуя журналистской традиции жанра путевого очерка, создает интересные этюды.

В повествовании начинающий писатель опирается на конкретные детали, почерпнутые из собственного жизненного багажа. Поэтому его литературные опыты производят впечатление естественности и оригинальности. Если он отваживается на более широкое обобщение, то подает его афористично, слегка иронически, всего лишь намеком. Вот как он рассуждает, например, о натуре детванцев^[8]: «Кто часто соприкасается с судом, почитается в Детве мудрым человеком.

В какой-то деревне старушка посоветовала пришельцу, интересовавшемуся местными обычаями и нравами, пойти к одному крестьянину: «Ступайте к нему, он уже четыре раза был в Зволене у адвоката и два раза сидел в каталажке, это мудрый человек!»

Впрочем, есть существенное различие между двумя первыми странствиями Гашека по Словакии (1900–1901 гг.) и третьим путешествием в Галицию и Словакию, предпринятым после окончания коммерческого училища в 1902 году.

Перед последним каникулярным путешествием Гашек вынужден написать покорнейшую просьбу о предоставлении места в банке «Славия», чтобы угодить матери. Владея стилем коммерческой корреспонденции, он сочиняет следующее смиренное прошение: «Уважаемой дирекции банка «Славия» в Праге. Нижеозначенный с глубоким почтением позволяет себе просить настоящим письмом уважаемую дирекцию о предоставлении ему места в досточтимом банке «Славия», что соответствовало бы полученному им образованию.

Окончив первую ступень гимназии, я поступил в Чехославянское коммерческое училище в Праге, где

приобрел разнообразнейшие познания, о чем можно судить из прилагаемого аттестата.

Что касается моего личного характера, отсылаю Вас к дирекции училища, которая на Ваш любезный запрос, несомненно, даст обо мне рекомендательный отзыв.

Если мне удастся снискать доверие уважаемой дирекции, я сделаю все возможное, дабы оправдать его самым точным и добросовестным исполнением всех своих обязанностей. С глубочайшим почтением, преданный Вам и т. д.

Крал. Винограды, 23 июля 1902 года».

Между написанным по всем правилам приличия и вежливости прошением и тем, что в это время переживает его автор, зияла пропасть. Видимо, письмо в банк было неверно датировано, потому что 22 июля двоюродная сестра Гашека Мария получает открытку из Брно с изображением крепости Шпильберк — тюрьмы для политических преступников. На открытке подписались три друга — Ярослав, Ян Чулен и Виктор Янота; Богуслав на сей раз остался дома.

Во время третьего странствия Гашек чувствует себя раскованнее. Словакия стала для молодого путешественника второй родиной, местом, где он давал волю своему темпераменту и тяге к приключениям. В самом начале пути он переживает бурный любовный эпизод. Это настоящая любовь бродяги, случайное соединение двух восплававших страстью людей, которое произошло в крае, «где можно несколько часов идти до ближайшей деревни. А если ее и найдешь, так это несколько халуп, затерянных среди гор».

В открытках, которые он посылает с пути, проскальзывает грубоватость. Двоюродную сестру Марию Гашек называет теперь Маришкой, так же как ту девушку, с которой познакомился в одном из горных хуторов. Путевыми впечатлениями он делится лаконично, денег, как настоящий мужчина, требует

настойчиво, даже в угрожающих тонах: «Привет из Штявницы. Возвращаюсь домой. В Бродске выеду 27-го (сентября), и если там не окажется денег, пойду пешком в Боснию и Герцеговину, потом на юг в Грецию и Турцию». Но угрозы эти, разумеется, только шуточные.

Меняется социальный характер странствий. Во время двух первых Гашек — студент, просящий благосклонной поддержки в домах приходских священников и школах. В период третьего путешествия он привыкает к неудобствам, может выспаться где-нибудь в стогу соломы, в копне сена, в ночлежке для бродяг. Еще студентом он умел завязывать разговоры с простыми людьми, с жителями гор — пастухами и подпасками, но всегда оставался туристом-наблюдателем. Между ним и простыми деревенскими жителями возникала некая дистанция, ему не доверяли. Теперь он один из них. Благодаря своей внешности и манерам он обретает мимикрию, необходимую для непосредственного контакта с окружением. Теперь это уже не любопытство и симпатии, а полное слияние с народной средой, интересами которой он начинает жить.

Молодой очеркист Гашек уже не выискивает особенно любопытных фольклорных и географических фактов. В одном из своих тогдашних произведений он подчеркивает: «Нас интересуют не только местная природа. В первую очередь мы хотим узнать народ. Вот почему мы приходим к простым жителям гор». Раньше юношеские путевые впечатления и переживания служили вдохновляющим импульсом для литературного труда. Теперь, наоборот, литературные побуждения и замыслы вызывают в добровольном скитальце желание глубже познать действительность. Это обстоятельство оказывает влияние и на характер подачи жизненного материала.

Благодаря непосредственному общению с народной средой Гашек обнаруживает в ней свойства, которые

остались скрытыми от романтических почитателей народа, потому что таились в слоях повседневной, слишком обыденной для них действительности. Чуждые современной общественной иерархии, жители гор и цыгане кажущимся простодушием, за которым прячется природная смекалка, проведут всякого, кто их презирает и недооценивает.

У хитрецов и плутов из путевых рассказов Гашека уже намечаются швейковские черты. Рассказы эти — реалистические портреты простых людей, руководствующихся особой, своеобразной моралью, далекой от общепринятых законов и правил.

Балканские скитания

В банке «Славия», куда в октябре 1902 года Гашек был принят на незначительную должность, ему становится все неудобнее. Мещанская среда, которую он видел вокруг себя, его отталкивала. Первые успехи в литературе, скорее, впрочем, в журналистике, побуждали к новым скитаниям. Подчиняясь минутному настроению, он несколько раз порывается бежать от размеренной чиновничьей жизни.

Вот как изображает начало одного из странствий Гашека по Словакии Ладислав Гаек: «Приближалась весна 1903 года. Был прекрасный лунный вечер. Гашек вспоминал, как красиво, вероятно, сейчас в Словакии. Мы добрались до Староместской площади, по привычке зашли в чайную Хороуса и немного с ним поболтали. Гашек посмеивался над ним, заставил рассказывать, как Султан, его пес, тянул возок с самоваром... и в довольно веселом настроении мы направились ко мне домой.

Но на Тынской улице, где я жил, Гашек неожиданно остановился, посмотрел на небо, на луну и сказал: «А знаешь, я к тебе сегодня не пойду, не хочу, чтобы св. Петр опять грозил нам пальцем (квартирохозяин Гаека занимался росписью церковных стекол, и в окне у них было вставлено изображение св. Петра. — *Р. П.*), домой тоже не вернусь. Сегодня я получил за сверхурочные, деньги у меня есть, махну-ка ночью в Словакию!»

Как решил, так и сделал. На этот раз ему не удалось исчезнуть бесследно. Брат Богуслав вспомнил адрес приходского священника, у которого они останавливались два года назад. По случайности Ярослав оказался там, и его настигло умоляющее письмо матери. Через несколько дней он ответил, что здоров и скоро вернется. Домой явился без гроша. Пришлось

пообещать матери, что с бродяжьими замашками будет покончено, а в банке униженно просить, чтобы снова приняли на службу. Но вскоре Гашек опять поддается своей страсти, теперь уже окончательно.

Дело в том, что случилось нечто неожиданное. На Балканах после долгого мертвенного покоя началось революционное движение. Вспыхнуло восстание македонских и болгарских крестьян против турецкого господства. Эти события нашли отклик среди радикальной чешской молодежи.

В Праге появился человек, вербовавший волонтеров в отряды балканских повстанцев. Звали его Ян Климеш. Как вспоминает поэт Йозеф Мах, он ходил по пражским кабачкам, произносил патетические речи и призывал всех истинных патриотов отправляться на помощь братьям, сражающимся за Витошей. Под воздействием его агитации трактирный зал постепенно пустел, один только Гашек поддался тяге к приключениям. Он несколько раз посещал Климент, который квартировал у пани Отченашковой на Корунном проспекте, и обсуждал с ним план поездки. Вскоре Климеш уехал в Софию, Гашек будто бы провожал его на вокзал; но о чем они договорились, какие имели тайные намерения, мы не знаем.

В один прекрасный день испуганная мать Ярослава открыла конверт со штампом банка «Славия» и прочла следующее строгое послание: «Пан Гашек, 30 мая Вы не явились в канцелярию, в результате расспросов нам удалось выяснить, что Вы вообще отбыли из Праги, никого не известив ни о месте Вашего пребывания, ни о сроках возвращения. Вследствие этого грубого нарушения служебных обязанностей с сего дня мы увольняем Вас и сим извещаем, что более на Ваши услуги не рассчитываем». Письмо отправлено 3 июня 1903 года.

В тот день угасла последняя надежда матери Гашека на спокойную чиновничью карьеру сына, доступ в приличное общество для него навсегда закрылся. Дома Гашека нет. Куда же он исчез? Действительно ли отправился на Балканы помогать повстанцам, как пишут биографы? Встретился ли в Софии с Климешем, как намекает Мах?

Этот период жизни Гашека едва не остался навсегда тайной. В биографиях о нем большей частью не упоминали или ограничивались неопределенным замечанием. Согласно одной из легенд, Гашек отправился помогать бурам, воевавшим против англичан. Перед этим он якобы устроил в банке сбор пожертвований, прокутил собранные деньги и исчез, оставив на столе лаконичную записку: «Бастую!» Другой мемуарист пишет, что в первых числах июня Гашек уехал куда-то на юг с тремя другими «добровольцами» — Кубином, Штейнбрехером и неким Станей Владыкой. Эти имена свидетельствуют о том, что автор, вероятно, спутал балканскую экспедицию с позднейшим «миссионерским» странствием по Словакии членов партии умеренного прогресса в рамках закона. В более достоверных воспоминаниях Гаека скитания Гашека характеризуются лишь в общих чертах: «Он бродил по Словакии, добрался даже до Венгрии, и где-то там его арестовали за бродяжничество, но затем он снова вышел на свободу, забрел в Польшу, у русской границы переплыл реку, на другом берегу его схватил казачий дозор, и он снова попал под арест».

Интереснее всего, что и сам Гашек о своем балканском приключении говорил неохотно и, если его спрашивали напрямик, отделялся шуткой или мистификацией, словно бы сознательно желая сбить слушателей с толку. О том, что он и в самом деле предпринял какое-то длительное путешествие, мы узнаем из хроникальной заметки, опубликованной летом

1904 года в анархистском журнале «Омладина». В ней сообщалось, что «товарищ Гашек выступает с лекциями о России, Галиции и Венгрии, где действительно побывал». Но о Балканах и Македонии в упомянутой заметке ни слова!

Тем более возрастает наш интерес к этому загадочному путешествию, ставшему одним из ключевых моментов биографии Гашека.

Сопоставим скудные факты, которые имеются в нашем распоряжении. Основываясь на письме дирекции банка «Славия», можно установить дату отъезда Гашека из Праги — 30 мая 1903 года; нам точно известно также, что 6 октября 1903 года он наверняка вернулся. В этот день за какой-то проступок он был доставлен в полицейский участок. Единственным документом, освещающим период между двумя этими датами, был запрос полицейского отделения в Кракове от 28 июля 1903 года, действительно ли «двадцатилетний Ярослав Гашек, сын Йозефа и Катержины, приписан к Праге». В архиве пражского полицейского управления вы найдете следующий ответ: «Вышеозначенный приписан к селу Мыдловары, округ Будейовицы». Ответ был отправлен из Праги 5 сентября 1903 года, только через шесть недель.

Мы на пороге почти детективной загадки. Где был и что делал Гашек все это время?

Для освещения предполагаемого балканского странствия (и других скитаний по Европе) нам недостает дополнительных материалов фактического характера. Поэтому для объяснения этой биографической загадки мы воспользуемся историко-литературным методом.

Реконструируя маршруты странствий молодого Гашека по Словакии, мы убедились, что большинство топографических деталей в его путевых очерках и рассказах совпадает с подлинными впечатлениями автора, подтверждаемыми сохранившейся корреспонденцией. Поэтому методом «географической

реконструкции» мы можем воспользоваться и применительно к его скитаниям по Балканам.

Разумеется, дело на этот раз обстоит значительно сложнее. Некоторые места Гашек посещал неоднократно. Рассказы образуют как бы несколько временных слоев, причем в более поздних новеллах варьируются ранее появлявшиеся мотивы; так что нельзя с точностью определить, к которому из путешествий относится то или иное топографическое указание. С течением времени путевые очерки утрачивают характер репортажа и обогащаются фабулой, характеристикой действующих лиц и теми жанрово-стилистическими особенностями, которые соответствуют отдельным этапам эволюции творчества писателя. Многие путевые очерки позднее приобретают черты политической и социальной сатиры. Для различения временных слоев и датировки рассказов необходим их детальный текстологический анализ. Однако тут возникают дальнейшие осложнения. Иногда автор непоследователен и фактическую точность подчиняет фабуле. Но все это исключения. В целом Гашек в передаче местных названий и примет пейзажа придерживается действительности.

Топографическую реконструкцию можно дополнить сравнительным анализом мотивов. Характерно, например, что мотив реки, «зеленой, как кукурузные поля», всякий раз появляется при изображении района озера Балатон; фигура разбойника Шаваню всегда связана с районом Баконьского леса. Все эти приемы можно успешно применять лишь в том случае, если мы используем их комплексно, сопоставляя и комбинируя данные, полученные при помощи каждого из них. Имея дело с литературным текстом, мы должны все время помнить, что перед нами не биографический документ, а плод творческой фантазии.

Первым литературным произведением, явно относящимся к балканским странствиям, был очерк «В деревенской каталажке», опубликованный 9 октября 1903 года. В нем запечатлена сценка в кутузке деревни Шашвархеш неподалеку от Сегеда и разговор находящихся здесь бродяги, цыгана и деревенского паренька. Своей темой и сюжетом рассказ соответствует тому, что утверждает Гаек: «...добрался даже до Венгрии, где-то там его арестовали...» Однако подтвердить документально название деревни не удалось. Маршрут балканского путешествия отмечен лишь неясными следами в позднейших рассказах. В них фигурирует, например, Славония (рассказ «Старая дорога»), граница Сербии и Боснии (сатира «Ослиная история из Боснии»), турецко-сербское пограничье (холм Мегадите и Вельки Караджинец упоминаются в рассказе «Сербский поп Богумиров и коза муфти Изрима»). Далее мы находим ряд мотивов из области Косова поля. (В рассказе «Как арнаут Эмин Гивар шел креститься» автор повествует о разбойничьих набегах арнаутов и ведет своих героев далеко на юг, в греческий город Янину.)

Сопоставим теперь эти топографические данные с тем, что говорится в гашековской «Истории партии умеренного прогресса в рамках закона», которая является наиболее полным и подлинным автобиографическим источником, хотя и юмористически стилизованным.

Согласно рассказу самого Гашека в Софии он встретился со своим земляком Яном Климешем. Тот заявил, что якобы знает всех предводителей повстанцев. Молодые люди завербовались в повстанческий отряд. Они дали присягу под знаменем свободы и отправились на турецкую границу.

Под Витошей, в маленьком домишке, им выдали старые ружья. Затем отряд двинулся в поход и к вечеру

достиг горы Гарван на границе тогдашней турецкой территории.

Здесь версии друзей расходятся.

В собственных воспоминаниях Климеш описывает героическую битву за гору Гарван и изображает осаду турецкой крепости Монастир (Битола).

Гашек рассказывает нечто совсем иное. Якобы он с Климешем был назначен в передовой дозор. Увидев под горой Гарван костры, разложенные низамами — солдатами регулярной турецкой армии, — они испугались и предпочли сдаться в плен. К счастью, нашелся разумный турецкий офицер, увидевший в поведении обоих «повстанцев» лишь юношеское безрассудство и отправивший их назад, на болгарскую границу. Крепость Монастир в изложении Гашека превращается в монастырь, который они на обратном пути в Софию «взяли приступом» — а именно съели там все, что было возможно. Если принять эту версию, речь, очевидно, идет о Рилском монастыре, сохранившем славянскую литургию и поддерживавшем борьбу за свободу.

Из Софии молодой бродяга не спешит вернуться домой, а предпринимает пароходную экскурсию по Дунаю, перебирается через Трансильванские Альпы и попадает в Трансильванию.

Имелись ли у него какие-нибудь причины для выбора столь кружного пути? Или попросту ему опять «случайно» пришло в голову начать новые приключения? В очерке Гашека «Из Никополя в Руцук» некий немецкий корреспондент бахвалится, как скитался по македонским деревням и какие претерпел тяготы, чтобы на собственном опыте познакомиться с войной, как потом сражался в Дринополе и как бородатый турок ранил его ятаганом.

Все это мистификация. Корреспондент возвращается через Румынию лишь для того, чтобы все подумали,

будто он так долго был на полях сражений в Македонии. Не понадобилось ли и самому Гашеку продлить пребывание на Балканах, чтобы скрыть неуспех своей «военной экспедиции»? Судя по данным, содержащимся в этом репортажном очерке, он сел на пароход, не доезжая Никополя, очевидно, на пристани Черновицы. Дело в том, что здесь кончалась железнодорожная ветка из Софии. Пароходом он скорее всего добрался до Русе; Гашек описывает этот город так подробно, что наверняка действительно в нем побывал. Но он не продолжает путь по Дунаю в Силистру и низменность вокруг Кюстенже (Констанцы), а из Русе поездом отправляется на север.

Дорога из Бухареста в Трансильванские Альпы описана в рассказе «Король румын едет охотиться на медведей».

Горная узкоколейка ведет через румынские города Титу, Питешти, Картеа де Аргес. Последняя станция — городок Есер у подножия горного массива Кымпулунг. Скорее всего здесь Гашек перевалил через Карпаты и вступил в венгерскую часть Трансильвании.

В Верешпатаке он встречается с представителем румынского меньшинства в парламенте — д-ром Владо, близким другом словацкого толстовца Душана Маковицкого, с которым Гашек познакомился еще прежде, во время каникулярных странствий по Словакии.

Пережитое здесь приключение Гашек описывает в рассказе «Господин Го»: «Как раз в это время д-р Владо, изучавший экономическое положение всей страны, путешествовал по Трансильвании, убеждаясь в нищете тамошнего венгерского, румынского и сикуйского ^[9] крестьянства и, напротив, в хозяйственных успехах саксонских колонистов. Властям это было неприятно, потому что д-р Владо в своих статьях, публиковавшихся в румынской газете «Трибуна», вскрывал всю систему

венгерского либерализма и способы экономической защиты трансильванских саксонцев, которые высвободились из-под господства разных либеральных помещиков и еврейских арендаторов, в то время как румынские и сикуйские крестьяне жили в своих полуразвалившихся хижинах в полном подчинении у венгров.

Итак, мы отправились вдвоем из Верешпатака в северо-восточные области Трансильвании.

Видели виноградники с темно-синей лозой, кукурузные поля и персиковые сады. Красивая рама для этой картины жалкой нищеты! Видели румынские хижины в два метра вышиной и три метра длиной. Вместо дверей — проем, вместо трубы — проем, и всюду запах кукурузной каши, единственной пищи людей, работающих на других, потому что собственные их поля, виноградники и сады давно отняты господами».

Из дальнейшего повествования мы узнаем, что оба путешественника остановились в Надья Банья (Бая Маре), в гостинице «Черный камень». Туда явились два жандарма и отвели пришельцев в окружную управу. После краткого разговора с венгерским окружным начальником подозрительные туристы оказались в камере для подсудимых вместе с каким-то разбойником-сикуйем, обвинявшимся в преднамеренном убийстве. Сидя на тюремных нарах, они слушали рассказ этого человека о тайнах дремучих лесов, тянущихся вплоть до границ Буковины.

Область, где берут начало Белая Тиса и Марамушский Сигет, расположенная между горой Говерлой и Родинскими холмами, очаровала Гашека своей романтикой. Отсюда он черпает наиболее поэтичные мотивы позднейших юморесок («Элиндульта Айго Мартон», «Археологические изыскания Бабама» и т. п.). Можно предположить, что Гашек на некоторое время задержался в этих местах, пожалуй, заглянул и на

галицийскую сторону Лесистых Карпат, в окрестности городов Станислав и Коломыя, о чем говорят в его новеллах красочные описания природы и пейзажные детали. (Знание восточной части Галиции еще раз пригодится Гашеку, когда он станет квартирмейстером 11-го маршбатальона, двигавшегося на Сокаль.) Из Буковины долиной Тисы он возвращается в Словакию. Эта область тоже служит местом действия позднейших овеянных романтической экзотикой рассказов.

Восстанавливая картину пребывания Гашека в Словакии, мы можем опереться на свидетельство художника Пацовского, который рассказывает следующий эпизод.

В 1903 году в одном ресторане Детванской округи ему представили Ярослава Гашека. Тот более всего смахивал на бродягу и оборванца. Завязался дружеский разговор. Гашек предложил Пацовскому устроить в Жилине выставку его картин и тут же стал именовать себя «секретарем выставки». В Жилине он действительно познакомил Пацовского с рядом словацких патриотов; побывали и в гостях у доктора Душана Маковицкого.

Этим балканская одиссея не заканчивается. Видимо, Ярослав Гашек ни за что на свете не хотел возвращаться в Прагу.

Он пешком перевалил через Татры и, пройдя затем Закопане, Новы-Тарг, Мысленице, попал в Краков. Припомним теперь приводившийся выше запрос. Полицейское отделение интересуется, куда приписан Гашек; как известно, такие данные требовались от бродяг и преступников. Следовательно, это означает, что Гашек был арестован. За что?

Судя по донесению полицейского отделения в Кракове, он находился здесь с июля 1903 года почти до сентября. Почему так долго?

Ответить на этот вопрос в какой-то мере позволяет рассказ «Прогулка через границу». Согласно изложенной здесь версии в Закопане Гашек познакомился с молодым археологом, который разыскивал курганы неизвестного племени, в древности обитавшего в сих местах. Вместе они дошли до Кракова и в его окрестностях стали расспрашивать Мазуров об этих курганах. На русской границе, у Босотова, за Красным камнем, их задержал казачий разъезд. Поскольку они не смогли предъявить «вид на жительство» и не имели денег на обязательную в таких случаях взятку, казаки привели их в Мехов и посадили в «темную». Оттуда один из потерпевших был якобы переведен в Кельце, где находилась большая тюрьма, а другой даже в Киев.

Теперь попытаемся заменить юмористический, анекдотический сюжет рассказа биографическими фактами. После бесславного македонского приключения Гашек решил во что бы то ни стало покинуть Австрию. Раз это не удалось на юге, он задумывает перейти северо-восточную границу Галиции. Очевидно, он хотел пройти по следам галицийских контрабандистов, как писал об этом в рассказе «Случай со старостой Томашем»: «Кто миновал первые посты, еще не выиграл дела. Между пограничной караулкой и Меховом, где контрабандисты обычно продавали из-под полы перенесенный через границу товар, находится еще один пост, а на шоссе и тропах полно русских жандармских патрулей в белых штанах...» Возможно, он попытался переплыть пограничную реку Вислу. Но его задержали и отправили в Краков. Там он был посажен в тюрьму до получения ответа на запрос, а ответ этот, как мы уже говорили, задержался. Так маленькая «прогулка через границу» затянулась более чем на месяц.

Некоторое время Гашеку пришлось провести в «Королевской городской тюрьме» над Вислой (позже он

изобразит этот эпизод в рассказе «Среди бродяг») в ожидании, когда из дому придут деньги на дорогу. А поскольку деньги долго не приходили, он отправился пешком через Моравскую Оставу и Фридек. Там его, как нищего бродягу, снова арестовали: «Я возвращался тогда из Польши пешком — через Тешин, Фридек и Мораву. Во Фридек явился в таком виде, что меня взяли под стражу и не сразу отпустили...»

Очевидно, тот же бродяжий опыт Гашек имеет в виду, когда замечает в одном из позднейших писем: «...я странствовал по Мораве точно безработный и выпрашивал кнедлики». В Гельфштине-на-Мораве обнищавшего странника приютила семья директора местной школы Гайниша. Его умыли, накормили, дали поношенные брюки, оставшиеся после умершего местного учителя, благодаря чему пражский «писатель» приобрел несколько более приличный вид. Во время прогулки в местный замок Ярослав поранил руку, и дочь директора Славка ухаживала за ним. Так возникло знакомство, о продолжении которого вы узнаете позднее.

Когда после балканских походов Гашек наконец появляется в Праге, он рассказывает истории, кажущиеся невероятными. Ближайшие друзья заметили в нем большие перемены. В обществе бродяг он приобрел склонность к сливовице и другим крепким напиткам. Привык много курить и — что особенно поражало — начал жевать табак. Его грубые манеры шокировали даже богемную среду. О возвращении в канцелярию не могло быть и речи.

«Искать приключения, скитаться, сидеть в трактире или корчме самого низкого пошиба, разговаривать с незнакомыми людьми, рассказывать им всякую всячину, слушать их рассказы, узнавать разные истории — все это было написано Гашеку на роду, и он тщетно

противился своей судьбе. Ничего он не мог с собой поделаться», — делает вывод Гаек.

Скитания, авантурные побеги из тесных рамок обыденности становятся в ту пору идеалом молодежи.

Молодые литераторы читали «босаяцкие» рассказы Горького и хотели подражать ему в жизни и творчестве. Бродяжничество стало видом протеста против ханжеской морали, выражением томительной тоски по настоящей, полнокровной жизни, способом добиться свободы. Но мало у кого хватало смелости проверить эти идеалы на собственном опыте, мало у кого хватало выдержки снести холодный душ разочарования, отрезвляюще действующего на разгоряченные головы. Вот почему рассказы Гашека о бродягах отмечены меланхолией и горьким скепсисом. Только позднее в гашековском изображении бродяг появляется мудрый, снисходительный юмор. Но до тех пор Гашеку еще предстояли новые странствия по Европе.

«Экскурсия» в Баварию

В Чехии молодому путешественнику нечем дышать, он не в силах мириться с обывательской ограниченностью. Его раздражают постоянные упреки матери, которая не может простить, что он бросил хорошо оплачиваемое место. Окружающие хоть и ценят его литературный талант, но все время советуют куда-нибудь устроиться, как-то приспособиться.

А Гашеку противны спокойствие и безразличие толстосумов и бюрократов. Он умышленно провоцирует, дразнит своими выходками носителей мещанской морали и ощущает родство с бедняками, которые так же, как он, вырваны из родных гнезд, отданы на произвол суровой жизни, тяготятся неуверенностью в завтрашнем дне и тем не менее остаются людьми. После балканского странствия что-то в нем надломилось. Писатель разом избавляется от романтических представлений о гармоничном единении человека с природой, присущих его первым путевым новеллам. Теперь ему импонирует в бродягах циничная издевка над общепринятыми ценностями.

Если во время балканского путешествия Гашек опускается на самое дно общества, то делает это без какой бы то ни было нарочитости, по влечению натуры. Он упивается широтой собственных воззрений, позволяющих ему нарушать всяческие границы — стран, краев, общественной иерархии. Своим пытливым взглядом он открывает изменную, суровую, неприкрашенную действительность. Его привлекают инстинктивные, подчас жестокие проявления народного темперамента, нарушающие общественные табу и обнаруживающие поэзию естественной жизни, о которой добропорядочные австрийские граждане не имеют

понятия. Ощущение бездомности пробуждает в нем симпатии к бродягам и скитальцам — ведь они свободны так же, как он, потому что им нечего терять.

В путевых рассказах находят применение, казалось бы, прямо противоположные творческие принципы: романтическая тяга к вольной жизни, к приключениям и обостренное внимание к конкретной, реальной детали, трезвое видение действительности.

Жизнь Гашека тоже протекает между этими двумя полюсами. Стихийный энтузиазм пробуждает в нем революционную активность. Таково, например, решение отправиться на помощь сражающимся балканским повстанцам. Однако вскоре ему приходится убедиться в иллюзорности собственных представлений, и он поддается нигилистическим настроениям.

Противоречие между радикальными убеждениями и импульсивным скенсисом — важнейший признак духовной эволюции Гашека. Его взгляд на жизнь и поступки порой мотивированы не рассудком, не сознательными намерениями, а детской непосредственностью. Поэтому некоторые его поступки кажутся необъяснимыми и часто получают взаимоисключающие толкования. Неосознанность поведения — действительная или притворная — представляла собой надежную защиту от неблагоприятных воздействий окружающего мира.

Своеобразные черты характера молодого писателя определяют позднейший миф о бродяге и короле богемы, рождающийся в кофейнях, винных погребках, во время его скитаний по ночной Праге. В этом Гашек тоже был необычайно последователен. Богема не была для него эпизодом, характерным лишь для неперебродившей молодости; в ту пору Гашек — всем своим существом человек богемного склада. И кажется, уже никогда не сможет стать иным.

Его богемной репутации способствовали и неустанные стычки с полицией. Большею частью речь идет о молодой несдержанности, а не о сознательном общественном протесте. Его дело в архиве полицейского управления дает материал для довольно внушительного тома. Здесь содержатся свидетельства о совершенно невинных проступках, но многое говорит и о намерении спровоцировать, нарушить существующие порядки.

Некоторые донесения трудно принимать всерьез. Вот одно из них: «Императорско-королевский старший полицейский Вацлав Шмид 6 октября 1903 года в четверть десятого вечера доставил в полицейский участок писателя Ярослава Гашека, 21-го года, проживающего в доме № 195 на Крал. Виноградах, поскольку вышеозначенный в нетрезвом состоянии справлял малую нужду перед зданием полицейского управления на Поштовской улице» (после слова «справлял» какой-то доброжелатель вычеркнул продолжение — «что вызвало сильное возмущение прохожих»). Очевидно, и среди полицейских чиновников у писателя были симпатизирующие ему люди, ибо в ряде других случаев протокол ретушируется таким же образом).

Этот эпизод имел забавный судебный эпилог. Дело в том, что за порчу мостовой Гашек был присужден к денежному штрафу, а при неуплате оногo — к шести часам тюремного заключения. Но за три года пражский магистрат так и не нашел возможности взыскать с него штраф. Сначала правонарушитель скрылся, и полиция тщетно пыталась установить его адрес. А когда Гашек наконец был найден и суд распорядился конфисковать у него на соответствующую сумму имущество, все старания властей ни к чему не привели, поскольку виновный оказался абсолютно неимущим. Гашек еще и заработал на этом инциденте, написав о нем юмореску.

Другие его правонарушения тоже становились материалом для литературных сюжетов. В основе юморески «Параграф 468 уголовного кодекса» лежит провинность, за которую он опять же был присужден к штрафу: «Ярослав Гашек был доставлен в участок полицейскими Франтишеком Патеком и Карелом Шпачеком, ибо в ночь на 1 апреля 1904 года в состоянии легкого опьянения повредил две железные загородки, защищающие деревья. Для возбуждения дела необходимы сведения о размерах убытка».

Судя по очередному полицейскому рапорту, Гашек опять надолго исчез из Праги. Полицейскому, пытавшемуся установить его адрес, мать Гашека в июле 1904 года сообщает, что ее сын последнее время жил в Ломе у Духцова. Никаких более точных сведений у нее нет.

Лом у Духцова был оплотом северочешских горняков-анархистов. Пребывание здесь Гашека связано с его участием в анархистском движении.

Согласно представлениям анархистов освобождение масс невозможно, пока не обретет свободу личность. Краеугольный камень марксизма — массы, освобождение которых является главным условием освобождения личности. Интересам революции анархистское учение наносит большой вред, и В. И. Ленин неоднократно резко критиковал его. Однако в отличие от русского анархизма у анархистского движения в Чехии были в начале века и некоторые положительные черты.

Оживление анархизма в Чехии было реакцией на серию политических неудач радикально-прогрессистской организации «Омладина» и социал-демократических реформистов. Однако для Гашека важнее была «позитивная» черта анархизма — акцентирование необходимости действия, отрицание габсбургского государства. Анархический призыв к

активности и «революционному» освобождению личности воспринимается им как прямой контраст сухому псевдомарксистскому эволюционизму, которым была тогда проникнута социал-демократическая пропаганда.

Вот почему анархизм имел для предвоенной Чехии бесспорное общественное и культурное значение. Он оказывает влияние на молодую бунтарскую поэзию. Принцип личного участия в социальной борьбе привлекает и таких писателей, как Иван Ольбрахт^[10] и Мария Майерова^[11], которые сотрудничали тогда в социал-демократических рабочих газетах. Кроме того, анархисты старались сделать художественное творчество доступным массам, опираясь при этом на культурные традиции «чешских братьев»^[12], укоренившиеся прежде всего среди горняков и ткачей чешского севера.

Анархистское всеотрицание вызвало новую волну критицизма, выходящего на этот раз за рамки индивидуалистского скепсиса, свойственного поколению девяностых годов, ибо теперь этот критицизм направлен против общественных и нравственных устоев современной жизни в целом. Страстная, эмоциональная форма, в которую облачают свою программу ведущие теоретики анархизма, в частности Кропоткин, также во многом способствовала пробуждению интереса к политике. Группа литераторов, объединившаяся вокруг журнала «Новы культ», который редактировал С. К. Нейман^[13], устраивает собрания и лекции. И молодежь, присутствующая на них, жадно впитывает анархистские идеи. Все были убеждены, что эра социального братства, которая наступит после свержения капитала, явится одновременно воплощением «новой красоты»^[14].

В начале творческого пути Гашек проявлял сочувствие угнетенным, сочиняя стихи в традициях поэзии, печатавшейся обычно на страницах социал-демократических газет и календарей.

Но вскоре он отверг этот вид «социальной литературы», противоречивший его революционным убеждениям и жизненному опыту. Вся предшествующая жизнь сближает его с радикальными течениями, призывавшими к бунту против деспотических режимов. (Еще когда он студентом оказался в словацком городке Пуканец, его сочли панславистским шпионом и анархистом. Участие в борьбе македонских повстанцев также способствовало установлению контактов с анархистскими группами.) По воспоминаниям Ладислава Гаека, Гашек и внешне старался подчеркнуть свой радикализм: отрастил усы, носил длинные волосы и черную сербскую фуражку — знак причастности к антиавстрийскому славянскому сопротивлению.

Да и сами исторические события пробуждали революционные настроения.

В начале 1904 года вспыхнула русско-японская война. Чешскую общественность взволновали сообщения об упорных боях, которые русские войска вели в Маньчжурии. В журнале «Светозор» («Всемирное обозрение») появились первые фотоснимки военных корреспондентов. 22 февраля 1904 года пражские городские советники устроили перед православным храмом св. Николая публичный молебен во славу русского оружия. Анархистская и социал-демократическая молодежь замешалась в ряды молящихся и выкриками «Долой царя! Позор царю!» старалась дискредитировать церемонию. Среди молодых людей, пытавшихся сорвать манифестацию чешских буржуа, был и Ярослав Гашек. Воодушевленный нарастающим политическим брожением, Гашек вместе с тогдашним редактором анархистского журнала

«Омладина» Бедржихом Калиной уезжает в Лом у Духцова агитировать горняков.

В начале июля 1904 года мы находим его в редакции этого северочешского анархистского журнала. Он спит на матрасе в помещении редакции; в соседней комнате живет ответственный редактор со своей семьей. Первая же ночь проходит бурно. Через час после полуночи слышатся шаги и кто-то грохает ногой в дверь. Это жандармы. Они будят заспанного новичка и приступают к допросу. Тем временем другие жандармы обыскивают помещение. Выпотрошив матрас, отпарывают подкладку пиджака, заглядывают даже в плевательницы. В комнате, где живет семья ответственного редактора, подвергают придирчивому обследованию детскую коляску.

От более опытных анархистов новичок узнает, что такие визиты в редакции «Омладины» не новость, их наносят почти ежедневно. Полиция ищет зажигательные бомбы и мятежные листовки.

Но опасность не отпугивает молодого бунтаря; он усердно помогает в редакции. На велосипеде развозит по шахтам северочешского бассейна кипы газет и пачки листовок. Согласно одному свидетельству некоторое время, чтобы как-то просуществовать, он работал на шахте «Бар-бора» в поселке Катцендорф, между Ениковом и Коштянами. Но выдержал там недолго.

Первоначально Гашек относится к своему участию в движении серьезно и честно: выступает на собраниях, распространяет революционные печатные издания, читает лекции по политической географии. Однако через несколько недель он понимает, что вся анархистская конспирация невероятно наивна и примитивна. За спиной грамотных, начитанных северочешских горняков и ткачей здесь так же, как и в других партиях, делают карьеру политические проходимцы и авантюристы.

Едва раздобыв немного денег, Ярослав покидает редакцию «Омладины» и пускается в свободные, веселые, беззаботные скитания по Европе, на сей раз — по Южной Германии.

Путь Гашека мы снова должны с большим трудом восстанавливать, руководствуясь отдельными расплывчатыми следами в его рассказах. Из Лома он отправился на юго-запад, в Германию. Где-то на равнине между Спальтом и Нюрнбергом нанялся на сбор хмеля. И то ли на заработанные деньги, то ли на присланный из дому гонорар продолжает свою «экскурсию» в Баварию — по шоссе, ведущему вдоль Дуная из Регенсбурга в Аахен.

Если судить по путевым мотивам в рассказах Гашека, это странствие носило более вольготный, прогулочный характер. В вещах, написанных во время баварского путешествия, исчезают безнадежность и меланхолия, ранее типичные для изображения жизни гашековских бродяг. В свежих зарисовках путевых впечатлений преобладает юмор, раскованность, стихийная радость, вызванная интересными, неожиданными явлениями, необычными встречами с бравыми, добродушными и флегматичными швабами и баварцами.

Выдержал ли Гашек первоначально намеченный маршрут баварского путешествия — на Ингольштадт, Нейбург, Хохштадт, Тиллинген и оттуда на Ульм и Линдау в Швейцарии — сейчас установить трудно. Может быть, он и в самом деле бродил в окрестностях Боденского озера или где-нибудь у подножия бернских Альп. Может быть, пил вино у ресторатора в Берне. Может быть, не устоял перед альпинистским соблазном и попытался подняться на близлежащую гору Мозертшгитц, как об этом рассказано в удачной юмореске.

Мы даже не знаем, каким образом он попал на регенсбургское шоссе. Там у него кончились деньги, и из любознательного путешественника ему снова пришлось превратиться в полунищего бродягу: «От регенсбургской Валгаллы^[15] я шел тогда то по одному, то по другому берегу реки Реген, минуя города Хам и Эшельканн в Баварии, а оттуда по естественному проходу между горами — к четпской границе и по домажлицкому шоссе — к Новой Кдыни. По этой дороге приходишь к маленькому костелу св. Вацлава в Бродеке... потом я спускался от Бро-дека по Шумаве к Тахову, а от Тахова двинулся в глубь страны, пока не добрался до юга Чехии, откуда вышли божьи воины^[16]».

Надежным свидетельством того, каким путем Гашек возвращался из «экскурсии» в Баварию, бесспорно, служит рассказ «Большой день», в котором автор изображает непродолжительную остановку в Домажлицах, у старого друга Ладислава Гаека. Он предупредил о себе письмом, где обрисовал свой довольно плачевный вид: «Я немного странно выгляжу, потому как сапоги у меня разбиты, да и одежда тоже не слишком презентабельна. Пишу тебе, чтобы меня не выпроводили из вашего дома, если я приду в твое отсутствие. Передай, пожалуйста, домочадцам, что если у вас появится тип, смахивающий на бродягу, то вы можете опознать меня по совершенно утратившей форму фетровой шляпе, за тульей которой — три длинных вороньих пера». Ладислав Гаек, в ту пору практикант домажлицкой ссудной кассы, вспоминает странное одеяние Гашека: он появился в рваных обносках, в слишком просторных серых штанах, полученных от баварского жандарма. Удивленной семье директора ссудной кассы, где служил его друг, он рассказывал о бродяжнических приключениях, да так мило, что все были совершенно очарованы. В Домажлицах Гашек пробыл около двух недель и

прочитал лекцию о своих странствиях в местном студенческом кружке. Когда хозяин дружески напомнил Гашеку, что его, наверно, заждались дома, тот обиделся и уехал в Прагу, предварительно одолжив деньги у композитора Индржиха Индржиха.

В начале октября 1904 года Гашек снова появился на пражских улицах.

Творчество за аванс

В родном городе Гашека в начале столетия было примерно полмиллиона жителей. И сюда проникает дух нового времени, входят в быт новейшие изобретения: по улицам грохочут электрические трамваи инженера Кршижека, по Влтаве плывут пароходики судовладельца Ланны, квартиры все чаще освещаются газом и электричеством. Развиваются кино и радио. Мир словно бы становится меньше. Возникает впечатление, что его будущее решат разум, наука, техника.

Но промышленный и технический подъем тормозится отсталым общественным устройством. В австрийской монархии Прага могла быть главным городом провинции и ничем более; пожалуй, именно поэтому в ней столько контрастов и резких противоречий. Жители ее видят церковные празднества и династические обряды, отправляемые согласно пышному католическому ритуалу; и вместе с тем с запада сюда проникают свободомыслие и атеистическая философия. Противоречия сквозят и в архитектурном облике города. Рядом с ветхими, старыми домишками и улочками, которые нуждаются в срочном санитарном благоустройстве, возникают современные дворцы и здания. Национальное движение, несмотря на значительные организационные успехи, выразившиеся прежде всего в основании патриотической спортивной организации «Сокол», а также в проведении этнографической и промышленной выставок^[17], не добилось ни малейших политических гарантий. Наоборот, еще более укрепляет свои позиции влиятельное немецкое меньшинство; чешская Прага живет в состоянии вечной неуверенности, отчего растут беспокойство и нервозность.

Кричащие контрасты и состояние неустойчивости вызывают в молодежи чувство разочарования и неприятия всего окружающего. Поэтому она стремится бежать в мир, где жизнь еще не утратила целостности и гармонии, в мир природы.

В путевых очерках из жизни спишских цыган и татранских пастухов Гашек инстинктивно нащупал элементы гармонии, противостоящей губительному воздействию цивилизации. Однако эти его произведения оказываются на обочине современного литературного процесса, своей тематикой скорее напоминая деревенскую романтическую новеллу более раннего периода. Не отличаются они и стилистическим своеобразием. Непосредственность и свежесть авторского видения мира остались почти незамеченными.

На рубеже столетий неперенным содержанием всякого литературного дебюта был бунт против существующего миропорядка, социальных условий, общепринятых эстетических норм.

Это была эпоха идейного и художественного брожения. В прокуренных кафе и винных погребках возникали литературные группы, основывались журналы, но редко когда выходило больше нескольких первых номеров. Поэт согласно тогдашним представлениям должен отстаивать свою личность, причем прежде всего в культурно-организаторской сфере, что большей частью выражалось в составлении различных программ и манифестов. Литература, порожденная волной общественного подъема, с самого начала распадается на два течения — индивидуалистское и коллективистское. В творчестве выражением этого противоречия становится, с одной стороны, бунтарский протест личности, с другой — апофеоз толп.

Новые пути в искусстве обычно прокладываются во имя нового видения реальности, нового сближения с нею. «Новая красота» была не только лозунгом литературного направления, но и толковалась как новый подход к жизни, новый взгляд на действительность. Над декадентской усталостью торжествует философия радостного приятия жизни, основой которой вопреки разочарованию в современном обществе служит подлинность чувств, естественная простота.

Молодому поколению близка поза гуляки и бродяги, основная черта которого — отвращение к лицемерной морали, налет эротического цинизма, намеренное низвержение прежних литературных ценностей. Художники изучают быт предместий, поэты не чураются кафешантанной песенки, и все они в любую минуту готовы отказаться от литературного успеха и практической карьеры.

Умудренный своим бродяжническим опытом, Гашек после неудачной балканской экспедиции воспринимает воодушевление друзей несколько скептически и сдержанно. Он становится подлинным бродягой, свыкается с богемной средой, ощущает себя отверженным, и это чувство усиливается первоначальным литературным неуспехом.

Доминирующим жанром в ту пору была лирика. Тот, кто хотел стать признанным литератором, должен был пусть даже на собственные средства издать сборник стихов.

На первых порах Гашек тоже пожелал заслужить таким путем литературное признание.

В коммерческом училище он познакомился с неким Станиславом Минаржиком, который издавал ученический гектографированный журнал, а позднее подружился с Ладиславом Гаеком, таким же литературным новобранцем, и издал с ним совместный сборник стихов. Этот сборник был задуман как

ироническое, в духе Й. С. Махара^[18], подтрунивание над читательницами любовной поэзии. Книга носит насмешливое название «Майские выкрики» и примечательна лишь тем, что один из авторов печатался на четных страницах, а другой — на нечетных. Сборник был издан их оборотистым однокашником Сольхом. Предприятие потерпело полное финансовое фиаско, пришлось Сольху в отцовской мелочной лавочке зарабатывать деньги на уплату типографского долга.

Однако Гашек не сразу отказался от литературных притязаний. На пороге нового столетия группа молодых лириков решила основать содружество, получившее поэтическое название «Сиринга». Это образное название заимствовано из греческой мифологии. Уродливый фавн Пан пытался овладеть прекрасной нимфой Сирингой, которая укрылась от него в реке. Вместо Сиринги он успел схватить лишь несколько стеблей тростника, сделал из тростника флейту и попытался извлечь из нее хотя бы эхо исчезнувшей нимфы. Эту легенду пересказал с тонкой печалью современного человека французский символист Жюль Лафорг. Название «Сиринга», напоминая о несбыточности мечты, выражало дух эпохи. Но молодого, иронически настроенного Гашека во всей легенде привлекала лишь та реалистическая деталь, что бог Пан пас свиней. В позднейшем мемуарном наброске он цинично называет инструмент Пана «флейтой свинопаса».

Отношение Гашека к этой группе характеризует история, которую рассказывает его друг, поэт Франтишек Гельнер:

«Первое организационное собрание молодого литературного содружества было созвано в начале месяца. Мой приятель Ярослав Г. тоже был приглашен.

Войдя в ресторацию, название которой ему сообщили устно или письменно, он увидел нескольких безбородых юнцов, скромно сидевших за большими и

маленькими кружками пива. Ярослав Г. сел за отдельный столик, потребовал меню и заказал судака. Первая кружка пива была выпита залпом, а на столе уже стояла другая. Волна удивления и трепета пробежала по лицам скромных молодых людей.

Один бледный юноша поднялся с места. Представился. Мой друг назвал свое имя. Бледный юноша в нескольких сердечных словах выразил радость по поводу знакомства и, понизив голос, попросил одолжить одну крону. Ярослав Г. (который тогда только что поступил на службу в банк и получал жалованье) сунул руку в карман жилета и удовлетворил его просьбу.

Через несколько минут встал со своего места другой подающий надежды писатель. Опять взаимное представление и просьба выручить. Мой друг и на этот раз оправдал надежды. Но когда к нему подошел четвертый проситель, наш меценат с месячным окладом в 60–80 крон изобразил рукой знак сожаления и произнес: «Простите, но я по случайности захватил всего лишь пятерку, а этого мне только-только хватает на ужин». После сих слов новая волна трепетного удивления пробежала по лицам молодых писателей».

Через некоторое время группа начала издавать журнал «Модерни живот» («Современная жизнь»). Эпиграфом к первому номеру служила цитата из поэтического сборника Й. С. Махара «Confiteor» («Исповедь»), направленная против ложнопатриотического пафоса в литературе и общественной жизни. Страницы журнала «Модерни живот» свидетельствуют о стремлении молодой поэзии выйти за рамки символистской лирики, но под пером дебютантов эти попытки эстетического бунта превращались в нарочитую манерность. Только на второй год издания сюда проникают мятежные молодые голоса Франи Шрамека^[19] и Карела Томана^[20].

Председателем кружка был Роман Гашек, чиновник уголовной полиции, двоюродный брат Ярослава. Однако это родство не помешало появлению в журнале «Модерни живот» острокритической рецензии на «Майские выкрики».

После столь резкой отповеди Гашек никогда больше не осмеливался печатать свои стихотворения.

Не пытался он и установить контакты с какими бы то ни было литературными группами. За недооценку и пренебрежение мстил апатичным безразличием ко всяким творческим вопросам. Писатель Франтишек Лангер^[21] вспоминает: «В отличие от остальных Гашек не проявлял никакого интереса к романтикам, иллюзионистам, интеллектуалам и мятущимся гениям, произведения которых составляли «Библиотеку избранных авторов», «Современную библиотеку» и тому подобные издательские серии, считавшиеся в кругу тогдашней молодежи обязательным чтением литературно образованного человека. Особенно мало интересовался он поэзией, между тем как в кафе «Деминка» поэты цитировали Бодлера и Вердена порой даже в оригинале. Если не считать нескольких издевательских отзывов о декадентских романах своих сверстников, Гашек демонстративно игнорировал литературные проблемы. Примечателен следующий эпизод. Какой-то молодой поэт спросил Гашека, что тот думает о его недавно изданном лирическом сборнике. «Во-первых, я его не читал, — с олимпийской невозмутимостью ответил Гашек, — а во-вторых, это вообще глупость».

Под влиянием глубокого общественного разочарования Гашек отвергает и любую погоню за литературной славой. Этому способствовала также детская непосредственность его характера — ему нужно было видеть сиюминутный успех. Он с легкостью принял удел автора второго разряда, никогда даже не пытаясь

что-либо изменить в своем положении. Заявлял, что таланта и терпения у него хватает лишь на короткую юмореску.

Из творчества Гашек сделал ремесло. Вскоре он стал самым популярным и читаемым юмористом своего времени, заполнив развлекательные рубрики ежедневных газет и еженедельников, юмористические журналы, семейные и военные календари, словно бы намереваясь количеством подменить недостаток качества. Для него важно одно: чтобы вещь была принята в печать, а ему выплатили задаток под будущий гонорар. Гашек не скрывает того почти святотатственного с точки зрения тогдашних литературных кругов обстоятельства, что пишет исключительно ради денег.

Он даже не стремится удержаться на стилистическом уровне своих путевых рассказов и очерков. Легко воспринимает навыки и схемы жанровой юморески, ее без конца повторяющиеся сюжеты и характеры — отвергнутых поклонников, чудаковатых родителей невесты, рассеянных ученых. Фон тоже отнюдь не отличается колоритностью. Все венчает гротескная анекдотическая развязка, которую читатель явно ожидает и которая достойна этого читателя, Гашек беззастенчиво повторяет фабулы, заимствованные из календарей для простонародья, старается угодить вкусу широкой публики. Он только добродушно улыбается, когда его называют одним из второстепенных авторов чешской юморески.

В его корреспонденции мы преимущественно находим юмористические характеристики. Например: «За одно юмористическое стихотворение Скрузный ^[22] гнал Гаека из кафе «Тумовка» вдоль всей Спаленой улицы. Однажды Гаек принес ему рассказ «Как пан Кутилек купил несгораемый шкаф»... с тех пор Скрузный недомогает».

Даже в дружеской компании Гашек не стал авторитетом, хотя в нее входят лишь заурядные литераторы. Их взаимоотношения метко характеризует Иржи Маген^[23]: «Тем не менее существовали люди, для которых Г. Р. Опоченский^[24] был гением, а Гашек каким-то Санчо Пансой. Мы знали: он носит по всем редакциям разную белиберду, издал вместе с Гаеком какие-то неудачные стихи и, несмотря на эту неудачу, кропает что-то новое, и черт знает что еще из этого получится. В результате в Гашека как-то не верили. А порой между ним и окружением обнаруживалась пропасть, через которую никто не решался перешагнуть».

Эта непреодолимая пропасть возникла из-за характерного для него необыкновенно тесного слияния жизни и литературы. Если для других богемные привычки, манеры га-мена и насмешника были всего лишь красивой позой, данью поэтической моде, Гашек и тут был необычайно последователен. Для него все это стало самой жизнью, общественной позицией. Его кажущаяся безответственность по отношению к себе и окружающим на самом деле является выражением никем не подозреваемой творческой ответственности.

Избавленный от обязательств и необходимости с чем-либо считаться, он использует поэтические источники своего по-детски непосредственного видения: тягостные и жестокие наблюдения мгновенно переводятся в комическую плоскость. Нерасчетливо растрачивающий свой талант и в чем-то напоминая Рембо, он становится «божественным озорником» чешской литературы.

Можно было подумать, что литературное творчество служит для него проявлением бесцельной активности, игрой, поводом для забавы и внутреннего освобождения, так же как шутка или трактирная болтовня. Ему вообще неважно, где писать — хотя бы посреди трактирного веселья или в кругу товарищей.

Новые рассказы он, едва просохнут чернила, посылает в редакции, чтобы задатком или гонораром заплатить за себя и своих приятелей.

Чтобы доказать, что он не придает значения литературному имени, Гашек подписывает юморески фамилиями друзей и различными псевдонимами. Иногда, это вымышленные имена, иногда подлинные: фамилии почтенных пражских коммерсантов, увиденные на вывеске или среди газетных объявлений.

Но раскованность поведения становится раскованностью творческой. Ею заново освещается серый облик повседневности, придается форма, казалось бы, непостижимой и неуловимой бесформенной материи. Гашек и раньше замечал, что современный человек лишен естественности, что ее нужно искать, настойчиво открывать среди обманчивых фетишей и иллюзий. Поэтому его и притягивали некоторые романтические уголки Европы, до сих пор не затронутые цивилизацией.

Однако куда легче находить новые впечатления в экзотической обстановке, чем переносить утомительные будни, противоборствовать их однообразию. Вот почему искусство новой эпохи больше всего ценит отвагу, способную под пеплом и наносами банальной обыденности раздуть угольки естественного, живого чувства, высечь искры юмористической фантазии, которые острают и поэтизируют жизнь.

У Гашека такая отвага была. Заурядная юмористическая продукция превращается у него в юмористическое творчество, в искусство.

Богемные развлечения перестают быть всего лишь подготовительной стадией творческой активности, становятся прямой литературной деятельностью, открывая Гашеку неисчерпаемый источник вдохновения, давая выход подспудным силам искусства, стирая границу между жизнью и литературой.

Оригинальность Гашека была загадкой и для его сверстников. Позднее Иржи Маген написал о нем: «Порой мы страшно любили Гашека, потому что он и в самом деле был живым воплощением юмора. Он, пожалуй, нас не любил, потому что мы играли в литераторов. Я даже убежден в этом. Но весь комизм ситуации заключается в том, что он делал литературу гораздо интенсивнее, чем все мы; собственно, он был литератором, а мы всеми силами противились тому, чтобы целиком посвятить себя литературе».

В начале столетия голос Гашека теряется среди тех, кто шумно заявлял о своем бунте. Лишь спустя годы окажется, что он сделал больше их: он этот бунт осуществил.

Миссионерское странствие

Мемуары Ладислава Гаека немало значат для нашего документального повествования; автор принадлежит к числу самых близких друзей молодого Гашека. В своей книге Гаек хотел восстановить в глазах общественности истину, изобразить Гашека достоверно, таким, каким он его видел и знал.

Эти воспоминания содержат ряд интересных подробностей. По свидетельству Гаека, Гашек, например, любил слушать рассказы старых австрийских ветеранов в трактире «Рампа» на Сокольской улице, умея в то же время привлечь внимание и к себе. Интересно изображает автор, как они совместно писали и издавали сборник «Майские выкрики».

Но, рассказывая о периодах бродяжничества Гашека, Гаек совершенно беспомощен: для него это была «опасная зона», он объясняет бродяжью непоседливость Гашека «зовом прерий». Его удивляет легкомыслие друга, который «никогда ничего не принимал всерьез, ни в одном своем поступке не видел ничего дурного, не думал, что, быть может, обижает других тем, чему сам не придает значения». Гаек полагает, будто именно этот «зов прерий» был причиной жизненных неудач Ярослава.

Однако необычность, исключительность натуры Гашека объясняется весьма просто. Помимо социальных причин, о которых уже шла речь, свою роль тут сыграл и его импульсивный темперамент. Гашек был ребенком и оставался им всю жизнь. Для многих из нас детство — всего лишь жизненный эпизод, период, к которому мы возвращаемся в сентиментально-элегических воспоминаниях, но воскрешать который, даже изредка, стыдимся, боясь показаться смешными. Жизнь большей

частью приучает нас к условностям, к привычкам; мы стараемся выглядеть мудрыми, осмотрительными и рассудительными.

Воспринимать мир как ребенок — значит быть открытым полностью и без остатка, сосредоточить огромную душевную энергию на переживаемом мгновении независимо от преследуемой цели и возможных нежелательных последствий. Только этой ценой можно увидеть вещи в радужном освещении новизны, без шаблонов и искажающих банальностей, можно ощутить непосредственную радость от соприкосновения с жизнью.

О своеобразном переплетении в душе Гашека детской наивности, искренности и отваги хорошо написала Ярмила Гашекова: «Вы не можете себе представить, как красив молодой человек, у которого хватает смелости всегда делать только то, что он хочет. У Гашека эта смелость была всю жизнь, даже впоследствии, когда в уголках его рта появились горькие складки, а в волосах серебряные нити».

Смотреть на мир открыто, по-детски безыскусно и «несентиментально» — это значит порой выглядеть чужаком и безумцем. Стихийная импульсивность Гашека обычно воспринималась неправильно, а позже послужила основой для ошибочных интерпретаций.

Франтишек Лангер, свидетель, который, возможно, один только и был способен понять подлинную сущность этой иррациональности в натуре Гашека, пишет: «Гашек одаривал всех нас своим неисчерпаемым, бурлящим жизнелюбием, нередко заставляющим вспомнить Гаргантюа... Он щедро оделял друзей остроумием, юмором, иронией, наркотизировал их своей веселой беззаботностью и равнодушием к немилостям судьбы, этим своим легкомысленным «ничего!» помогая им противостоять повседневным неприятностям, трезвой будничности. Из его жизнелюбия каждый мог

почерпнуть в меру собственных потребностей и потенций, оно было его лептой во все дружеские взаимоотношения, но это было вместе с тем все, что он способен был дать своим друзьям».

Иржи Магену Гашек казался более сложным: «С ним — и правда — дело обстоит не так просто, как это полагали рассказчики анекдотов за кружкой пива. У меня такое впечатление, что его доброй памяти нанесен сильный вред, но, с другой стороны, нужно учесть и то, что Гашека в ту пору никто не мог понять. Слишком часто он скрывался, исчезал...

Гашек был скорее домовым, который исчезал где-нибудь за трубой, едва вы начинали с ним разговор. И это еще не выражает всей истины. У него всегда была наготове какая-нибудь неожиданная идея, и он тут же ей целиком отдавался».

Перелистаем протокольные записи, сохранившиеся в архиве полицейского управления. Начинаются они праздничной ночью в канун нового, 1905 года. «Императорско-королевский инспектор охраны порядка Антонин Матейка 1 января в 3 часа утра доставил в участок Ярослава Гашека, кой, несмотря на многочисленные увещевания, размахивал на Пршикопах руками, мешая прохожим, чем вызвал скандал». Свидетелями согласились быть Пауль Киш, студент философского факультета, проживающий в Праге, Кожная, д. 1 (брат Эгона Эрвина Киша^[25], националистически настроенный немецкий студент), и Франц Седлак, техник, проживающий на Виноградах, Корунни проспект, д. 21. «Задержанный был сильно навеселе и в участке оскорблял немецких студентов. Личность вышеозначенного была установлена, и его отпустили». На оборотной стороне листа мы опять обнаруживаем смягчающее вину объяснение, приписанное другой рукой: «Гашек показал, что был сильно пьян и помнит лишь, что с кем-то на Пршикопах

поспорил, ничего более определенного добавить не может. Лишено значения».

Перечень нарушений порядка продолжается с непоколебимой регулярностью. Между тем пражский императорско-королевский дисциплинарный суд терпеливо пытается установить постоянное место жительства Гашека, чтобы взыскать с него штраф.

И еще одна запись, из которой явствует ребяческий характер этих ночных выходов: «Двадцатидвухлетний писатель Ярослав Гашек, проживающий и т. д., 20 июня в четверть четвертого утра на Житной улице неподалеку от полицейского участка зажег три уличных фонаря, которые уже были погашены. Императорско-королевский полицейский Франтишек Шприх доставил вышеозначенного в участок, а поскольку он вел себя грубо и не пожелал назвать своего имени, то был заключен в одиночную камеру». Дело несколько запуталось, ибо позднее правонарушитель заявил: «Признаю, я зажег один фонарь, но тот фонарь, который перед участком и о котором утверждают, будто я его тоже зажег, зажег не я. Что же касается моего поведения в участке, я объясняю его тем, что был оскорблен вышеупомянутой несправедливостью...» Хотя Гашек все-таки извинился, по решению суда он должен был уплатить 10 крон штрафа, а в случае неуплаты ему надлежало отбыть 24 часа в заключении. Это решение можно было опротестовать... и т. д. Штраф уплачен не был. Тогда его попытались взыскать путем конфискации имущества. Но и эта попытка оказалась безрезультатной. Все кончается констатацией факта, что «у должника нет никаких носильных вещей, которые можно было бы конфисковать, живет он у своей матери и не имеет никакой собственности, кроме того, что на нем».

В этом полицейском протоколе нас интересует нечто иное. Вместе с Гашеком зажигали фонари

двадцатилетний студент Пражской академии художеств Ярослав Кубин и его сверстник студент-юрист Франтишек Либл. Все трое были немного пьяны. Имя Ярослава Кубина дает основания для реконструкции еще одного странствия Гашека по Европе, благодаря случайному стечению обстоятельств оказавшегося последним. До сих пор это путешествие принадлежит к числу наиболее загадочных проблем биографии писателя.

Единственным источником, освещающим данный период, стала «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона». Рассказывая о зарождении этой веселой компании, автор с юмором упоминает о прославленном «апостольском хождении трех членов партии умеренного прогресса» в Вену и Триест. Кроме автора и художника Кубина, в нем участвовал солист Пражского императорско-королевского балета Вагнер.

Что это? Очередная мистификация, простой юмористический вымысел? Или Гашек со своими друзьями действительно бродил по славянской Истрии?

Объяснить эту загадку из прошлого писателя удалось благодаря случайности. В архивном наследии Карела Марека, его товарища по коммерческому училищу, обнаружилась фотография, на которой мы видим молодого человека с внешностью Мефистофеля, сидящего на скамейке в парке или сквере с благопристойного вида юношей в цилиндре. Перед ними стоит некий тип в поношенной одежде, с непокрытой головой и в протянутой за подаянием руке держит шляпу. Молодой человек с внешностью Мефистофеля — это Карел Марек, чье лицо мы знаем и по другим сохранившимся фотографиям. Подозрительный тип в поношенной одежде, изображающий нищего, — Ярослав Гашек. По листьям на деревьях можно судить, что фотография была сделана ранней весной.

Если мы теперь начнем перелистывать журнал «Новы Неруда» («Новый Неруда»), то в первом же номере за 1906 год нам покажется знакомым один рисунок. Та же ситуация, то же расположение фигур! Сравнение обоих документов доказывает, что автор рисунка попросту обвел контуры упомянутой фотографии. Кто был автором этой изобразительной мистификации? В уголке рисунка подпись: Ярослав Кубин, 6 апреля 1906 года.

При этой почти детективной реконструкции фактов достаточно одной достоверной детали, и мы уже можем объяснить всю цепь взаимосвязей. Из донесения в полицейском архиве мы узнаем, что Гашек встречался с Кубином также и в июне 1906 года. Упомянутая фотография и рисунок — явный отзвук веселых забав и развлечений, как бы продолживших бродяжьи скитания Гашека. Таким образом, прославленная апостольская миссия трех членов партии умеренного прогресса, вероятнее всего, была осуществлена в летние месяцы 1905 года. В том же году, после возвращения Гашека из путешествия по Балканам и «экскурсии» в Баварию, вокруг него сгруппировалась дружеская компания.

По счастливому совпадению обстоятельств сохранились две первоначальные главы гашековской «летописи», в которых запечатлено посещение тремя путешественниками загородного ресторана «У сильного Яна» в окружном городе Залаэгерсег у озера Балатон. На основании слов: «было это в прошлом году, в начале августа» — можно судить, что обе главы написаны вскоре после завершения путешествия, очевидно, той же весной 1906 года.

В 1911 году, когда Гашек работал над «Историей партии умеренного прогресса» и ему нужно было оживить серию политических пародий забавными юмористическими историями, он вспомнил о забытом путеописании «апостольского странствия». Но

упомянутых двух глав под рукой не оказалось, и «похождения трех членов партии умеренного прогресса во время миссионерского странствия» пришлось описывать заново по воспоминаниям.

Такое смешение литературных и биографических фактов бросает новый свет на богемный миф, сложившийся вокруг имени Гашека; этот миф дает ему возможность словно бы произвольно включать автобиографические детали в область фантазии, преобразовать биографические мотивы в мотивы литературные и наоборот. Он помогает понять своеобразие личности Гашека, его специфический подход к творчеству.

Возникновение этого мифа мы теперь со всей определенностью можем отнести к годам, когда Гашек перестает странствовать по Европе. Оказывается, его бродяжничество было уже прообразом позднейшего внутреннего раскрепощения, было творческим, позитивным. Резонансом необычных впечатлений, которые Гашек поначалу искал в своих странствиях, станут удивительные пассажи и повороты рассказов, которыми он будет развлекать дружескую компанию. Скитания, шутовские проделки и литературные мистификации представляют собой варианты одной и той же игры, вдохновленной импульсивностью и непосредственностью Гашека.

Теперь остается только реконструировать вероятный маршрут последнего странствия Гашека по Европе. Исходным пунктом была, видимо, скамейка на Карловой площади, где часто собирались, развлекались и беседовали приятели. Судя по рассказу Гашека, путешествие было предпринято на основе решения исполнительного комитета партии умеренного прогресса о наказании Гашека, Кубина и Франтишека Вагнера за «непристойное поведение». Искупить грехи они должны были этой апостольской миссией. Однако

один из членов «исполнительного комитета», Иржи Маген, такого постановления не помнит. Возможно, перед нами опять вымысел юмориста.

Все трое отправились в путь где-то в начале августа и должны были вернуться 7 октября. С добросовестностью мистификатора Гашек приводит точные указания времени и дополняет их подробными сведениями о расписаниях поездов и пунктах пересадки. Согласно его версии «миссионеры» выехали из Праги в 6.20 утра по государственной железной дороге в направлении на Иглаву через Колин, Кутну Гору и Немецкий Брод. В 17 часов 32 минуты они были в Иглаве, где якобы выступили в местном «Чешском клубе» с лекцией об отношении партии к национальным меньшинствам в Чехии. Затем они, если верить тому же источнику, попросили поддержки у местных немецких богатеев, ибо решили отстаивать чешские интересы путем материального ослабления национального врага. Но не будем вдаваться в подробности, чтобы не пересказывать повествования самого Гашека. Из Иглавы веселая троица попала в Венгрию и там распалась. Первым откололся Вагнер. Гашек с Кубином еще некоторое время бродили по Хорватии и кормились тем, что Кубин писал портреты крестьян и реставрировал в церквях иконы.

Но и Кубин не выдержал путевых невзгод и уехал назад, в Прагу.

Какова была дальнейшая судьба самого стойкого члена бродяжьей компании — Ярослава Гашека? Достиг ли он намеченной цели путешествия через Марибор, Люблян, Горицию и Пулу? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Судя по путевым мотивам, связанным с краем, который называют Междумурье (позднее Гашек посвятил ему цикл рассказов), он свернул от Надъканижи на запад, в Словению, и довольно долго скитался по долине Дравы, в районе

городов Вараждин («Данас есмо»), Ормож и Птуй («Любовь в Междумурье»). Если же судить по другому пласту топографических мотивов, то писатель посетил также Венецию, где почерпнул интересные туристские сведения и впечатления («Полчаса по Канале Гранде», «Несчастный гондольер Витторе», «В венецианских застенках»). Домой он возвратился через Триест. Гашек рассказывает об этом в одном из своих фельетонов: «В позапрошлом году из-за отсутствия денег я отправился пешком из Триеста через Альпы в Прагу. Я странствовал, читай — побирался. В Леобене в Штирии я остановил на дороге трех мужчин, смахивавших на туристов, и простейшим способом: «Ein armer Reisender»^[26] — попросил о воспомоществовании». Это упоминание, опубликованное 27 января 1907 года, — единственное сохранившееся свидетельство о возвращении Гашека из скитаний по Истрии, из последнего его большого путешествия по Европе.

В последующие годы до самого начала мировой войны он обитает в Праге и путешествует только по Чехии. Для своего бродяжьего зуда, для загадочного «зова прерий» он находит иную отдушину: пражские кабачки, ночную жизнь, богемную среду. Интенсивное впитывание подлинных жизненных впечатлений сменяется интенсивным творчеством. И в нем Гашек сохраняет свою необузданную жизнерадостность, не знающую никаких стеснений, веселое «легкомыслие» в выборе средств выражения.

Картины красот далеких краев, проникнутые ностальгией разочарованного и меланхоличного бродяги, уступают место трагикомическим историям, почерпнутым из повседневного быта большого города. Стремление поражать и удивлять интересным жизненным материалом, интересными наблюдениями перемещается в область языка, проявляется в словесной игре и неожиданных комических поворотах.

Таким образом, превращение бродяги в пражанина имело и литературные последствия. Если в путевых очерках Гашек еще развивал традиции реалистического репортажа или дорожных зарисовок, то в сфере гротеска основным источником его творчества становятся комические находки, чаще всего рождающиеся среди забав веселой компании. На страницах низкопробных бульварных развлекательных изданий вроде журнала «Весела Прага» и в редакциях сатирических еженедельников «Карикатуры» и «Копршивы» («Крапива») сформировался Гашек — сатирик и памфлетист. Апостольское и миссионерское странствие трех членов партии умеренного прогресса в рамках закона — поворотная веха в жизни Гашека не только потому, что в его творчестве этого периода еще неразличимо сливаются воедино скитальческие мотивы с их бродяжьей лирикой и мотивы богемные, иронически-мистификаторские. Именно в это время Гашек находит самого себя, свою оригинальную литературную манеру.

Вторжение варвара в литературу

Внутреннюю последовательность Гашек проявляет и в своем отношении к политической жизни. Однажды решив сражаться против ненавистного государственного устройства, он отдался этому делу без остатка.

В результате печального балканского опыта Гашек утратил веру в действенность анархистских методов. Понял, что без участия масс радикальные фразы, выстрелы и бомбы террористов — всего лишь пустая детская игра. Как талантливый публицист он посвящает себя прежде всего пропаганде революционных идей. Это не значит, что Гашек склоняется к просветительскому социализму. Он по-прежнему видит возможность освобождения лишь в насильственном общественном перевороте. Его критический взгляд, доходящий до всеотрицания, проникает в самую суть политики и общественной жизни.

Полицейские протоколы свидетельствуют об эксцентрических выходках, которыми Гашек провоцирует блюстителей порядка, олицетворявших в его глазах власть и государственный произвол. После одной из них постовой Вацлав Матоушек с участка Горжейши Нове Место доставил его в полицейскую управу. Рапорт Матоушека небеспристрастен, ибо по дороге, а именно на Индржишской улице, Гашек оказал сопротивление и пытался нанести стражу порядка удар тростью, угрожая выбить зубы. В критический момент Матоушек успел отскочить в сторону, а Гашек, размахнувшись и потеряв равновесие, упал на землю. Полицейский Готлиб Губены, несший постовую службу на Индржишской улице, помог его арестовать. Все

доставленные в участок нарушители порядка, в том числе и Гашек, были заключены в камеру.

«При себе Гашек имел 2 кроны 46 геллеров, кошелек, разбитые часы с никелевой цепочкой, начатую пачку сигарет, в которой оставалось всего три сигареты, три спички, одну пару новых запонок, щеточку для разглаживания усов, английский пластырь, листки бумаги, исписанные его почерком, и повестку в суд на 17 мая 1906 года».

После того как Гашека отпустили, пражская полиция некоторое время не могла установить места его жительства (по всей видимости, он ночевал у кого-нибудь из своих друзей), а затем какой-то полицейский благодетель сдал дело в архив.

Обычно в полицейских протоколах указывается, что в карманах у задержанного обнаружены кое-какие мелкие вещи и несколько геллеров, то есть что почти всегда он без средств. Не углубляясь в подробности, можно с уверенностью сказать: за гашековской бунтарской эксцентриадой стояла нужда, материальный недостаток, неуверенность в завтрашнем дне, омрачавшие в то время жизнь всей его семьи. В архиве банка «Славия» сохранилось письмо, адресованное какому-то «глубокоуважаемому» пану, очевидно покровителю семьи Гашеков, в котором говорится: «Заходила к нам пани Гашекова, близкая к полному отчаянию. Сын целыми днями бегаёт по объявлениям и ничего не может найти». Это письмо, содержащее ходатайство за младшего брата писателя — Богуслава, — датировано 17 марта 1907 года.

Нужно отметить, что всякого рода хмельные выходки и проделки воспринимались австрийской полицией с добродушной снисходительностью. Их почитали незначительными эпизодами, и соответствующие протоколы пришивались к делу. Полицейские власти проявляли большую терпимость и

оставляли мелкие проступки без последствий, когда были уверены, что это не вызовет недовольства начальства. Австрийская бюрократия систематически и весьма основательно занималась бумажным делопроизводством, но действовала вяло, записи велись пассивно, в простой хронологической последовательности, чиновники занимались лишь регистрацией нарушений порядка и не злоупотребляли домыслами в своем стремлении вскрыть более глубокие взаимосвязи и создать общее представление о человеке.

Совсем иначе относилась полиция к поступкам, в которых можно было усмотреть антигосударственную провокацию, особенно так называемые «анархистские происки». Здесь фантазия расцветала пышным цветом. В одном из рапортов Гашек назван сотрудником анархистского журнала «Нова Омладина», выходившего в пражском рабочем районе Жижкове. Он публикует здесь несколько сатирических фельетонов, в которых содержатся иронические намеки на австрийский режим и правящую династию. Поэтому уже 17 апреля настороженная пражская полиция докладывает: «Я. Гашек, родивш..., работающий в редакциях журналов «Комуна» («Коммуна») и «Худяс» («Бедняк») на Жижкове, Таборитская улица, придерживается анархистских взглядов. Опись примет заполнена и передана государственной полиции. К сведению пана участкового инспектора Небесного, дабы он установил за оным систематическую слежку и наблюдение». (Это указание, очевидно, является результатом рапорта полицейского агента-провокатора Машека, появление которого в редакции «Комуны» Гашек остроумно описал в рассказе «По стопам тайной государственной полиции».) На другой же день ревностный полицейский комиссар Хлум в донесении, адресованном в Вену императорско-королевскому центру по наблюдению за анархистами, сообщает:

«В последнее время своими статьями в анархистском печатном органе «Комуна» обращает на себя внимание некий Ярослав Гашек. Он непрестанно встречается со здешними анархистами и, очевидно, работает в редакции «Комуны». Рядом другой рукой приписано: «Принято к сведению, дело заведено, наблюдение установлено».

Итак, Гашек еще раз оказался участником анархистского движения. На его решение повлияли исторические события.

1905 год, год русской революции, а в Чехии — год бурных декабрьских демонстраций с требованием всеобщего избирательного права, способствовал значительному оживлению анархистских идей, одновременно это был год начала раскола в чешском анархистском движении. Постепенно в нем оформляются два крыла. Первое имеет интеллектуальный характер, участвуют в нем главным образом литераторы, интеллигенты, знатоки анархистской теории. Позднее это направление вырабатывает программу так называемого этического анархизма, которую исповедуют все представители предвоенного поэтического поколения во главе с С. К. Нейманом. Они группируются вокруг журналов «Новы культ», («Новый культ»), «Шибенички» («Шутки висельников»), «Праце» («Труд») и др.

Второе крыло чешского анархизма стремится придать движению массовость, воздействует скорее практическими аргументами. У этого направления сильные позиции на чешском севере. Признанным вождем его становится Карел Вогрызек^[27], опытный оратор и демагог. Вместе с Ладиславом Кнотеком Вогрызек основывает на Жижкове журнал «Нова Омладина», после цензурного запрета получивший название «Комуна». К работе в этом журнале Гашек относится весьма серьезно. Часто подолгу просиживает

в типографии над корректурой. Почти в каждом номере публикует фельетоны или сатирические рассказы. Выступает на анархистских собраниях в различных районах и пригородах Праги: Высочанах, Глоубетине, Кбелях, Чаковицах и Писеке. Особенно значительным было собрание в трактире Банзетов в Нуслях, где выступили три ведущих анархистских оратора, в том числе Ярослав Гашек.

В накаленной атмосфере общественного подъема ораторы призывали бойкотировать выборы в парламент и обличали — австрийский государственный деспотизм. Боевым духом дышит и сообщение журнала «Нова Омладина» об анархистских собраниях в Усти-над-Орлицей и в селе Длоуга Тршебова, где Гашек вместе с несколькими товарищами сорвал предвыборное выступление кандидата от клерикальной партии Вацлава Мысливца. В одном из писем он воистину красочно изобразил эту экспедицию:

«Сегодня примерно с тремя сотнями наших ребят отправляюсь в село Длоуга Тршебова срывать собрание клерикалов. Я имею здесь большой успех, и по моему совету все мы будем руководствоваться лозунгом «Насилие — за насилие». Государство — это насилие... пардон, видите, в пылу красноречия я ораторствую даже на бумаге. Заранее радуюсь встрече с клерикалом Мысливцем. Неподалеку протекает река Орлица, и я еще не решил, следует ли нам сбросить в нее этого типа до собрания или оставить это на потом. Я, как и другие, думаю, что этого клерикального молодчика надо бы первым делом как следует вздуть. Ребята давно порываются и только ждут моего указания. Пишу эти строчки и размышляю, позволить или нет. Это будет собрание, какого на моравских границах никто не помнит. У нас здесь очень сильные боевые организации, которым я в данный момент рекомендую революционную тактику. Первого мая собираемся

поджечь Усти-над-Орлицей. Как видите, весьма приятный городок. Край великолепный, бесконечные леса, было бы очень мило с Вашей стороны, если бы Вы сюда приехали. Я показал бы Вам реку Орлицу, которая шумит среди Орлицких холмов и несет свои воды, зеленые, как надежда, что мы намылим Мысливцу шею. Я — словами, а ребята тем, что окажется под рукой. Там будет и священник. Этого слугу божьего они тоже поколотят. Одного клерикального учителя хотят привязать за ногу к стулу и под угрозой взбучки заставить шесть часов кряду повторять «Отче наш» и «Аве Мария». Может, это ему в конце концов осточертеет».

Первого мая 1907 года, когда анархистская агитация за бойкотирование выборов достигла апогея, в саду ресторана «На Слованех» состоялся большой митинг. Первым оратором был анархист Вогрызек. Далее цитируем «Комуну»: «Около часа пополудни группа участников митинга человек в 40 двинулась вверх по Ечной улице, распевая разные революционные песни, в том числе «Красное знамя», «Солдаты, солдаты», «Красные цветы» и др.». (В этом месте сообщение было прервано вмешательством цензуры. Далее пусть говорит полицейский протокол.) «Инспектор полиции Гергет, проходивший мимо, призвал демонстрантов к порядку, но те его не послушались. С Карловой площади на помощь Гергету подоспел полицейский Шнирдль и также предложил демонстрантам разойтись. Арестованный (Ярослав Гашек) при этом воскликнул: «Бей!» — и в тот же миг кто-то (другой рукой в протоколе приписано: неизвестно кто) нанес Шнирдлю удар палкой по голове, в результате чего он получил легкое ранение. Свидетельствовать в пользу Гашека и против полиции вызвались: жена портного Мария Мюллерова с Жижкова (подруга Кахи. — *Р. П.*), редактор Михаэл Каха^[28], Бедржих Калина, подмастерье столяра

Йозеф Роубичек, Франтишек Вильдман — счетовод из Вршовиц, все — участники митинга. Перед полицейским отделением старший полицейский Фр. Ворачек арестовал еще и редактора Каху, поскольку тот не подчинялся приказам полицейских чинов, но после установления личности вышеназванный был отпущен».

На допросе Гашек заявил, будто кричал не «Бей!», а «Гей!» и соответственно не является «вдохновителем преступления», как это утверждает прокурор. Но словесная игра ему не помогла, и составом суда под председательством д-ра Ульриха он был приговорен к месяцу тюремного заключения за нанесения тяжкого увечья (пар. 5, статья 153 уложения о наказаниях) и за призыв к нападению на стража порядка. Пребывание под следствием затянулось до 14 мая. Но исполнение приговора по неизвестным причинам откладывалось. Свой срок Гашек отсидел в тюрьме под новоместской башней на Карловой площади с 18 августа по 16 сентября 1907 года.

Над мучной похлебкой, над гороховой или ячневой кашей у него была возможность задним числом поразмыслить, сколь зыбки основы анархистского бунтарства. Он еще раз убедился в противоречии между привлекательными идеями уничтожения государства и гнетущим бессилием тех, кто оказывался в конфликте с государственной властью.

Тюремный опыт открывал глаза на многое. Мы не знаем всех причин, по которым Гашек прервал сотрудничество с анархистской печатью. Сам он в позднейших автобиографических воспоминаниях изобразил свой разрыв с анархизмом в тонах примиряющей самоиронии. После рокового инцидента его якобы вызвал к себе в полицейский комиссариат советник Петрасек, с сыном которого Гашек был хорошо знаком еще с ученических лет, и по-отечески предупредил: «Друг мой, помните следующее: венская

тайная государственная полиция внесла вас в список анархистов. — Позвольте, пан советник, может быть, пражская? — И пражская, и венская, милый друг. — А брненская, пан советник? — Там нет управления тайной государственной полицией, милый друг. — Тогда я переселюсь в Брно. — В Брно вы не переселитесь, вы останетесь на Виноградах, точно так же как остаюсь на Виноградах я. — Позвольте, пан советник, разве человеку нельзя быть анархистом? — Почему нельзя, — ответил пан полицейский советник, — только его сразу же ожидают неприятности. Вы молоды, и мне вас, право, было бы жаль. Когда-то я тоже все это пережил. И я был горяч. Однажды я сказал своему начальнику: «Позвольте!» — и хлопнул дверью. Я не хотел хлопнуть дверью, просто у меня карман сюртука зацепился за дверную ручку, когда я пулей вылетел из его кабинета. Но, вернувшись в свою комнатку в старой полицейской управе, я пожалел о случившемся. Пошел к шефу, попросил прощения, и все мои анархистские настроения как рукой сняло. Сейчас вы в «Комуне», молодой друг, — он встал и погладил меня по голове. — Послушайтесь моего совета, уйдите оттуда. Ваша мать — порядочная женщина, ваш брат ожидает места в банке «Славия», идите к младочехам^[29]. Выбросьте из головы керосин и динамит, ведь это не делает вам чести. Коли уж вы так непременно хотите быть в какой-нибудь партии, которая много кричит, станьте национальным социалистом, а если у вас революционные убеждения, отправляйтесь к социал-демократам. Они требуют всеобщего избирательного права, но мы им все равно его не дадим. Однако в тюрьму мы вас за это не посадим. Только выбросьте из головы бомбы».

Поддействовали ли на Гашека добродушные увещевания советника Петрасека — никто теперь не скажет. Тем не менее на обратной стороне акта,

содержащего приговор, по которому Ярослав Гашек был присужден к месячному тюремному заключению, каллиграфическим почерком выведено: «Оставил редакции «Худяса» и «Комуны», будет искать место в других изданиях». Однако несомненно, что решающее значение имело разочарование Гашека в анархизме и его возможностях.

После выхода из тюрьмы Гашек стал еще независимее в своем отношении к чешской политической и общественной жизни. Весь предшествующий жизненный опыт, принесший ему столько разочарований, служил благодатной почвой для стихийного скептицизма. Не связанный никакими обязательствами, он беспощадно раздает удары направо и налево.

Рассказывают, что однажды Гашек написал для национально-социалистической газеты «Ческе слово» («Чешское слово») сатиру на социал-демократов, но, поскольку гонорар его не удовлетворил, опубликовал ту же вещь в социал-демократической газете «Право лиду», лишь заменив имена персонажей. Согласно другому преданию в газетах обеих соперничающих партий он вел энергичную полемику... с самим собой.

В фельетонах, публиковавшихся в журнале «Нова Омладина», ирония Гашека была направлена против литературных «молодых течений». Он высмеивает наигранный духовный разлад современной лирики: «Были времена, когда молодой поэт писал о проститутках; позднее проститутки как-то ассоциировались в его сознании с природой, и поэт стал писать о продажных женщинах «на фоне зеленой листвы». До сих пор существуют поэты, которые считают, будто делают нечто возвышенное, оставляя сборники своих стихотворений на тумбочках домов терпимости. Бывают же такие странные увлечения! Стихотворцы заставляют себя грустить в поэзии,

поскольку в жизни пользуются всеми земными благами. Все это вымученные, заученные фразы, которые они повторяют как попугаи».

В том же духе он выступает и против плаксивых произведений с «социальной» тематикой. Немало подобной продукции печаталось тогда в социал-демократических газетах, в семейных календарях для рабочих и т. п. Чаще всего Гашек пародирует революционный фидеизм этой литературы: социальный переворот изображается в ней как чудо, как обманчивая иллюзия, как будущее, окутанное дымкой фантастики. Пролетариат здесь только и делает, что сетует, терпит лишения и стонет, но при этом бездействует. Перед ним нет никакой революционной перспективы. Авторы рассказов, публикуемых в календарях для рабочих, тоскуют о «звездах, предвещающих бурю»: «Сплошные тяготы жизни, сплошные слезы, сплошное хныканье — и это читается преимущественно рабочими! Такая литература воспитывает из них плаксивых баб, единственное утешение которых — воспоминания, слабая надежда на то, что когда-нибудь все же настанет какая-то заря. А покамест их жены, по словам тех же поэтов, «дают миру новых рабов...».

Требование агитационности, которое молодой Гашек предъявляет литературе, несет на себе печать некоторой наивной прямолинейности. Слова его обретают подлинную силу лишь там, где он прибегает к насмешке и пародии: «Когда наконец мы услышим песни без пустых фраз, когда наконец прочтем социальный рассказ без вечного хныканья и увидим на наших сценах настоящую социальную пьесу — пьесу о победоносном восстании, песню мятежа, гимн побеждающего пролетариата, а не смехотворную дребедень, вроде социального стихотворения в жалком майском номере газеты социал-демократов — «Сон павшего героя 48-го

года (намек на буржуазную революцию 1848 года. — *Р. Л.*) о всеобщем избирательном праве».

Критическое отрицание литературной традиции подготавливает кардинальный поворот в эволюции творчества Гашека. Молодое поколение — и этим оно резко отличается от индивидуалистических мизантропов девяностых годов — обращается к темам общественной жизни. Гашек тоже целиком и полностью предан реальному миру. Он удивляет своей безмерной смелостью, не щадит никого и даже самого себя, хотя и пожинает за это недоброжелательство и непонимание.

Глазами обездоленного бродяги писатель наблюдает жизнь окраины большого города. Его привлекают затхлые и зловонные пражские трущобы, ночные заведения и кабаки печально известного и позднее снесенного по санитарным соображениям пятого округа, постоянными посетителями которых наряду со всякими подозрительными личностями были и агенты полиции. Благодаря своей ненасытной любознательности Гашек открывает фантастический мир пражского дна — мир кутил, бродяг, воров, проституток, мир дневных и ночных трактиров, распивочных, пивных, баров, танцевальных залов, шантанов, кафе, винных погребков, староместских притонов, вертепов, ночлежек, в которых ютились пражские люмпены. Этот мир любит циническую, дерзкую насмешку, столь же грубую, как он сам. Здесь были и свои гротескные типы, вроде пресловутого «князя Исфагани с Подола» или известного декламатора Кунеша из трактира на Штупартской улице и т. п. Один из куплетов Кунеша — наивная, банальная параллель к лозунгам партии умеренного прогресса. Текст этого куплета таков: «В петлю лезьте — только вместе! Слева, справа — чехам слава!»

Гашек не стремился рисовать колоритные фигуры всякого рода чудаков или вызывать ностальгические воспоминания об исчезнувшей «старой золотой Праге»,

как это делали писатели, занимавшиеся коллекционированием местных курьезов. У него была иная цель — постичь и художественно воплотить жизненные принципы новой социальной среды. Городская окраина была для него понятием не только реальным, но и «символическим», местом, где природа встречается с цивилизацией, наивная стихийность с продуманной организованностью, следовательно, была областью пограничной, межевой, которая привлекает не застывшей формой, а неустоявшейся изменчивостью, процессом постоянного возникновения и исчезновения, удивительным, мимолетным сосуществованием неоднородных и противоречивых элементов. «Эти места, — написал один чешский критик, — имеют свою грусть, свою сентиментальность, негу и драматизм».

То, что было сказано о предместье как пограничной зоне города, относится к нему и как к социальной среде. Гашек по своему психическому складу был словно бы создан, чтобы открывать социальное пограничье большого города, чтобы запечатлеть его драму и грустную «негу». Своим дерзким, ошарашивающим изображением этой среды он вскрывает ее обличье в жестоких контрастах, в карикатурном преувеличении.

Типичной для него литературной манерой становится гротеск, мотивированный настойчивой жизненной необходимостью.

Истоки этой жестокой комики — в его пристрастии к крайностям, в плебейской любви к юмору. Ее социальный фон — склонность простого люда к юмору, смачным словечкам, уличной песенке, кафешантанному куплету, анекдоту, балаганным зрелищам. В своих сатирах Гашек использует метафоричность анекдота, гиперболизм сленга и просторечия.

Этот язык — адекватное выражение затаенного, стихийно оппозиционного умонастроения низов, их взглядов, весьма близких бродяжьему нигилизму.

Запретные и отвергаемые элементы языка, нешаблонные стилистические построения и обороты, неприемлемые для «приличной» литературы мотивы — благодарный материал для смелых и неожиданных контрастов гашековских остросоциальных памфлетов, его антибуржуазной и антиклерикальной сатиры. Кто хочет быть искренним и правдивым, не должен бояться шокирующих ситуаций.

Художественное значение «варварского» стиля Гашека еще явственнее выступает на фоне литературы того времени. Молодые радикалы стремятся приблизиться к широкой публике. В связи с этим на первый план выдвигаются сатира и юмор — жанры, ранее бывшие в загоне. Они больше уже не считаются «скомпрометированной» литературной формой, пригодной лишь для журналистских полемик, в лучшем случае — для политического памфлета или фельетона. Теперь они становятся родом высокого искусства. С. К. Нейман основывает сатирический журнал «Шибенички», где «шутка и сатира используются как оружие, а юмор и смех понимаются как результат горького, возвышенного познания, ибо только в таком случае они могут быть плодотворными и своевременными». Под этим знаменем Нейман объединяет вокруг журнала талантливых литераторов и художников.

Но ориентация на сатиру была в чешской литературе лишь коротким эпизодом. В дальнейшем ее сменила новая волна лирического универсализма, вдохновлявшегося на этот раз современной цивилизацией и машинной техникой.

Гашек, стоящий в стороне от журнала Неймана, тяготеет к сатире всем характером своего видения действительности. Именно отверженным и изгоям в переломные моменты эпохи открываются источники художественного новаторства и находок. В искусстве,

как и в жизни, ничто не дается даром: если хочешь приобрести, ты должен научиться терять, и только тот, кто умеет без сожаления нести потери, что-то находит. Поставив себя как бы вне серьезной литературы, Гашек полнее отдается литературной периферии. В то время как в типографии Стивина на Мысликовой улице он редактирует анархистский орган «Нова Омладина», для которого пишет резкие социальные сатиры, в различнойших, часто весьма недолговечных развлекательных журнальчиках публикуются его поверхностные, но озорные юморески. Он пишет для журнала «Свитильна» («Светильник»), прекратившего существование после выхода всего нескольких номеров, так как «авторы забрали гонорар вперед вплоть до шестого поколения». Печатает забавные безделушки в журнале «Новы Неруда», а также в юмористических сборниках для простонародья.

Чаще всего вещи Гашека появляются в журнале Карела Лочака «Весела Прага», ставшем вскоре основным пристанищем писателя. После публикации успешного юмористического цикла «Невзгоды пана Тенкрата» Гашек под разными псевдонимами заполняет целые номера этого двухнедельника.

В журнале «Весела Прага», кроме рассказов, печатались анекдоты, куплеты, отрывки из программ пражских кабаре. Здесь освещались все виды массовых развлечений и ночной жизни, что явствует уже из названий отдельных приложений: «Прага днем и ночью», «Из всех уголков Праги» и т. д. Предприимчивый владелец журнала, почувствовав в Гашеке большой талант прирожденного юмориста, стремится сделать из него перворазрядную литературную звезду: дает размножить фотографию писателя и рассылает ее своим подписчикам.

Тут Гашек достиг полного признания. Лочак предоставлял ему разные льготы, не читая, выплачивал

задаток, ибо хорошо знал, что написанное им всегда в точности соответствует духу журнала. В журнале «Весела Прага» зачастую печатаются небрежно набросанные, малозначительные юморески Гашека, сочиненные наскоро где-нибудь в трактире, но именно среди них как бы чудом появляются мастерские образцы современного гротеска.

В анархистских органах, так же как и в тривиальном юмористическом журнале, читатели которого в основном принадлежали к народным слоям, Гашек оказывался в атмосфере, близкой бульварной журналистике. Нельзя сказать, чтобы это пошло ему во вред. Наоборот. Именно здесь его талант, ничем не связанный, находит свободу. В стороне от высокой литературы, вне всякой зависимости от нее, кристаллизуется сатирическая манера, не имеющая у нас аналогий. Некоторыми своими чертами она, возможно, родственна стилю мюнхенского сатирического журнала «Симплициссимус», который Гашек знал (номер этого журнала был тогда в каждом кафе) и в котором, вероятно, сам печатался.

На фоне традиционной чешской юмористической продукции саркастический лаконичный стиль Гашека выглядит как вторжение варвара. В журнале «Нова Омладина» он опубликовал, например, сатиру «Вшивая история» — довольно избитую, несколько сентиментальную историю из жизни сирот, направленную против буржуазной филантропии. Каково значение этой вещи в тогдашнем литературном контексте? Первая же фраза такова: «Во время заседания выборных городской голова подвергся грубому оскорблению. Один из членов оппозиции встал, сплюнул, зевнул, утер нос и звучным голосом воскликнул: «Господа, я объявляю, что наш голова — вшивая падаль».

Задача этого отрывка — эпатировать читателя. Значительную роль здесь играет вступительный пассаж: «сплюнул, зевнул, утер нос». Автор избирает слова общеупотребительные, разговорные, означающие самые прозаические факты и обстоятельства повседневной действительности. На фоне литературы, которая традиционно выбирала для себя лишь «поэтическую» сторону жизни и избегала будничной реальности, всего неприятного, несуразного, отвратительного, эта откровенность выражения должна была пробудить читателя от спячки, вывести из равновесия, вызвать отрицательные эмоции, раздражение. С помощью «варварского» стиля сатирик обнажает область общественных табу, прикрываемую утонченной, лживой и лицемерной моралью.

Для достижения шокового эффекта Гашек сталкивает эту фальшивую общепринятую мораль с беспощадно правдивой, нелитературной традицией юмора городской окраины.

Техника комического контраста большей частью исходит из насмешки над окаменевшим чиновничьим слогом, над журналистской фразой, над словесными клише и «затасканными» символами, которые здесь оказываются в соседстве с лапидарными, свежими, разговорными выражениями.

Хотя Гашек касается в сатирах проблем своего времени, он не утрачивает склонности к фантастике, к вызывающей комический эффект нарочитой игре словами.

В анархистский период максимальное выражение получает демаскирующая сторона гашековской сатиры. Автор преступает границы комизма и трагизма, приходит к юмору так называемых крайних ситуаций в жизни человека, к тому типу юмора, который именуют «черным», или «юмором висельника».

О его «варварском» вдохновении можно сказать словами Шальды^[30]: «Идите в гущу простого народа, как говорится, в низы. Для своего поэтического становления вы приобретете там больше, чем от чтения двадцати журналов самого различного толка. Научитесь ненавидеть болтовню и использовать и любить слово как взрыв жизненной силы, как эквивалент поступка. Вы поймете, что из дикого, поистине «черного» юмора разных оборванцев и изгоев рождается новая метафора, вы ощутите, какая настойчивая жизненная необходимость заставляет ее появиться на свет. В ней, словно в сгустке, воплотилась вся парадоксальная ситуация такого индивидуума, нигде не находящего себе места; это соломинка, за которую хватается утопающий. Послушайте-ка часок-другой, и вы будете излечены от пустой декоративности, от всякого грима, помад, духов и прочего лживого смрада».

«Две мамыши мне не верят...»

В личной жизни Гашек тоже был импульсивен и не слишком ломал себе голову по поводу возможных последствий своих поступков. Это доставляло ему немало неприятностей. Очень легко свыкаясь с новой, незнакомой средой, он ни при каких обстоятельствах, совершенно не умел приспособливаться к среднему уровню, к образу мышления и поведения так называемых порядочных людей. Но всегда улавливал настроение минуты и потому был всеми любим как интересный рассказчик и остроумный собеседник.

Необычной была сама его манера завязывать знакомства. Как правило, он огорошивал нового человека какой-нибудь несуразностью, вызывал напряженную ситуацию, которая подчас переходила в спор, в перебранку. Затем неожиданно сменял гнев на милость и добродушно предлагал мировую. Это служило поводом для дружеского тоста. Свой способ знакомства он объяснял весьма оригинально: «Нет ничего глупее — пытаться кому-нибудь понравиться и притворяться, будто ты лучше, чем есть на самом деле. Так только надоешь. А вот если ты окажешься лучше, чем казался на первый взгляд, люди тебя, наоборот, сразу уважают».

Большинство знакомых считало его слишком непостоянным. Никто не понимал, в чем была основа его сложной натуры. А между тем к ней можно было подобрать самый простой ключ: обыкновенное человеческое чувство — доверие.

По странному стечению обстоятельств этот ключ отыскала не слишком красивая, но очень интеллигентная девушка из мещанской семьи Ярмила Майерова. Когда один из знакомых, стараясь избавиться

от неприятного соперника, заявил, что Гашек — бесхарактерный человек, Ярмила горячо за него заступилась: «Он слишком глубокая и замкнутая натура, чтобы как на тарелочке выкладывать перед каждым, кто пожелает, свои достоинства».

Любовь, большая романтическая любовь открывает нам характер Гашека с самых светлых сторон. Вместо ироничного божественного весельчака мы обнаруживаем милого, внимательного, искреннего в чувствах, непосредственного молодого человека.

Первое наивное любовное увлечение приходит довольно рано. Как мы помним, возвращаясь из балканской поездки, Гашек в моравском местечке познакомился с дочерью местного учителя Славкой Гайнишовой. Как-то в апреле следующего года, стоя в толпе пражан, он смотрел на процессию сапожников, направляющуюся с Вацлавской площади, из ресторана Примаса, на нусельский храмовый праздник. Неожиданно к нему подошла Славка. Гашек вызвался показать ей Прагу. Так завязалась дружба. Славка, ученица коммерческого училища при женском промышленном обществе, представила интересного путешественника и писателя трем подругам, среди которых была и Ярмила Майерова. Полный молодой человек с темными усиками обычно поджидал Славку за углом, у здания политехнического института, поскольку ученицам свидания с особами мужского пола были строжайше запрещены. Одна из подруг Ярмилы, Вильма Вароусова, рассказала о тех свиданиях в интересной мемуарной книжке: «...вот и мы узнали этого молодого любителя приключений и стали внимательно к нему присматриваться. В нем не было никакой особой романтичности — красивый, кареглазый, с волнистыми каштановыми волосами, лицо почти девичье, нежное, розовое. Выглядел он здоровым, упитанным и уравновешенным. Ходил чуть пригибаясь, с какой-то

ленивой небрежностью, в пухлой белой руке держал трубку и оттопыривал губы. Когда ему удавалось состричь, его маленькие глаза щурились от затаенного смеха».

Для девушек Ярослав был прежде всего отличным товарищем, веселым, милым, забавным. Они знали, что Славка заходит к нему домой, но что ничего серьезного между ними нет. Особым вниманием он не удостаивал ни одну из девушек. Вместе с ним они открывали мир пражских кафешантанов и прочих увеселительных заведений, мир, который привлекал девушек привкусом запретного плода. Предпринимали небольшие прогулки в окрестности Праги, навещали ресторанчики в предместьях. Молодой спутник пытался пробудить в них интерес к литературе. В трактирчике над Радлицами он прочел им цикл юморесок «Невзгоды пана Тенкрата». Девушки были несколько шокированы грубоватой, гротескной развязкой, но виду не подали. Ведь в ту пору была в моде женская эмансипация, и дружба с бродягой, представителем богемы и анархистом почиталась волнующим приключением.

Совсем по-иному смотрели на это родители. Двум девушкам дома запретили видеться с Гашеком. Отвергнутый «кавалер» в одном из стихков посетовал: «Две мамыши мне не верят, с подозрением глядят, звать на ужин не хотят...»

Ничто так не способствует сближению молодых людей, как запреты и ограничения. Должно быть, именно поэтому партнер одной из девушек достался другой. Славка была слишком экзальтированной, легкомысленной и часто меняла увлечения. Из девичьей четверки наибольшую симпатию Ярослава снискала Ярмила, как раз та, которой запрещалось встречаться с ним самым строжайшим образом. В ее сердце он возбудил ответное чувство. После первого же свидания Ярмила записывает в дневнике: «Выглядит он бродягой,

но выражение лица у него такое приятное». Узнав друг друга поближе, они поняли, что у них очень много общего. Ярмила была интеллигентна, умна и находчива и — что для молодой девушки особенно удивительно — тонко воспринимала гашековскую иронию. Возможно, этому способствовало знакомство с художественной средой, ведь оба ее старших брата были архитекторами. Не претила ей и развязность друга, сокрушавшая ее родителей.

(Лишь позже обнаружили расхождения. После замужества Ярмила быстро утратила прежние принципы и хотела вести дом на вполне практической основе. А Гашек остался все таким же невыдержанным и неуправляемым.)

У них были близкие интересы. Оба пробовали свои силы в литературе, изучали русский язык на курсах, организованных Центральной рабочей школой.

Во время каникул 1906 года, когда Ярмила по традиции уехала к родственникам в Либань, взаимная симпатия превратилась в любовь. В стихотворении, отправленном Ярмиле в августе, Ярослав шутливо стилизует себя под Онегина, но за меланхолической пресыщенностью скрывается горячее чувство:

Живу не шатко и не валко,
пишу, слоняюсь по корчмам,
где старичок на цитре жалкой
весь день наигрывает нам...

В том же письме он упоминает о намерении совершить поездку в Данию, но план этот так и остался на бумаге. Гашек все больше привязывается к Праге. Письмо он заканчивает словами: «Жду Вашего возвращения. Будем всюду ходить вместе, даже если это Вас пугает».

Что могло пугать Ярмилу, как не домашние раздоры и неприятности? Она была из так называемой состоятельной семьи; на Виноградах, на улице Коменского, у Майеров был четырехэтажный дом, где помещалась и мастерская гипсовых украшений фирмы «Антонин Редль и К°». Пан Майер поднялся до положения совладельца фирмы. Это был честный ремесленник старой закалки, на вид суровый, любивший прикрикнуть на ближних, но в душе добряк. Выходец из довольно бедных слоев — отец его был рабочим на мельнице, — пан Майер старался воспитать в детях самостоятельность. Хоть он и дал им возможность получить образование, однако стремился к тому, чтобы они знали и какое-нибудь ремесло и в случае необходимости могли прокормить себя собственными руками. Нетрудно представить, какое разочарование ждало этого добропорядочного мещанина, когда его дочь познакомилась с Ярославом Гашеком! Писатель вообще считался тогда в Чехии незавидной партией, а этот ко всему еще был анархистом!

Но Ярмила не могла забыть дней, проведенных со своим Гришей, как она любила называть Гашека. (Он как бы олицетворял ее девичий идеал — Ричарда Львиное Сердце, а Гриша — придуманное ею русифицированное сокращение этого имени.) Для нее он был воплощением мужества и благородства. Когда во время прогулки в скалах, под Святым Яном, она вывихнула ногу, он сам донес ее до железнодорожной станции Србско. Осенью 1906 года после крупной ссоры в семье они ненадолго расстались, и Ярмила пишет подруге:

Верь мне,
Гриша — мой палач,
но люблю его — хоть плачь.
С той поры, как с ним простилась,

я смеяться разучилась.

Поначалу ее приводили в ужас циничные суждения Ярослава о политике, его анархистский нигилизм. «Я познакомилась с одним молодым человеком. Иной раз он так странно говорит, что я его даже не понимаю», — перефразирует Гашек ее тогдашние ощущения в фельетоне «Из дневника наивной девушки». Позднее она привыкла к его радикальным взглядам и ироническому способу их выражения. Ей казалось, что и сама она чувствует то же, что он.

В апреле 1907 года Ярослав выступает с речью в Усти-над-Орлицей и, как настоящий рыцарь-анархист, обещает сложить к ее стопам голову клерикала д-ра Мысливца. (Письмо, в котором он упоминает об этом событии, мы уже цитировали.) Теперь это не простое знакомство, а более близкие отношения, возможно — большая любовь. Тогдашняя корреспонденция позволяет сделать вывод, что, пожалуй, и у родителей Ярмилы Гашек временно встречает более милостивый прием; очевидно, за него вступились старшие братья Ярмилы, архитекторы, тоже имевшие отношение к богеме.

Но неожиданный случай все расстроил. После анархистской демонстрации, во время которой Гашек был арестован, его имя попало в газеты, и с таким трудом завоеванное мирное согласие с семьей Майеров снова было разрушено. Молодые люди пытались восполнить недостаток общения любовной перепиской. Послания Гашека из тюрьмы передает Ярмиле ее подруга.

«Глубокоуважаемая барышня!

Прошу Вас, будьте так добры, сходите к Ярмиле и утешьте ее.

Я сейчас нахожусь в предварительном заключении, и передо мной на столе лежит медицинское свидетельство: dass der eingelieferte Inquisit Hasek Jaroslav zu Fasten, Tragen von Eisen und zu Handarbeiten geeignet ist.

[31] Я нахожусь под следствием по обвинению в том, будто собрал толпу и подстрекал ее бить полицейских — сие произошло якобы после митинга 1 мая в саду на Слованех. Я намеревался написать в газету «Ден» («День») отчет о митинге, а тем временем информацию о моем проступке передали газетным хроникерам. Предварительное заключение слишком долго не продлится, но пока скажите Ярмиле, чтобы утром пришла меня навестить, сходите туда сразу, как только получите это письмо. Передайте ей, что я все время о ней думаю и жду не дождусь, когда выйду на свободу. Это произойдет сразу после допроса свидетелей. Идите же туда, прошу Вас, и утешьте ее. Идите сразу и покажите ей это письмо. Я все время думаю о ней. Моя жизнь протекает между мучной похлебкой, которую я получаю каждое утро на завтрак, и «гусятинкой», как тут величают странную смесь гороха с крупой! Все это вместе зовется жизненной философией. Ярмилу целую, а Вам шлю привет.

Ярослав Гашек.

Поцелуйте Ярмилу за меня!

Пусть она мне напишет».

Для Ярмилы Гашек стал героем. Стычка с полицией и заключение в австрийскую тюрьму — все это лишь возвышало человека в глазах тогдашней молодежи. Притом Гашек льстит и практическим наклонностям натуры своей возлюбленной. Делает ее доверенным

лицом. На оборотной стороне визитной карточки Гашека написано:

«Уважаемый пан редактор!

Прошу Вас выдать чек на получение гонорара за вещь, помещенную в Вашем издании, предъявителю сей записки, барышне Ярмиле Майеровой.

Пребываю в совершенном почтении

Преданный Вам...

(Действительно для всех редакций)».

В августе наконец начался месячный срок заключения. В письмах Гашек сообщает Ярмиле самые незначительные подробности тюремной жизни, ибо убежден, что всегда встретит у нее полное любви понимание. Он открывается ей таким, каков есть, без притворства и маски.

«14 сентября пусть мне пришлют вместе с ботинками свежий воротничок и какой-нибудь галстук получше да еще пусть дадут тебе ключ от квартиры, чтобы я мог попасть домой, поскольку не знаю, застану ли там мать. Пойду переоденусь. Потом вы могли бы позвать меня на обед. Передай привет всем вашим и моим. Барышне Б. тоже передай мой сердечный привет. Хоть я и не знаю, могут ли преступники передавать сердечные приветы, но, пожалуй, все-таки могут. Что же касается того, чтобы писать здесь стихи, то это просто невозможно. Неужели ты хочешь, чтобы я снова клеил пакеты? Прошу тебя, дорогая, взгляни, что там поделявают щенята, которых я отдал на воспитание барышне Клатовской».

Следующее письмо из тюрьмы написано стихами:

Прекрасна жизнь! Теперь я это знаю.
Зачем давно я не попал в тюрьму!

Поди ж — необразованность какая!
Чего боялся? Право, не пойму.

.....
Увы, неблагодарность — наше свойство.
Любой — лишь только выйдет за порог, —
не попросив простить за беспокойство,
домой отсюда шпарит со всех ног.
Лишь воробьев приветливая стая,
объедки не уставшая клевать,
казенный харч всечасно воспевая,
не хочет двор тюремный покидать.

Подписывается Гашек — Митя. Это ласковое прозвище тоже имело для них скрытый смысл, поскольку было произведено от имени русского революционера Михаила Бакунина.

Но чем больше дочь виноградского штукатура воспламенялась любовью к анархистскому бунтарю, тем упорнее противодействовал этому ее отец. Он запретил ей встречаться с Гашеком, пока тот не покончит с анархизмом и не найдет себе постоянной службы. Если бы он еще знал, что Гашек в соответствии со своими убеждениями отрекся от католической церкви!

Первую часть условия Ярослав легко выполнил. После злополучного тюремного эпизода он покидает редакцию анархистского журнала и ищет место в других пражских изданиях. Со вторым условием дело обстояло хуже. Куда бы он ни явился в поисках работы, везде боялись, как бы он не устроил какую-нибудь «маленькую революцию», ибо его бесстрашие и нежелание приспособливаться были всем прекрасно известны. К тому же он привык выражать свои мысли откровенно, без всяких околичностей. Достаточно сравнить его учтивое ходатайство о месте в банке «Славия», написанное в 1902 году, с небрежным письмом

хранителю библиотеки Национального музея, куда он в 1907 году хотел поступить на службу. Даже в формальном прошении он не желает притворяться и играть комедию.

«Ваша милость!

Предлагаю Вам свои услуги.

У меня есть практика.

Я редактировал журналы «Комуна» и «Худяс» и, хотя не являюсь прямым анархистом, редактировал их в анархистском духе.

Подошел бы Вам возраст — 25 лет?»

и т. д.

Он тщетно ищет место — нигде не хотят брать человека подобного образа жизни, насмешника, для которого на свете нет ничего святого. Несчастные возлюбленные должны встречаться тайком, переписываться через друзей и подруг. В письмах, которые явно предназначены для родителей Ярмилы, Гашек лестью и витиеватым стилем пытается снискать их расположение.

«Дорогая Ярмила!

Не думайте, что я хочу нарушить покой в Вашем доме. Я с глубоким уважением отношусь к требованиям Вашего отца и постараюсь выполнить их, чтобы у Вас не было в семье никаких неприятностей. Я перестану участвовать в анархистском движении и буду заниматься лишь чисто литературной деятельностью, а при первой возможности устраюсь в редакцию газеты, с программой которой Ваш отец будет согласен. Тогда никто не сможет сказать, что он запрещает Вам со мной разговаривать...

Надеюсь, что, когда я оставлю анархистское движение, Ваша мать также не будет возражать против нашей дружбы.

Ваш отец тем паче, ибо я теперь знаю, что лично против меня он ничего не имеет и возражает лишь против моих анархистских убеждений.

Но Вас я люблю больше, чем какие-то лозунги! И потому будьте любезны сказать Вашему отцу, что я прошу его не поминать прошлого, поскольку в настоящем все изменилось. И еще прошу, чтобы Ваш отец позволил Вам завтра в десять часов прийти к спортивному залу «Сокола».

Буду действительно рад, если Ваша мать, которую я чрезвычайно уважаю, хотя она до сих пор не сказала обо мне ни одного доброго слова, изменит свое мнение.

Знаю, моя дорогая, что как мать она заботится о Вашем счастье, и потому сбрасываю с себя опасное анархистское одеяние и надеваю более удобное — по желанию Вашего отца.

Я и сам завтра днем охотно переговорил бы с Вашим отцом и объяснил бы ему, что не намерен больше допускать никаких выходов и буду руководствоваться своей последней беседой с ним. Поэтому приходите завтра в десять часов к залу «Сокола» на Виноградах.

Целую Вас.

Ваш Ярослав».

Встретившись с паном Майером, он обещал исправиться и непременно найти постоянное место службы:

«В результате полуторачасового разговора с твоим папашей я добился хотя бы того, что он пообещал, если

я буду прилично одет и найду пусть даже совсем скромное, но постоянное место, не препятствовать нашим встречам, ибо он сказал, что коли отбросить прошлое, то даже любит меня.

Во-вторых, он обещал разрешить нам писать друг другу, а в-третьих, обращаться с тобой мягче.

Я же, в свою очередь, пообещал ему подыскать себе место, но не так, как весной, — а по правде, потому что тогда я ни о чем не заботился, а теперь забочусь».

Надежды Гашека найти место и соответственно средства к существованию поддерживались еще тем, что над ним смилостивились в редакциях социал-демократических газет. Полный радужных планов, он пишет:

«В «Право лиду»^[32] мне определенно пообещали место, а конкретно — депутат Соукуп^[33] и д-р Винтер^[34]. Сказали, что делают это вовсе не из сентиментальных побуждений, а просто потому, что им было бы жаль меня потерять. А посему, прежде чем предоставить мне что-то более солидное, они подыщут для меня какую-нибудь работенку до полудня. Я должен писать во все социал-демократические газеты. Д-р Крейчи^[35] заверил меня, что постарается печатать мои вещи хотя бы раз в неделю, если это будет возможно, а д-р Шмеральы зашел даже так далеко, что предложил поехать вместе с ним в Кладно, где вчера проходила конференция редакторов социал-демократических газет.

Так что вчерашний вечер я провел в Кладно. Шмераль представил меня по крайней мере пятнадцати социал-демократическим редакторам».

Обещания социал-демократических депутатов и надежды на должность в кладненском филиале редакции «Праву лиду» были представлены родителям как решенное дело. Позднее молодым влюбленным пришлось опровергнуть эту версию. В одном из писем

Ярослав напоминает: «Объявим, что я вернулся из Кладно».

Но, несмотря на все обещания и действительное стремление исправиться, Гашек не мог уже ничего поделаться со своим характером, не мог отказаться от старых привычек. Рассказывают историю, из которой хорошо вырисовывается его неосмотрительность. Как-то раз, возвращаясь на рассвете из кафе, он в приступе тоски по Ярмиле посетил дом Майеров на Виноградах. Но исповедался лишь сонной дворничихе, ибо наверх та его не пустила. Ярослав умолял дворничиху никому ничего не говорить. Однако наутро все, разумеется, знали, в каком виде «пан писатель» явился ночью просить руки дочери домовладельца. Двери дома Майеров снова перед ним закрылись.

Детская наивность и доверчивость — наиболее характерные черты его взаимоотношений с Ярмилой, несчастливых и трагически сложных. И все же он привлек ее именно открытостью своего характера; его естественность пробуждает в ней симпатию, легко преодолевающую девичьи запреты.

«Сегодня я вижу, что если двое любят друг друга, как мы, если они так влюблены, проводят вместе столько времени, открывают свои души, целуются, тоскуют в разлуке, обнимаются, ищут четырехлистник, ласково и нежно кладут головы друг другу на плечо, на колени, прижимаются с неясным представлением о том, как будет прекрасно, когда они смогут вместе спать, если для них наслаждение ощущать тепло другого и если при всем том они не стыдятся своих страстных вздохов и понимают друг друга, как мы, говорят один другому даже такое, что остановило бы строгих моралистов, беспокоятся друг за друга и не могут друг без друга жить, — так вот сегодня я вижу, что это настоящая любовь, не платоническая, но и не только чувственная, а и то и другое сразу. Мы с тобой, дорогая,

хорошо понимаем это, когда сидим рядом в обнимку и ты говоришь мне: тсс!»

Поскольку он знал, что Ярмила способна принять его и таким, каков он есть, что она единственная до конца оценила его искренность, в одном из писем он доверяет ей глубочайшую тайну, грехопадение своей молодости. «Верь мне, дорогая, я любил тебя одну, Ярмила, и теперь люблю, всем сердцем люблю и никогда ни одной другой женщины не любил, ни той цыганки — Ма-ришки...

...И верь мне, с тех пор как мы с тобой сблизились, я ни с одной женщиной не провел в постели и секунды, потому что ныне для меня никого больше не существует, одна ты, моя дорогая, и одна ты меня любишь, а остальные женщины не стоят и клеточки твоей кожи. Прошу тебя, напиши, что прощаешь мне те времена, когда я тебя еще не знал...»

В корреспонденции обнаруживается и противоречивость натуры Гашека. Даже во взаимоотношениях с самыми близкими людьми, которым доверял, он не мог преодолеть несдержанность характера. Под влиянием неожиданной идеи он способен пренебречь всеми обязательствами, забыть обещания и клятвы. Но тут же раскаивается, снова дает обещания, снова клянется и оправдывается: «Дорогая моя! Обещаю тебе, никогда больше не сделаю ничего, что бы могло нам повредить. Ведь я знаю, ты из-за этого будешь очень страдать, моя Ярма. Ты и так страдаешь из-за меня, но верь, я за все тебя вознагражу, и когда-нибудь мы вместе посмеемся над тем, что сегодня кажется нам ужасно трагичным.

Я вознагражу тебя за всю боль, дорогая, за все горести, которые тебе причиняю. Я тебя безмерно люблю и тоскую по тебе. И когда-нибудь, надеюсь скоро, буду рассказывать тебе, сколько раз я думал, почему я не богач, сколько раз думал и чувствовал точно так же, как ты, моя драгоценная...»

От Ярмилы Гашек не скрывал изнанки своего непростого образа жизни, своего отчаяния от того, что не может найти постоянное место, хоть и готов принести ради этого жертвы. (Так, он участвует в конкурсе на замещение должности общинного секретаря в каком-то медвежьем углу, но и это оказывается напрасным. Место, вероятно, получил кто-то из тамошних жителей.)

В ту пору успехом пользуются его фельетоны. «В «Право лиду» хотят получить от меня десять фельетонов, — пишет он. — В «Рашпле»^[36] («Рашпиле») пять рассказов и для каждого номера фельетон».

Но эти будничные радости отравляет неустанная забота о средствах к существованию. Он вечно в долгах, и кредитором, очевидно, чаще всего была Ярмила. Поскольку дома ей давали только немного карманных денег, она одалживает для него довольно большие суммы, что подтверждает и следующий пассаж: «Боюсь, ты не будешь удовлетворена присланной суммой. Я делал, что мог, и очень сожалею, что не достал больше, моя золотая. Но на какое-то время ты, надеюсь, все же удовлетворена. Только бы ты скорее поправлялась! Пиши мне честно, как себя чувствуешь! А я уже так хочу тебя видеть! Мне грустно, невероятно грустно. Ты написала так трагично. Это было ужасно. Вообрази, в час дня у меня еще не было ни крейцера, только четыре странички поэтического рассказа «Двоюродный брат Бойко». Я пошел с ним в «Май»^[37]. Там был Кронбауэр^[38]. И сей добрый человек дал мне пятерку авансом. Потом я встретил Вику^[39], он одолжил мне гульден. А перед тем я обегал всю Прагу. Но остался оптимистом, и в час дня, не имея ни крейцера (все, что у меня было, я проезжал в трамвае), все еще надеялся на благополучный исход».

Другим постоянным кредитором Гашека была кузина Мария. Чуть ли не в каждом письме мы найдем фразу:

«отложу для Марчи», «отдам долг Марче», раз даже упоминается ее браслет, по-видимому, сданный Ярославом в ломбард.

Чтобы воспрепятствовать встречам Ярмилы с Гашеком, отец послал ее к родственникам в Либань. В письмах, которыми молодые люди пытаются вознаградить себя за разлуку, мы находим отголоски бесконечных перипетий их любовных отношений. Мальчишески наивные чувства Гашека переплетаются в этой переписке с мужественным стремлением сделать Ярмилу поверенной и участницей своих литературных битв, своей борьбы за существование. Он делится с ней художественными замыслами.

«Пошел я прогуляться по Карлину и на самой окраине перед магазином увидел ковылявшего по улице полуторогодовалого мальчонку. Его мамаша, видно, зашла в магазин. Я взял его за руку и повел к ближайшей остановке трамвая. Карапуз называл меня «папой», я сел с ним в трамвай и потребовал билет «с пересадкой» на Вышеград. Приехал туда, вылез вместе с малышом и пошел к Подолу. Потом завел мальчонку в подъезд, велел подождать и удрал. Сел на пароход и возвратился в Прагу. Выхожу на набережной... и тут я проснулся.

Странные у меня сны. Немножко разбавлю этот сон и напишу рассказ о таком типе, которого радуют горести ближних».

Ярослав несколько раз навещал Ярмилу в Либани.

Случай, происшедший с ним как-то в поезде на обратном пути, он описал, не жалея красок:

«До станции я добрался благополучно и без приключений. В вагоне сплошь были старцы, да еще жандарм, который вез сих достопочтенных старичков в суд. В Копидльне я зашел в буфет. Представь себе — сосиски пахивали, а пиво было такое отвратное, что я через силу выпил бокал. Затем я снова сел в поезд и

ехал до Чешского Брода с несколькими земледельцами, которые спрашивали меня, каков ячмень в Либани. Я сказал, что ячмень в этом году редковат, рожь высокая, а вообще — довольно сухо. Впрочем, любая земля, дескать, хороша, если не пожалеть удобрений. К сожалению, наши люди еще не умеют систематически культивировать почву — хоть им кол на голове теши! Под конец я сказал им, что еду в Роудницу покупать машину для выжимки мака (собственный вымысел!). Они чрезвычайно заинтересовались; тогда я сообщил им, будто бы из всех плодов земных мак имеет самую большую будущность. Нынче, говорю, маковым маслом пользуются только художники да лакировщики, а завтра? а послезавтра?.. Кто это может предвидеть?.. Они советовались со мной, какую шестирядную машину для внесения в почву минеральных удобрений им лучше купить.

Я объяснил, что лучше всего восьмирядную. Этим я сразил их наповал, и они поспешили перевести разговор в другое русло.

С ячменя, навоза и машин для внесения в почву минеральных удобрений мы перешли на пожарных, с пожарных на какого-то восьминедельного поросенка, который родился у одного из них в местечке Кршинец, с этого поросенка перескочили на магистра Яна Гуса^[40], чей праздник они как-то связали с поросенком...

Дело в том, что свиноматка загрызла этого поросенка в тот самый момент, когда ее хозяин по случаю праздника в честь Яна Гуса участвовал на площади в шествии с зажженными лампонами. Я сказал, что это явно была не какая-нибудь обыкновенная свинья, а свинья-мачеха.

— Милостивый сударь, — удивился деревенский простак, — откуда вы знаете, что это не ее поросенок? И верно, его мамаша сдохла от краснухи, вот мы и

подсунули сосунка свинье мясника. — Так я еще раз поддержал свою репутацию!»

С другого свиданья Гашек за неимением средств возвращался пешком.

«Сроду так не промокал, как вчера вечером на пути из Ржичан в Прагу. Примерно за час ходьбы до Пругониц начался ливень, дорога там идет низиной, и вдруг вся эта низина оказалась затопленной бурлящей водой, доходившей мне до колен. Вода со склонов неслась лавиной. Тьму озаряли молнии. И в этом неистовстве стихий, от красоты которого подламывались ноги и спирало дыхание, вдруг послышалось громкое пение. Я пошел на голос и в кроне дерева, стоявшего у поворота дороги, где вода низвергалась с особой силой, увидел черную фигуру. Это был пругоницкий капеллан. Попав в беду, он вскарабкался на дерево и там жалобно пел.

Между нами завязалась беседа.

— Это ваше сочинение? — спрашиваю. — Милый пан, — ответствовал тот с дерева, — вы бы поступили благоразумнее, если бы присоединились к моему пению. — Отчего бы и нет, — сказал я и тоже стал петь: «Всякий поп до смерти рад есть с кухаркою салат», — а потом говорю: — Вот видите, природа гневается, а я пою такие непристойности. Вы поняли, что означает эвфемизм «есть салат», ваше преподобие? Выло бы вполне естественно, если бы господь бог в этот миг ниспослал на меня гром и молнию. Но поскольку наука и церковь состоят в вечном противоречии, физические законы из оппозиции к богу и церкви не подчинятся небесным силам, и гром с молнией ударит точнехонько в то дерево, на котором сидите вы, ибо вы являетесь самой высокой точкой во всей округе... — Сказав это, я пустился по дороге вброд и скрылся во тьме. А сквозь шум падающих на землю вод до меня доносилось: «О мать святая, к тебе обращаю прошение, пусть бог всемогущий простит дураку прегрешенье». Дождь

постепенно стихал. Быстрым шагом и в прекрасном настроении, полный воспоминаний о тебе, я поспешил к Праге, куда и добрался без дальнейших происшествий».

Чтобы придать своим сообщениям из Праги большее правдоподобие, автор писем порой изображает раскаянье и сожаленье:

«Ты даже не представляешь себе, как я страдаю, вспоминая свое легкомыслие: играл в карты, ходил в кабак. Теперь я лишь изредка посещаю кафе или какую-нибудь выставку и усердно работаю».

Из других писем мы узнаём о его мелких печалях и заботах:

«Получил твое письмо. Большой палец у меня еще побаливает. Напишу завтра. До сих пор не мог писать как следует, потому что палец снова распух. А сегодня он уже нормальный. Я его действительно вывихнул. Но ничего худшего не произошло. Что касается рассказов, то я диктовал их художнику Ладе». (На цветочном гулянье в парке Стромовка бешеные кони перевернули тогда коляску, в которой ехала певица Ортова. Певица погибла. Гашек пишет Ярмиле, что вывихнул большой палец, когда вместе с несколькими другими мужчинами пытался удержать коней.)

«Вернувшись домой, я съел все, что мог найти. Утром мама попросила дать ей немного денег, чтобы заплатить домохозяину, ей не хватало нескольких гульденов до требуемых 48. Я отдал шесть гульденов, полученных из «Гумористицких», Ты не сердись? Сумочку я пришлю тебе, наверное, в понедельник вместе со всем содержимым».

«Снова пишу для «Венкова» («Деревни»)^[41] длинную вещь, для «Обзора» («Горизонта»)^[42] уже написал. А завтра буду писать для газеты «Народни листы». Но в «Народни политику» писать не стану, этот Жак^[43] ужасно глупо ведет юмористическую рубрику. Вечно там такая муть, что стыдно видеть свое имя рядом с именем

какого-нибудь идиота. Результатами нынешнего года я в основном доволен. Теперь хочу проникнуть в «Злату Прагу»^[44], «Люмир»^[45] и «Звон»^[46]. Наверняка проникну. Напишу кое-что и для «Шванды дудака» («Шванды-волынщика»)^[47], а ту вещицу возьму назад. Как-никак, мое имя теперь уже достаточно известно, и если когда-нибудь люди, показывая на тебя, станут говорить: «Вон идет пани Ярмила Гашекова», — они должны говорить это с уважением!»

Настойчивостью и темпераментом Гашек завоевал сердце ироничной, недоверчивой девушки. В семье Ярмила, несмотря на все раздоры, ссоры и огорчения, неколебимо отстаивает своего Гришу. Говорят, она дважды ради него убежала из дому, ночевала у подруг. Не помогло и то, что в следующие каникулы родители постарались отправить ее подальше от Праги, к замужней сестре в Пршеров.

По счастливой случайности Гашеку удалось сломить неотступно преследовавшее его невезенье. Он отыскал хоть и незначительную, но постоянную должность. Речь шла о плохо оплачиваемом месте помощника редактора в журнале «Свет звиржат» («Мир животных»), издаваемом владельцем собачьего питомника паном Фуксом.

В письме Ярмилиной матери от 9 августа 1909 года он с детской гордостью сообщает: «Могу даже похвастать, хотя, собственно, похвальба и немногого стоит... Теперь у меня постоянное место и 80 гульденов в месяц, кроме того, что я заработаю в других газетах...» И не без доли фарисейства добавляет: «Сердечно благодарю Вас и Вашего супруга за то, что Вы наставили меня на путь истинный».

Чадолюбивый пан Майер был доволен и этим. Состоялось еще одно свидание с будущим тестем, которое закончилось длительной прогулкой в сады Ригера. Через неделю Ярослав радостно пишет Ярмиле в

Пршеров: «Ты и представить не можешь... Твой отец позволил мне жениться на тебе!»

ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛИСТОВ
В «МИР ЖИВОТНЫХ», ИЗ «МИРА ЖИВОТНЫХ»

—
К НАЦИОНАЛЬНЫМ СОЦИАЛИСТАМ

Жизнь Гашека можно воспринять как литературную фабулу. В таком случае ничто не было бы столь чуждо ему, как образ героя, созданный просветительским «романом воспитания», где отдельные этапы развития сюжета всегда взаимосвязаны, мотивированы эпохой или внутренними драматическими конфликтами и все завершается идейным созреванием «воспитуемого», гармонией, целостным взглядом на мир.

Биография Гашека, напротив, скорее соответствует пониманию жизни как игры. Повседневность здесь сталкивается с фантазией, неутолимая жажда новых впечатлений с непосредственной, далекой от практических целей и намерений восприимчивостью. Тем больший простор предоставляет эта игра жизненной энергии, стихийному, инстинктивному началу.

Все, чем Гашек жил, он с фатальной последовательностью включал в нее, не делая исключения и для своего творчества. Эта игра отнюдь не была так идиллична, как ее изображают некоторые друзья Гашека, а имела весьма трагичную подоплеку.

В одной из записок начала 1908 года мы, например, читаем: «Я достал всего 11 гульденов. И близок к отчаянию. Ужасно. Эту неделю живу у пана Дробилека, ул. Палацкого, 37».

У Гашека нет даже постоянного жилья. Он ночует у знакомых и товарищей, в том числе и у Эдуарда Дробилека, позже — одного из вдохновителей партии

умеренного прогресса в рамках закона. Именно к этому времени, очевидно, и относится недатированная записка, в которой Гашек обращается к нему: «Дорогой Эда, я постараюсь как можно скорее заплатить тебе за эти вещи. Кажется, я совсем сошел с ума. Прошу тебя, не подавай иск».

О чем идет речь в этой записке? Одолжил ли Гашек у Дробилека какие-то ценные предметы, которые потом из нужды сдал в ломбард? Теперь уже трудно найти удовлетворительное объяснение. Однако записка проливает свет на жестокую изнанку неосмотрительности Гашека.

Утверждая в полицейском комиссариате в июле 1908 года, что он редактор газеты «Ческе слово», Гашек не лгал, хотя это было и не совсем так. Еще до того, как он покинул анархистское движение, ему удалось установить контакт с молодежью, тяготевшей к национально-социалистической партии, игравшей главенствующую роль в тогдашнем антимилицаристском движении. В 1908 году при поддержке одного из знакомых он начинает помещать сатиры и юморески в газете «Ческе слово». (Но при этом не рвет отношений и с социал-демократическим «Право лиду», ибо и там, как видно из переписки, ему обещали постоянное место.)

И вот осенью 1908 года в связи с предстоящими дополнительными выборами на Краловских Виноградах мы застаем бывшего анархиста в агитационном центре национально-социалистической партии. В ресторации «На Вальдеке», в уютном, хорошо протопленном зале, Гашек на практике познает, как делается буржуазная политика. Его посвящают в тайны политической борьбы и предвыборных махинаций, сам он посылает на «поле боя» агитаторов, расклеивает плакаты и таким образом, по собственному выражению, помогает варить пресловутый «предвыборный гуляш». Можно не удивляться, что деятельность в агитационном центре

национальных социалистов приводит его к очередному разочарованию. Вечером после выборов в трактире «У золотой кружки» Гашек встретился со своим давним другом Ладиславом Гаеком. В то время Гаек был редактором журнала «Свет звиржат» и жил в пражском предместье Коширже, в вилле близ парка Кламовка, где помещались и редакция и псарня. О своей встрече с Гашеком Гаек рассказывает: «Как всегда, он был весел, сыпал шутками, но признался мне, что ему негде ночевать. На улице холод, а у Ярды сапоги просят каши. Я пожалел друга богемной поры и позвал его в виллу «Свет звиржат», где тогда жил.

Дал Ярде свои вторые ботинки, оставил его у себя ночевать, и он предложил мне помочь в издании журнала. Мол, ему хочется изменить образ жизни. Я тогда, разумеется, не мог пообещать Гашеку ничего определенного. Сам я в то время, помимо жилья и питания, получал в «Свете звиржат» всего 100 крон в месяц.

После долгого перерыва мы снова уснули в общей постели.

Утром я велел Гашеку что-нибудь написать, показал его работу шефу и спросил, нельзя ли платить ему ежемесячно хоть какую-то сумму.

Шеф согласился, и я смог предложить Гашеку 30 гульденов за сотрудничество в нашей редакции.

Гашек условия принял. На радостях отправился в Прагу в хороших ботинках и несколько дней в самом деле прилежно мне помогал».

Гашек и прежде прирабатывал в редакциях таких, например, изданий, как «Женски обзор» («Женское обозрение»), «Книгаржски обзор» («Обозрение переплетчиков»), «Гостимил» («Гостеприимный хозяин») и т. п.

Вскоре приятели поссорились. Гаек был горд своим положением в «Свете звиржат» и даже увлекся дочкой

владельца журнала. Но последнее обстоятельство навлекло на него ряд неприятностей. Ибо владелец был не только любящим отцом, но и прижимистым предпринимателем. В журнале он правил как диктатор, в редакторе видел своего прислужника. Особенно бесцеремонно он вел себя с Гаеком, которого почитал теперь чуть ли не членом семьи. После какого-то очередного разноса Гаек разошелся с будущим тестем и стал редактировать газету в Подебрадах. Втайне он надеялся, что его друг тоже покинет редакцию и хозяин окажется на бобах. Но Гашек его «предал». Наконец-то перед ним забрезжила надежда на постоянное место, наконец-то он сможет просить руки Ярмилы! Гашек остался в «Свете звиржат» как редактор (между прочим, с гораздо меньшим жалованьем, чем Гаек). Но все же теперь ему было обеспечено жилье и пропитание, а чтобы он не слишком часто уходил в город, в редакцию ежедневно приносили два двухлитровых бидона с пивом. Гашек получал жалованье, так сказать, натурой — и был чрезвычайно доволен.

Издатель «Света звиржат» тоже был доволен новым редактором. Гашек вводит рубрику «Интересные подробности из мира животных», улучшает качество беллетристической части и создает «Веселый уголок», который ведется на относительно высоком уровне.

Привыкнув к крутому переменчивому нраву шефа, он приспособливается к царящим здесь патриархальным правам (хотя в позднейших воспоминаниях называет виллу «сумасшедшим домом за железной решеткой»). Постепенно Гашек становится незаменимым и не только пишет статьи и редактирует журнал, но и приглядывает за псарней. Друзья, навещавшие его в Коширжах, нередко видели, как он успокаивал сварливых псов или играл со своей любимицей — дрессированной обезьяной Юльчей.

Гашек любил животных. Мог часами наблюдать за ними. Иногда брал какого-нибудь барбоса из псарни «Света звиржат» в Прагу, на «рекламную прогулку». Один из его друзей, в то время издательский редактор, рассказывает, что Гашек как-то навестил его с огромным пятнистым догом и настоятельно требовал задаток. Редактор не скрывает, что присутствие грозного животного значительно ускорило переговоры. Многие знания, приобретенные на службе в псарне близ Кламовки, писатель затем использует, вводя в свои юморески забавные детали.

Став редактором «Света звиржат», Гашек наконец-то, после четырехлетнего ожидания, добился согласия родителей Ярмилы. Пан Майер увидел, что он действительно хочет найти постоянную службу, и смирился с ним. Хуже обстояло дело с матерью Ярмилы. Та его не любила и ничего не прощала, даже если он умолял ее на коленях.

Чтобы задобрить родителей невесты, Гашек вновь вступил в лоно католической церкви, от которой прежде как анархист и вольнодумец отрекся. 15 мая 1910 года он вступает в законный брак с Ярмилой Майеровой в храме св. Людмилы на Виноградах. Тесть обещал снять и обставить для молодоженов квартиру в только что построенном доме на Пльзенской улице, неподалеку от виллы близ Кламовки. В солнечный, хотя и краткий, период совместной жизни молодые супруги совершили свадебное путешествие; судя по сохранившемуся билету — в Мотольскую долину.

Какова судьба Гашека после свадьбы?

Прежде всего представим себе сам диковинный журнал «Свет звиржат». Это было развлекательное и научно-популярное издание, адресованное всем, кто держит животных — собак, кроликов, домашнюю птицу. Одновременно оно служило прейскурантом для продажи тех экземпляров, которые содержались в этот момент на

псарне. Наряду с практическими советами и рекомендациями печатались статьи и занимательные сообщения, большей частью переводы из иностранных, главным образом немецких журналов. Хотя к публикуемым в «Свете звиржат» материалам предъявлялись научные требования, писать нужно было популярно, доступно для читателей из крестьянской среды. Внешнее оформление журнала было консервативным, в стиле тогда уже отживавшего модерна.

Гаек, обладавший лирическим талантом весьма скромного масштаба, все же считал себя поэтом и пытался поднять литературный уровень журнала. Но все его потуги выглядели комично. Гашек замечает: «Нынешний редактор этого журнала Гаек, хотя и пописывает стишки, не поэт. Теперь он кропает вирши о косулях, голубях, охотничьих собачонках, и живости в них не больше, чем в его строках вроде: «Отец мой был каменотес, немало горя перенес», впрочем, на самом деле его папаша был директором сберегательной кассы в Домажлицах» (глава «Свет звиржат» в «Истории партии умеренного прогресса»).

Дилетантские попытки Гаека потерпели крах. Когда позднее Гаек вернулся в «Свет звиржат» уже в качестве совладельца журнала, он полностью забыл о своих юношеских опытах и старался лишь удовлетворить запросы преуспевающего коммерческого предприятия.

Гашек же использует все предоставившиеся ему возможности. Он приноравливается к банальности и тривиальности кинологического вестника и даже получает от этого какое-то удовлетворение. В обстановке, которая подлинного поэта привела бы в уныние, он чувствует себя как дома. Природоведческие «курьезы» и зоологическая «смесь» для него лишь повод дать волю своей фантазии.

Самим подбором статей и занимательных сообщений он старается сделать содержание журнала более разнообразным. Остроумно беллетризирует различные «случаи с животными», подчас используя мотивы собственных юморесок. Вскоре Гашек уже вступает в царство природоведческих познаний как ничем не ограниченный творец, как мистификатор.

Он лихо обращается с научными сведениями, стремясь придать им занимательность, нарушить автоматизм восприятия. Чего стоят одни его рассуждения о воздействии музыки на животных! Прикрывшись для начала высказываниями таких философов, как Декарт, Вольтер и Гердер, он излагает затем собственные природоведческие измышления, сопровождая их множеством конкретных примеров, цитируя источники и опираясь на мнения авторитетов. Но в итоге следуют совершенно банальные выводы, что, например, боров обожает музыку, слон любит слушать грампластинки, а тигр граммофон ненавидит и т. п. Фактическое содержание, научно-популярная информация полностью заслонены самоцельной занимательной игрой.

Талант Гашека просто не выносит ограничений; он проникает и в область, казалось бы, совершенно неподвластную вымыслу, в область точных и конкретных фактических сведений, в строго охраняемые заповедники науки. Сатирик верно угадывает, что наиболее благодатной для него сферой могут быть новейшие открытия или явления, до сих пор не классифицированные и не изученные. Поэтому он пишет о неизвестном виде блохи, относящейся еще к азойской эре^[48], о вновь открытых допотопных ящерах, так называемых идиотозаврах и т. п.

В «Похождениях бравого солдата Швейка» Гашек обрисовал свою деятельность в журнале не без пародийного преувеличения:

«Желая преподнести читателю что-нибудь новое и неожиданное, я сам выдумывал животных... Разве кто-нибудь из естествоиспытателей имел до тех пор хоть малейшее представление о «блохе инженера Куна», которую я нашел в янтаре и которая была совершенно слепа, так как жила на доисторическом кроте, который тоже был слеп, потому что его прабабушка спаривалась, как я писал в статье, со слепым «мацаратом пещерным» из Постоенской пещеры, которая в ту эпоху простиралась до самого теперешнего Балтийского моря.

По этому незначительному, в сущности, поводу возникла крупная полемика между газетами «Время»^[49] и «Чех»^[50]. «Чех», цитируя в своем фельетоне — рубрика «Разное» — статью об открытой мною блохе, сделал заключение: «Что бог ни делает, все к лучшему». «Время», естественно, чисто «реалистически»^[51] разбило мою блоху по всем пунктам, прихватив кстати и преподобного «Чеха». С той поры, по-видимому, моя счастливая звезда изобретателя-естествоиспытателя, открывшего целый ряд новых творений, закатилась. Подписчики «Мира животных» начали высказывать недовольство».

В «Свете звиржат» на первый взгляд не было так заметно, где читателю подсовывается «утка», а где подлинная новинка. Небылицы сливались на страницах этого причудливого кинологического журнала с окружающим текстом. Только историческая дистанция и смысловой сдвиг, вызванный тем, что мы знаем о гашековских мистификациях, позволяют воспринимать эти природоведческие мелочи как комический вымысел.

Хотя игра Гашека весьма совершенна и последовательна, а некоторые его мистификации имеют характер псевдонаучного исследования, над ним собираются тучи. Дело дошло до полемики с различными природоведческими журналами, указывавшими на недостоверность его сообщений. Владелец журнала,

обеспокоенный возможными осложнениями, которые, чего доброго, еще отпугнут серьезных подписчиков, предпочитает уволить нового редактора.

В «Свете звиржат» Гашек произвольно открыл одну из очень важных черт современного юмора. Восприятие подлинной жизненной детали освобождается от автоматизма не путем гротескно-фантастического преобразования реальности, а лишь незаметным сдвигом, который производит искусная рука мистификатора.

Гашековским мистификациям на страницах «Света звиржат» соответствует, пожалуй, современный коллаж или монтаж кинокадров. Сущность этого метода составляет простое цитирование, подача жизненного материала в новом освещении, с помощью иного расположения или соединения. Эстетический эффект при этом основывается не на интенсивности ассоциаций или метафор, а на контексте, на новой, неожиданной взаимосвязи фактов.

Свойственное Гашеку понимание жизни как игры приносит и понимание творчества как игры, обнаруживающей элементы новой художественной структуры в самой действительности, в ее обычном, повседневном обличье. Будучи в основе своей незаконченной, неполной, несовершенной, эта игра настоятельно требует соучастия, наличия партнера, слушателя, читателя.

Фантазия Гашека наслаждается трагикомизмом повседневных явлений и эпизодов, он чувствует абсурдность непосредственно в самой реальности и забавляется, подвергая ее насильственным метаморфозам, обнажая ее мимирию.

Мы не знаем, следует ли придавать выдумкам Гашека в «Свете звиржат» литературное значение. Они были скорее плодом неисчерпаемой творческой фантазии, не ведающей ни препятствий, ни запретов, не

признающей границ, установленных для литературы и искусства традицией, фантазии, по-детски озорной и наивной, непосредственно отдающейся жизни. Мистификация была для него проявлением безудержной энергии, искусства жить игрой. Теперь мы уже догадываемся, почему Гашек приносил в жертву неожиданным и оригинальным гротескным замыслам все, что имел. Ведь игра для него была чем-то всеобъемлющим: эта ненасытная и причудливая, меланхоличная и веселая, добрая и злорадная, немилосердная и бессмысленно жестокая игра в любом случае была независима от условностей и морали.

В 1913 году венский журналист Карл Краус напечатал сенсационное сообщение, выглядевшее весьма правдоподобно, но оказавшееся газетной «уткой». Это была информационная заметка о рудничной собаке — так называемой *grubenhund*, — которая якобы предупреждала лаем о предстоящих сдвигах почвы. Общественность, довольная тем, что ее так остроумно провели, наградила автора этой хроникальной заметки славой первооткрывателя. И незаслуженно. Подобного рода мистификация была открыта до него.

Благодаря пониманию жизни как игры сатирик удивительно легко проникает в сердцевину самых различных социальных слоев. Полярность видения придает его наблюдениям интенсивность, точность, он правильно угадывает соотношения и пропорции. Журналистская сноровка научила его черпать познания из самых различных источников человеческой деятельности и более всего — из сферы политики и общественной жизни.

После разрыва с анархизмом он не сближается ни с одной партией, политической организацией или кружком. Но внимательно следит за общественной и политической жизнью не по официальным декларациям,

а так, как она раскрывалась перед рядовым гражданином Австро-Венгрии. Например, больше всего его интересуют последние страницы газет, заполненные частными объявлениями. Тенденции времени преломляются здесь в повседневных, будничных интересах.

Анархистский критицизм и взгляд «снизу» позволили Гашеку быстро понять, отчего широкие массы так равнодушны к господствующим догмам.

Лучший способ разоблачения — высмеять эпоху ее же средствами. И Гашек решает эту задачу многосторонне, подвергая насмешке всю насквозь прогнившую государственную и политическую систему Австро-Венгрии. Причем опять же нередко использует свою богемную маску, позволяющую в конкретной жизненной ситуации прибегать к намеренной эксцентрике. Так, покинув «Свет звиржат», Гашек заявил: «Из «Света звиржат» я преспокойно скатился в «Ческе слово». Знакомые уверяли, что я вообще не изменил своих политических убеждений. Просто променял бульдогов на новую партию с той только разницей, что бульдогов и догов кормил я, а новая партия кормила меня».

Но прежде чем рассказать о том, как он «скатился» в «Ческе слово», чтобы в качестве хроникера продолжать там свои мистификации, беря за основу мелкие городские происшествия и курьезы, необходимо еще упомянуть о сатирическом журнале «Карикатуры». Ибо этот этап эволюции Гашека составляет целую эпоху в истории чешской политической сатиры.

В 1909 году художник и иллюстратор Йозеф Лада стал издавать в рабочей типографии национально-социалистической партии сатирический журнал «Карикатуры». Название журнала и имя редактора указывают, что главным в нем был рисунок. Искусство слова представлено здесь сатирами и юморесками или

текстами под карикатурами. Сначала журнал выходит на простой газетной бумаге (так называемое малоформатное издание), позднее — на бумаге лучшего качества с цветными иллюстрациями (издание большого формата).

Особенный успех имело малоформатное, народное издание «Карикатур». В нем как раз и печатаются чаще всего вещи Ярослава Гашека, который под различными псевдонимами — например, Йозеф Пексидер, Ладислав Чижек, Антонин Кочка и др. — заполняет целые номера.

Как приятель Лады, к тому же еще и живущий у него, он помогает при составлении и верстке номеров, раздобывает шутки, анекдотические сюжеты для рисунков и не скупится на оригинальные идеи. Благодаря своей находчивости и легкости пера Гашек стал настоящей опорой журнала. «Редактор мог на него положиться, зная, что материал он напишет в один присест. Гашеку было все равно, где писать, и ничто ему при этом не мешало. Однако шутки и анекдоты, связанные с конкретной ситуацией, ему не удавались», — замечает Лада.

Отношение журнала к собственной, национально-социалистической партии было весьма свободное, здесь даже удалось напечатать пародию на одного из вождей чешских национальных социалистов Вацлава Клофаца. Наряду с нападками на представителей социал-демократии — постоянной мишени национально-социалистической прессы, — журнал направляет острие сатиры и против ведущей силы чешской либеральной политики — против партии свободомыслящих (прежде — младочехов).

Каким было состояние чешской политики в предвоенное десятилетие? Главенствующая национальная партия младочехов перенимает от своих предшественников, старочехов^[52], дурное наследие — практику политических сделок, компромиссов и уступок.

В ту пору Чехия принадлежит к наиболее развитым в промышленном отношении областям монархии, и у венского правительства с ней немало хлопот, в особенности много беспокойства доставляет ему классово сознательный чешский пролетариат. Однако слабость чешской политики заключалась в том, что она в значительной степени основывалась на плохом понимании реального соотношения сил, была неповоротливой и негибкой. Многие в ней определялось специфическим характером разочарованной в своих надеждах малой нации, некогда игравшей в европейской политике значительную роль, но затем оттесненной более сильными соперниками и оказавшейся на провинциальных задворках. Отсюда шарахание от чрезмерной осторожности к мании величия. В пору, когда сотрясались самые основы австро-венгерской державы, чешские лидеры выдвигали минимальные требования и наперебой заверяли правительство в лояльности. А когда габсбургской монархии удалось укрепить свои позиции и шансы поработанных наций на завоевание свободы упали до минимума, чешские вожаки принялись упрямо заявлять об исконных исторических правах чешского королевства и добиваться равенства чешского и немецкого языков.

Рядовой гражданин, лишенный реальных политических возможностей и стиснутый рамками строгих бюрократических предписаний, предоставлен самому себе. Непричастность к политической игре и всевозрастающее чувство гнетущего бесправия пробуждают в нем скрытые духовные силы, наблюдательность, проницательность, ум. Поэтому в чешских землях создается тайное оппозиционное общественное мнение, возникает молчаливое взаимопонимание между народными массами и революционными интеллектуалами. Растет и ширится убеждение, что Австро-Венгрия — переживший себя

анахронизм и ее существование абсурдно. Антиавстрийский оппозиционный образ мыслей проявляется главным образом в насмешках над Габсбургской династией. Зачастую это намеки и пародии, подсказанные текущими событиями. Во время одного из императорских посещений Праги в журнале «Баштыржув курир» («Курьер охранителей прудов») появилось изображение Франца-Иосифа I на мосту Чеха в Праге с таким текстом: «Procházka na mosté» («Прогулка по мосту»). Читатели, поняв подзаголовок как фамилию и одновременно прозвище императора, стали называть его: старый Прохазка, Франта Прохазка и т. д. Дискредитирующая императорское достоинство смешная игра слов весьма точно отражает стихийно-анархическое, оппозиционное настроение чешского народа.

В контакте с этой общественной и языковой средой Гашек обогащает набор своих художественных средств. Он пародирует язык парламентских выступлений, программных деклараций и передовых статей, слог полемических реплик, судебных отчетов, объявлений. В сатирах сталкиваются различные речевые слои и стили. Банальные словесные обороты и языковые клише тем самым актуализируются, становятся выражением абсурдного характера эпохи.

Как уже было сказано, особую роль в гашековской иронической мистификации играет предметная деталь. Именно искрометная, многозначная деталь вскрывает в его политической сатире деформацию господствующих символов и мифов. Широко пользуется Гашек предметной и речевой деталью и в своей галерее карикатурных портретов политических и общественных деятелей.

В сатире на «Пражске уржедни новины» («Пражскую официальную газету») он, например, пользуясь речевой деталью, пародирует журналистскую фразеологию:

«Существует, однако, слово, играющее важную роль во всех сообщениях официальной газеты. Это слово «к сожалению». Вы ежедневно читаете: К сожалению, бежал... К сожалению, бросился в реку... Когда лавочница повернулась к нему спиной, он, к сожалению, украл кусок ветчины стоимостью в 10 крон... После этих слов он, к сожалению, ее изнасиловал... К сожалению, он напился в стельку...»

В пору, когда Гашек создает «Галерею карикатурных портретов»^[53] (естественно, что ни одна из глав не подписана его собственным именем), он оказывается в самой гуще политических событий. Иногда он ночует в редакции газеты «Ческе слово», которая находилась в отеле «Золотая гусыня», часто посещаемом видными национально-социалистическими политиками. Поэтому его карикатуры опираются на точное знание закулисной политической жизни.

Комизм, вызванный превращением деталей в развернутые метафоры или их нарочитым нагромождением, обычно выходит за пределы конкретного сатирического замысла и создает многогранное представление о действительности. Примером такой комической градации может служить отрывок из сатирического портрета д-ра Крамаржа^[54]: «Позитивная политика является изобретением д-ра Крамаржа. Это нечто великолепное, захватывающее и чистое. Позитивная политика подобна стакану кристально чистой воды, в которой абсолютно ничего не увидишь: в такой воде не плавает ни соринки, и она не оказывает на организм никакого воздействия. Позитивная политика возникла из слова «позитив», что в фотографии означает изображение, полученное с негатива, в грамматике же «позитивный» означает основную форму имени прилагательного при образовании степеней сравнения, в математике существует «позитивная величина», «позитив» в музыке

означает вид органа без педалей, «позитивный» (положительный) полюс имеется и в гальванической батарее, морские карты говорят о позитивном сдвиге побережья, в философии «позитив» означает противоположность тому, до чего можно дойти мышлением, позитивизм — это целое философское направление; везде «позитив» («позитивный») что-то да означает, и лишь «позитивная политика» не означает ровным счетом ничего, поскольку в философском понимании — это политика, не являющаяся следствием мышления и раздумий. Позитивизм вообще запрещает мыслить, вот почему д-р Крамарж стал сторонником позитивной политики».

Представление о многообразии жизни произвольно противопоставляется политическим и идеологическим символам; роль демаскирующего контраста играет обычно деталь из сферы «низменной» реальности. Эта «низменная» деталь чаще всего связана с физиологической, биологической областью.

Воспроизведение естественных, элементарных, а стало быть, и правдивых мыслей и действий преобладает при обрисовке фигур простолюдинов. В бессмысленной и безысходной ситуации эти герои-плебеи прячутся за свою простодушную наивность, окрашенную авторской иронией. Но эта наивность не оставляет у читателей никаких сомнений, что у таких людей есть собственная реальная шкала ценностей, противоположная той, которую стараются им внушить.

Пражские кабачки

Трудно сказать, когда при своем беспорядочном образе жизни Гашек писал. Тем не менее в 1911 году он, бесспорно, самый плодовитый чешский писатель. В течение года он опубликовал более 120 сатир, юморесок и фельетонов. А если добавить еще «Историю партии умеренного прогресса», состоящую примерно из девяти десятков глав, и соавторство в нескольких пьесках для кабаре, которые не были напечатаны, то нельзя не признать, что его творческая активность уже сама по себе достойна уважения.

Конечно, не все эти многочисленные произведения равноценны по качеству. В большинстве своем они написаны по испытанной схеме, основанной на использовании анекдотического сюжета, и свидетельствуют о том, что автор не слишком ломал голову в поисках новых путей. Да ничего иного и не позволяли ему строго ограниченные размеры: примерно 5 страничек формата «восьмушки» листа, что соответствовало 3–4 столбцам газетного «подвала». Он даже никогда не перечитывал написанного. Сразу относил новую вещь в редакцию, чтобы получить аванс или задаток.

Пренебрежение к стилю, которое могло бы расцениваться как художественный недостаток, в действительности является одной из интереснейших сторон гашековского творческого метода. Друзья жалели, что он теряет слишком много времени на ночные бдения, пытались внушить ему ответственность за талант, уговаривали не растрачивать его понапрасну. Но ни один из них не замечал, что несовершенство и погрешности гашековского стиля щедро окупаются другим его достоинством — пронизательностью

взгляда. Он воспринимает все как бы в квинтэссенции, в блеске мгновенных парадоксальных прозрений. Их выражением служат смысловые контрасты. Остроумная и оригинальная идея — главное в гашековских рассказах и юморесках, остальное отступает на второй план.

Эти идеи Гашека несут на себе отпечаток жизненной среды, из которой они были счастливым образом извлечены. Импровизированные рассказы в трактирной обстановке для Гашека не только подготовка к творческому процессу, но и сам процесс словесного творчества.

И если ему не хватало времени, чтобы отшлифовать стиль, то лишь потому, что он полностью отдавался погоне за новыми, свежими юмористическими находками.

Поначалу женитьба оказывала благотворное влияние на его отношение к работе. Ярмила была целеустремленной эмансипированной женщиной, притом довольно честолюбивой. Она первая поняла значительность и незаурядность своего мужа как человека и художника. И потому ради его таланта решила пожертвовать собственными литературными амбициями. Она создает ему наилучшие творческие условия, интересуется его успехами, делит с ним жизненные невзгоды. Пишет под диктовку Ярослава. Иной раз даже сама дописывает начатую им вещь, если он уходит по каким-нибудь делам. Некоторое время казалось, будто Гашек и правда переменился; стал часто проводить время дома. Приятели напрасно ожидали его в кабачке.

Но вскоре он начинает исчезать из семейного гнездышка. С новой энергией выступает в роли короля богемы, опять блуждает по кабачкам и винным погребкам. Кочует, словно перелетная птица, с места на место, из одного питейного заведения в другое.

Жене такое поведение совершенно непонятно, оно пугает ее, приводит в ужас. Неужели теперь, когда после столь долгого ожидания они наконец-то вместе, ей снова предстоит утратить своего «Митюшку»? Кто его у нее отнимает? Из обрывков корреспонденции вырисовываются очертания семейной трагедии Гашека.

«Митя, дорогой, как ты можешь так меня мучить, — пишет несчастная женщина в одну из проведенных в одиночестве ночей, — зачем сидишь где-то «У золотого жбана» с теми, кто не знает настоящей любви, кто убивает свои ночи и ради тебя не бросил бы даже падшей девки, если ей назначено свидание, а ты ради них можешь покинуть и губить свою жену, которая тебя любит и плачет дома...»

Но плач и упреки — непригодное средство для лечения бродяжьего зуда. После каждого ночного похождения Гашек кается, просит у жены прощения, клянется перемениться и исправиться. Но на другой день в хорошо известный час его снова срывает с места какая-то могучая и неумолимая сила. Химера равнодушна и бесчувственна к человеческим страданиям.

Безответственно и своевольно рвет он семейные узы. И непреклонно направляется туда, где находит источники своего творчества; его манит атмосфера трактирных развлечений и бесед, шумная мужская компания.

Выбор места иногда определяется качеством напитков, которые подаются посетителям, но прежде всего характером собирающегося здесь общества. Присутствие публики, чьим вниманием он стремится завладеть и с чьей помощью распалает свою фантазию, для Гашека — потребность, которая важнее, чем алкоголь. Об этом хорошо написал Франтишек Лангер: «Человеческая стихия... помогала Гашеку в работе, подстегивая его и создавая необходимое настроение,

она была трамплином для прыжка, суфлером, трибуной и сценой... Эта человеческая стихия досоздавала и дополняла тот, другой, мир, бессмысленный, своевольный и безответственный, призрачный и фантастичный, продымленный табаком и пахнущий пивом, в котором Гашек мог свободно переходить в иные измерения, чем те, что были predeterminedены трезвым распорядком дня и косной жизненной практикой... Кто-то начинает рассказывать один случай, кто-то другой; Гашек тихо слушает, потягивает из стакана, покуривает дешевую сигару, улыбается, с удовольствием ощущая себя центром внимания, и, когда момент кажется ему подходящим, вставляет несколько слов или короткую фразу, поправляя и дополняя чужое повествование или сдабривая его шуткой. Если он замечал, что его слова нашли отклик, то тщеславно добавлял еще что-нибудь и наконец сам принимался рассказывать, чтобы все лавры достались ему».

Маген тоже свидетельствует, что во время застольных бесед Ярослав стремился обратить на себя внимание творческой импровизацией: «Уверяю вас, если этот человек начинал рассказывать в садике трактира «У новой Праги» какую-нибудь историю, никто не мог сравниться с ним в богатстве выдумки. Обычно здесь рассказывались длинные истории без ладу и складу, и каждый из сидящих за столом должен был добавить к повествованию свою главу. Гашек обычно начинал, кто-нибудь подхватывал, но потом все превращалось в пустую болтовню. И хотя это было болтовней с самого начала, мне всегда радостно было наблюдать, как Гашек заранее обчищал кладовую фантазии, не оставляя другим даже огрызков. Гашек парил, а мы были для этого слишком тяжеловесны».

Его можно видеть всюду, где только слышны говор и смех. Его круглое розовое лицо с искрящимися, чуть прищуренными, ироническими и словно бы сонными

глазами появляется в самых различных кабачках то в одной, то в другой части Праги. Он перестает быть обыкновенным смертным, превращается в живой миф извозчичьих трактиров, в «бродячего гусенка». (В основе этой метафоры лежит детская сказка. Как толстый желтый гусенок, ковыляя с места на место, тщетно искал потерянную мать.)

Если бы мы захотели описать все места, где собиралась богема, или трактиры, которые посещал Гашек, нам пришлось бы перечислить большинство питейных заведений довоенной Праги. (Пока что удалось зафиксировать более ста пражских кабачков, которые Гашек знал и, очевидно, посещал.) О ряде из них мы должны сказать подробнее.

Это прежде всего кабачок «У золотой кружки» на Бальбиновой улице, откуда обычно предпринимались походы в другие пражские кабачки и пивные. Зал в этом богемном святилище был темный, сводчатый и просторный. Трактир мог похвастать тем, что у столика, стоявшего за роялем, почти ежедневно появлялся патриарх чешских писателей Якуб Арбес со своей верной свитой. В углу было поставлено черное древко со знаменем, на котором золотом была вышита большая кружка — символ этого кабачка. Арбес восседал тут как живой свидетель всего того великого, что пережил чешский народ в 1848 году и в прославленные шестидесятые годы. Его портрет висел над центральным столом.

Гашек, которому необходимо было везде играть первую роль, нередко затевал с Арбесом, признанным властителем кабачка «У золотой кружки», словесные поединки. Впрочем, метр был уже слишком стар, чтобы понимать, чем интересуется молодежь. Сам он главным образом жил воспоминаниями, но во всем, что он говорил, чувствовался талант. В конце концов однажды противники помирились. Пожилые и молодые

собутельники пошли провожать Арбеса до его дома на Смихове. Потом Арбес провожал всю компанию назад, на Винограды, и так зачастую они ходили до рассвета. Утром, отпирая дома, добродушные пражские дворничихи видели странную группу и говорили со вздохом: «Хоть бы у деда нашлась капля ума!»

Помимо этого трактира, с которым в «Истории партии умеренного прогресса» Гашек связывает возникновение своей веселой дружины, необходимо упомянуть о двух виноградских кафе. Это анархистская «Деминка», штаб-квартира С. К. Неймана, и «Главовка», где обычно собирались актеры виноградского театра. Далее следует назвать кафе «Тумовка», нередко превращавшееся в писательский кабинет Гашека. Он сидел здесь за маленьким столиком у окна, выходящего в узкий тупик, и писал свои юморески. «Тумовка» была очень удобно расположена. Напротив помещалась редакция журнала «Весела Прага», резиденция издателя Лочака, который охотно давал вечно нуждавшемуся сочинителю задаток, так что еще не просохшую рукопись можно было тут же превратить в деньги.

Колоритным уголком был район между Сокольским проспектом и площадью Фюгнера. Здесь, на улице, которая называется На боишти, находился трактир «У чаши» (точнее — ресторан и дом свиданий), прославленный тем, что Гашек описал его в «Швейке». Правда, сам он заходил сюда редко. В ближайших окрестностях площади Фюгнера, рядом с пражским родильным домом и домом умалишенных, богемному Вакху было раздолье. Здесь друг возле дружки сгрудилось больше двух десятков трактиров, отелей, кафе, дневных и ночных винных погребков, танцевальных залов и кафешантанов, которые закрывались в разное время, так что пражские прожигатели жизни могли бесперебойно утолять свою

жажду. Неподалеку было известное «Русское кафе», посещавшееся сербскими и хорватскими студентами, дальше — ночное кафе Бенды, известное биографам Гашека по одному из полицейских протоколов, пресловутый шантан «У Аполлона», о котором упоминает Киш в книге «Запрещенные злчные места»; поблизости, на Аполинаржской улице, находилась знаменитая «Ядовитая хижина» — «Ядовна», откуда обычно шли на Морань, в причудливое и уютное кафе «Столетка», названное так по своей предшественнице — «Столетней кофейне»; напротив, на Кршеменцовой улице, раскрывал свои гостеприимные объятия известный трактир «У Флеков». Среди ныне уже легендарных названий трактиров и шантанов в сердце Гашека неизменно царил скромный трактир Шольца на углу Сокольского проспекта и площади Фюгнера, который он и его друзья облюбовали из-за крепкого великопоповицкого пива и симпатичного трактирщика.

Йозеф Шольц прежде участвовал в рабочем движении. Но женился на дочери трактирщика и, уйдя из типографии, посвятил себя новому делу. Как начитанный, просвещенный рабочий, Шольц сохранил уважение к образованным людям и с открытым сердцем принимал у себя литературную богему. А та отвечала ему любовью, ибо старый Шольц наливал пиво в долг и сам не прочь был выпить за компанию. С Гашеком они были как братья. (Считают, что трактирщик Шольц стал прообразом Паливца. После сараевского убийства он распространял сообщение о смерти эрцгерцога Фердинанда и за это был допрошен в полиции. Когда же выяснилось, что эрцгерцог действительно убит, он ужасно обрадовался, что все так «удачно» обернулось.)

Ныне уже трудно себе представить, какой патриархальный дух терпимости и снисходительности господствовал в старых пражских кабачках. Неизменный порядок поддерживался в каждом заведении самим

трактирщиком или кельнером. Завсегда и пользовались большими привилегиями и обращались с персоналом запросто, почти как родные. Здесь царила дружеская атмосфера, обстановка беззлобного подтрунивания и сердечного веселья. В некоторых заведениях была еще жива традиция народных шансонье: актеры и певцы читали стихи, пели куплеты. В перерывах между их выступлениями посетители развлекались сами, рассказывали анекдоты и разные забавные истории. В этом импровизированном увеселении между двумя глотками пива берет начало особый вид устного рассказа, порожденного мгновенной ситуацией.

В разговоре люди оживляются, раскрывают душу, делятся сокровенными надеждами, затаенной тоской по прекрасному, завязывают знакомства. В призрачной и фантастической атмосфере трактирного веселья кристаллизуется поэзия, обычно придавленная повседневными жизненными обязанностями, грузом общественной иерархии. В этой атмосфере самые пустячные выдумки воспринимаются как действительность, и, наоборот, самые возвышенные истины приобретают анекдотический привкус.

Во всех этих анекдотах и рассказах отражается важная черта чешского национального характера: юмор. Склонность к юмористической самоиронии явилась следствием трех столетий иноземного господства и огромной дистанции между реальным бытием народа и великодержавной политической практикой. Юмор помогает маленькому человеку сохранить оптимизм и веру в себя даже в кризисных, безвыходных ситуациях. Попытка найти хотя бы словесную отдушину — отнюдь не бегство от политики. Особенно в Праге, бывшей столице, не раз имевшей случай заглянуть за кулисы династических интриг, хотя к лишенной возможности в них вмешаться. Здесь укоренилась унаследованная от

предков привычка скептически и пренебрежительно говорить об общественных делах, в том числе и о самых «высоких» государственных символах. Для иронии и сарказма пражского народного анекдота нет ничего неприкосновенного и святого; юмором и трактирными рассказами народ компенсирует себя за разочарование, связанное с угнетенным экономическим и политическим положением.

Однако в пражских кабачках проявляются и положительные черты национального характера, помогающие преодолеть скепсис, вызванный вечной исторической неустойчивостью и притеснением: это врожденная склонность к контактам, доверчивая сердечность, общительность, по временам доходящая до излишней разговорчивости. В них отражаются демократизм чешского человека и его общественный темперамент, потребность в постоянном обмене мыслями с другими людьми. Так возникает особый род фольклорного повествования — к сожалению, до сих пор не собранного и мало изученного — так называемая трактирная история.

У лучших рассказчиков в ней выражается авторская личность, она дает выход подавленным желанием, скрытым мечтам и надеждам. Личные нотки могут быть, однако, замаскированы юмористической самоиронией или буйной мюнхгаузеновской фантазией.

Впрочем, о характере трактирной истории мы судим только по литературным обработкам, прежде всего по творчеству Гашека. Поэтому нельзя игнорировать и индивидуальный творческий вклад Гашека в ее развитие. Он не повторяет и не копирует того, что слышал, воспринимая извне лишь импульсы, факты и детали. Многие мотивы он берет из чужих уст, но и в этих случаях решающую роль играет его собственная фантазия. Ведь только безудержная фантазия человека, привыкшего к богемному образу жизни, способна в

любой ситуации сохранить естественность. Такое творчество было в значительной мере коллективным и анонимным. Многие рассказы несут на себе явные следы того, что написаны в трактире, в кругу друзей.

Смех был выражением творческой непосредственности, с помощью которой Гашек избавлялся от власти неприятных и удручающих обстоятельств. «Улыбка Гашека, — свидетельствует Франтишек Лангер, — была двойкой. Одна — человеческая, как бы нечаянная, непринужденная — выражала (и по его широкому лицу это было особенно заметно) удовлетворенность данным моментом, собой, миром, просто хорошее настроение... Другая уже относилась к мимике юмориста. Гашек подчеркивал ею смешной характер того, что говорил, это была улыбка плутовская, продувная, лукавая, удивленная, глуповатая, клоунская, он, как актер, приспособлял ее к содержанию речи. Иной раз на манер артистов кабаре предвосхищал ею то, что собирался сказать или только задумывал, дабы заранее создать у слушателей веселое настроение. Он широко пользовался этим трюком комиков, выступавших у Лготеков, у Розваржилов или в других пражских шантанах».

Улыбка на круглом лице Гашека не была воплощением добродушия. Наоборот. С самым невинным выражением, с наивной улыбкой ребенка или с «бесчувственной» ухмылкой дурачка он мог сказать какую угодно грубость. Умел и беспощадно высмеять, задеть шуткой самую чувствительную струну, особенно когда сводил старые, возможно, даже забытые противником счеты.

«Ради справедливости необходимо признать, — пишет, впрочем, Лангер, — когда ему казалось, что шутка этого требует, он менее всего щадил самого себя».

«Психологическая загадка»

К творческой оригинальности Гашека чешская литература не была подготовлена. Только в девяностые годы прошлого столетия она подошла к решению специфических художественных проблем. Поэзия той поры испытывает влияние французского символизма, проза усваивает достижения русского реалистического романа. Для собственных экспериментов время еще не настало. Тем меньше понимания могла встретить нигилистическая манера, проявляющаяся в гротескной иронии и мистификации.

Тогдашняя эпоха воспринимала лишь тематическую направленность гашековской сатиры, резкость и смелость его выпадов против нездоровых явлений общественной жизни. Спустя годы Франтишек Лангер заметил: «Чтобы оценить своеобразную сверхреальность его гротескной маски, его гримас и насмешек, зачастую доведенных до вызывающей бессмысленности, — так бы я теперь охарактеризовал лучшее, что есть в его юморесках, — должны были пройти десятилетия, должны были появиться футуризм и дадаизм, последний — в особенности, экспрессионизм и различные иные, еще более абстрактные течения. И наконец, между Гашеком и нами должен был встать «Швейк», в котором гашековская издевка над миром и его безразличие к стилю возросли до монументальности, чтобы все прежние возражения отпали».

Перед войной Гашек ведет внешне легкомысленный образ жизни. В его застольном окружении мы найдем ярко выраженных представителей богемы — прежде всего художников и скульпторов, которые, проучившись какое-то время в Париже, старались перенести в Чехию дух Монмартра. Если у Гашека были друзья среди

поэтов, то скорее потому, что он ценил их личные качества, чем на почве литературной солидарности. Очень нравился ему своей рассудительностью и трезвым рационализмом Франтишек Гельнер, любил он Карела Томана, Иржи Магена.

Богемное общество позволяло ему легко отбрасывать все обязательства. Это не означает, что он не отдавал себе отчета в последствиях такого неупорядоченного образа жизни. Но лишь люди из его ближайшего окружения замечали, что временами он задумывается, впадает в меланхолию. Однако Гашек никогда долго не предавался плохому настроению. Иной раз казалось, вот уже совсем тупик, но он тут же выходил из него с помощью неожиданного шутовского трюка.

Парадоксы поведения Гашека, очевидно, вытекают из того, что беззаботность не была его врожденной чертой — по натуре он был человек застенчивый, чуткий и замкнутый. Посреди веселой компании он заглушает в себе трагические нотки, отгоняет трагизм усмешкой.

Ярмила Гашекова, наиболее посвященный в его духовную жизнь свидетель, тоже считает, что, по существу, он был человек серьезный, даже, пожалуй, меланхоличный.

Вот как она описывает Гашека в период их супружества:

«...Тогда Гриша уже не возлагал больших надежд на будущее и был в отчаянии от того, что, несмотря на все свое усердие, на свой талант, успех и обнадеживающие обещания со всех сторон, не может заработать на жизнь. Отчаявшийся человек способен совершать поступки, по поводу которых счастливые люди лишь пожимают плечами или морщат нос. Особенно если отчаяние охватывает человека честолюбивого, гордого и вместе с тем умеющего ради куска хлеба превратить свое искусство в ремесло. Он страдал. Вы не можете

себе представить, как страдал. И пил. Вы не можете себе представить, как пил. Это вовсе не клевета, и я могу об этом написать, поскольку это до меня писали про него и другие. Только они не писали, что он страдал. И что сразу переставал пить, когда ему хоть немного улыбалось счастье».

После изгнания из «Света звиржат» Гашек нигде не мог найти работу. Ему мешала беспощадная откровенность, нежелание мириться с человеческой глупостью. Гаек хотел передать ему место редактора в подебрадской газете и уговорил познакомиться с тамошними политическими и муниципальными деятелями. Встреча была назначена на вечер. Тем временем Гашек посетил местный отель, разошелся, исполнил для всех присутствовавших какую-то венгерскую песенку.

Наконец-то Гашек явился на квартиру Гаека и по старой бродяжьей привычке принялся жевать окурки сигары. Это буквально потрясло подебрадских сановников. Тогда собравшиеся серьезно спросили, как он представляет себе будущий облик газеты. Не обращая внимания на испуганные жесты Гаека, пражский гость решительно заявил, что на ее страницах уж по крайней мере не должны появляться такие идиотские археологические статьи, какие печатались до сих пор. После этого заявления произошла заминка. Дело в том, что автором вышеупомянутых статей был влиятельный и уважаемый местный житель, у которого в редакционном совете было много друзей и знакомых. Разумеется, Гашека не приняли.

Стремясь сохранить квартиру на Кламовке и хоть как-то финансово укрепить свое положение, он ввязался в еще одно авантюрное предприятие. Завел неподалеку от Кламовки, на Шведской улице в Коширжах, торговлю собаками под пышной вывеской «Кинологический институт». Некоторые истории из торговой практики

своего помощника Чижека, который перекрашивал собак и придавал им новый внешний облик, Гашек описал потом в юмореске «Моя торговля собаками» и на соответствующих страницах «Швейка».

Однако между мистификацией в литературе и мистификацией в жизни большая разница. В результате нескольких подозрительных приобретений и махинаций с собаками, совершенных Чижеком, на Гашека и Ярмилу, официальную владелицу предприятия, был подан иск, и они предстают перед смиховским судом. Деятельность предприятия квалифицируется как «нечестная торговля». Затянувшаяся судебная воломита поглотила все доходы. Адвокат и приятель Гашека д-р прав Папоушек наконец сообщает: «...земский уголовный суд в Праге отменил приговор, вынесенный первой инстанцией, и не признал Вас и Вашу супругу виновными». Но это было уже в марте 1912 года.

В начале же рокового 1911-го, когда после краткого пленения в «счастливом семейном очаге», созданном женой, Гашек снова вырывается на свободу, положение у него совершенно безнадежное. Нечем даже платить за жилье.

Тесть, видящий в возврате Гашека к прежнему образу жизни исполнение самых мрачных своих предчувствий, лишает его финансовой помощи, отказывается платить за квартиру в Коширжах и перевозит мебель в маленькую квартирку во Вршовицах, в дом, принадлежавший какой-то родственнице Майеров. Он настойчиво советует дочери уйти от мужа, ибо это скандалист, неисправимый пьяница, а в конечном счете еще и банкрот. Звезда счастья и жизненных успехов Гашека стремительно покатила вниз.

Супружеский кризис углубляется. Ярмила упрекает Гашека за неспособность даже прокормить ее и угрожает в самом деле переселиться к родителям, в уют

и спокойствие дома на Виноградах. Ярослав клянется исправиться, просит не делать этого, но слова его находят все меньший отклик.

Наконец произошло событие, которое мы могли бы назвать «психологической загадкой». Так озаглавил Гашек юмореску, напечатанную в апреле 1911 года в журнале «Карикатуры».

Пан Гурих, председатель общества трезвенников, возвращается домой с очередного собрания через Карлов мост. Вдруг ему чудится, что снизу донесся крик. Он, перегнувшись через парапет, вглядывается в темноту, чтобы понять, кто там зовет на помощь. Неожиданно появляется благородный спаситель, парикмахер Билек из Смихова, и стаскивает «самоубийцу» с парапета. Напрасно пан Гурих доказывает, что вовсе не собирался кончать жизнь самоубийством, а только прислушался к почудившемуся зову о помощи. Спаситель неумолим, сопротивление тщетно. Подоспевший полицейский патруль отводит пана Гуриха в комиссариат, откуда он попадает в сумасшедший дом. Там беднягу продержали полтора года, ибо, пока врачи не обнаружат у больного сознания собственной душевной неполноценности, он не может быть объявлен выздоровевшим.

В основе этой юморески лежит мистификация. Цель ее — замести следы, скрыть смысл реального события?..

10 февраля 1911 года в газете «Ческе слово» появилось следующее сообщение: «Нынешней ночью собирался прыгнуть с парапета Карлова моста во Влтаву 30-летний Ярослав Г. Театральный парикмахер Эдуард Бройер удержал его. Полицейский врач обнаружил сильный невроз. Вышеназванный был доставлен в Институт для душевнобольных».

В папке протоколов полицейского архива мы обнаруживаем следующие сведения: «9 февраля 1911 года в 2 ч. 45 минут ночи репортер газеты «Ческе слово»

Ярослав Гашек, рожд. 1883 г., католик, женат, приписал к Мыдловарам, округ Будейовицы, проживает на Смихове, дом № 1125, перелез через парапет Карлова моста с умыслом броситься во Влтаву. Однако этому воспрепятствовал парикмахер Эдуард Бройер, проживающий..., который крепко его держал и затем передал императорско-королевскому обер-полицейскому Франт. Мелеху. Поскольку Гашек в полицейском участке вел себя буйно, он был осмотрен имп. — кор. полицейским врачом доктором медицины Каллусом и как душевнобольной (ибо можно было опасаться, что его поведение представляет угрозу для общества) в сопровождении имп. — кор. обер-полицейского Генриха Глинки был доставлен в имп. — кор. чешский земский Институт для душевнобольных. Жену Гашека известили о случившемся». («Благородный спаситель» пан Эдуард Бройер был парикмахером Национального театра и в то время уже довольно пожилым человеком.)

В архиве императорско-королевского земского Института для душевнобольных на Катержинской улице сохранилась папка, где имеется акт о медицинском обследовании Гашека в полицейском участке, а также история его болезни. В них есть противоречия, из-за которых к содержанию упомянутой юморески трудно прибавить что-либо существенное.

В полицейском участке допрашиваемый сначала признался в попытке самоубийства: «Допускает, что хотел утопиться, ибо ему опротивел свет. Убежал из дому в приступе ярости. Раздражителен. В четвертом классе гимназии провалился на экзаменах, учился в торговой, а, по его словам, еще и в экспортной академии в Вене, уверяет — что с отличными успехами. Может вновь совершить попытку самоубийства».

(Заявление Гашека о том, что он окончил консульскую академию в Вене, всякий раз возникает в критические моменты его жизни, словно ему было

свойственно стремление с помощью фантастических вымыслов затушевать и скрыть реальное положение вещей.)

На другой день в приемном покое психиатрической лечебницы Гашек неожиданно изменяет показания: «Пациент вспоминает, что посетил множество питейных заведений, пил пиво и везде — понемногу вина. Знает, что куда-то лез, возможно — на мостовой фонарь, но каким образом очутился именно на этом фонаре, помнит смутно. Говорит, что хотел попугать прохожих и посмотреть, как они будут реагировать». Попытку самоубийства он решительно отрицает.

Точно так же ни одна из последующих записей в истории болезни не может служить доказательством психического заболевания.

«12 февраля — больной совершенно спокоен, сознание ясное, попросил разрешения работать, заниматься каким-либо делом.

17 февраля — больной приводит в порядок архив историй болезней, занимается этим охотно в течение всего дня. Время от времени делает выписки, по его словам, собирает материал для своей литературной работы.

26 февраля — хочет задержаться в институте, чтобы отвыкнуть от алкоголя.

27 февраля — вылечен и отпущен».

Согласно истории болезни можно с почти полной уверенностью исключить из «психологической загадки» душевное заболевание. Но так и остается нерешенным вопрос, действительно ли Гашек пытался на Карловом мосту покончить с собой.

Суммируем еще раз все доступные нам сведения:

1. Судя по юмористической мистификации Гашека, речь шла о невинном происшествии, о недоразумении.

2. Во время допроса в полицейском комиссариате он признает, что хотел утопиться и сбежал из дома в

припадке ярости.

3. На другой день в приемном покое психиатрической лечебницы объясняет событие как шутовскую проделку: «Хотел попугать прохожих и посмотреть, как они будут реагировать». Этого объяснения Гашек придерживался и позднее, уверяя, будто в лечебницу для душевнобольных его отправили потому, что в своих юморесках он насмеялся над полицейскими врачами.

4. В биографических легендах мы находим еще один мотив. Мол, кто-то посоветовал Гашеку притвориться душевнобольным, чтобы избежать судебной ответственности за предумышленное банкротство. Но в таком случае нужно было бы в первую очередь выгораживать Ярмилу Гашекову, на имя которой предприятие было записано.

Можно выбрать любой вариант. Верить ли первоначальному признанию, что речь шла о попытке самоубийства, или более поздней мистификации? Что же это все-таки было — приступ меланхолии, вызванный безнадежностью ситуации, или невинная шутка, которая привела к столкновению с полицией?

Читаем протокол еще раз: «Из дому он якобы ушел в 5 часов и больше туда не возвращался, так что супруга вечером разыскивала его в полицейской управе». Эта фраза — еще один вопросительный знак в загадочной истории. Искала бы Ярмила мужа в тот же вечер, если бы он просто отправился в трактир? Вспомним о чувстве собственного достоинства и гордости, столь свойственных ей. Если она в тот же вечер с помощью полицейской управы разыскивала мужа, который ушел куда-то в трактир, вполне правдоподобно, что последний разговор закончился какой-то угрозой.

Не остается ничего иного, как выдвинуть собственную гипотезу.

Представим себе, что жена объявила ему о своем возвращении к родителям. В споре Ярослав ищет самые сильные аргументы, чтобы удержать ее от этого шага. Слова на нее уже не действуют. Он бродит по трактирам и винным погребкам, где все как-то забывается. Но, возвращаясь домой, вдруг остается один, поддается меланхолии и вспоминает о своей угрозе. Вот и мост... Лезет на фонарь... Внизу под ним река... Колеблется... Тут приближается прохожий. Гашек начинает играть роль самоубийцы. Спаситель и спасаемый вступают в борьбу, затем — потасовка с призванными на помощь полицейскими. Во время допроса Гашек понимает, что ввязался в еще один инцидент, о котором, возможно, будут писать газеты. Он удручен, подавлен, что отражается и на его показаниях: «Раздражителен. В четвертом классе провалился на экзаменах... Может вновь совершить попытку самоубийства...» На другой день, протрезвев, он не хочет выглядеть смешным, сваливает все на алкоголизм, от которого хочет излечиться. Пытается затушевать вчерашнюю неприятность шуткой, мистификацией: «Уверяет, будто в лечебницу для душевнобольных его отправили потому, что в своих юморесках он насмеялся над полицейскими врачами».

К сожалению, выписки из полицейского архива не дают ясного ответа на важный вопрос, где, собственно, в этот период Гашек жил. 9 февраля во время допроса в полицейском участке он еще называет адрес — Смихов, № 1125, то есть адрес старой квартиры, близ которой помещалась его торговля собаками. 27 февраля он взят из Института для душевнобольных супругой, проживающей по адресу — Крал. Винограды, Коменского, 23, а это адрес ее родителей.

Важно выяснить, каким путем шел Гашек в ту ночь. Согласно одному из ходячих биографических рассказов он сидел в тот вечер в винном погребеке Бернарди на

Малой Стране. (Это совпадает с искаженным названием погребка в полицейском протоколе: «По словам задержанного, он был в винном погребке Помшилы, а потом у Боннарди».) Если он возвращался домой с Малой Страны через Карлов мост, то не мог идти на Смихов, на старую квартиру; он шел к центру Праги, значит — или к матери на Винограды, или в новую квартиру во Вршовицах.

Из этого вытекает одна много разъясняющая деталь: очевидно, Ярмила еще до роковой ссоры с мужем переселилась к родителям на Винограды, куда Гашек не хотел идти, а может быть, и не мог. Унижение и безнадежность довели его до отчаяния. «Психологическая загадка», чем бы она ни была — реальной попыткой свести счеты с жизнью или разыгранной мистификацией, — явилась следствием глубокого психологического кризиса.

Но цели своей Гашек все же достиг. После упомянутого эпизода Ярмила к нему вернулась. Даже несколько раз посетила его в психиатрической лечебнице и заставила прийти туда своего разгневанного отца. Тесть растроган покаянием и обрадован тем, что зять хочет здесь вылечиться от алкоголизма; есть сведения, что он даже оплачивает обслуживание по I классу. Для Гашека пребывание в психиатрической лечебнице было своего рода внутренним освобождением. Поэтому он не спешит покидать ее. (Эпизод, в котором Швейк, отпущенный из сумасшедшего дома, требует положенный ему обед, имеет, таким образом, отдаленную реальную основу.)

Безысходность положения становится для Гашека фатальной. У него нет сил противостоять судьбе. Как явствует из полицейских протоколов, после краткого периода спокойной жизни он вновь возвращается к прежним бродяжьим привычкам. В дом на улице Коменского на Виноградах он так и не переехал.

3 мая 1911 года полицейский Шнайдр установил, что Гашек живет у матери на Велеградской, № 1411. Тот же адрес мы находим в следующем протоколе: «Имп. — кор. полицейский инспектор Йоз. Земан задержал Яр. Гашека за нарушение ночного спокойствия, поскольку 14 июля в 2 ч. 45 м. ночи на улице У водарны на Крал. Виноградах он стрелял из детского пистолета, заткнутого пробкой, производя тем самым столь же громкий звук, как от стрельбы из настоящего револьвера. Пистолет конфискован и приложен к протоколу в качестве *corpus delicti*»^[55].

Место жительства Ярослава Гашека пытается отыскать и окружной суд на Смихове, по всей вероятности, дабы задним числом известить, что ему и его жене разрешено вести комиссионную торговлю собаками. Уже 31 августа 1911 года Гашека у матери не застают. Начинается бюрократическая канитель. Следует цепь бесконечных запросов и рапортов. В результате выясняется, что Ярослав Гашек еще в начале года переселился во Вршовицы (*sik!*^[56]), но до сих пор там не прописан. Только в конце года полицейское управление регистрирует этот адрес: Вршовицы, 363.

В начале 1912 года неподвижные воды полицейского расследования вновь всколыхнул запрос земского Института для душевнобольных, желавшего знать адрес своего бывшего пациента. Волокиту по этому поводу решительно пресекает императорско-королевский полицейский Франц Сладек, великолепным казенным «чешским языком» доносящий: «Проживать там» (Вршовицы, 363).

Гашек сознательно скрывает от полиции свой вршовицкий адрес. Не хочет, чтобы Ярмила узнала о ночных похождениях и чтобы полиция беспокоила ее запросами. Ведь он обещал ей на сей раз действительно исправиться. Ярослав делает последнюю попытку спасти

свою семейную жизнь и потому любой ценой старается сохранить декорум благополучия.

Что произошло в отношениях любящих после короткого супружества и как усложнилась их жизнь, мы узнаем от подруги Ярмилы Вильмы Вараусовой, которая записала ее рассказ: «Когда Гриша опять оказался без работы и без денег, родители сняли им квартиру во Вршовицах, в доме, где жила тетя Ярмилы, и перевезли туда мебель. А Ярмилу забрали домой.

Воздействовали на нее и различными доводами, и грубым нажимом, вынуждая прекратить с Гашеком общение, полностью от него отказаться. Наконец Ярмила сдалась и некоторое время поступала, как требовали родители. Но потом они с Гашеком снова встретились и сошлись, вели себя как до замужества, тайком назначали свидания.

И вот теперь ждут ребенка.

Когда родители узнали об этом, они поняли, что противиться уже не к чему, и позволили Ярмиле переселиться во вршовицкую квартиру».

Этим в какой-то мере объясняется, почему полиция тщетно разыскивает место жительства Гашека. Подруга Ярмилы описала и свое посещение вршовицкой квартиры: «Ярмила привела меня в старый доходный дом... Раскрыла двери, которые вели с лестницы прямо на кухню. Никакой передней, ванной, никаких удобств. В кухне белая мебель, несколько предметов спальни из канадской березы, все свалено одно на другом до самого потолка. За кухней — темная продолговатая комната, и в ней перемешаны кабинет из мореного дуба со спальней. Не квартира, а склад мебели».

Не зря Гашек чувствует себя неудачником: что бы он ни предпринимал, все оборачивалось против него. Он вновь делает отчаянные попытки найти службу. Но тщетно. В ноябре 1911 года он наконец становится помощником заведующего рубрикой городской хроники

в газете «Ческе слово» (3 января 1912 года он официально упомянут в списке редакционных работников). Гашек и на этот раз воспринимает свою роль с юмором. В сатире «Один день в редакции газеты «Ческе слово» он с похвалой отзывается о новой должности: «В любой газетной редакции самое удобное место, откуда можно, как из укрытия, следить за всеми политическими махинациями и трюками, — это место хроникального репортера. Ты себе занимаешься убийствами, сломанными ногами и прочими напастями, а тем временем можешь прекрасно наблюдать, что делается вокруг тебя».

Профессия хроникального репортера заставляла его непрерывно находиться в гуще повседневной городской сутолоки и плохо совмещалась с упорядоченной семейной жизнью. Лучшим источником информации — наряду с полицейской управой и залом суда — были пражские трактиры. Э. Э. Киш описал так называемую журналистскую биржу в ресторанах «У Ходеров» и «У Брейшков», где репортеры различных газет обменивались судебными отчетами и местной хроникой. Первую скрипку среди них играл Гашек, бойко продававший свои сообщения и хроникальные заметки по две кружки пива за штуку. Их цену в журналистских кругах снижало прочно установившееся мнение, что кое-какие происшествия Гашек выдумывает сам.

Он часто ночует в редакции, играет внизу, в ресторане «Золотая гусыня», в карты, посещает балы и развлекательные вечера, чтобы познакомиться с известными личностями, рыщет в поисках новостей и курьезов. А дома, во вршовицкой квартире, плачет несчастная, снова обманувшаяся в своих надеждах женщина, тень прежней самонадеянной Ярмилы, и пишет ему письма, полные горечи и упреков. Одно из них написано после смерти матери Гашека, за два с половиной месяца до рождения их ребенка. Оно было

послано из Виноградской больницы и датировано 24 января 1912 года: «Не опоздай на похороны, это было бы позорно и непростительно.

А вечером приходи ко мне, или я стану думать, что ты и меня собираешься покинуть. Ты ведь знаешь, что я одна на всем свете люблю тебя и только тебя. И жалею.

Поплачь, если ты на это способен, дома. Я знаю, ты ее любил, но и тут сказала твоя ужасная небрежность во всем. Там не плачь. Еще подумают, будто ты ломаешь комедию. И приходи ко мне».

Беззаботность Гашека, веселившая товарищей и действовавшая в гнетущей предвоенной атмосфере как ободряющее начало, в личной жизни оборачивалась грубой жестокой силой, терзавшей душу молодой женщины. Поэтому о своей большой любви к Грише Ярмила вспоминала с горечью, тем более что в дальнейшем никого уже так не любила.

В газете «Ческе слово» Гашек вновь смело прибегает к мистификации. Печатает сенсационные сообщения и хроникальные заметки, привлекающие внимание читателей. (Статья «О домовых в Коширжах» вызвала даже интерпелляцию в парламенте.) Но на сей раз причиной его вынужденного ухода были не всякого рода выдумки и «утки». Виной тому была бескомпромиссная, непокорная натура Гашека. Тут уже сказала не богемная беззаботность, а способность решительно и твердо отстаивать политическую позицию.

Об этом эпизоде рассказывает устное предание, записанное позднее одним из друзей: «Это было где-то в 1912 году. В Праге назрела забастовка трамвайщиков. Как сотрудник газеты «Ческе слово» Гашек посещал их собрания и вскоре со многими подружился. Пошел он и на собрание в садах Ригера на Виноградах, где выступавшие резко высказывались против правления и большинство участников склонялось в пользу стачки. Гашек чуть не вызвал ее сам. Когда руководители

трамвайщиков стали призывать к уступчивости, Гашек вдруг встал и попросил слова. Он говорил недолго, однако вызвал скандал, заявив попросту: «Не верьте им, они предали забастовку, потому что правление их подкупило! Я, писатель Ярослав Гашек, сотрудник газеты «Ческе слово», объявляю, что стачка будет!» Поднялась буча... А наследующий день Гашек больше уже не был членом редакции газеты «Ческе слово». Ему предпочли заплатить за четверть года вперед, лишь бы от него избавиться...»

Этот рассказ целиком и полностью соответствует действительности. «Ческе слово» довольно долго вело кампанию против акционерного общества «Электрических дорог» и подбивало трамвайщиков на борьбу за повышение заработной платы. Гашек тоже написал несколько резких статей. Однако в канун объявления забастовки правление общества договорилось с национально-социалистическими профсоюзными лидерами. Во время ночного собрания трамвайщиков депутаты Фресль, Война и Бурживал предложили подождать заседания правления и потребовать создания примирительной комиссии. Рекомендация официального руководства профсоюза трамвайщиков выглядела как насмешка: «Решение о забастовке следует отложить до момента, когда стачка будет особенно неожиданной».

В газете «Ческе слово» под заголовком «Бурное ночное собрание трамвайных служащих королевского столичного города Праги» мы читаем, что «руководство с трудом сдержало взрыв крайнего недовольства». Среди возмутителей спокойствия оказался и репортер газеты «Ческе слово» Ярослав Гашек, не терпевший противоречий между посулами и действиями. Убедившись в лицемерии и фальшивой демагогии политиков, он не сдержался и выступил против руководства партии. В этот миг в нем проснулся старый

анархист и радикал, и он публично разоблачает обман. Снова Гашек поддается порыву, снова рискует своим положением и прощается с надеждой на устойчивое существование.

На другой день в редакции его ожидали кислые физиономии членов наскоро созванного «судилища», которое объявило Гашеку, что «Ческе слово» больше не нуждается в его услугах. (Он описал этот случай в рассказе «Как я расстался с партией национальных социалистов».)

Оставшись без работы, Гашек полностью посвящает себя литературе. Быстро дописывает самое большое свое произведение — «Политическую и социальную историю партии умеренного прогресса в рамках закона» — и готовит к печати сборник рассказов под названием «Бравый солдат Швейк»; выступает в кабаре «Монмартр» и в ресторане «Компанка».

Однако своим необдуманном поступком Гашек навсегда порвал связь с семьей. Вскоре после рождения сына, в апреле 1912 года, он покидает Ярмилу. Рассказывают, что во вршовицкую квартиру пришли с визитом родители Ярмилы. Ярослав встретил их радостно, хоть и несколько растерянно. Предложил сходить за пивом, но долго не возвращался. Не пришел ни к вечеру, ни на следующий день. Майеры увезли молодую мать вместе с младенцем к себе, на Винограды, а затем в свою виллу, в Дейвицы.

Ярмила Гашекова объясняет разрыв с мужем трезво и деловито: «После ухода из газеты «Ческе слово» Гашек остался без работы. Он чувствовал, что в особенности после рождения маленького Риши не сможет прокормить семью. И знал, что, если уйдет от нас, о жене и ребенке позаботится семья Майеров. Так и случилось».

«Психологическая загадка» освещает трагический фон кажущейся гашековской беззаботности. Однако он

не был душевнобольным. Для его натуры характерно, что в момент угрозы он всегда защищается одним и тем же способом — изображает неосознанность поступков и полное безразличие ко всему на свете, прикидывается наивным простачком. К этой тактике он прибегал всякий раз, когда совершенно загнан в угол, когда все поставлено с ног на голову, когда ложь выдается за правду, а правда за ложь, когда не существует никакого рационального выхода и, кажется, уже нет спасения, нет даже надежды. В такую минуту он подчиняется своему внутреннему голосу.

Прошли годы, охладела горечь воспоминаний, и Ярмила до конца поняла власть той силы, которая гнала его из дому. В статье «Профиль мертвого друга» она пишет: «Гашек был гений, и его произведения рождались из внезапных наитий. Его творчество было необычным, оригинальным и живым. Он шел собственным каменистым путем и протаптывал его, не обращая внимания на предостерегающие окрики.

Если дух необычен, он необычен во всем. Природа не ограничивает себя лишь теми мгновениями, когда вкладывает в руку человека перо. Необычность поведения сохраняется и в те минуты, когда он не пишет, поэтому жизнь человека с необычной душой надо измерять масштабом его творчества. На такого человека нужно смотреть под другим углом зрения, чем на человека заурядного.

Помимо литературного творчества, необычность души Гашека сказывалась в том, что у него отсутствовало чувство ответственности. Это был недостаток, которым он платил за свою оригинальность. Сердце у него было горячее, душа чистая, а если он что и растоптал, то по неведению».

«Идиот на действительной»

Психологический кризис, если не ведет к гибели художника, обычно способствует рождению новых ценностей. По этой причине мы не должны упускать из виду маленького листочка с заголовком «Идиот на действительной». Заголовок и текст под ним возникли как раз в критические минуты 1911 года; потом листок был скомкан и выброшен, но позже старательно разглажен и спрятан. На этом листке появился первый набросок «Бравого солдата Швейка».

Историю рождения замысла воссоздает Ярмила Гашекова: «В один майский вечер Гашек вернулся домой, едва держась на ногах, но у него все же хватило сил и воли, чтобы коротко набросать литературный замысел, неотступно его преследовавший. Утром, едва проснувшись, Гашек стал искать клочок бумаги, где, как он уверял, была запечатлена гениальная творческая идея, которую он, к своему ужасу, за ночь забыл. Я уже успела бросить бумажку в мусорную корзину. Гашек долго искал запись и был бесконечно рад, когда смятая бумажка нашлась. Осторожно ее разгладил, прочел, но потом опять скомкал и бросил. Я подобрала бумажку и спрятала. На восьмушке листа явственно написано и подчеркнуто название рассказа — «Идиот на действительной». Под этим можно было прочесть фразу: «Он сам потребовал, чтобы его осмотрели и убедились, какой из него будет исправный солдат». Далее следовало несколько неразборчивых слов».

Определить происхождение творческого замысла — вещь необыкновенно тонкая и сложная. Подчас самые непривычные и оригинальные замыслы заимствуются из старых источников или из народной традиции. «Дон-Кихот» Сервантеса, юмористические сюжеты

«Декамерона» Боккаччо и «Фауст» Гёте имели весьма давних предшественников. Но у «Идиота на действительной», кажется, нет никакой литературной предыстории. Правда, в предшествующем творчестве Гашека порой мелькают отдельные черты этого образа (голубые, бесхитростные глаза), появляются и фигуры ловкого цыгана и народного плута, но выполнены они в привычной манере бытовой зарисовки. Сходные антимилитаристские сюжеты и гротескные персонажи встречаются и у ряда других авторов. Мы найдем у них и элементы пародии на военный жаргон и служебную дисциплину, которые, однако, нигде не выступают в таком необычном подобию, как здесь.

Может быть, Гашек почерпнул этот сюжет из собственного жизненного опыта? До сих пор не удалось убедительно доказать, что он хотя бы краткое время служил в австро-венгерской армии. Согласно воспоминаниям ряда современников его призвали и направили в Триест; но поэт Йозеф Мах, который служил в тех местах, решительно опровергает эту версию. По мнению Вацлава Менгера, Гашек провел в Триесте лишь несколько недель, а затем, после медицинского освидетельствования, был освобожден от воинской службы. Найденный недавно военный билет Гашека дает основание утверждать, что в императорско-королевское земское ополчение он был призван только во время войны. Военную терминологию и жаргон писатель мог знать и со слуха, скорее всего по рассказам друзей.

Листая страницы газет, я обнаружил возможный источник гашековского замысла. В «Рабочей беседе» газеты «Право лиду» от 16 апреля 1905 года опубликован перевод юморески «Воинская честь», которую для мюнхенского сатирического журнала «Симплициссимус» написал Корфиз Голен. В этом произведении, высмеивающем милитаризм, выступает

фигура деревенского хитреца в солдатской форме, который прикидывается простачком. Его характеризует диалог между двумя офицерами:

«— Вы лучше знаете новобранцев, господин барон, что вы думаете о Майере? Этот парень действительно так глуп, как выглядит, или только прикидывается?»

— Он еще глупее, чем выглядит, господин капитан, но, я полагаю, ему кто-нибудь сказал, что на военной службе чем ты глупей, тем для тебя лучше. Таким идиотом, за какого он себя выдает, человек просто не может быть. Когда я в первый раз на занятиях спросил, кто у нас является наивысшим воинским начальником, этот болван ответил: Ты, господин лейтенант! — я не удержался от смеха, а солдаты просто гоготали. Ну так вот, этот парень, сдается мне, и думает, что ему будет вольготней всего, если он и в дальнейшем станет вести себя подобным образом. В конце концов, всякий начинает смеяться, а ему ничего не грозит. Право, господин капитан, вы просто не поверили бы, сколько труда мне стоило отучить его обращаться ко мне на «ты», да я совершенно уверен, что уже на третий день парень раскусил, что к чему. Вы себе представить не можете, до чего хитры эти сельские каналы».

Читал ли Гашек эту вещь в оригинале или в переводе? Скорее всего речь идет о замысле, который в ту пору, как говорится, носился в воздухе. Но почему мотив улыбающегося идиота появляется в сознании Гашека именно в 1911 году?

Рождение этой совершенно своеобразной и одинокой в чешской литературе фигуры связано с возникновением мистификаторской маски, за которой Гашек скрывает трагический фон своей жизненной ситуации. Ощущение безнадежности и затравленности еще усиливается под воздействием милитаристской захватнической политики Австро-Венгрии. Как раз незадолго до этого она с оружием вмешалась в балканский конфликт.

Чешские политические лидеры весьма остро критикуют австро-венгерскую аннексию Боснии и Герцеговины. В соответствии с лозунгом «разделяй и властвуй» для наиболее жестоких акций против югославян используются преимущественно славянские полки. Но молодые чешские новобранцы не хотят отдавать жизнь за великодержавные интересы. Поработительская политика Австро-Венгрии возмущает и революционных интеллектуалов.

Гашек многократно отстаивал права народов, терпевших австро-венгерский гнет. В юморесках, в основу которых легли сюжетные мотивы старых книг о миссионерских странствиях по Монголии и Китаю, он выражает симпатии монголам, поработенным китайским императором, что явно представляет собой прозрачную аллегорию на порядки в австро-венгерской монархии. Аннексию Боснии и Герцеговины он в нескольких памфлетах открыто называет жестокой великодержавной провокацией. В «Карикатурах» Гашек публикует сатиру на известный загребский процесс, инсценированный в 1909 году венским правительством. (С помощью фальсифицированных документов и показаний лжесвидетелей, роль которых выполняли полицейские провокаторы, хорватское и сербское меньшинства были обвинены в государственной измене и преступных связях с Сербским королевством.)

Интерес к этим проблемам, очевидно, подкреплялся и личными контактами с хорватскими и сербскими студентами. Такого рода знакомства Гашека придают политическую окраску некоторым, казалось бы, совсем невинным проделкам. За скандал в кафе Бенды он был доставлен в полицейский комиссариат вместе с каким-то Рудольфом Джунио^[57]. Компанию им составили и затем выступили в качестве свидетелей инцидента хорватские и сербские студенты Петер Србич, Мирко Королия, Теодор Новакович, Марко Врбанич и Звонимир Барвиани.

(Личность Рудольфа Джунио еще долгое время весьма интересует президиум пражского наместничества; этот молодой человек стал редактором хорватской газеты и во время войны вместе с Клофачем предстал перед трибуналом по обвинению в государственной измене.)

Богемное общество даже не подозревало о сознательном противодействии Гашека австрийской великодержавной политике. Только полицейский архив пролил свет на его участие в антимилитаристском движении.

Первое его столкновение с милитаризмом произошло еще в анархистский период. Радикальная молодежь ненавидела австрийские мундиры и отказывалась служить врагам чешского народа. Протест молодого поколения, от имени которого Франя Шрамек говорит своими боевыми стихами и песнями, становится событием не только в литературе, но и в общественной жизни.

В период застоя в чешской политике антимилитаристское движение оказалось самым резким выражением кризисных явлений эпохи. Армия была вотчиной Габсбургской династии и средоточием национального и социального угнетения. Государственным языком был немецкий, представителей славянских народов подвергали в армии особо жестокой муштре. Это вызывало сильное недовольство. Радикальные группы молодежи публично отмежевывались от политики компромиссов, которую проводили вожаки их партий.

Столкновение радикальной молодежи с великодержавной политикой достигает кульминации в массовых процессах против антимилитаристов. Первый из них затронул группу национально-социалистической молодежи, объединившуюся вокруг журнала «Младе проуды» («Молодые течения»). Во главе ее стояли редакторы Шпатны^[58] и Гатина^[59], оба — личные друзья

Гашека. Процесс начался 30 июня 1909 года, суд приговорил 44 обвиняемых к различным наказаниям; редакторы журнала «Младе проуды» получили по два года тюремного заключения. Антивоенную пропаганду ведут и анархисты, выражающие свое отрицательное отношение к государству и армии хлесткими, будоражащими лозунгами. Третью группу сопротивления милитаризму составляла социал-демократическая молодежь.

Со всеми этими группами Гашек поддерживает личные и литературные контакты. Из полицейских архивов мы узнаем, что он даже допрашивался во время процесса, посредством которого австрийское правительство хотело разделаться с антимилитаристски настроенными молодыми анархистами. Инсценированный процесс проходил 30 и 31 мая 1911 года. Героем его был анархист Властимил Борек (позднее видный член Коммунистической партии), в кандалах доставленный в Прагу из морского порта Пулы, где он отбывал военную службу. Участие Гашека в этом движении отражено в рапорте, который полицейская управа адресует непосредственно президиуму наместничества: «В 1910 году был препровожден в полицейскую управу, ибо справлялся в Альбрехтских казармах об известном анархисте вольноопределяющемся Бореке, прибывшем из Пулы, чтобы предстать перед гарнизонным судом. 11 декабря 1911 года у задержанного был произведен домашний обыск, результат — отрицательный».

Как проходил домашний обыск, о котором упоминается в полицейском донесении, описала в одном из своих рассказов Ярмила Гашекова:

«Однажды, в 1911 году, в период антимилитаристского процесса, Митя вернулся домой только под утро.

— Никто меня не искал, дорогая?

— Нет, никто.

— Послушай, меня возили по казармам и устраивали очные ставки с солдатами. Завтра у нас будет обыск.

— Господи Иисусе!

— Глупенькая, домашний обыск — это потеха! Увидишь.

Мы уснули, когда уже светало. Разбудил нас громкий звонок...»

Далее Ярмила Гашекова рассказывает, что ранним утром полицейские чиновники подняли супругов с постели, но смутились, заметив ироническое спокойствие Гашека. Тот даже насмешливо советовал им, где искать. Они осмотрели книжный шкаф, пошарили под ковром, поковырялись в печке и, наконец, ничего не найдя, забрали девичью корреспонденцию Ярмилы. Поскольку она была очень хорошим архивариусом и сохраняла любой клочок исписанной бумаги, ее любовная переписка доставила полиции немало хлопот: ведь все это переводилось на немецкий язык и пересылалось в Вену.

В фельетоне «У кого какой объем шеи», опубликованном во время войны в газете «Чехослован» («Чешский славянин»), Гашек упоминает об еще одном домашнем обыске. Этот обыск был произведен вскоре после объявления войны, и руководили им известные пражские полицейские комиссары Клима и Славичек.

Все это не могло не повлиять на формирование замысла, осуществленного в цикле рассказов о бравом солдате Швейке.

Точно не установлено, откуда Гашек взял это имя. Менгер утверждает, будто оно заимствовано у тогдашнего депутата парламента, члена аграрной партии, избранного от округа Кутна Гора. Более правдоподобна, однако, другая версия. Гашек с детства был знаком с неким паном Швейком, который жил в том же доме, что и Гашеки, на углу Сокольского проспекта и

улицы На боишти. Позднее он стал дворником в доме № 10, где находился трактир «У чаши». Гашек будто бы посетил этот трактир в 1911 году и с интересом слушал рассказы ветеранов, участников вторжения в Боснию и Герцеговину. Тут он и встретился с паном Швейком, который после краткого разговора пригласил Гашека к себе. Писатель познакомился со старшим сыном гостеприимного дворника, тоже Йозефом Швейком, и быстро с ним сошелся. Все это происходит в то же время, когда возник замысел «идиота на действительной».

Немало великолепных литературных образов и находок Гашек оставлял без особого внимания. Но в Швейке он с самого начала видел нечто значительное. После опубликования в «Карикатурах» трех рассказов («Поход Швейка против Италии», «Швейк закупает церковное вино» и «Решение медицинской комиссии о бравом солдате Швейке») Гашек продолжил публикацию этого цикла в конкурирующем с «Карикатурами» юмористическом журнале «Добра копа» («Балагур»). Тогда друзья Лады попытались «убить» Швейка. Под прозрачным псевдонимом Ярослав Ашек они опубликовали рассказ «Слава и смерть солдата Швейка». Их намерению свести Швейка в могилу помешала цензура, запретившая весь текст, кроме первого абзаца.

Продолжение цикла в журнале «Добра копа» Гашек начинает следующим вступлением: «Кто до сих пор ничего не знает о бравом солдате Швейке, с того, видимо, хватит следующей характеристики этого честного воина. Бравый солдат Швейк, как говорится, на действительной служит до последнего вздоха. Но в своем рвении служить государю императору до последнего вздоха он вытворяет такие глупости, что его даже хотели отправить домой. Он всеми силами противился этому, а когда обследование было закончено

и медицинская комиссия постановила, что его все-таки необходимо послать домой, он в ту же ночь сбежал из госпиталя и дезертировал, чтобы не утратить возможности служить государю императору до последнего вздоха.

Через две недели он вернулся в казарму и сказал: «Осмелюсь доложить, я сбежал, чтобы остаться на действительной». Сказал это с обычной улыбкой на добродушном круглом лице и, как всегда, ласково глядя на господ начальников. Его засадили на полгода в тюрьму, а поскольку он не хотел расстаться с армией и с его служебным рвением ничего не могли поделать, пришлось перевести Швейка из 104-го полка в арсенал».

В цикле рассказов о Швейке осмеяны различные роды войск австро-венгерской армии. Формула «служить государю императору до последнего вздоха на суше, на море и в воздухе» представляет собой пародию на текст австро-венгерской военной присяги. Этот цикл отличается от остальной чешской антимилитаристской художественной литературы прежде всего своеобразной трактовкой фигуры центрального героя — бравого солдата Швейка.

В тогдашних антимилитаристских сатирах сказывается стремление обнажить жестокость военщины с помощью гневного протеста. Герои этих произведений страдают от гнета, они нравственно подавлены, унижены, их чувство свободы ограничено, человеческое достоинство попрано. Швейк же словно бы не ощущал и не сознавал тяжести внешних обстоятельств. При любом удобном случае он пускает в ход свою ко всему безразличную идиотскую улыбку и вопреки лояльному стремлению быть «исправным воином» доводит все приказы и распоряжения до абсурда. Иронический смысл его поведения вытекает из того, что речь идет о гротескной фигуре, об обыкновенном идиоте, о слабоумном, освобожденном

медицинской комиссией от военной службы. Чем серьезнее воспринимает он свои обязанности, тем последовательнее высмеивает и дискредитирует армию. Как только на сцене появляется Швейк, возникает впечатление, что само существование армии бессмысленно, а ее общественная роль смешна и ничтожна. Но Гашек не ограничивается тем, что постигает и высмеивает абсурдность милитаризма.

Будучи наивным простачком, Швейк принимает свою судьбу равнодушно, идет служить на действительную «с веселым сердцем». Против угрозы насилия он защищается добродушным, обезоруживающе ясным сиянием голубых глаз. И всех сбивает с толку. Он выставляет в смешном свете режим, основанный на бездумном выполнении приказов, но при этом остается совершенно независимым от внешних жизненных обстоятельств. Этот «улыбающийся идиот» представляет собой победу здорового жизнелюбия над абсурдом двадцатого века, века техники, века цивилизации, раздираемой противоречиями корыстных империалистических устремлений.

В эпоху милитаристских систем, со всех сторон обступающих человека, так что для него, казалось бы, нет выхода, место героя «Горя от ума» занимает простачок, который скрывает свою суть под личиной неведения, под шутовской маской.

Он вступает на арену истории в момент, когда все уже сказано, когда у охранителей старого больше нет достаточно убедительных аргументов и над всем берет верх атавистический хаос, грозящий человеку гибелью. В эту минуту примитивная жизнерадостность становится для человека средством самосохранения.

Следовательно, улыбка идиота не просто способ бежать из мира, это и весьма действенный прием самозащиты, активное выступление человека против

слепых сил гнета и подавления. Это непобедимое оружие беззащитных и обездоленных.

Благодаря образу Швейка Гашек нашел совершенно оригинальный взгляд на мир; защитив от внешних посягательств свою детскую непосредственность и не поддавшись враждебному произволу обстоятельств, он проник в самую сущность современной эпохи.

Партия умеренного прогресса участвует в выборах

Весной 1911 года, вскоре после того, как возник набросок «Швейка», расцвет пражской богемы достигает кульминации и создается или, точнее, реорганизуется партия умеренного прогресса в рамках закона. Непосредственным толчком к этой «политической» акции послужили дополнительные выборы в рейхсрат, которые должны были состояться в 10-м виноградском округе в середине июня. Удивительная гашековская мистификация тесно связана с судьбой кабачка Звержины — колыбели и организационного пункта новоявленной партии.

В заведении Звержины пражская богема до известной степени чувствовала себя в семейном кругу. Один из видных членов компании Гашека, Эдуард Дробилек, служащий Политехнического института, остроумный рассказчик и находчивый организатор, влюбился в дочь этого трактирщика. Пан Звержина продавал тогда хорошее и крепкое пиво неподалеку от виноградского Народного дома.

Со временем семья Звержины переехала на Корунни проспект, в трактир, расположенный на месте бывшей крестьянской усадьбы. Поэтому его попросту называли «Коровником». Приближалась предвыборная кампания, и пану Звержине предстояло выдержать сильную конкуренцию. Во всех других угловых домах уже давно действовали рестораны, и в каждом из них был предвыборный центр какой-нибудь партии. Здесь проходят собрания, сменяют друг друга агитаторы, варится «предвыборный гуляш»^[60], делается все возможное ради успеха данной политической партии и процветания ресторации. Вот Дробилеку и пришла в

голову блестящая идея основать партию, которая могла бы подогреть интерес ко все еще «аполитичному» трактиру будущего тестя.

Кто бы ни внес этот проект, но только Ярослав Гашек мог должным образом конкретизировать программу новой партии. Партия умеренного прогресса в его трактовке стала итогом и апогеем существования пражской богемы. До войны кабачки были важнейшим средоточием общественной жизни и вполне закономерно становились рассадником нигилистически окрашенной шуточной пародии, служащей средством осмеяния политических идеалов и символов.

Гашек и раньше нередко пародировал в своем творчестве реформистскую и либеральную политику. В одном из пародийных стихотворений анархистского периода мы уже найдем слова: «умеренный прогресс в рамках закона». Понятие «пивная политика», характеризующее атмосферу политической жизни, преимущественно протекавшей в пивных, мы обнаружим в стихотворении, написанном по конкретному случаю и посвященном застольной компании «Черепеха»:

Ах, к чему познания? Суть, основа — пиво.
Я люблю, чтоб было весело и живо...
Ты в душе народа, как свеча во храме,
Велькоповицкое — лозунг наш и знамя.
Слава «Черепехе»! И скажу вам прямо,
я большой политик: пить — моя программа!

Непосредственным поводом ко всей кампании было предвыборное соглашение о единстве действий, заключенное в виноградском округе в 1911 году между национально-социалистической партией и партией свободомыслящих (младочехов). В борьбе за депутатские мандаты эти партии объединились, не

обращая никакого внимания на интересы и образ мыслей избирателей, и тем самым раскрыли беспринципность своей политической игры. Гашековская сатира на «умеренный прогресс в рамках закона» развенчивала иллюзию, будто с помощью старых дискредитированных институтов и авторитетов можно устранить общественные противоречия. Само название, состоящее из слов «умеренный», «прогресс», «рамки», «закон», в общих чертах определяет идею и программу партии. Благодаря выдающемуся ораторскому таланту выдвинутого партией кандидата эта интеллектуальная игра, мистифицирующая выборы, обрела огромную популярность. На собраниях партии можно было видеть общественных и культурных деятелей (впоследствии сюда пришли и провалившиеся на выборах кандидаты-соперники), представителей богемы и анархистских радикалов, писателей, художников и случайных зевак. Партия умеренного прогресса стала сенсацией Праги.

Предвыборные выступления Гашека описывает в своих воспоминаниях Франтишек Лангер:

«В воскресенье вечером трактир был полон. Собралось множество наших знакомых, людей искусства, журналистов, богемной братии, но также и солидные обыватели из прилегающих улиц, которых привлекло всем известное имя Гашека или название никому не известной политической партии. За час до начала явился весь наш центральный комитет, включая Гашека — опрятного и трезвого. Когда пробило восемь, комитет спел торжественный гимн «Мильон кандидатов», после чего д-р Грюнбергер^[61] (поручитель кандидата. — *Р. П.*), соблюдая все формальности, которые он, единственный из нас, знал, открыл собрание и церемонно представил избирателям кандидата в депутаты.

Потом выступил Гашек. Он охарактеризовал себя самым лестным образом и заявил, что в выборном округе

Краловске Винограды нет более подходящего кандидата на депутатское кресло и жалование. Вслед за тем он изложил свою программу, обещая избирателям массу льгот и реформ. Оратор поносил другие партии, высказывал различные подозрения по поводу кандидатов-соперников, все как положено порядочному претенденту на столь почетный пост. Д-р Грюнбергер, руководивший собранием, изредка прерывал его на пять-десять минут, чтобы дать кандидату возможность облегчиться, а официанту — разнести кружки с пивом. С этими паузами и ответами на вопросы и возражения Гашек проговорил добрых три часа...

Плакаты, которые расклеивались на окнах перед каждым собранием, сообщали, сколько тысяч новых сторонников приобрела наша партия и о чем вечером будет говорить Гашек.

Тот, разумеется, этими плакатами не руководствовался и говорил все, что ему взбрело в голову. Порой он довольно последовательно придерживался какой-либо темы, порой перескакивал с одного на другое, иной раз говорил нечто совершенно новое, в другой — повторял то, чем уже раньше снискал успех у трактирной публики или блеснул в какой-нибудь из юморесок. В результате мы услышали речи о разных святых, о борьбе против алкоголизма, о проблеме подлинности Краледворской рукописи^[62], о пользе миссионеров и о других моментах современной жизни. Он обличал поддерживаемые или, по крайней мере, терпимые государством беззакония, такие, как, например, необходимость совать в руку дворника двадцать геллеров, когда он вынужден открывать вам двери ночью, или платить за вход в общественную уборную. Особенно он возмущался тем, что штрафуют заботящихся о своем здоровье неимущих граждан, у которых нет средств на входную плату в уборную и которые посему вынуждены выбирать для отправления

своей нужды другое место, еще более общественное. Он не скупился на посулы, которыми соблазнял избирателей разнообразнейших профессий и интересов, и таинственными намеками давал понять, что в следующий вечер выступит со всевозможными разоблачениями против кандидатов конкурирующих партий, повинных в самых ужасных преступлениях, вплоть до убиения собственных бабушек».

В своих речах Гашек утрировал ходячие политические фразы и обороты, бывшие в употреблении у публичных ораторов. Он великолепно воспроизводил обветшалый риторический пафос семидесятых и восьмидесятых годов, словесный набор из передовиц и воззваний, жаргон митингов, клише газетных полемик; впечатление пародия возникает почти непроизвольно благодаря тому, что эти автоматизированные выражения и ходячие фразы соотносились с контрастной ситуацией, с нигилистическим духом богемной забавы.

Гашековская мистификация оживает здесь на более высоком уровне, в плоскости политической, в форме пародии на выборы. Оратор и кандидат партии играл свою роль блестяще. Он приписывал разным авторам вымышленные высказывания и цитаты, обещал добиться национализации дворников^[63], а также расширения судоходства по Влтаве; предостерегал против всевозможных провокаций, запретил, например, упоминать в дебатах слово «корона». (В австрийском парламенте существовало правило, согласно которому династические вопросы на его заседаниях не обсуждались.) Мелкие банальные детали остроумно «остранялись» в его предвыборных выступлениях и подчеркивались кабаретной манерой подачи.

К сожалению, речи Гашека не записывались и не стенографировались. Но, очевидно, даже самая совершенная запись не могла бы передать

неповторимую атмосферу импровизации. Речь состояла из пышных тирад, но вместо подготавливаемого эффектного завершения кончалась какой-нибудь избитой истиной или гротескной несуразностью. Она была полна пауз и выжидания, подчас оратор не знал, что сказать дальше, и хватался за какой-нибудь выкрик из зала, чтобы использовать его для выпадов против конкретных лиц. Прямой контакт с публикой достигался выпренными риторическими вопросами, нередкими вставными номерами и эпизодами; зачастую оратор ссылался на присутствующего свидетеля, вызывал для подтверждения своих выводов все новых и новых «актеров», создавал неожиданные завязки, причем никто не знал заранее, чем все это кончится.

Позднее, воспользовавшись предложением издателя Лочака, Гашек решил написать обширный и обстоятельный труд — «Историю партии умеренного прогресса в рамках закона», где красочно обрисовал похождения своей богемной компании и создал галерею портретов известных политиков и общественных деятелей.

Отдельные главы «Истории» он пишет осенью 1911-го и весной 1912 года. (Можно считать, что это так, поскольку большую их часть он диктует жене Ярмиле.) В это время его ожидает еще один журналистский эпизод. Из-за отсутствия других возможностей постоянного заработка он становится хроникальным репортером газеты «Ческе слово». О том, как он расстался с этой газетой, мы узнали в предыдущей главе. Бегло упомянем теперь о характере его журналистской деятельности.

К корреспонденциям и информационным заметкам, которые он опубликовал как сотрудник отдела городской хроники, в полной мере относится то, что было сказано и о его мистификациях из «Света звиржат»: фантазия свободно соединяется здесь с

документальной подачей фактов. При чтении этой рубрики у нас возникает впечатление, будто «подлинный» мир становится лишь поводом для юмористической и гротескной стилизации. (Многие из хроникальных корреспонденции содержат мотивы, развернутые затем в юморесках или «Похождениях бравого солдата Швейка».) Часто в заметках упоминаются конкретные лица. Приведем некоторые из этих заметок: «Прыгайте в трамвай на ходу! Не остается ничего иного, как обратиться с таким призывом. Мы постоянно писали: Не прыгайте! — но теперь должны писать: Прыгайте, ради бога, прыгайте постоянно и неустанно. Как только увидите, что вагон тронулся, прыгайте на здоровье! Почему? Да потому что вчера на проспекте Палацкого во Вршовицах на полном ходу пытался вскочить в трамвай ученик коммерческой школы Ян Кратохвил с Краловских Виноград, но сорвался и разбил голову о мостовую. Итак, кто хочет последовать его примеру, пусть себе бодро прыгает и впредь. Мой друг и коллега из «Право лиду» редактор Новотны^[64] тоже любит прыгать в трамвай на ходу. Пусть эти строчки будут для него предостережением, ибо и социал-демократический редактор может стать калекой».

«Жертва антимилитаризма. Тротуар на проспекте Палацкого во Вршовицах настроен весьма антимилитаристски. Вчера на нем поскользнулся поручик 73-го пехотного полка Франтишек Когда и вывихнул ногу. Ведется строгое расследование с целью установления степени виновности тротуара».

Заметка «О несчастном свидетеле» напоминает швейковский анекдот: «Иному свидетелю, бывает, настолько не повезет, что, желая доказать свою невиновность, он сам увязнет в этом деле и так запутается в собственных показаниях, что начинает дрожать, и наконец обнаруживается: у него у самого

рыльце в пушку. Подобный случай произошел вчера ночью в градчанском полицейском участке.

Предшествовала этому драка, добрая потасовка на исторической почве Градчан, среди старинных черепичных крыш и галерей, на Погоржельце, в доме № 139. Есть там трактир, стоящий испокон веков. И с незапамятных времен там происходят драки — хоть и не каждый день, но довольно часто, то есть всякий раз, когда большинство посетителей возмечтает помериться силами в этой исторической атмосфере, дышащей памятью о славных сражениях. Некогда именно здесь через пролом в городской стене ворвались в Прагу шведы, здесь дали бой французы, здесь сражалось войско короля Фридриха Прусского и потерпели поражение ландскнехты епископа Пассау-ского^[65], в этих местах были побиты орды чужих и отечественных солдат, а вчера здесь дрался Йозеф Капаяин, поденщик из Бржевнова, тридцати одного года от роду. Он упорно сражался за старую славу атаманскую, кружкой разбил трактирщику Алоису Тихому голову и дубасил его почем зря, пока не подоспел полицейский патруль, который взял драчуна под стражу и двинулся к выходу. «Кто согласен выступить в мою защиту?» — возопил Капалин в наводящей ужас тишине Градчан. «Я, Пепичек», — послышалось из толпы, и к полицейским подошел 32-летний бржевновский рабочий Кинцль. «Никуда вы не пойдете!» — протестовал патруль. «Клянусь всемогущим, — воскликнул Кинцль, — я пойду и засвидетельствую, что мой друг невинен, как лилия». С этого и начались несчастья бедного свидетеля. Едва он из обычного гражданина превратился в свидетеля, его счастливая звезда закатилась. Когда патруль только появился на месте происшествия, парки быстро и незаметно вывели его за ворота, но теперь Кинцль добровольно вверг себя в лапы правосудия, в градчанский полицейский участок — в эту яму со

львами. И вот уже он вместе с Капалином в маленькой комнатенке перед заваленным бумагами столом. Свидетель резковат, но говорит убедительно. Он многократно оскорбляет патруль, при сем торжественно заявляя, что дружище Капалин невиновен, а вместо Капалина надо было арестовать его, Кинцля, но, мол, его все равно не задержали, хоть у него в руке и был нож. Уж он бы кое-что доказал этим ножом всякому, кто захочет утверждать, будто Капалин виновен. «Ведь на самом деле Капалин — ангел невинный, а вот я, господа, подлая тварь. Капалин вообще никогда не дерется». Вопреки ожиданиям кончилось все довольно грустно, трагично, скверно, жестоко, ужасно и паскудно. Верная дружба не была вознаграждена по заслугам. Согласно испытанному девизу: «Виноват — не виноват, лупи всех подряд!», который не раз выкрикивался ими во время драки, — оба приятеля оказались в заключении. Я роняю на сии строки слезы, ибо знаю, что при всем том ни одна из градчанских улиц не будет названа улицей Кинцля».

«Историю партии умеренного прогресса в рамках закона» Гашек пишет в форме пародии на социологическое научное исследование. Широкий замысел потребовал иного метода, чем тот, которым он пользовался, сочиняя короткие юморески для календарей. Связующей нитью повествования становятся уже упомянутые выше эпизоды «апостольского и миссионерского странствия трех членов партии умеренного прогресса». Веселые анналы перемежаются с «предвыборными» воззваниями и речами, а также с карикатурными портретами известных политиков и общественных деятелей.

В целом книга напоминает мозаику: тут и пародии на политическую и журналистскую риторику; и историко-социологические экскурсы, выглядящие в авторской трактовке как смесь значительных событий и мелких фактов пражской хроники; и карикатуры на

политических деятелей и представителей художественного мира, основанные на противоречии между официальной личиной и интимной стороной их жизни; и забавные рассказы о богеме, в которых не только возникают образы родственников и друзей автора, но и вырисовывается его собственный иронический портрет. В своем памфлете Гашек под реальными именами выводит широкоизвестных людей, не щадя их частной жизни. Он выступает в роли придворного шута: «Когда я собирал материалы к этой обширной истории новой партии, многие понимали, что будут фигурировать на ее страницах, и вели себя в связи с этим весьма по-разному. Одни хотели, чтобы я непременно о них упомянул, полагая, что это будет некая библиография с перечислением всех их заслуг перед партией. Другие, сообразив, что о них пойдет речь, с угрозой восклицали: «Только попробуй!» А третьи, прослышав, что я собираюсь о них писать, буквально тряслись от страха, То были люди, которые знали, на что я способен...»

Гашековское иронически-скептическое, срывающее внешнюю маскировку видение жизни разрушало иллюзии о возможности мирной общественной эволюции и прогресса. Чешская политика выглядела такой, какова она была в действительности, — убогой, мизерной, склонной к компромиссам. Вскрывалась несостоятельность тогдашних представлений об исторической перспективе, независимо от того, шла ли речь об анархистских лозунгах, социал-демократическом реформизме или умеренном прогрессизме масариковской реалистической партии.

Гашек разоблачает эпоху анализом ее же собственной фразеологической системы, и этот анализ осуществляется необычайно последовательно: каждая деталь рассматривается словно через микроскоп.

Демаскирующую функцию детали обнаруживает, например, карикатура на Карела Педанта^[66], не включенная в сочинение Гашека, но непосредственно с ним связанная:

«Ведь были времена, когда в одном кафе, где подавалось и пльзенское, дольше всех засиживался маленький человечек в пенсне, попивал себе пиво и в тихом, опустевшем зале пел «Марсельезу»!

Это был Карел Пелант, мистик, антиалкоголик, атеист, духоборец, противник проституции и революционер, предводитель мыслящих душ, которые спорят в кафе, сидя за столиками поближе к окну, чтобы их было видно с улицы, — гордые, полные энтузиазма, опьяненные собственной славой, разрушающие за чашкой черного кофе миры, воздымающие новые знамена.

А что из всего этого получилось? Теперь, друг Пелант, ты поставляешь журналу «Моравски иг» («Моравский юг») анекдоты, за которые моего дедушку выставили из ресторана «У Примасов», ибо уже тогда они были с длиннющей бородой, сидишь в редакции пльзенской реалистической газеты, сочиняешь плохие эпиграммы и где-нибудь на холме под Шкврнянами вспоминаешь ту плодотворную пору своей жизни, когда о тебе писали в «Св. Войтехе»^[67], когда ты отнимал веру в господу бога у пенсионеров, повивальных бабок, ушедших на покой стариков-крестьян да церковных сторожей, когда ты состоял в активистах «Вольной мысли» и на публичных собраниях издевался над приходскими служками.

Бедный Пелант! Судьба забросила тебя в Пльзень — вместе с твоим тайным грехом: ведь ты прикидываешься трезвенником, а сам обожаешь пльзенское пиво!»

Подчеркнутая «научная» и «историческая» документальность сочинения усиливает его пародийность.

В сатирах и юморесках, написанных для ежедневных газет, Гашек был ограничен правилами жанра, традиционно основанного на анекдотической фабуле с неожиданной развязкой. В «Истории партии умеренного прогресса» он впервые создает эпическое повествование, которому свойственны особая интонация и свободное течение непринужденной застольной беседы. Эпическая раскованность, казалось бы, противоречащая комическому, анекдотическому принципу, становится новым признаком стиля Гашека.

Импровизация служит неиссякаемым резервуаром различных языковых контрастов и стилистических приемов — от пародийного подражания до гротескной гиперболы. Миновало время, когда язык сам был главной ценностью и гарантией национальной суверенности. Псевдопатриотическая политика обесценила слова, превратила их в пустую, ничего не значащую шелуху. Некритическая вера в слово, в словесный идол оказывается в руках политических ловкачей инструментом манипулирования людьми. Гашековская мистификация вскрывает процесс превращения слов и идей в символы, является косвенной полемикой с романтической традицией чешского Возрождения, уже изжившей себя к концу XIX века. Гашековский импровизированный текст — это комплекс намеков, позволяющий за отдельными контрастами и деталями видеть жизненную среду, из которой они извлечены, и домысливать их обобщающее значение.

Художественный смысл произведения Гашека, обличавшего убожество чешской политики и общественной жизни, не был понят во всей своей значительности. Считалось, что это рядовой памфлет, одна из пресловутых богемных выходок. И Гашек по-прежнему оставался для многих всего лишь человеком богемы, второстепенным писателем, литературным клоуном. Его нигилизм, обнажающий жалкую

ничтожность чешской политики, был воспринят как бестактность, шутовская издевка. В действительности речь идет о смелой пародийно-сатирической мистификации, которая схватывает самую суть политики соглашательских партий и положения нации, становится ее критической совестью.

Издатель так и не отважился напечатать это сочинение, опасаясь общественного скандала и судебного эпилога.

Произведение Гашека осталось лишь документом упадка эпохи. Однако в нем так много комического, что оно служит не только критикой, но и прославлением жизни. Рубеж между комикой и эпикой, между мифом и литературой в «Истории партии умеренного прогресса» еще совершенно отчетлив. Соединить в единое целое гротескно-ироническое видение жизни с гротескно-эпическим повествованием Гашеку удастся только после войны в «Похождениях бравого солдата Швейка».

Кабаре

Весной 1912 года в окне ресторации Звержины, который переселился с Виноград на Уезд, к смиховским казармам, можно было прочесть:

«Искусство, сбежавшее из театров
Партия умеренного прогресса в рамках
закона, наблюдая тщетные попытки наших
театров поставить что-либо порядочное, решила
сама подать руку искусству и одарить публику
драматическими шедеврами новейшего
направления...»

Своеобразное место в истории чешского кабаре принадлежит выступлениям веселого содружества литераторов и актеров, группировавшихся вокруг Гашека. Играли на сцене, не походившей на обычные театральные подмостки. Это был просто угол зала с небольшим возвышением, возле которого стоял рояль. Да и зрители не напоминали театральную публику. Сюда являлись завсегдатаи ресторанов, узнавшие о спектакле по слухам или из газет. Сначала, когда играли в ресторации Звержины, коллегами Ярослава Гашека и соавторами одноактных пьесок были Йозеф Мах и Франтишек Лангер, в то время, вероятно, и не подозревавший, что станет известным чешским драматургом.

Хорошо принимались публикой изобретательность и остроумие одного из основателей партии умеренного прогресса, Эдуарда Дробилека. Как и деятельность самой партии, эти выступления были пародией на актуальные моменты литературной и политической жизни. Связь самодеятельного кабаре с партией умеренного прогресса явствует почти из каждой сценки

или диалога. Так, в пьеске «Гора Оливетская» один из персонажей объявляет, что «прогресс возможен лишь без насилия». Эти слова пародируют реформистскую социальную программу реалистической партии, в них та же ирония, что и в предвыборных речах Гашека.

Герой пьесы «Гора Оливетская» — поэт-декадент. Сюжет другой пьесы вертится вокруг картины Альфонса Мухи и тогдашней аферы с кражей «Моно Лизы». В ряде пьес изображены известные политики и общественные деятели: профессор Масарик^[68], профессор Дртина^[69] и др. В одной из них мы встречаемся с фигурой бравого солдата Швейка. Это свидетельствует о том, что уже в 1911 году, после публикации на страницах «Карикатур» и еще до книжного издания 1912 года, гашековский «Швейк» имел широкую популярность.

Кабаре приобрело известность и получило название «У братьев Макавеев», ибо в пьесах щедро использовались библейские мотивы. Богемное содружество и до этого присваивало себе различные названия, как, например, «Братство Яна Мыдларжа, пражского палача».

Впрочем, драматические сценки составляли только часть программы кабаре. На другой сохранившейся афише сообщается, что редактор «Света звиржат» Ярослав Гашек выступит с лекцией «О святых с точки зрения экономики». Вопросы, дискуссия и общая полемика в рамках приличия приветствуются. По окончании программы — воскресенье. В один из вечеров Гашек взял на себя роль конференсье и, черпая знания из своей кинологической практики, говорил «о дрессировке полицейских собак», делая недвусмысленные намеки на свой опыт обращения с «легавами».

В апреле 1912 года, когда Гашек читает лекции в ресторации Звержины, он является одновременно членом актерской труппы, выступающей в ночном

заведении «Монмартр» на Ржетезовой улице или в трактире «Копманка» на Темпларжской улице.

«Монмартр» принадлежал известному пражскому шансонье Йозефу Вальтнеру. Среди всех староместских трактирчиков его заведение имело наибольшие основания стать сборным пунктом художественной богемы. Он удобно расположился в глухом тупике, в старинном доме «У трех дикарей», да еще в непосредственной близости к культурному центру Праги. Художник В. Г. Бруннер расписал потолок помещения смелыми эротическими рисунками, в которых крылась пародия на входивший тогда в моду кубизм. В программе участвовали актеры и певцы, выступавшие здесь после спектаклей. Порой Вальтнер ангажировал постоянных исполнителей из числа безработных актеров; среди них были Э. А. Лонген и его жена Ксена Лонгенова, включавшие в свой репертуар песенки парижских апашей и т. п. Заходили сюда и члены молодежной труппы «Семерка червей». И всегда тут можно было застать веселую четверку неразлучных друзей — Гашека, Опоченского, Кудея^[70] и Гануша^[71].

Привилегированным положением здесь пользовался Ярослав Гашек. Он завоевал признание непосредственным юмором, журналистским опытом и находчивостью, благодаря которым в любой момент мог вести конференс и импровизировать на какую угодно тему. В «Монмартре» Гашек был не только ежедневным, но и еженощным гостем. Нередко тут и спал на плюшевом диване в каком-нибудь дальнем углу. Владелец «Монмартра» хотел, чтобы Гашек за ужин участвовал в вечерней программе. А тот порой начинал бунтовать и вел себя непристойным образом. Вернувшись, например, из очередного бродяжнического странствия по Чехии, он уселся на сцене и перед всей публикой, ожидавшей невесть каких острот, стал разуваться и медленно, деловито разматывать

ужасающе грязные портянки. После нескольких таких эксцессов хозяин запретил ему появляться в трактире, дескать, его поведение шокирует приличных посетителей. Интересно при этом, что Гашек льнул к «Монмартру» «как к родной матери» и без него вообще не мог обойтись. Было даже трогательно смотреть на него, когда ночью, в дождь и непогоду, он прохаживался по улице перед заведением Вальтнера, пока не появлялся достаточно влиятельный заступник, который как-то уговаривал впустить его в зал.

Выставленный из «Монмартра», он отправлялся в старинную «Копманку», куда ради отличного трактирщика Карела Флашнера и доброго велькопоповицкого пива наведывались многие популярные деятели искусства. Навестить Гашека в рестораны «На Балканах» (это название трактир получил в пору балканских войн) приходили самые верные его друзья — литераторы и художники. Комические сценки и лекции здесь чередовались с музыкальными номерами. Гашек брал слово в перерывах между выступлениями. Говорил главным образом о своих путешествиях по «средней Европе», как он называл скитания по Чехии, которые предпринимал тогда с З. М. Кудеем, и в качестве известного сторонника связей с балканскими народами высмеивал австрийскую великодержавную политику.

В ночных заведениях Гашек был самым постоянным посетителем. Еще в 1913 году пражская газета «Заимаве новины» («Интересные новости») приглашает читателей из кабаре «Нирвана» в ресторан «На Балканах». Правда, рецензент сожалеет, что нет уже того веселья, которое прежде поддерживали наши литераторы Гануш, Гашек, Опоченский. Остался лишь неутомимый и первый наш поэт и юморист Ярослав Гашек, в одиночку спасающий эти вечера.

Гашековский конференс явно связан с его предвыборными выступлениями на собраниях партии умеренного прогресса, как это верно подметил в своих воспоминаниях Франтишек Лангер:

«В кабачке «Коровник» избиратели видели перед собой кандидата, похожего на персонажа из программы кабаре. Он произносит речи, играя как актер, то и дело поглядывая на слушателей, с порозовевшего лица не сходит лукавая усмешка, всякий успех, всякую сочувственную реакцию публики он подкрепляет еще более широкой улыбкой и явно счастлив, когда ему удастся вызвать взрыв громкого, безудержного смеха. Обычно он дает людям нахотаться всласть и пользуется передышкой, чтобы освежиться солидным глотком пива. А иной раз изображает преувеличенную серьезность политического оратора и вещи совершенно обычные сообщает патетическим тоном, с неистовством фанатика стуча кулаком по столу» размахивая руками и гипнотизирующим строгим взглядом обводя слушателей: не осмелится ли кто возразить? — точно он произнес самую смелую истину или сделал великое открытие. Он полностью использует преимущества опытного юмориста, а потому нисколько не стесняется и позволяет себе затягивать паузы, которые не утомляют публику, а превращаются в напряженное ожидание: что там оратор замышляет и что из всего этого получится. Ему нравится играть, и он охотно играет, причем видно, что эта роль доставляет ему истинное наслаждение».

Идет обычная ресторанный жизнь, за столиками обслуживают посетителей. Актерам кабаре приходится занимать и смешить публику, заглушая шум разговоров. Они не могут полностью отдаться игре, должны прислушиваться к реакции зрителей, мгновенно ее учитывать. Актеры и авторы не просто произносят текст, а выявляют собственное отношение к изображаемому.

Во времена авангардного театра такой способ творчества получит название «импровизационной игры».

Был ли Гашек актером? Из свидетельств очевидцев явствует, что большей частью он выступал с импровизированными речами, главным в которых была его авторская, а не исполнительская роль. В пьесах и сценках он проявлял себя скорее как актер, но и там текст был лишь основой для бесчисленных вольных отступлений.

Гашек необычайно гордился своими успехами в кабаре, но, по мнению некоторых очевидцев, несколько себя переоценивал. Разумеется, ему не хватало актерской самодисциплины и профессионального контакта с публикой. Так, по крайней мере, считает Лонген, который хорошо знал его с этой стороны. Гашек и на сцене был иронически безразличен ко всему, не умел достаточно разнообразно пользоваться актерской мимикой. Он охотнее прибегал к оригинальной мысли, афоризму или шутке, чем к жесту.

После большого успеха в «Монмартре» и «На Балканах» Гашек выступает как конферансье перед широкой аудиторией с труппой кабаре, возглавляемой Лонгеном. Он принимает участие в некоторых ее пражских и гастрольных представлениях, в частности в Пльзени.

Гашек не выносил, когда кто-нибудь нелестно отзывался о его артистических способностях. И видел в этом лишь зависть конкурента. Некоторые современники считали, что он вообще был актером по природе. Эдуард Басс, к примеру, писал: «В Гашеке всегда жили два человека. Один изображал шута, а другой на это смотрел. Этот второй Гашек, которого знали немногие, со страшной отчетливостью узрел ничтожность человеческой жизни и, познав эту ничтожность, пытался опровергнуть ее, заглушить, обойти, обмануть шутками и таким образом провоцировал того, первого Гашека.

Его великолепная комедийная игра была исполнена трагизма».

В нашем документальном повествовании мы не можем углубляться в парадоксы души клоуна. Однако присмотримся к сохранившимся текстам. Сравнив записи сыгранных в кабаре пьес и сценок с остальными литературными сочинениями Гашека, мы будем разочарованы. Это лишь наметки и наброски, выглядящие мертво и фрагментарно, свидетельство невосстановимой атмосферы, из которой рождалось богемное веселье. Забава, чтобы походить на забаву, должна быть до банальности простой, должна основываться на всем известных фактах и привычках, на проверенных актерских приемах. Поэтому сценки и пьесы Гашека для нас только документ, говорящий об обстановке и ситуации, в которых его осенили искрометные идеи, больше ни о чем. Им недостает той непосредственности, легкости, спонтанной изобретательности, огромной потенциальной способности к творческой импровизации, которые характерны для его литературных произведений.

Пражское дада

Когда возмущенная супруга упрекала Гашека, что он целые ночи проводит в трактирах со своими собутыльниками, которые ради него не пропустили бы свидания с девкой, она, конечно, сильно преувеличивала. Этот упрек нельзя отнести, по крайней мере, к ближайшим приятелям ее мужа, входившим в знаменитую гашековскую четверку, — они не только буйно веселились, но и помогали друг другу, а одно время даже жили своеобразной коммуной.

Прибежищем для них стал узкий четырехэтажный доходный дом. В маленькой квартирке с полутемной кухонькой здесь жила вдова пастора. Ее сын — известный представитель пражской богемы Густав Рогер Опоченский — вспоминал: «Собирались мы ближе к ночи в каком-нибудь кафе или трактирчике, если весь тот день судьба вообще не вела нас одной дорогой, что случалось довольно часто. По тихим улочкам Верхнего Нового Места поднимались к гостеприимно ожидавшему нас дому. На лестнице и в квартире лишних разговоров не вели, чтобы не разбудить уже спавших соседей; утром каждый из нас получал чашечку чаю и кусочек хлеба с салом (моя мать была женщина экономная и научилась обходиться в хозяйстве даже тем малым, что имела), потом снова по виноградским улицам, полным солнечного блеска, утренней спешки и шума, мы шагали вниз, к центру Праги. Гашек обычно отправлялся куда-нибудь в кафе писать свою ежедневную юмореску».

Когда мать Опоченского уехала в провинцию к замужней дочери, квартира стала временным пристанищем всей дружеской четверки: «Первым переселился сюда Гашек (слово «переселился» не надо понимать как переезд с мебелью и вещами); иной раз

тут проводил каникулы З.М. Кудей, приходил ночевать и Отакар Гануш. Роль главного мажордома иногда выполнял преданный нам в ту пору Винценц Дивиш, чаще — Рихард Шимановский, веселый собутыльник и верный товарищ, друг Кудея по Америке, владелец заведения по производству медицинского ликера и лечебных леденцов, которыми он одаривал нас, когда уже совсем нечего было есть... Однажды нам нанес неожиданный визит Франта Гельнер, к тому времени, помнится, уже обосновавшийся в Брно, в «Лидовках»^[72] и приехавших взглянуть на Прагу. Он застал нас в плачевном состоянии: было время обеда, а в нашей коммуне хоть шаром покати — ни денег, ни продуктов, ни... кредита. Не на что даже было купить сардельки с красным перцем, которые так отлично готовил Зденек, помимо прочих знаний и навыков, великолепно владевший поварским искусством. Гость, подоспевший как нельзя кстати, приснул, увидев наше безутешное положение, и через несколько минут Рихард уже возвращался из лавки со всяческими колбасными и хлебными изделиями, а главное — с изрядным жбаном смиховского пива...»

Если Гашек раздобывал какую-нибудь работу, например, редактирование военного календаря для издателя Гинека, компания со всей своей причудливой веселостью, в которой скрывались зародыши антибуржуазного протеста, тут же превращалась в своего рода литературную артель. Рукопись календаря от первого до последнего листа друзья «сработали» за какие-нибудь три дня и три ночи. В бодром приятельском сообществе, где не надо было притворяться, играть роль и где охотно подхватывались самые безрассудные выходки, Гашек отогревал душу после глубокого личного кризиса.

Гораздо меньшего успеха добивались те, кто принимался воспитывать его «всерьез», кто хотел, чтобы

он исправился, сделался «порядочным» человеком. Такие намерения имел, например, естествоиспытатель и путешественник А. В. Фрич, у которого Гашек какое-то время жил в его вилле «Боженка» в Коширжах. Экзотическая обстановка нравилась Гашеку. Вместе с ним у Фрича жил настоящий индеец из племени чомакоко, привезенный заокеанским путешественником в Прагу из одной экспедиции.

Фрич как-то запер Гашека, снабдил провизией и нарезал около 500 «четвертушек» чистой бумаги, чтобы тот писал. Но, вернувшись домой, обнаружил, что узник исчез. Из белых неисписанных листочков Гашек наделал лодочек и расставил их по всей комнате.

Начинается период летних странствий «по средней Европе», возврат к бродяжьей молодости.

До сих пор никем не объясненные причины привели Гашека летом 1912 года в Камык над Влтавой. Отсюда следы ведут в архив полицейской управы. 25 июля 1912 года трактирщик Барта из Камыка письменно заявляет, что «газетный редактор пан Ярослав Гашек сделал за эти дни в обществе одного пана и одной барышни долг в 38 крон за еду, помещение, пиво и сигары, проведя 3 дня и 3 ночи и ни за что не заплатив, затем все они скрылись в неизвестном направлении. Прошу выяснить, действительно ли он является редактором и где в Праге проживает?»

Согласно заявлению Барты, у правонарушителей был интеллигентный вид, можно даже предположить, что они принадлежат к какой-нибудь театральной труппе.

Розыски места жительства Ярослава Гашека, начатые земской императорско-королевской жандармской управой, продолжались в течение 1912 и 1913 годов. Усердная полицейская бюрократия накопила полную папку донесений. В бездне бумаг как-то теряется пометка, что сразу же по возвращении в Прагу,

30 июля 1912 года, Гашек послал трактирщику Барте 40 крон и тот отказался от своей жалобы.

Между тем Гашек скитается по Праге. Гостит у случайных знакомых, иной раз ночует у ближайших друзей, удивляя всех скромностью и неприхотливостью. О его поведении Г. Р. Опоченский пишет: «В этой квартире Ярослав появился, очевидно, на первый или второй год после моего переселения. Сначала заглянул лишь на минутку. Но позже, когда его судьба стала складываться более чем неудачно, провел у меня немало ночей. Как я уже сказал, он был поразительно нетребователен: даже зимой спал на кушетке не иначе, как прикрываясь собственным пальто, под головой — скатанный старый коврик, от подушек и одеял решительно отказывался».

О необычайной неприхотливости Гашека вспоминает и художник Лада, поселивший его в кухоньке своей маленькой квартиры на Диттриховой улице. Лада описывает развлечения, за которыми приятели коротали время. Так, они придумывали новый иностранный язык или вместе сочиняли оперу (Лада импровизировал на гармонике, а Гашек диктовал либретто на тему «Как Колумб открыл Америку»); порой даже на улице разыгрывали громкие ссоры, привлекая внимание окружающих: например, Гашек изображал упрямого богатого крестьянина, не желавшего, чтобы его сын Вацлав женился на Анежке, дочери бедняка Лады, и т. п.

Для Гашека-импровизатора такие забавы служили своего рода репетициями. Лада интересно рассказывает о его своеобразной манере работать: «Писал Гашек легко и свободно. Свои юморески он мог создавать, как говорится, в присутствии заказчика и притом где угодно: в трамвае, в трактире, в кафе, как бы шумно там ни было. Да еще демонстрировал чудеса литературной эквилибристики. Один раз в кафе «Унион» он писал какую-то юмореску, и любой из сидевших там, заплатив

десять крейцаров, мог придумать произвольное имя, а Гашек умудрялся вставить его в следующую же фразу, не нарушая естественного развития фабулы.

Когда он жил у меня, то писал обычно с четырех часов дня. И всякий раз сам заранее заявлял, что начнет работать именно в это время, когда после часу дня заходил ко мне в мастерскую вздремнуть на оттоманке. Действительно, ровно в четыре он торопливо вставал и принимался за дело. Иногда у него был готовый замысел, но чаще он придумывал сюжет, уже сидя за столом. Что писать — над этим он никогда не ломал голову. Минутку сидел неподвижно, уставившись на чистый лист бумаги, потом брался за перо. Писал он быстро, разборчивым, красивым почерком и работал без длительных перерывов часов до шести, к этому времени юмореска бывала готова, и он торопился с ней в какую-нибудь редакцию, чтобы тут же обратить свое произведение в звонкую монету. Гашек предпочитал получать гонорар из рук в руки, пусть даже с некоторой потерей, но не ждать, пока вещь будет напечатана, а размер вознаграждения высчитан по количеству строк». Художественную литературу, то есть романы и стихи, Гашек вообще не читал. Зато любил литературу факта, различные пособия и руководства, археологические труды, книги о происхождении человека, научные статьи. Он знал «Учение о людях странного и эксцентрического поведения» Гевеороха^[73], интересовался миссионерскими путеописаниями, астрономией и хиромантией. Нередко Гашек раскрывает тома выходившего в ту пору «Научного словаря Отто» и на тему какой-либо из статей этой чешской энциклопедии пишет очередную юмореску, нашпигованную всякого рода сведениями.

О круге его чтения свидетельствует Сауэр: «Он с наслаждением читал рецепты из поваренной книги, катехизис и букварь для младших классов начальной

школы, который бог весть где достал и в который потом часто углублялся. Всему предпочитал критические статьи пана Секанины^[74] в газете «Народни политика», которую вообще любил больше остальных. Он сам с абсолютно серьезным лицом утверждал, что из высокой литературы наибольшее впечатление на него произвела «Ивонна» (псевдоним Ольги Фастровой^[75] и Павла Моудра^[76]). У него был широкий политический кругозор, ибо данные о современной политической ситуации он черпал из самых информированных печатных органов — из газет «Листы обувнице» («Газета сапожников») и «Листы кожелужнице» («Газета кожевников»), из журнала для пивоваров «Квас» («Закваска») и из «Гостимила». Над страницами библии Гашек всегда благодушно улыбался и был одним из ее вольных толкователей. Запоем читал «Жизнь животных» Брема и с удовольствием перелистывал «Кронен-цайтунг» («Коронную газету»), которую любил за ее сообщения о подробностях жизни кронпринца Рудольфа. Но самым любимым его чтением были объявления в газете «Народни политика». Им он отдавал много времени и изучал весьма основательно. Заглядывал в рубрику «Письма», чтобы узнать, продолжает ли еще Ирча искать Лексу и не влюбилась ли в него какая-нибудь «дама в велюровой шляпе». И всякий раз бывал обманут в своих ожиданиях. Читал разделы «Брачные предложения», «Дела торговые», «Квартиры» и на закуску «Вести отовсюду».

Собственно, и в самом образе жизни, и в веселых выходках Гашека видны элементы творчества. Из рассказа Лады мы видим, как серьезно и последовательно превращает он неожиданно осенившую его идею в игру:

«Однажды в день св. Йозефа, 19 марта, Гашек утром спросил меня, как я собираюсь отпраздновать свои именины. Я ответил, что ввиду жалкого состояния моих

финансов праздник будет не ахти... Гашек на миг задумался, уставился куда-то в пространство, а потом медленно произнес: «Гм, это глупо! У тебя есть именины и нет денег! Н-да... Послушай, а у меня как раз есть деньги и нет именин. Знаешь что? Я куплю у тебя именины, а затем отпраздную их достойно и красиво, как и подобает, если имеешь такого «патрона». Я подумал: денег на торжество у меня все равно нет, а Гашек может всласть попользоваться моими именинами! Гашек посулил мне 10 крон. Мы ударили по рукам. Я пожелал ему всяческого счастья, и он тут же пошел в соседнюю комнату выбирать себе галстук понарядней. И вообще держался как человек, у которого действительно сегодня именины: принял от почтальона почту, узурпировав все присланные мне открытки и поздравления, присвоил и праздничный кулич — подарок домоправительницы. В ресторане заказал роскошный обед, а потом мы совершили обход кофеен и трактиров. Всюду Гашеку желали всяческих благ, угощали сигарами, кофе с ромом, пивом и вином, играли для него на рояле и на гармонике, пели, танцевали с ним популярное тогда танго, жгли бенгальский огонь, стреляли из детских пугачей и черт знает что еще делали. Гашек сиял и только непрестанно шептал мне: «Вот как празднуют именины! Ты бы ими так не попользовался, на твои именины и коза бы не заблеяла». После полуночи мы забрели еще в винный погребок Петршика, где какой-то почитатель Гашека заказал в его честь десять бутылок мельницкого вина. Но мельницкого Гашек даже на кончик языка не попробовал: во-первых, после полуночи его именины уже кончились, и, во-вторых, он вообще не имел права ни на какие подарки, поскольку не заплатил мне обещанные 10 крон! Когда я сказал Кудею, что Гашек праздновал именины в долг, тот загорелся справедливым гневом и тут же конфисковал все

оставшиеся подарки. Напрасно предлагал мне Гашек 10 крон: я не пожелал их взять, потребовал назад открытки, кулич и все поздравления, которые он с утра до полуночи принял. Пришлось ему повторять мне их текст, а я внимательно следил, чтобы он чего не пропустил, — конечно, насколько я сам помнил. Теперь мне кажется, что мы тогда еще не были по-настоящему взрослыми».

«Большое удовольствие Гашеку доставляла стряпня. В начале мировой войны мы обедали в каком-то трактире на улице Каролины Светлой. В супе плавало так мало рису, что можно было сосчитать зернышки; когда же при подсчете Гашек выяснил, что в его тарелке на несколько зернышек меньше, чем в моей, он возмутился и заявил, что отныне мы будем готовить сами. По пути домой в магазине «У Мартина в стене» мы купили бракованной кухонной посуды — жестяных кастрюль и мисок, ибо Гашек пожелал, чтобы у нас был полный набор домашней утвари, как в приданом хорошей невесты.

Из наших карманов свисали поварешки, торчали мутовки — и так мы шествовали домой по проспекту Фердинанда в ту самую пору, когда там больше всего фланирующей публики. По пути закупали продукты: тут мозги, шлеп — в кастрюлю! Там почки — айда за мозгами! Рассортируем и вымоем дома. А сверху навалом все остальное, что необходимо для ведения домашнего хозяйства. Не забыли и традиционного полотенца, которое вешают над плитой. На нем было вышито: «Коль мечтаешь об обеде, не жалей кухарке снеди!» Впрочем, стихи Гашека не удовлетворяли, он ворчал, что смысл призыва выражен недостаточно ясно, мол, нужно как-то скомбинировать этот лозунг с поговоркой: «Молоко у коровы на языке», — тогда надпись станет ясней и выразительней. По дороге мы еще зашли к угольщику, заказали угля и дров. Я охотно

участвовал в расходах и не поддавался сомнениям в поварском искусстве Гашека. Он так ловко делал закупки, что это убеждало меня: должно быть, он и впрямь умеет готовить... Готовил он отменно! К мясу у нас были кнедлики, тесто Гашек раскатывал на старой чертежной доске. Разумеется, перед этим он старательно протер ее полый пиджака да еще проверил на ощупь — не торчит ли где щепка... Мы так объелись первым домашним ужином, что не могли сдвинуться с места и свалились на пол прямо возле стола. И только немного проспавшись, отправились в трактир. В тот вечер пиво казалось нам каким-то особенно вкусным, потому что Гашек не пожалел в соус острых специй. Но долго мы на этот раз не задерживались. Гашек сам раньше обычного заторопился домой, что меня несказанно удивило... По дороге он объяснил мне: порядочный повар ходит за покупками спозаранку, иначе ему достанутся одни ошметки...»

«Однажды он объявил, что к обеду будет суп «Мадам Ниэль» и рисовая каша на молоке. Эта каша, вероятно, единственное блюдо, которое вызывает у меня отвращение. Я сказал Гашеку, что рисовую кашу есть не буду. Он в ответ ни звука — и ушел. Я уж было обрадовался, что он приготовит что-нибудь получше, раз не стал спорить, но в тот день я его вообще не дождался... Не явился Гашек ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день, и я уже решил, что его сманила в повара какая-нибудь живущая по соседству богатая дама. Только этак через неделю, примерно в ту же пору, когда он ушел, дверь в мою комнату приоткрылась, Гашек просунул голову и сухо спросил: «Ну что, будешь есть кашу?»»

Этот рассказ позволяет понять, что делало Гашека подлинным художником жизни. Он целиком отдавался моменту, человеческий удел был для него мозаикой острых и радостных ощущений, доставляемых самыми

малыми, простыми вещами. Фоном безжалостных шуток Гашека, его анекдотов и розыгрышей было незавидное положение бродяги. Он никогда не жаловался на материальный недостаток. А ведь в его корреспонденции той поры мы встречаем сигналы настоящего бедствия: «Пан редактор! Будьте добры сообщить пану Опоченскому, подсчитан ли уже гонорар. Я опять в большой нужде».

Только со стороны Гашек казался беззаботным юмористом и мистификатором. Спасаясь от нужды, он часто предпринимал различные поездки. Послушаем рассказ о его пребывании в Гавличковом Броде, где осенью 1912 года он посетил родителей редактора Юлиуса Шмидта. (Эти события воспроизведены и в юмореске «Гость на порог, бог на порог».)

«Гашек ехал откуда-то с храмового праздника, куда его позвал Гамлет (знакомый кельнер. — *Р. П.*) из «Монмартра». Пока Гамлет покупал билеты на пражский скорый, Гашек встретился с братом своего приятеля, который пригласил его погостить денек-другой. Гашек тут же за полцены продал билет в Прагу какому-то крестьянину и устроился в семье гостеприимного знакомого. Ходил с ним на охоту, а потом шатался по трактирам и всюду предлагал купить подстреленных куропаток. Не прошло и недели, как весь городок уже знал, что тот пан, который приехал из Праги, ходит в распивочные и ведет там беседы с пьяницами. Его хозяев такое поведение шокировало. Гашеку намекнули, что пора бы ему и честь знать, но он намек не понял. Купили билет — Гашек его продал. Объявили, что уезжают куда-то в гости, — Гашек тут же с радостью согласился их сопровождать, ему, дескать, и так в Броде надоело. Заметив, что на него начинает обращать внимание полиция, он остановил на площади полицейского инспектора, заявил ему, что потерял портмоне с крупной суммой, и обещал, если портмоне

найдется, пожертвовать 200 крон в пользу местных бедняков. Полицейские сразу стали его почтительно приветствовать. Наконец Гашека увез в Прагу сам Шмидт, срочно вызванный родными. Больше его не приглашали».

Когда Гашек вернулся в Прагу, в его судьбу вновь вмешался Ладислав Гаек. За это время он успел жениться и после смерти тестя стал совладельцем фирмы и редактором журнала. Обеспеченный и преуспевающий литератор в рождественские дни 1912 года решает протянуть руку помощи другу своей молодости. Встречу с ним он описывает с трогательностью рождественского рассказа: «Я был примерно два месяца как женат, когда в начале зимы 1912 года ко мне пришел поэт Опоченский: «Послушай, мы не можем оставить так Ярду, возьми его к себе, сделай это незаметно, он тебя послушает. Используешь его в журнале, и было бы лучше всего, если бы он мог где-нибудь у вас жить и столоваться. Только будь к нему строг, никуда не отпускай». Я посоветовался с женой. Она любила Гашека, который успел снискать ее симпатию, когда жил в вилле «Света звиржат», и сама стала меня уговаривать. В ту пору у нас была только проходящая служанка. Комнатка для прислуги пустовала.

Мы договорились, что к ночи я за ним зайду. И вот поздно вечером мы с женой заглянули в «Монмартр». Гашек сидел за длинным столом и произносил какую-то импровизированную речь. Сразу подбежал к нам. Мы обрадовались встрече. «Пожалуй, я пойду сегодня с вами, пересплю где-нибудь у вас, хоть на полу». Мы взяли Гашека к себе. Бедняга ко всему еще страдал в это время ревматизмом.

Уложили его в заранее разостланную постель в маленькой комнатке. К утру жена уже приготовила для Гашека один из моих костюмов. В некоторых

отношениях он был как малое дитя и, переодеваясь, блаженно улыбался. «У вас тут хорошо!» — «Не хочешь у нас остаться?» Он посмотрел на меня, не шучу ли. Уже начинались холода, зиму Гашек не любил. «Будешь спать в этой комнатке, есть вместе с нами, да я бы тебе еще кое-что платил». — «И ты бы это для меня сделал? Ведь я испорчу вам медовый месяц!» Мы засмеялись. «Оставляем тебе здесь — но с одним условием! Если хочешь у нас жить, ты должен бросить замашки бродяги. Выходить в одиночку тебе не разрешается. Можешь писать, делай что угодно, но как только начнешь слоняться по трактирам — больше к нам не возвращайся. Всюду будешь ходить с нами. Идет?» Гашек пришел в восторг, пообещал вести себя добродетельно, никуда самостоятельно не отлучаться и вслух радовался, что у него снова будет крыша над головой».

За работу в редакции «Света звиржат» новый редактор принялся с жаром, который проявлял еще при старом шефе. Гаек тоже подражал покровительственной манере покойного тестя; нахваливал трогательные «зоологические» юморески Гашека (о них еще пойдет речь) и позволял ему выпить немного пива в приличном кругу «У Брейшков» или в «Копманке».

Очевидно, к этой поре относится веселая фотография, на которой Гашек осуществляет свою «ледовую операцию» «У Брейшков». Во время одного из трактирных споров он побился об заклад с ресторатором, что докажет свою выдержку и всю вторую половину дня будет скалывать на улице лед. Работая, он обращался к собравшимся зевакам: «Смотрите, хорошенько смотрите, чем нынче приходится зарабатывать на хлеб чешскому писателю!» Фотография была напечатана в «Светозоре».

Весной 1913 года они с Гаеком чаще всего ходили в старинный малостранский трактирчик «У короля

брабантского», а когда выдавалась теплая погода, сиживали на террасе «Золотого колодца», где тенор Лейтцер пел под гитару старопражские песенки.

В остальном же у Гашека в «Свете звиржат» был жесткий режим. Если Ладе нужна была юмореска для «Карикатур», он мог «одолжить» его, но обычно не более чем на три часа. Столько времени требовалось, чтобы Гашек успел дойти с Ладой до ресторана Флашнера «Копманка», здесь, в уютной обстановке, написать рассказ, выпить две-три кружки пива и вернуться в свою редакцию.

Но однажды он не стал спешить с возвращением, «Я прорвал блокаду», — говорил он, улыбаясь, и опять поселился у Лады. Гаеку он подстроил очередную каверзу: взял в его отсутствие новые жокейские штаны и сапоги и стал в них прогуливаться по пражскому «корсо». Гашека тяготила редакционная поденщина и необходимость быть благодарным за то, что его снова хотят сделать «добропорядочным» человеком.

Летом 1913 года он возвращается к старой бродяжнической жизни. Уход из семьи, божественное существование, официально оправданное пребыванием в психиатрической больнице, избавляют его от всех запретов и обязательств. Гашек снова вдыхает пьянящий запах свободы. А поскольку в ту пору он уже известный писатель и юморист, его летние странствия по средней Чехии превращаются в поистине дадаистские похождения, за которыми с интересом следит широкая общественность. Передряги совместных скитаний позже описал З. М. Кудей в книгах «Вдвоем бродяжничать лучше» и «Вдвоем бродяжничать лучше, втроем — хуже». Эти книги превращают жизнь Гашека в собрание веселых анекдотов, лишенных глубокого смысла... Однажды был жаркий летний день. И оба друга для увеселения присутствовавших выкупались в пруду, надев дамские купальные костюмы.

Документальный снимок друга послали Йозефу Стивину^[77] в «Право лиду». Позже он был напечатан также в журналах «Свет» («Мир») и «Светозор». Текст под изображением гласит: «Два опустившихся индивидуума оживляют в сем уборе поэзию еще не исследованных дебрей Подебрадского края. Приятные контакты с органами охраны порядка поддерживаются ежедневно». Рукой Гашека на обороте фотографии приписано: «Таковы последствия воспитания по системе Свойсика»^[78].

Целью путешествия был город Пльзень, где они хотели навестить редактора Пеланта. (Карел Педант, один из приверженцев партии умеренного прогресса, напечатал в пльзенском «Смере» («Направлении») статью о Ярославе Гашеке. Тот с ним поначалу и только для виду полемизирует, на самом же деле это лишь предлог, чтобы воскресить атмосферу лучших дней партии умеренного прогресса, — а затем посылает в Пльзень написанные в юмористическом духе «Письма из Праги».) Однако Педант принял друзей против ожидания сдержанно. Почтенный редактор испугался дикого вида двух бродят и после нескольких кутежей отрекся от них. (Этот случай описан в новелле Гашека «Об искренней дружбе».) В Прагу от Кудея приходит известие: «Из Пльзени мы были постыдным образом выдворены и теперь в беспорядке отступаем к Рокицанам».

В следующем году два друга предпринимают новое странствие по средней Чехии. На сей раз они направляются в Посазавье, где собираются навестить певца Дрвоту, члена кабаре Лонгена. Приключения, имевшие место во время этого странствия, Гашек описал в новелле «Чешский Бедекер», а Кудей посвятил им второй том воспоминаний «Вдвоем бродяжничать лучше, втроем — хуже». По описаниям Кудея, это было не бродяжничество в буквальном смысле слова, а скорее

какая-то озорная летняя прогулка с целью посещения друзей.

Стихийная жизнерадостность Гашека, выходящая за рамки искусства, связана со способностью свободно видеть и свободно жить. Конечно, это оказало глубокое влияние и на его творчество. Его литературный стиль формируется под воздействием непосредственной жизненной ситуации, естественных свойств материала действительности, лишь по-новому претворенного и освещенного.

В Чехии тогда еще не сложились предпосылки для такого понимания жизни и творчества. Поэтому Гашека и не воспринимали как художественного творца в истинном смысле этого слова.

В разгар войны, на развалинах буржуазной цивилизации, швейцарские дадаисты заявят, что искусство должно подчиняться риску непредвиденных случайностей, скрытых в игре жизненных сил, будут прославлять волшебство неведения и отрицать груз памяти. Однако непосредственный, освобождающий юмор Гашека заключал в себе нечто большее, чем дадаистское всеотрицание. В гашековской насмешке над абсурдностью мира уже звучал призыв к его революционному преобразованию.

«Мой друг Ганушка»

Однажды Гашек шел в Прагу из Коширж, где после периода скитаний временно поселился на вилле «Боженка» у путешественника Фрича. На Уезде он свернул в трактир, где сидело несколько каменщиков с соседней стройки. У них уже не было денег, и потому они собирались уходить. Но Гашек, не желая остаться без общества, угостил всех пивом. Позднее оказалось, что платить ему нечем. Пришлось оставить в залог пальто. На улице было холодно, шел дождь. У сада Кинского писатель встретил добродушного полицейского, который спросил, почему он без пальто. Гашек пожаловался, что у него отобрали пальто в трактире. Полицейский, возмущенный таким бессердечием, тут же отправился расследовать это дело. Тоша трактирщица, разумеется, рассказала ему, как все было. Полицейский, рассердившись, что Гашек его обманул, стал его допрашивать. Выяснил, что у того нет постоянного места жительства, и задержал как бездомного.

На другой день в комиссариат явился Кудей и отвел Гашека к Ладе на Диттрихову улицу. Сначала на Карловой площади они зашли к редактору Вике, работавшему в известном издательстве Отто. Там состоялось краткое совещание. Участники его констатировали, что Гашек живет в ужасной нужде, но поддерживать его материально не имеет смысла, поскольку он все равно пустит деньги по ветру. Поэтому решили, что будет лучше всего, если они вместе с молодым Отто, сыном издателя, установят над Гашеком нечто вроде опеки. Он же, как недееспособный, будет получать на руки лишь мелкие суммы на повседневные расходы. Весь благотворительный фонд не должен

превышать аванса за планируемую книгу очерков и рассказов для детей.

Текст контракта написан рукой Гашека: «Светозор», 5 декабря 1913 г. Выражаю согласие, чтобы гонорар за книжку юморесок выплачивался господам К. Вике, З. М. Кудею и Я. Б. Отто. Признаю, что поименованные господа намерены употребить соответствующую сумму единственно ради моей пользы, и добровольно отказываюсь от прав на получение гонорара.

Четверть книги составят новые, до сей поры нигде еще не печатавшиеся вещи. Это заявление я составил совершенно добровольно и подписал собственноручно и в здравом разуме.

Подписи: Вика, Кудей, Отто
Ярослав Гашек».

27 марта 1914 года «опеку» заменили составленным по всем правилам издательским договором. Однако текст подготовленной книжки за годы войны затерялся.

Эпизод, нашедший отражение в полицейском протоколе и дорисованный воспоминаниями друга, позволяет увидеть Гашека в типичной для него ситуации бездомного бродяги. Как и прежде, он глух к увещаниям и добрым советам. Живет эксцентрично и безалаберно. Но уже дают себя чувствовать признаки усталости, тоски. Продолжая шутить и забавлять публику в программах кабаре, он все чаще «выпадает из роли». Вдруг на него находят приступы меланхолии, безнадежного скепсиса; за маской клоуна скрывается страдающий человек.

Душевное состояние Гашека отразилось в его тогдашних рассказах о животных, Весной 1913 года он публикует серию произведений, пронизанных авторской грустью и самоиронией. В рассказе «О курочке-идеалистке» он высмеивает женское тщеславие и феминизм; в очерке «О самом уродливом псе Балабане» звучит симпатия к судьбе одинокой, всеми презираемой

дворняги. Более всего близок к автопортрету рассказ «О запутавшейся квакше». В нем идет речь о трагическом столкновении личности с обществом, о тщетной мечте обрести свободу. Бедная маленькая квакша никак не может гармонически влиться в концерт старых лягушек, хором квакающих на берегу пруда. Она бежит из этой среды, от насмешек и недружелюбия и попадает в плен к человеку, который хочет, чтобы она предсказывала погоду. Но и там она делает все наоборот. Когда светит солнце, залезает в мох, а когда идет дождь, взбирается на самую высокую ступень специально поставленной в ее банку лесенки. Не по злой воле — просто она не умеет петь по принуждению, не способна смириться с ненавистным жребием. Но вот ей удастся сбежать, и, радостно вскарабкавшись на самую верхнюю ветку липы, она — вопреки привычкам всех квакш — в проливной дождь оглашает тишину звучащим, как клич свободы, возгласом: квак!

О тогдашних настроениях Гашека рассказывает Вильма Вараусова. Вместе с мужем она зашла в пражский «Монмартр». Веселье угасало, ждали главного номера программы. «Наконец появился Гашек и приблизился к нам со словами: «Одолжите десять крейцаров». С той поры, как я видела его во вршовицкой квартире, он сильно похудел. Развод с Ярмилой и разлука с сыном явно не прошли для него бесследно. Он подсел к нашему столу, стал расспрашивать о Ярмиле. Я сказала, что она живет хорошо и мальчик красивый, похож на него. Гашек не мог скрыть волнения, обвинял родителей Ярмилы, что они развели его с женой и отобрали у него сына. Дескать, тесть обманул его, обещал финансовую поддержку и не сдержал слова. Мне досталась тяжкая задача защищать старого пана. Как я слышала, он не хотел дробить семейный капитал. Ни одному из детей ничего не дал. Наследство могло быть разделено только после смерти родителей.

Гашек просил меня повлиять на Ярмилу. Пусть, мол, она к нему вернется.

Не знаю, дождалась ли тогда публика его выступления. Мы — нет. Я попросила мужа, и вскоре мы ушли».

Свидетельство Вильмы Вараусовой еще раз подтверждает, что в глубинных основах своей природы Гашек скорее был склонен к скепсису и отчаянью, чем к непринужденному веселью. Эксцентрические проказы служили только наркотиком, отдушиной, через которую выходил избыток его депрессивной меланхолии.

Независимость, равнодушие к мнению окружающих заставляли многих сомневаться в доброте природы Гашека. Он часто вызывал споры и стычки, причем в любую минуту мог встать на сторону противника, порой даже против своих прежних приятелей.

Но причина кажущегося «непостоянства» Гашека, очевидно, гораздо проще. Его притягивало необычное, интересное. Именно поэтому он неожиданно отрывался от своей компании и уходил с совершенно незнакомыми людьми. Его привлекало многообразие людских характеров и судеб, причудливость фактов и явлений. Однако он вовсе не был слабым человеком, пассивно подчиняющимся обстоятельствам. С безошибочной точностью он выбирал именно то, что ему было необходимо для жизни и творчества.

В чрезвычайно интересных рукописных воспоминаниях Кудея мы можем прочесть, что Гашек старался разнообразить серую повседневность дружбой со странными, необычными людьми. В главе, названной «Галерея гашековских друзей и знакомых», мы почти не встречаем имен тогдашних поэтов и литераторов. Гораздо больше притягивали его люди сумасбродные, эксцентричные, разного рода авантюристы и бродяги.

К числу таких знакомых Гашека принадлежал и Фердинанд Местек, с которым он скорее всего сошелся,

совершая какую-либо сделку от имени фирмы «Свет звиржат». Местек был бродяга, отличавшийся тем, что рассказывал о своих волнующих приключениях с абсолютно невозмутимым лицом. К дружбе с людьми «дна» Гашек относился отнюдь не отвлеченно. На удивление богемной компании он выступал перед Домом инвалидов в роли зазывалы «блошиного театра» Местека и вел себя при этом подобно хозяину бродячего цирка; с таким же энтузиазмом он помогал бывшим приятелям-анархистам контрабандой провозить сахарин.

В этих дружеских связях проявляется фатальное пристрастие Гашека к причудливым и своеобразным сторонам ныне уже исчезнувшего мира предвоенной Праги.

Одним из самых удивительных его знакомых, бесспорно, был некий Ганушка. Сведения об этом бродяге в различных вариантах проходят через все биографические книги о Гашеке. Менгер утверждает, что это босяк, вор, изгнанный из Чехии и вернувшийся туда тайком. В действительности его якобы звали Ольдржих Зоунек. По мнению Лонгена, настоящая его фамилия — Матисек. Сауэр именует незнакомого бродягу «лучшим другом Ярослава Гашека». В своих воспоминаниях он рассказывает, как встретился с Гашеком и Ганушкой в захудалой корчме в Коширжах.

Ганушка будто бы поведал Сауэру такую историю: «...Был я на мели, как сейчас. Тут появился в эту самую распивочную Ярда. Все звали его пан редактор. Подсел ко мне и велел налить всем. Я думал, это какой-нибудь деревенский денежный мешок, собрался было его пообчистить, ощупываю потихоньку карманы, а он наклонился и шепчет мне на ухо: «Оставь, приятель, хочешь — пойдем в сортир, и сделаешь то же самое со всеми удобствами, тут ты можешь завалиться».

Пошли — вывернул он карманы, все были дырявые, кроме одного, в котором трепыхался последний гульден. Тут он сказал, что, если я без утайки все ему выложу, он мне поможет. Знаешь, дружище, я вылупился на него, как баран на новые ворота. Никакой легавый не заметил бы, что я привираю, а он то и дело: «Брешешь, это было вот так!» И впрямь, все было в точности так, как он говорил. С той поры, дружище, Ярде я ни словечком не солгал, все равно зря — не знаю уж, как это ему удастся, но он обязательно учует. Толкуют — потому, мол, что ученый да башковитый, но черта с два, другие тоже ученые, а лопухи лопухами...»

Рассказывают, будто, странствуя с Ганушкой, Гашек вблизи баварских границ неожиданно заболел сильной лихорадкой и не мог идти дальше. Ганушка отнес его в стог, устроил ему там ложе и ставил компрессы. А так как у этого бродяги не было ни куска тряпки, он разорвал свою грязную рубаху, намочил в воде и сделал своему другу «обертывание». Потом отправился в деревню за провиантом. Через час-другой притащил тряпья, бидон молока и хлеб. Видать, все где-то украл. Две недели он ухаживал за Гашеком, раздобывал пищу и спас ему жизнь. Подобным же образом о своей дружбе с этим вором и босяком Гашек рассказал в новелле «Мой друг Ганушка». По его версии, они познакомились в тюрьме в 1907 году.

«Первая наша встреча была не слишком веселой. Я как раз находился под следствием из-за того, что во время одной уличной демонстрации какой-то полицейский по несчастной случайности приложился головой к моей палке.

Надсмотрщик новоместской каталажки Говорка, всем нам отец родной, на время предварительного следствия поместил меня в отделение для так называемых преступных элементов. Большею частью это были профессиональные воры.

У одного из них было прозвище Ганушка, и я тогда не знал, что он станет моим другом, не знал до тех пор, пока, исполненный участия к моей судьбе, он не объявил, что, когда снова будет коридорным, пронесет мне в судке для суша сигарету. Глаза у него были голубые, взгляд добродушный, лицо улыбочное — все это заставляло забыть, что глупое общество обязательно скажет: порядочный человек не унизит себя дружбой с вором».

Новелла оканчивается трогательным сопоставлением бродяги с благополучным пражским мещанством. Ганушка пожелал хоть раз взглянуть на «чавкающих чешских чревоугодников», просиживающих вечера в пивной «У Флеков»: «Была у него одна только розовая мечта, единственное желание — побывать там, у истоков чешской политики, у свиного корыта чешских буржуев.

Я увидел там несколько знакомых физиономий, выразивших явное непонимание того, что и Ганушки имеют право на подобные радости. Когда я его привел, они уверяли друг друга, что это, наверное, какое-нибудь пари, но потом Ганушка поразил мир великим деянием.

В то время как мещане бросали по жалкому геллеру в кружку для сбора пожертвований на одежду школьникам из бедных семей, Ганушка достал из кармана рваных штанов целый десятигеллеровик, последние свои деньги, и опустил монету в кружку со словами: «Пусть приоденутся, бедняги!»

Я хотел, чтобы он пошел ночевать ко мне, собирался отдать ему свой старый костюм. Он очень обрадовался. Вдоволь наглядевшись «У Флеков» на довольных собой пражан, этот вечно преследуемый бедолага вышел со мной из трактира.

На углу Мысликовой улицы нам встретились два господина, один из них (сыщик Гатина) похлопал его по

плечу и сказал: «Ганушка, идемте со мной, мы уже давно вас разыскиваем по делу о краже маргарина».

Так вечером 27 августа, в половине одиннадцатого, я снова лишился своего друга Ганушки».

Вероятно, никто уже теперь точно не установит, был ли Ганушка реальным лицом.

Гашеку доставляло детскую радость, когда он встречал интересного человека и мог потом блеснуть неожиданным знакомством с колоритными фигурами пражского «дна». Называя изменчивость настроений и интересов Гашека, который всегда становился на сторону того, кто больше его занимал, бесхарактерностью, Лонген доказывал, что попросту не способен понять своего приятеля. Гашека и нельзя понять, если придерживаться общепринятых нравственных норм. Он был озорным ребенком, чье отношение к миру и людям было абсолютно непосредственным. Он не «вмещается» ни в одну готовую схему и всегда поражает странностями, причудами, непохожестью на других.

Возьмите, казалось бы, несущественную деталь: Александр Инвальд рассказывает, что Кудей, хоть и был бродягой и скитался по американским прериям, очень заботился о своем достоинстве и благородстве манер. Например, не выносил, когда в трактире к нему подсаживался пьяница, босяк или человек, вызывающий всеобщее презрение. В Гашеке ничего подобного не было. Не из пристрастия, а из простого интереса к жизни в ее многообразии он завязывал контакты со всяким, кто возбуждал его любопытство. Якшался с обыкновенными ворами и оборванцами, внушавшими другим брезгливое отвращение. Нередко бывал в обществе босяков, сутенеров, проституток, разорившихся ремесленников, искал и находил этих людей в их собственном, реальном окружении, в заплеванных и прокуренных корчмах, винных погребках, танцевальных залах и ночных

притонах пражского «дна». Отсюда и твердое убеждение Гашека, что люди, потерпевшие жизненный крах, выкинутые за борт и потому избавленные от необходимости соперничать и бороться за воображаемые и корыстные цели, остаются в гораздо большей мере людьми.

В эссе о «Похождениях бравого солдата Швейка» писатель Ярослав Дурих говорит:

«Естественное, инстинктивное чувство реального проявляется здесь с истинно чешской радостной полнотой, и можно было бы привести еще бесконечно много цитат, рисующих маленького чешского человека с пражской периферии в характерном для него окружении и свидетельствующих о симпатии автора ко всем этим сутенерам и воришкам, которая вызвана не только тем, что их преследует закон, но и самим их личным обаянием».

Гашековское восприятие жизни не признает никаких границ. Вот отчего ему было суждено сделать неожиданные открытия. Внешне равнодушно, а в действительности жадно и внимательно впитывает он впечатления от причудливого бытия городской окраины, которая стала для него не только источником уродливо-гротескных и комических контрастов, не только гиперболическим зеркалом общественных конфликтов, но и поводом для нежной печали.

За интригующим демонизмом гашековского мифа, окрашенного мрачной экзотикой плебейской грусти, вульгарности, скрывается светлая, проникновенная любовь к людям.

Сараево

История — не просто область преданий и фактов, оставшихся в памяти человечества. Она сурово и непреклонно вторгается в жизнь людей, ломает их судьбы, ставит под угрозу само их существование, порой пользуясь для этого случайными и не слишком значительными поводами.

28 июня 1914 года в Сараеве, главном городе Боснии, был убит наследник австрийского престола — эрцгерцог Фердинанд. Покушение совершил член тайного сообщества, националистически настроенный сербский студент Гаврило Принцип. Австрийские и германские милитаристы воспользовались этим событием как предлогом для объявления Сербии войны.

Политическая жизнь замерла. Смеяться над происходящим означало вести опасную игру, грозящую встречей с военным трибуналом. Лишенный возможности печататься как сатирик, Гашек обращается к гротесковой юмореске, в которой все еще оставался простор для свободного творчества. Читатели журналов «Гумористицке листы», «Светозор» и «Злата Прага» ослеплены гейзером неожиданных ассоциаций, идей и положений. (Ср., например, опубликованную в журнале «Злата Прага» юмористическую повесть «Счастливый домашний очаг», пародирующую одноименный семейный журнал Шимачека и пропаганду женской эмансипации. Для той же «Златой Праги» Гашек пишет большой рассказ «Моя дорогая приятельница Юльча» — великолепный образчик юморески о животных.) Казалось бы, гнетущая внешняя ситуация не влияла на полет писательской фантазии. И все же в юморе Гашека появляются ранее непривычные для него черточки сентиментальности.

Пражские иллюстрированные журналы публикуют сообщения с полей сражений, госпитали принимают первых раненых с сербского фронта.

Гашек пытается ни о чем не думать. Он разъезжает по чешским городам с кабаре Лонгена, бродяжничает с Кудеем, посещает пражские кабачки, ночует у друзей, у Вальтнера в «Монмартре» или у молодого Яначека, сына владельца прославленного кафе «Унион» — средоточия пражского художественного мира.

Он еще раз провоцирует полицейскую бюрократию, желая показать, что даже обстановка войны не может совладать с его темпераментом. В одной из компаний возник спор, правда ли, что ночной привратник в трактире Валеша на улице Каролины Светлой — полицейский агент. Гашек тут же пообещал выяснить это.

Шел ноябрь 1914 года. Русские войска прорвали галицийский фронт. Пражане острили по этому поводу: дескать, «в Находе^[79] уже говорят по-русски». Поселившись у Валеша в комнатах для приезжих, Гашек записался в книге регистрации постояльцев: «Ярослав Гашек, купец, родился в Киеве, приехал из Москвы». И в ту же ночь был арестован и препровожден в полицейскую управу. В разговоре со следователем он обосновал эту запись тем, что, мол, хотел убедиться, «принимаются ли в военное время надлежащие полицейские меры для установления личности подданных других государств». Пражская полиция благополучно сдала этот экзамен. А вот Гашеку пришлось туго. После строгого внушения его упрятали за решетку. В течение пяти суток — с 7 по 12 декабря 1914 года — ему вновь была предоставлена возможность на собственном желудке проверить, хорошо ли кормят в австрийской каталажке. Воспоминания о полицейском допросе и впечатления от пребывания в тюрьме в начале войны составят

впоследствии ядро вступительных глав «Похождений храброго солдата Швейка». Вскоре «дела Австрии пошли так плохо», что она вспомнила и о Ярославе Гашеке. В конце января в рамках подготовки к контрнаступлению на галицийском фронте ему было предписано явиться в призывную комиссию. Гашек валяет перед комиссией дурака и дает о себе неверные и неполные сведения. Так, например, он сообщает, что из языков владеет только чешским, хотя в действительности писал и говорил по-русски, по-немецки, говорил по-венгерски, по-польски, по-французски. Столь же легко он называет себя холостяком, несмотря на то, что, как мы знаем, был женат и имел маленького сына. Комиссия признала Гашека годным, и он был зачислен в первую резервную роту 91-го пехотного полка, расквартированного в Чешских Будейовицах.

Йозеф Лада вспоминал: «К вечеру того дня Гашек вернулся с призыва в истинно рекрутском настроении и, когда я открыл ему дверь, едва кивнул в ответ на мое приветствие. Не обращая больше на меня внимания, он направился в свою каморку, на все настойчивые расспросы, чем же кончилось дело в призывной комиссии, отвечал молчанием и наконец высокомерно заявил, что не станет тратить время на разговоры со всяким задрипанным шпаком. Потом заперся в кухне и своим до смешного немзыкальным голосом принялся распевать солдатские песни. С тех пор он разговаривал со мной не как с квартирохозяином, а как с неполноценным человеком. Вскоре вообще от меня съехал и до поступления в полк не возвращался».

Перед отъездом на фронт произошел ряд инцидентов и эпизодов, самым важным из которых была болезнь, описанная в книге Лонгена. У Гашека открылось такое сильное кровотечение, что его пришлось отвезти в больницу. От его недельного — с 31 января по 9 февраля 1915 года — пребывания в

Виноградской больнице сохранилась история болезни. Диагноз гласит: эпистаксия (кровотечение из носа) и головные боли. Есть опасность воспаления почек. Из-за пребывания в больнице его отъезд в полк был отсрочен почти на две недели (первоначально его должны были призвать 1 февраля 1915 года). Последние часы перед отъездом Гашек провел в обществе друзей в трактире «На Насесте» в Спаленой улице. Ко всеобщему изумлению, он заказал содовую, часто погружался в раздумье и только к полуночи повеселел и стал распевать солдатские песни. Очевидцы рассказывают: «Он выкрикивал, что всех нас перестреляет и пешком отправится в Будейовицы. Окружающие верили в это не больше, чем в то, что он захмелел от содовой, — ибо, как очень скоро выяснилось, в коридоре, ведущем к уборной, официант каждый раз оставлял для него рюмку сливовицы».

Утром следующего дня Гашек действительно выехал в Чешские Будейовицы.

В поведении Гашека на военной службе в первое время еще сказывается прежняя беззаботность. Но в его словах и поступках уже появляются горечь и едкость, говорящие о том, что он стал серьезнее и ощущает роковые исторические перемены, масштаб близящейся катастрофы.

Швейковское рвение, которое он проявляет в среде пражских друзей, было, несомненно, иронической маской; сразу же после прибытия в полк Гашек отправляется в медицинскую часть и жалуется на ревматизм. Военный врач Петерка, знакомый Гашека, признал его больным. Фотографию писателя с группой солдат в госпитале опубликовал 30 апреля 1915 года журнал «Светозор». Мы видим здесь Гашека серьезным, подавленным, с «анархистскими» усиками.

О пребывании Гашека в Будейовицах существует много примечательных преданий. Было бы, разумеется,

интересно сравнить их с тем, что автор использовал позднее в качестве материала для романа. Вероятно, выявились бы много сходных деталей. Так же как Швейк, его создатель страдал ревматизмом и начал военную карьеру с пребывания в госпитале; как и вольноопределяющийся Марек, он ходил по Будейовицам с «мароденбухом» («больничной книгой») и посещал многочисленные трактиры. По свидетельству современников, он разгуливал по площади в штатском и не пропускал ни одного питейного заведения.

После нескольких нарушений дисциплины его исключили из школы вольноопределяющихся, посадили на гауптвахту и отправили помогать поварам; этим его биография тоже напоминает похождения вольноопределяющегося Марека. Соответствует действительности и утверждение, что в часть он явился в гражданской одежде и цилиндре, — австрийская армия в начале войны испытывала недостаток обмундирования.

Своеобразные воспоминания о Гашеке остались у будейовицкого книготорговца Сватека. В приподнятом настроении популярный автор подписал договор, согласно которому за каких-нибудь 30–50 крон обязывался в течение десяти лет писать военные юморески только для него и ни для кого другого. Когда после войны появился «Швейк», будейовицкий скупщик «мертвых душ» тоже предъявил права на это произведение.

Вскоре Гашеку было уже не до юморесок и не до книготорговца Сватека. Около 5 мая его маршевый батальон был переведен из Будейовиц в полевой лагерь в Бруке-на-Лейте. Там продолжается воинская «одиссея» Гашека.

Бывший анархист и антимилитарист, Гашек неожиданно очутился в среде, где господствовала беспрекословная дисциплина, где требовалось

исполнение приказа в полном соответствии с формулой: «Maul halten und weiter dienen»^[80]. Перед Гашеком, одетым в голубой мундир с зелеными петлицами, предстала государственная система в своем конкретном современном облике.

Давно миновали те времена, когда война означала грохот битвы, звон скрежываемых клинков, риск единоборства, пусть бессмысленного, но дающего надежду, что победит сила или хитрость, что вообще кто-то победит, а кто-то падет. Первая мировая война не знала ни победителей, ни побежденных. По обе стороны фронта — хаос, вши, дизентерия.

Надев австрийскую форму, Гашек на собственной шкуре убедился в бесперспективности индивидуалистического анархистского протеста. Единственной реальной силой в армейских условиях была товарищеская солидарность солдат, сплоченных общим чувством опасности. Недобровольное участие в исторических событиях толкало «маленького человека» на особое, пассивное сопротивление. Он становится «х», тем неизвестным, которое не принимают в расчет штабы воюющих держав. Но этот антигерой не хочет зря отдавать свою жизнь. В солдатской массе, одетой в серые шинели, начинают проявляться признаки разложения: источник его — равнодушие к «патриотической» идеологии, воспоминания о мелких, повседневных радостях жизни, о родном доме.

Простой человек из толпы, выдвинутый по воле сильных мира сего на роль действующего лица истории, становится таинственной загадкой этой кризисной эпохи.

В облике Гашека, как его воспроизводят фотографии, сделанные в Бруке-на-Лейте и на фронте, проявляются скепсис и отчаяние. Глаза неподвижно устремлены вдаль, на лице написана безнадежность.

Выражение его ничем не напоминает благодушную, улыбчивую физиономию бравого солдата Швейка.

Сначала Гашек еще хочет по старому анархистскому методу избежать воинской службы, симулирует ревматизм, несколько раз пытается дезертировать. Но, поняв тщетность своих усилий, с заметным рвением стремится приблизиться к фронту, чтобы оказаться в центре событий. Еще в Праге, живя у путешественника Фрича, он как-то объявил: «Пойду служить в армию и перебегу к русским». А покидая Будейовицы, пишет на титульном листе книги «Моя торговля собаками» такое посвящение одному из друзей: «Через несколько минут я уезжаю куда-то далеко. Может, вернусь казацким атаманом. Если же буду повешен, pošлю тебе на счастье кусок веревки, которая стянет мое горло».

Сообщения о том, как Гашек проходил службу в австро-венгерской армии, разноречивы. Он вступил в нее с правами вольноопределяющегося, но из офицерского училища был по неизвестной причине отчислен. Свое исключение из школы вольноопределяющихся Гашек изобразил в рассказе «Gott strafe Engeland» («Боже, покарай Англию»).

Офицерское училище в Будейовицах возглавлял некий капитан Адамичка, брат начальника пражской конной полиции. Он хотел украсить учебные помещения патриотическими лозунгами и приказал Гашеку сочинить соответствующие надписи в стихах. Войдя вечером в класс, Адамичка увидел следующую надпись:

Zum Bofehl an der Wand
Gott strafe Engeland.
Herr Gott ist mobilisiert — und mit seinem Name,
mit Engeland ist Amen.^[81]

Автор констатирует: «За эти стихи я получил 30 дней ареста со смешанным режимом, а поскольку я допустил оскорбление религии, было даже возбуждено судебное дело, но в конце концов с первым попавшимся маршевым батальоном меня отправили на позиции».

По другим сведениям, перед отправкой батальона Гашек исчез и нашли его только после долгих розысков. Майор Венцель якобы подал на него за это рапорт. Во всяком случае, совершенно точно известно, что путь из Будейовиц в Вену и далее в Брук-на-Лейте Гашек проделал в арестантском вагоне, как он это описывает в «Швейке».

Его злоключения во многом совпадают с судьбой вольноопределяющегося Марека. В позднейшей легионерской юмореске Гашек так изобразил передраги, выпавшие на его долю: «В начале войны меня выгнали из офицерской школы 91-го пехотного полка, с рукавов спороли нашивки вольноопределяющегося, и в то время как мои бывшие коллеги, получив звание кадета или фенриха, мерли как мухи на всех фронтах, я сидел на казарменной гауптвахте в Будейовицах и в Бруке-на-Лейте, а когда наконец меня отпустили и хотели послать с маршевым батальоном на фронт, я прятался в стогу сена и так переждал отправку трех маршевых батальонов. Потом я симулировал падучую, и, наверное, меня бы расстреляли, если бы я не изъявил добровольного желания идти на фронт».

Как свидетельствуют документы, Гашек прибыл в роту с нелестной аттестацией: «Haschek Jaroslaus nach seiner Angabe Scriftleitersetzer».^[82] В скобках приписано: «(Ein Schwindler und Betrüger».^[83] Эта характеристика совпадает с пресловутой формулой «p. v» (politisch verdächtig)^[84], с которой является в полк вольноопределяющийся Марек.

В Бруке-на-Лейте, точнее, в находящемся близ него казарменном городке Кираль-Хиду, Гашек знакомится с

несколькими людьми, имена и характерные черты которых он взял из жизни и художественно перевоплотил в своем романе.

Он был зачислен в 11-ю роту, пополнявшуюся не только прошедшими обучение новобранцами, но и разными «zuwachs'ами^[85] за счет переведенных из штрафных рот и выпущенных из-под ареста. Командовал ею ротмистр Виммер, незадолго до отправки роты на фронт его сменил обер-лейтенант Лукаш (фамилия его писалась тогда по-немецки — Lukas). Позднее Лукаш принял командование над одним из батальонов 91-го полка.

Согласно свидетельству фельдфебеля Ванека, Лукаш был строгим, прямым и бесстрашным человеком, командиром, сознающим свою ответственность; подчиненные уважали его и боялись. К солдатам он был справедлив, но его суровая воинская манера обращения мешала подчиненным его полюбить. Во многом это соответствует портрету, созданному Гашеком в романе. Только пристрастие обер-лейтенанта к женскому полу юмористически гиперболизировано. Лукаш был пражанином, но никогда не проявлял себя ни как чех, ни как немец. Из-за своей неуступчивости он терпел много неприятностей и несколько раз был обойден чином.

Прежний командир батальона капитан Сагнер, напротив, был тертый калач, человек элегантный и пронырливый. Он покровительствовал чехам, если это, разумеется, не могло ему повредить. Архив 91-го полка рекомендует его не с лучшей стороны. В духе тогдашнего ведения войны капитан Сагнер был жесток и безжалостен. В одном из приказов по 12-му маршевому батальону мы, например, читаем: «Русские подразделения, отстреливавшиеся до последнего патрона, а затем пожелавшие сдаться в плен, не щадить, ибо другие вражеские части благодаря такой тактике выигрывают время для отступления, посему

приказываю отвечать умеренным прицельным огнем и уничтожать неприятеля. Гражданское население, оказывающее хоть малейшее сопротивление, истреблять, всех прочих задерживать...»

Эти факты, однако, скорее характеризуют суровую военную обстановку, чем отдельных людей. Мы приводим их, чтобы стало понятно, до какой степени фантазия Гашека должна была восторжествовать над действительностью, если свои впечатления и свой опыт он сумел перевести в сферу смеха, юмора и гротеска.

Майор Венцель также был реальным лицом. В записках, служащих главным источником наших знаний об этом периоде жизни Гашека, фельдфебель Ванек упоминает о том, что резервный батальон, в который был зачислен писатель, от Самбора до Сокаля продвигался год командованием «безумного майора Венцеля».

В ближайшее окружение сатирика входил и кадет Биглер, выведенный в романе честолюбивым юнцом, на дворянском гербе которого изображены «аистово крыло и рыбий хвост». Ян Биглер командовал одним из взводов 11-й роты.

Прототипом, вероятно, самого популярного отрицательного персонажа романа, ограниченного псевдоинтеллигента поручика Дуба был, согласно этому свидетельству, поручик запаса Мехалек, беспрестанно повторявший: «Вы меня не знаете, но когда вы меня узнаете, то заплачете». (Согласно другой версии прототипом этой фигуры был некий обер-лейтенант Крейбих, которого Гашек знал по устным рассказам одного из своих липницких друзей.)

Реальным лицом был и фельдкурат Эйбл (в романе — Ибл). Как он вспоминал позднее, Лукаш собирался перевести Гашека в другую часть, чтобы избавить от кары за отказ шлепаться по команде в грязь. Сам Эйбл будто бы хотел отослать провинившегося в отпуск и

Прагу, но за два дня до назначенного срока Гашек попал в плен. Сообщения о реальных прототипах персонажей «Бравого солдата Швейка» весьма противоречивы. Очевидно одно: роман кристаллизуется из туманных воспоминаний и отдельных деталей, а не представляет собой слепок с действительности.

Теперь перейдем к кругу друзей и приятелей Гашека из рядовых солдат и младших чинов. Сюда относится прежде всего старший писарь Ян Ванек, до призыва — владелец москательной лавки в Кралупах, типичный для австро-венгерской армии «сачок» и покровитель подобных же «сачков». Как и большинство тыловых младших чинов и офицеров, он в первую очередь заботится о собственной пользе. Гашек, прикомандированный к ротной канцелярии, близко с ним сошелся. Помогал ему вести дела и вскоре стал для Ванека почти незаменимым. Пребывание в ротной канцелярии и служба ординарцем штаба дали Гашеку возможность познакомиться с документальным материалом, который он позднее цитирует, показывая разложение австро-венгерской армии. Это различные накладные, приказы и депеши, а также печатные издания, распространяемые среди солдат.

В канцелярии роты он встречался также с денщиком, или «буршем», обер-лейтенанта Лукаша Франтишеком Страшлипкой, предполагаемым жизненным прототипом Швейка. Страшлипка был молодой парень с голубыми глазами (родился в 1890 году, умер в 1949-м), большой шутник. Гашек, Страшлипка и некий Масопуст, птицелов с Малой Страны, составляли веселую троицу и старались разогнать печаль и уныние, овладевшие солдатами по мере приближения к фронту. О родственности Страшлипки со Швейком судят на основании того, что тот любил рассказывать разные истории и анекдоты, которые обычно начинал словами: «Знал я одного...» Гашек упоминает о Страшлипке и в стихотворении,

написанном по дороге на фронт. Называется оно «В резерве»:

По выжженной степи везут снаряды,
поет шрапнель, и пулемет строчит,
и не мешает нам, что где-то рядом
концерт тяжелых гаубиц звучит.

Нам этот ад не действует на нервы,
ведь мы — всего лишь ближние резервы.

.....

Но самый страшный бич резервной роты —
страшлипковы седые анекдоты.

Как сложилась судьба 11-й маршевой роты после отъезда из Брука-на-Лейте — явствует из дальнейших записей старшего писаря Ванека. 30 июня 1915 года роту послали по железной дороге на галицийский фронт. Причем она едва не двинулась в путь без Гашека. Вопреки запрещению покидать территорию лагеря, объявленному еще за три дня до отъезда, перед погрузкой в вагоны не были обнаружены капрал Маловец и... вольноопределяющийся Гашек. Наконец эшелон тронулся и проследовал через Раб в Будапешт, а из Будапешта на Хатван, Фюзешабони и Мишкольц. Поездом доехали до города Санок в Галиции. Этот путь следования строго соответствует тому маршруту, который изображен в романе. Так же как и в путевых очерках, автор «Швейка» тщательно заботится о точном соблюдении топографии, быть может, именно потому, что хочет предоставить своей фантазии максимальный простор при изображении гротескной и сатирической атмосферы действия.

О личных впечатлениях Гашека мы узнаем из стихов, которые он пишет для своего удовольствия или для

развлечения товарищей. Стихи эти солдаты переписывали. Так они попали в блокнот фельдфебеля Ванека. Читая их, невольно вспоминаешь письма Гашека из тюрьмы — в них тот же элегический настрой. Легко догадаться и об анонимном адресате. Во время трудного пути в памяти Ярослава всплывают воспоминания о Ярмиле, которая с трехлетним мальчиком живет у родителей в Праге и которую он все еще любит. Доказательством этому служит заключительное обращение:

И тем дорожке весточка из дома.
Исполни же мечту души моей
и неприкаянному, жалостью ведома,
пришли хотя бы след руки своей.

«Интимные письма» Гашека никуда не отсылались и попали к той, кому были адресованы, лишь после смерти их автора. Тем самым они еще раз подтверждают его личную трагедию.

От железнодорожного узла Санок до самого фронта резервный батальон двигался в пешем строю. Тем временем Гашека вновь «повысили»: вместе с вольноопределяющимся Билеком он стал «Viehtreiber'ом, то есть погонщиком скота. Согласно протокольным данным 25 августа 1915 года медицинская комиссия признала его годным лишь к караульной и вообще более легкой службе. Гашек воспользовался этим и каждый день сказывался больным; он сидел в канцелярии, а во время трудных переходов присоединялся к тыловым частям.

Где-то близ Самбора его ожидала новая должность. Он был назначен квартирмейстером. (Все эти обстоятельства играют роль при развертывании сюжетной линии «Похождений бравого солдата

Швейка». В той части пути, где Гашек покидает штаб роты, Швейк тоже оставляет ротную канцелярию. Он послан квартирмейстером в район Фельдштейна и в результате удивительного стечения обстоятельств попадает в... австрийский плен.)

Для должности квартирмейстера у Гашека были все данные: он прилично говорит по-русски, достаточно хорошо знает Галицию еще со времен своего бродяжничества.

В одном из стихотворений Гашек остроумно упоминает о новой должности. Но юмористический тон обретает горький оттенок, едва он переходит к изображению края, опустошенного войной.

Но где твой прежний беззаботный смех?
Печать уныния лежит на здешнем крае.
Ты чуешь в воздухе пожарный горький дым.
Среди развалин детвора играет.
Лозов сгорел, Борщош и Бурятии.
Одно лишь в Шчерше уцелело зданье:
суд окружной... И даже божий храм
разбит снарядом... Слышатся рыдания...
И запах пороха не выветрился там.

К этому времени маршевый батальон уже двинулся из Самбора на Шчерш и Гологор, где встречается с основным составом полка. Между тем Гашек облагодетельствован еще одной должностью. Он становится ординарцем, или связным взвода.

Из стихотворения, которое мы цитировали, видно, что автор, привычный к суровой бродяжьей жизни, не придавал большого значения тяготам войны. И оберлейтенант Лукаш изображает его человеком внешне веселым, привыкшим забавлять остальных солдат. Горький оттенок, свойственный его стихам, можно

объяснить скорее гнетущими впечатлениями от следов варварских разрушений. Гашек собственными глазами видит, какие опустошения произвела война в местах, где некогда, в мирное время, он еще застал нетронутую природу и бесхитростно-доверчивых людей.

Резервный маршевый батальон прибыл в район города Гологор 11 июля 1915 года, быстро пополнил ряды 91-го полка и переместился на север, к железнодорожной станции Золтанка, а оттуда на Сокаль. Район Сокаля, значительного железнодорожного узла в Галиции, был важным австро-венгерским форпостом на восточном берегу Буга и потому постоянно подвергался нападениям русских войск. В огне этих атак оказался и третий батальон 91-го полка, посланный на передовую.

Там солдаты попали в такой ад, какого не представляли себе и в самом кошмарном сне. Полк вышел из боев значительно поредевшим. За неделю рота обер-лейтенанта Лукаша потеряла более половины своего состава. Поэтому 1 августа полк был отведен в резерв, в район города Здзары, точнее — к северу от него, на берег Буга. Солдаты, пережившие бойню, отдыхали, развлекались и залечивали раны. Здесь Гашек написал стихотворения «О вшах», «В резерве» и «Плач ефрейтора». Последнее было вдохновлено реальным фактом. После боев у Сокаля Гашек был произведен в ефрейторы и теперь с юмором писал о насмешках и издевках, которые приходится сносить от солдат столь невысокому чину.

Его даже представили к награде серебряной медалью за мужество. В битве у Сокаля они с обер-лейтенантом Лукашем взяли в плен группу русских солдат. Те тоже не хотели воевать за интересы царского режима и, недовольные голодным пайком, добровольно сдавались в плен. Хорошо владея русским языком, Гашек будто бы договорился с командиром русской

части, каким-то учителем гимназии из Петрограда, и привел добровольно сдавшихся в плен русских (около 300 солдат) к штабу полка в Сокале. Возвращение Гашека во главе пленных вызвало панику. Командир полка, безумный майор Венцель решил, что русские прорвали фронт, и бежал, за ним последовало командование бригады.

В архивах 91-го полка сохранились документы, свидетельствующие о подобном же нежелании чешских солдат отдавать свою жизнь за императора и его семью. За равнодушием к воинской службе у многих скрывалось намерение при первом удобном случае перебежать на сторону русских и добровольно сдаться в плен. Гашеку такой случай представился в битве у Хорупан 24 сентября 1915 года.

При отступлении от Погорельца к Хорупанам Гашек организовал переправу батальона через Икву. От местных жителей он якобы узнал место, где есть брод, и тем самым, возможно, спас жизнь многих товарищей. С него собирались даже снять наказание (3 года тюрьмы), к которому он был приговорен за дезертирство в Бруке-на-Лейте. Но отмены этой «предстоящей» кары он уже не дождался.

Вихревой калейдоскоп событий мы можем проследить по записям старшего писаря Ванека. 17 сентября Ванек с каким-то Крейчи, бывшим актером, и Гашеком посланы в ночной дозор к неприятельским позициям. Но возвращаются они без Гашека, который исчез и вернулся в часть только следующей ночью. (Не было ли это первой, неудавшейся попыткой перебежать к русским?)

23 сентября выдаются ром, шпиг, одеяла, двойной паек хлеба и чай. Что-то назревает. Но если верить Ванеку, никто не догадывался, что Гашек готовится сдаться в плен. Он несет службу у телефона и внимательно слушает переговоры штаба полка со

штабом бригады. Ванек находится в одном окопе с горнистом Шмидом. Гашек — в окопе напротив, с Франтишеком Страшлипкой. С ними ютится и пес оберлейтенанта Лукаша, «захваченный в плен» в деревне Торбовицы. Чувствуя приближение атаки, Ванек обходит траншеи и обнаруживает, что известный тиран лейтенант Мехалек уснул на посту.

24 сентября ранним утром, как только по земле пополз туман, появились русские. Тревога! Гашек, который вопреки приказу спал раздетый, сонно роняет: «Ну, надеюсь, большой беды не будет». Лукаш, волнуясь, кричит четвертому взводу, чтобы он охранял фланги, и приказывает отступать.

Записки Ванека совпадают со свидетельством оберлейтенанта Лукаша. Русские прорвали фронт на участке, оборонявшемся 91-м полком. Ситуация отчаянная. Лукаш пытается связаться с командованием батальона и сообщить, что участок, занятый его ротой, атакован. Солдаты в панике бегут. Отступая, Лукаш видит, как Ярослав Гашек со Страшлипкой медленно вылезают из траншеи. Гашек при этом не спеша закручивает обмотки и натягивает ботинки. Лукаш торопит их, ведь у Страшлипки рюкзак с его провиантом. Но Гашек оправдывается: «У меня отекла нога, нужно ее покрепче затянуть, чтобы сподручнее было драпать». Потом оба исчезают из виду.

Утром 24 сентября Ярослав Гашек вместе с Франтишеком Страшлипкой распростился с австрийской армией. В тот день 91-й полк потерял 135 человек убитыми, 285 ранеными и 509 пропавшими без вести.

Чехословацкое войско

Военнопленные славянских национальностей были разочарованы царским «приемом». Хотя в большинстве своем они сдавались в плен добровольно, теперь их держали вместе с остальными австрийскими и немецкими солдатами за колючей проволокой, в ужасающих лагерях, зараженных тифом и дизентерией.

Так было не только в Дарнице под Киевом, куда попал Гашек. Вскоре его отправили в барачный лагерь под Бузулуком, в селе Тоцком на реке Самаре. Во время переезда по железной дороге он оказался в вагоне, где были сложены мешки с табачным листом. Пожалуй, это сохранило ему жизнь, ибо он мог выменивать табак на хлеб.

Об ужасах лагеря военнопленных в Тоцком люди почувствительней вспоминали как об апокалипсическом видении. В конце 1915 года здесь вспыхнула эпидемия тифа. Из 18 тысяч пленных в течение зимы погибло не менее 12 тысяч. Гашек тоже болел, но чудом избежал смерти. В1 бараке ютилось до 600 человек, лежали вповалку один возле другого, некоторые метались в лихорадке и бредили. Но и в самые трудные минуты Гашек подбадривал остальных, рассказывал разные истории и анекдоты. Поскольку бумаги тогда в лагере не было, он делал краткие заметки на березовой коре. Только к весне сменилось начальство, и лагерь перешел в ведение русского Красного Креста, стремившегося спасти хотя бы тех, кто пережил эту страшную зиму.

Когда вместе с лучами весеннего солнца в лагере появились прилично одетые солдаты, это казалось каким-то чудом. Солдаты были эмиссарами Чешской дружины, чешского воинского подразделения, проводившего среди пленных набор в русскую армию.

Поначалу Чешская дружина была лишь объединением пропагандистов и разведчиков, отнюдь не боевой единицей.

Гашек сразу же записался, и положение его улучшилось. Он стал помощником командира 4-го батальона, сформированного из добровольцев. Жил он теперь на застекленной веранде канцелярии батальона и агитировал своих товарищей по лагерю воевать против Австрии.

10 июля 1916 года мы встречаемся с именем Гашека на страницах выходившей в Киеве газеты «Чехослован».

Время, проведенное в лагере военнопленных в Тоцком, принадлежит к «белым пятнам» на карте гашековской биографии. Именно здесь в его характере совершилась резкая перемена, над которой потом ломали головы все, кто его достаточно хорошо и близко знал. Человек богемы стал вдруг ответственным политическим деятелем.

Довоенная легенда о гамене и нигилисте, не учитывавшая трагическую оборотную сторону и подлинные мотивы его поступков, игнорировала двойственность гашековской натуры. Рядом с озорной веселостью в нем была черта, которую впоследствии один из его друзей назвал «стремлением к серьезности».

На возвращение Гашека к политике повлияла также историческая ситуация. Во время войны растет революционное самосознание человека из народа. Ранее равнодушная и безучастная масса, загнанная в грозный тупик, проявляет неожиданную активность и непримиримость, и ее протест куда более решителен, чем отвлеченный радикализм мечтателей из кофеен. В этих условиях зреет готовность к конкретному революционному действию. Гашек увлечен энтузиазмом тех, кто сдавался в плен, чтобы с оружием в руках

воевать против Австро-Венгрии. Все свои силы он отдает идее вооруженного сопротивления.

Россия давно уже играла в планах чешских политиков довольно важную роль. Масарик и его единомышленники исходили из посылки, что историческое назначение чешского государства — быть для славянства плотиной против германского проникновения на восток. Первоначально он представлял себе будущее государство как монархию с кем-нибудь из Романовых на троне. Позже, добившись поддержки западных держав, Масарик переориентировался на буржуазно-демократическую, республиканскую концепцию.

Ярослав Гашек очутился в водовороте событий без заранее продуманной программы. Как всегда, он больше полагается на чутье, действует импульсивно, под влиянием личных контактов. В Киеве он познакомился с Л. В. Тучеком^[86], лидером русских чехов, человеком порядочным, либеральных убеждений. Земляки, давно переселившиеся в Россию, приняли в судьбе Гашека участие, отнеслись к нему с полным доверием, дали возможность работать и печататься. По примеру будителей периода чешского национального возрождения он прежде всего стремится воскресить в пленных национальное самосознание и сам поначалу поддается романтическим иллюзиям.

Наивно и доверчиво пропагандирует Гашек лозунги, распространенные в чешских землячествах. Подавив свой критический журналистский инстинкт и отказавшись от присущего ему прежде анархистского скепсиса, он ведет агитацию, пользуясь самыми патетическими фразами, перенятыми из арсенала патриотической публицистики.

Концепция чешского антиавстрийского движения в России в ту пору была чрезвычайно проста. Столетиями

копившиеся возмущение и ненависть сливаются в единый девиз: чешское войско!

Однако царский двор отнюдь не сочувствует идее создания чешской национальной армии. На чехов он смотрит как на непослушных и вечно чем-то недовольных подданных австрийского императора. После долгих колебаний царский генералитет милостиво доверил чешским взводам сопряженные с невероятным риском разведывательные функции. Западная дипломатия тогда вообще склонялась к компромиссному решению, предполагая сохранить габсбургскую монархию в целях поддержания политического «равновесия» в Европе. Самостоятельное чехословацкое войско рождалось как воплощение мятежного духа. У его организаторов существовали самые различные взгляды на то, как использовать союзнические симпатии, какую тактику выбрать при формировании боевых единиц.

Состоятельные чехи из киевских старожилов в чешское войско не рвались и вполне достаточным проявлением лояльности считали его финансовую поддержку. Они надеялись, что таким образом сохранят свое имущество от реквизиций, которые постоянно угрожали им как австрийским подданным. Только 21 апреля 1916 года, когда был разрешен набор добровольцев из лагерей военнопленных, ситуация изменилась. В чешское войско вступают пленные, стремящиеся вырваться из лагерного кошмара. Они готовы поверить каждому, кто обещает как-то улучшить их безысходное положение.

В конце весны 1916 года мы еще застаем Гашека в лагере военнопленных в Тоцком. Как заместитель начальника батальона он старался защищать записавшихся в чешское войско пленных от притеснений. В начале июня чешские добровольцы едут

через Кинель, Самару, Пензу и Тамбов в Киев. Оттуда их рассылают по воинским частям.

Гашек, признанный медицинской комиссией непригодным к строевой службе, был направлен писарем в 1-й полк имени Яна Гуса. Не слишком утруждая себя канцелярской работой, он постоянно находит себе другие занятия. Гашек утверждал, будто получил задание написать историю Первого полка. Одновременно он начинает сотрудничать в газете «Чехослован», руководимой А. В. Швиговским. Когда выяснилось, что Гашек весьма способный журналист, его включили в состав редакции, он становится активным деятелем Клуба сотрудников из рядов военнопленных при Союзе чешских обществ в России. В качестве комиссара по набору добровольцев он ездит из лагеря в лагерь и убеждает пленных вступать во вновь созданную чехословацкую бригаду.

В ту пору, когда он появляется в Киеве, чехословацкое движение в России распадается на две враждующие между собой группы. Политическое руководство этим движением после съезда, состоявшегося 25 апреля 1916 года, взял в свои руки киевский Союз чешских обществ, поддерживаемый главным образом давно переселившимися в Россию чехами-колонистами. Среди воинских подразделений большим влиянием пользовалась оппозиционная по отношению к киевскому Союзу петроградская группа.

То, что Гашек оказался сторонником консервативного крыла движения, частично мотивируется незнанием обстановки, частично — его импульсивной натурой. Впрочем, свое участие в войне на стороне России он воспринимает как очистительную жертву, без которой поработенный подданный Австро-Венгерской империи не может перешагнуть пропасть между трехсотлетним «пассивным созерцанием» и нынешней исторической активностью, между

политическим критиканством и конкретным деянием. Ему кажется, что ради права сражаться с оружием в руках против Австро-Венгрии он обязан согласиться на любые условия, вплоть до русского подданства или перехода в православие.

В данной ситуации такое решение вовсе не противоречило природному радикализму Гашека. У него не хватает терпения ждать победы стран Антанты и полагаться на дипломатические маневры парижского руководства^[87]. Он хочет воевать тут же, в России, и по возможности скорее. Считает, что русским чехам удастся преодолеть сдержанную позицию царского штаба. Надежду Гашека подкрепляет приезд депутата Дюриха^[88], снискавшего поддержку царского правительства идее создания чешско-словацкого Народного совета в России. Свою тогдашнюю точку зрения Гашек объясняет в статье «Чем мы обязаны русским чехам»: «Чешские военнопленные, прибывавшие в Россию целыми батальонами, были здесь беспомощны так же, как на родине, когда началась война. Мы бросили оружие — вот и все. Пришли, отупевшие под ураганным орудийным огнем, не способные ни о чем думать. Мы были духовными рабами... Но тут оказались русские чехи, которые открыли перед невольными эмигрантами новые перспективы политической борьбы. Никто не сможет отрицать, что идею вооруженной борьбы против Австро-Венгрии выдвинули именно русские чехи».

Эта ориентация помогает Гашеку приобрести в газете «Чехослован» значительный вес. Поначалу его положение было отнюдь не из легких. В консервативной газете, которая стала выходить в Киеве еще за несколько лет до войны, господствовала достаточная сдержанность по отношению к вновь прибывшим, а появление Гашека, помимо прочего, еще предваряла молва о его репутации насмешника и богемного гуляки.

Когда он написал первую передовую статью, владельцы газеты посоветовали А. В. Швиговскому ради осторожности дать ее в «подвале».

Однако вскоре Гашек становится самым популярным фельетонистом и юмористом сопротивления. Начиная с первой же юморески («Приключения пана Гурта»), которую уже можно воспринимать как наметку будущей швейковской пародии, каждое его печатное выступление находит у читателей живой отклик. Сатирический «Рассказ о портрете Франца-Иосифа I» даже обратил на себя внимание австрийского цензурного комитета в Фельдкирхене; это послужило поводом для возбуждения судебного процесса об измене родине. Автора обвинили в оскорблении высочайшей особы. Полицейские и военные органы объявили розыск. Этот процесс затянулся до конца войны и дошел до высшей инстанции — австро-венгерского военного министерства.

Неприятности подстерегали Гашека и в самом Киеве. 20 января 1917 года у него произошел инцидент с военной полицией. Гашека навел на шурина, Славу Майера, и передал ему несколько семейных фотографий, в том числе маленький снимок Риши, который Гашек носил потом при себе все время пребывания в России. Воспоминания о доме, как видно, его растрогали, он сначала поплакал, а потом они со Славой порядком кутнули. Договорились о встрече на Крещатике, зашли в самое лучшее кафе, где собиралась офицерская элита. Гашек быстро захмелел и держался вызывающе. Какой-то генерал подозвал Славу, офицера русской армии, и велел вывести Гашека вон. Тот заартачился, и его арестовали.

Более серьезный инцидент произошел 24 февраля 1917 года. Вместе с бывшим сербским офицером Талавани Гашек зашел в кафе на Подвальной улице. За столиком сидел русский прапорщик из запасных. Гашек

не стал спрашивать у него разрешения и тоже сел. Офицер довольно мирно предложил ему удалиться. Гашек счел себя оскорбленным таким проявлением субординации. Выйти он отказался и спросил, знает ли прапорщик, кто такой Ян Жижка из Троцнова. Тогда офицер обнажил саблю. Гашек будто бы швырнул в него бутылку с вином и разбил ему голову. Чешского журналиста тут же арестовали и посадили в тюрьму в городке Борисполь. Выпустили его только после дипломатического вмешательства Союза.

За доверие ведущих деятелей киевского руководства Гашек платил преданностью и самопожертвованием. Он принадлежит к числу самых верных их сторонников в Клубе сотрудников из рядов военнопленных, входит в группу «12 октября», называвшуюся также «Черная рука». Гашек охотно отдает свое перо на службу политике Союза, пропагандирует романтическое славянофильство. Он обращается к великому гуситскому прошлому, в котором, как и в русско-немецком противоборстве тех лет, видит проявление вечной вражды германского начала со славянским. Согласно представлениям своего времени он считает, что на трон в новом чешском государстве должен взойти представитель династии Романовых.

Но значительно больше, чем отдельные порожденные эпохой формулировки, нас интересует его позиция в целом. Все публичные выступления Гашека — участника сопротивления — были страстным апофеозом действия. «На собраниях и на митингах мы угрожали мятежами, забывая, что о мятежах заранее не объявляют, их осуществляют на практике», — пишет он в одной из статей.

Своим поведением он хочет показать пример колеблющимся, тем, кто еще не решился вступить в чешское войско. В Киеве он не задерживается надолго и

нередко посещает чехословацкие воинские подразделения, действующие в районе Пинских болот, обеспечивая тылы русского фронта.

В статье «Размышления над старой газетой» Гашек пишет: «Откладывая в сторону эти старые газетные подшивки, ибо завтра с маршевой ротой отправляюсь на австро-венгерский фронт». Дальнейшие статьи и письма с фронта, напечатанные в «Чехословане», имеют подзаголовки: «С поля боевых действий» или «Действующая армия» и т. п. Дольше всего он находится в 1-м полку, размещенном неподалеку от железнодорожной станции Сарна. Интересуется, как живут добровольцы, принимает участие в их дебатах, не уклоняясь и от самых сложных вопросов. Остроумный популярный оратор, он завоевывает уважение легионеров. Здесь Гашек впервые узнает, кат; это много значит для человека, когда он пользуется доверием и авторитетом.

Наряду с публицистической и редакционной деятельностью Гашек занят и литературным трудом. В одном из «Писем с фронта» мы читаем: «Из Киева я до сих пор ни от кого не получил ни строчки. Половина работы уже завершена, и недели через три я закончу всю историю войска до нынешней поры».

Никакого текста «Истории чешского войска» до нас не дошло. Некоторые современники полагают, что для Гашека это был лишь повод сэкономить время и продолжать большую литературную работу, начатую еще в тюрьме в Борисполе.

На редакционном совете «Чехослована» 16 февраля 1917 года Ярослав Гашек читает начало своего фельетона «Бравый солдат Швейк в плену». Книжка того же названия вышла весной 1917 года в Киеве, в библиотеке «Чехослована». Герой ее — бравый солдат Швейк — значительно отличается от своего довоенного воплощения. Его сентенции обретают все более

однозначно-иронический смысл. Гротескные черты постепенно перенимает идиот-тиролец Гуго Вердер, а фигура бравого солдата Швейка получает скорее юмористическую окраску.

Брошюрка полна прямолинейных агитационных лозунгов, действующие лица — рупоры политической борьбы чешского народа. Тенденциозна и заключительная сцена, где Швейк — денщик фенриха Дауэрлинга — убивает его и сдается в плен русским. Как явствует уже из пересказа сюжетной линии, речь идет о вещи весьма неоднородной по художественному качеству, композиционно раздробленной, отмеченной явной спешкой. В военном «Швейке» Гашек не создал цельной эпической концепции.

В личной жизни Гашек остается таким же весельчаком, каким был в Праге. Во время своих частых наездов в Киев он появляется во многих ресторанах, чаще всего в трактире «У чешской короны» на Фундуклеевской улице, где собирается дружеская компания. Ночуя в редакции «Чехослована», Гашек, как всегда, скромн и неприхотлив: сунет под голову сверток старых газет, накроется солдатской шинелью — и спит. Его друзья уверяют, что водку он пил, только когда этого нельзя было избежать, предпочитая ей даже не слишком качественное пиво.

Фронт проходил близко. Жизнь в Киеве вовсе не была идиллической. Юмор Гашека утратил довоенную непринужденность, и все же он оставался самым любимым юмористом легионеров.

Однако, как выяснилось довольно скоро, политическая позиция Гашека была весьма шаткой.

Его политические представления были довольно расплывчаты. Он исходил из того, что чешское войско проникнет на территорию Австро-Венгрии и, после того как там вспыхнет восстание, разобьется на партизанские отряды и поможет свергнуть ненавистный

габсбургский режим. В его тогдашней политической ориентации благие пожелания значили больше, чем понимание реальной обстановки. В легионах Гашек видел то, что хотел видеть: революционную армию.

Но как только он начинает раздумывать о положении на родине, сразу проявляется его острая социально-критическая наблюдательность. В статье «Дело угнетенных» он, например, противопоставляет оппозиционное народное сознание лояльной чешской политике: «С течением времени наш парод продвинулся в духовном и материальном развитии, отвоевал некогда отнятые у него позиции, но это никогда не было следствием каких-либо политических успехов в Вене, результатом удачных выборов и парламентской деятельности, всегда это было делом его собственных рук, следствием прирожденной силы нашего народа, который, несмотря на неблагоприятные условия, сумел извлечь для себя все необходимое из могучего духовного прогресса современной эпохи».

Просто удивительно, что при своих взаимоотношениях с официальным руководством чешского антиавстрийского движения в России Гашек мог так критически оценивать положение в Чехии. Мысль о том, что нужно полностью отказаться от компромиссов, ибо пружиной истории становится радикальное движение народных масс, проникает и в его представления о чешском войске, которое, как он считает, должно стать неким прообразом будущей революционной Чехии. «Все это следы, оставленные чешским войском. Они ведут далеко, за темные леса, на боевые позиции. Здесь прошел чешский лев. И я твердо верю, он дойдет до Чехии. В увиденном мною, право, есть нечто грандиозное и могущественное, нечто, из чего будет твориться новая чешская история», — заявляет он в письме с фронта 7 ноября 1916 года.

Вопреки всем метаморфозам политической обстановки Гашек упорно проводит линию «Чехослована» и выступает за самостоятельность чешско-словацкого Народного совета в России. Тем самым он становится бельмом в глазу петроградской группы, руководимой Богданом Павлу^[89]. Ожесточенная борьба, вспыхнувшая в ту пору между обеими враждебными группировками, ведется с пресловутой эмигрантской мелочностью и нетерпимостью. Гашек тоже не остается в стороне от нее. В фельетоне «Когда заматают следы» он нападает на редактора газеты петроградской группы Б. Павлу. Пишет, что он якобы «хотел попасть в историю как Герострат, который поджег храм богини Дианы...».

В пылу полемики Гашек забывает об осмотрительности и даже позволяет себе публично выступить против профессора Масарика. Во всех идейных спорах основным его девизом остается единство чешского войска, невзирая на групповые и личные амбиции.

28 февраля 1917 года в Киеве состоялось собрание общества имени Яна Амоса Коменского. Во время выступления генерального секретаря Союза явился один из инженеров завода, где происходило это собрание, и сообщил: «В России — новое правительство!»^[90]

Новые события разом решили спор о соотношении сил в руководстве чехословацкого войска. Дискредитированный связями с царским правительством пал чешско-словацкий Народный совет в России. Верх взяли сторонники Масарика. Масарик получает приглашение Временного правительства приехать в Россию. Руководство легионами берет в свои руки петроградская оппозиция, крикливо спекулирующая поддержкой парижского Национального совета. Киевский Союз сразу теряет свое политическое влияние.

Редакция «Чехослована», до последней минуты верная старому руководству Союза, — под серьезной угрозой.

Гашек приветствует русскую революцию и в углублении русской демократии видит пример для соотечественников. В этом духе он произносит 8 апреля речь на митинге чешских рабочих, собравшихся на Бибикивском бульваре. Радость русского народа по поводу падения царизма он разделяет и в статье «Темная сила», где разоблачает могущество Распутина при дворе. Тактика старых русских революционеров становится для Гашека образцом решения политических проблем Австро-Венгрии, в нем вновь пробуждается анархистский радикализм. Упрямо отстаивает он мысль, что республиканская программа в Чехии может быть осуществлена и обеспечена единственной силой — революционным чешским войском.

«Наступила кризисная эпоха, — оценивает Гашек создавшуюся ситуацию. — Натуры нерешительные и боязливые, очутившись в огне испытаний, лицом к лицу с беспощадной правдой, прошли через очистительную купель и стали мужами.

Перемены, которые в мирное время потребовали бы десятилетий, в условиях войны свершились за одну ночь. Мы были свидетелями того, как типичнейшая монархическая форма правления — русский царизм — пала в течение 48 часов, и теперь в России создается республиканское государственное устройство.

Нам в эти дни не нужно было перестраиваться, ибо то, что здесь возникает, давно жило в наших сердцах. Эти дни лишь указывают нам правильный путь.

Можно с уверенностью сказать, что движение, которое хочет отстаивать интересы народа и добиться провозглашения республики, не может достичь этого одной лишь парламентской деятельностью. Тут необходимы иные методы, необходима революция. Как успешно осуществить ее, нам показала в эти дни Россия,

где насильственно свергнут старый строй и раздаются голоса в пользу республиканского правления.

Мы прислушиваемся к ним с особой симпатией. Ведь мы сами осуществляем вооруженную революцию против одряхлевшей габсбургской империи и потому под воздействием русского переворота восклицаем:

Да здравствует революционное войско первой чехословацкой республики!»

Гашек начинает действовать по собственному почину. Как и руководители Союза, он исходит из необходимости подчиниться чехословацкому национальному совету в Париже, но сопротивляется тому пути, который предлагали руководители Союза. Он подчеркивает изначальный революционный характер чехословацкого войска, стремится объединить демократические силы в мощный блок, верный принципам, на которых оно зарождалось.

В речи, произнесенной 26 марта 1917 года в киевском торговом училище, он пытается наметить перспективы развития легионов в связи с возникшими тогда планами создания республиканско-демократической партии: «Уже в ближайшие дни будет начата работа по созданию республиканско-демократической партии, которая будет поддерживать Национальный совет в Париже. Партия будет настаивать на принципе выборности во всех филиалах совета, и наш девиз заключается в том, что «вера и энтузиазм помогут взять любую Бастилию».

Однако новоиспеченные правители желали иметь регулярную армию, а не сборище дискутирующих и политиканствующих революционеров. На съезде, проходившем в конце апреля, когда уже было объявлено о скором приезде Масарика, официально принимается решение подчиниться руководству Национального совета и создать его филиал с центром в Петрограде.

Так была закреплена победа политических противников Гашека.

Петроградская группа еще до съезда решила расправиться с соперниками. Для этого она использует свое влияние в армии. В редакцию «Чехослована» является делегация 3-го полка под предводительством честолобивого капитана Гайды^[91]. Под ее нажимом Ярослава Гашека за принадлежность к оппозиционной группе «Черная рука» освобождают от всех обязанностей и возвращают в полк.

Но он по-прежнему не теряет надежды повлиять на развитие событий. В полк Гашек является с пачкой номеров журнала «Революце» («Революция»), где на видном месте напечатан его острый памфлет на Клуб сотрудников, насмешливо переименованный им в Клуб чешских Пикквиков. («Революце» — оппозиционный журнал, выпускавшийся остатками группы «Черная рука». Гашек напечатал в нем свой памфлет, очевидно, лишь потому, что редакция «Чехослована» побоялась его опубликовать. В появившихся позднее легионерских романах писалось, будто Гашек вел себя беспринципно, сотрудничал в журнале «Революце» ради публичного скандала и денег. Мол, ему заплатили 200 рублей. Однако, по свидетельству бывшего сотрудника этого журнала Ладислава Грунда, Гашек не получил за эту статью ни копейки.)

Попытка бунта против нового руководства была расценена руководством филиала как раскольнические действия, автор памфлета должен был предстать перед судом чести. А тем временем его на несколько дней посадили под арест на импровизированную гауптвахту.

Филиал чехословацкого национального совета в России

Каково содержание сатиры «Клуб чешских Пикквиков»?

Почему эта сатира так рассердила представителей филиала, что они потребовали немедленного судебного разбирательства? На каком основании приписывает Гашек некоторым представителям чешского сопротивления Геростратовы идеи?

Буря, которая обрушилась на голову Гашека, была вызвана сатирическим изображением поверхностного, «опереточного» характера чешской революции. Этот замысел раскрывается уже во вступительной характеристике председателя бывшего оппозиционного Клуба, пана Халупы^[92].

«Если вы заговорите с ним, — пишет Гашек, — вам сразу покажется, будто точно такого же господина вы где-то уже видели. И вы наверняка припомните, что на родине, в деревенских трактирах, нередко встречали господ подобного толка — они умеют бойко болтать, без усталости острят, способны говорить на любую тему, наплетут вам с три короба, так что уши вянут. В углу трактира за спиной такого господина обычно висит охотничье ружье, ибо он обязательно еще и горе-охотник. Люди такого рода — чаще всего судьи из мелких округов. Разумеется, они сохранили старую патристическую закваску, но при этом остаются провинциальными буржуа, которым раньше и в голову не приходила какая бы то ни было антигосударственная деятельность. С утра они судили бедняков, а после обеда предавались самым различным увлечениям — фотографировали, рисовали, играли на любительской сцене, ходили на охоту, ежедневно выпивали парочку

кружек пива, рассказывали одни и те же анекдоты — но всегда и во всем оставались дилетантами. Все для них было спортом, средством как-то прославить в обществе свое имя, хотя бы на чьих-нибудь похоронах. Но в прежнюю пору слава таких господ никак не распространилась бы далее границ двух округов, зато ныне, когда над нами нет былых начальников, им кажется, что настал момент прославиться среди широких масс.

И здесь они проводят политику прокуренных деревенских трактиров, политику игроков в кегли, политику любительских театральных кружков, обманывая самих себя иллюзией, будто они политики, и стараясь внушить эту иллюзию широким общественным кругам, но при этом по-прежнему оставаясь в политике такими же дилетантами. Неинформированным широким массам нравятся их театральные выступления, но критик напишет, что они потерпели фиаско в политической роли, которую сами для себя избрали, ибо играли слишком навязчиво, демонстрируя зрителю одно лишь свое честолюбие — в ущерб хорошему вкусу, и играли исключительно ради того, чтобы их имена писались на афишах Клуба сотрудников Союза, вернее — Клуба чешских Пикквиков».

Памфлет Гашека перерастает рамки политического конфликта, по поводу которого он был написан. Отвращение к «новоиспеченным самозванцам из рядов застольной компании, посещавшей кафе на Подвальной улице в Киеве», к людям, которые, «действуя ловко и хитро, провели руководство Союза за нос и подложили ему свинью», явилось побудительной причиной для анализа духовного облика политического руководства легионов. В сатире «Клуб чешских Пикквиков» мы вновь сталкиваемся с прежним критиком-радикалом, действующим без оглядки, не щадящим влиятельных особ и общественных деятелей, как это было уже во

времена партии умеренного прогресса. Гашек характеризует здесь хронические болезни чешских политиков: непомерное честолюбие, соединенное с полным отсутствием самокритики и искренности, карьеризм, выдаваемый за деятельность во имя «высших интересов нации». Сатира Гашека имела полемический характер, но анализ идейного филистерства перекрывает значение этой полемики. Жалкое мещанское препирательство, мания величия и провинциальный сепаратизм, в которых он упрекает руководителей филиала, сыграют важную роль в последующий период, когда эта группа захватит политическое руководство легионом.

Но и политическая линия самого Гашека потерпела крах. Отношение судей к обвиняемому было предвзятым. В письмах, направленных в войско, члены суда высказывались в том духе, что, мол, «Гашек — человек беспринципный, один из тех, для кого надо бы создать особый концентрационный лагерь». В архивах легионов мы находим протокол, из которого явствует, что столкновение неугодного новому руководству оппозиционера с фанатическим духом формирующегося военного коллектива протекало весьма остро.

Однако под конец Гашек с шутовской беззаботностью преуменьшает значение своих инвектив и письменно от них отрекается.

Оценивая его поведение, мы должны учесть два важных обстоятельства. Во-первых, процесс проходил в день приезда в Россию Масарика, после образования филиала, когда всякая попытка сопротивления была заведомо обречена на провал. Во-вторых, перед судилищем Гашек несколько дней просидел в заточении, где должным образом «размяк» и имел возможность обдумать, как выбраться из тупика. (О настроении в войске свидетельствуют «Шлеги» («Удары хлыста»), журнал седьмой роты, где во время

пребывания Гашека в тюрьме писалось: «Если б не было охраны, его бы еще и побили!»)

По случайному стечению обстоятельств Гашек оказался в ситуации, ранее изображенной им самим в одном из рассказов. В полном соответствии с литературной фабулой он инстинктивно надевает швейковскую маску простачка и безответственного шута. Эта маска — оружие человеческой слабости против жестокого насилия; в ней мало героического, и люди, судящие поверхностно, считали ее проявлением слабохарактерности.

Гашека подозревают в разлагающем влиянии на войско и без конца переводят с места на место. Из седьмой роты 1-го полка имени Яна Гуса его посылают в пулеметный взвод резервного батальона, оттуда в пулеметный взвод полка, и только в июле 1917 года он прикомандирован писарем к канцелярии полка.

По возвращении на позиции Гашека поразила перемена, происшедшая в войске. Как старый член Чешской дружины и редактор «Чехослована» он представлял себе чехословацкое войско союзом добровольцев, объединенных необходимостью борьбы с Австро-Венгрией. Тем временем положение изменилось. Парижский Национальный совет был провозглашен суверенным верховным органом и объявил новый набор в чехословацкое войско. Основную массу корпуса теперь составляли новички, среди них были и люди нерешительные, осторожно выжидавшие, как обернутся события. Новоиспеченных легионеров нетрудно было приучить к духу воинской субординации и беспрекословного повиновения, а филиал еще до начала боевых операций решил навести порядок в собственных рядах.

Новый курс, разумеется, не мог воодушевить бывшего анархиста и революционера. Но он

примиряется со всем этим, увлеченный боевым настроением солдатской массы.

Еще до приезда в Россию Масарик призвал чехословацкое войско к борьбе против центральноевропейских держав. Он объявил легион военной основой самостоятельного чехословацкого государства и подчеркнул значение боевых акций для развития национально-освободительного движения на родине. Весной 1917 года обстановка в Чехии тоже существенно изменилась. Народные массы требуют создания самостоятельной республики. В рамках наступления на фронте, проводимого Керенским, чехословацкий корпус отличился в бою под деревней Ценовой и городом Зборовом. Несколько тысяч вооруженных винтовками и легкими пулеметами легионеров-энтузиастов нанесли поражение многократно превосходящим их по численности немецким и австрийским войскам с тяжелыми пулеметами и артиллерией. Это имело значительный международный резонанс.

Зборов оказался решающим рубежом в истории чехословацкого войска. Он позволил распрямить спины, укрепил столетиями принижаемое национальное самосознание. В чешских людях пробудилась забытая гордость, ощущение, что они снова в центре мирового внимания, как было в давние времена.

Перед отвагой и решительностью чешского войска вынужден склонить голову даже Гашек — прежний скептик и беспощадный критик национального характера. Он безоговорочно подчиняется требованию единства и боеспособности корпуса, становится рядовым воином-добровольцем. В июньские дни вместе с первым полком Гашек продвигается в район Цецовой и Зборова, где принимает участие в подготовке боевых операций. Приказом по 1-му стрелковому полку имени магистра Яна Гуса от 21 октября за заслуги в бою и во

время тернопольского отступления^[93] он был награжден Георгиевским крестом четвертой степени.

Соответственно растет уважение к нему в глазах добровольцев. В августе 1917 года он избирается в полковой комитет и становится его секретарем. Однако деятельность комитетов, которые должны были стать выражением демократического характера чехословацкого войска, стараниями военных и политических лидеров легионов сузилась до выполнения культурно-воспитательных и хозяйственных функций. Из протоколов комитета, писанных рукой Гашека, мы видим, что, после того как ему пришлось отказаться от участия в политическом руководстве корпусом, он пытается внести свою лепту в общее дело хотя бы скромной организационной и культурной работой. Он организует празднества, развлечения, возглавляет соответствующую комиссию, выступает в качестве конферансье.

В речи на манифестации Первого полка, проходившей 10 октября 1917 года, сквозит типичный гашековский радикализм. «Мы не имеем права думать ни о чем ином, кроме уничтожения старой монархии. О нашем революционном предназначении мы должны помнить ежечасно, ежеминутно, все свои силы и весь свой труд посвятить историческому возмездию, чтобы разрушить и добить проклятое лоскутное государство», — взывает он почти фанатически. Манифестация завершилась пением «Красного знамени».

Увлеченный первым военным успехом легионов и их монолитностью, Гашек снова пишет в «Чехослован» «Письма с фронта». Хвалит в них героическую самоотверженность чешского солдата, разделяет со многими некритическую веру в его революционное будущее. Он еще не подозревает, с какой легкостью

чехословацкое войско станет игрушкой в руках авантюристических политиков.

Юго-западный фронт неотвратимо разваливается. Русские солдаты толпами покидают окопы и спешат домой, к своим женам, к родным очагам. В связи с развалом русского фронта корпус оказался в отчаянной ситуации: легионеры могли вернуться домой лишь после ликвидации Австро-Венгрии, просто заключения мира для этого было недостаточно. Между тем все чаще распространяются ложные слухи, что в прорыве фронта, совпавшем с июльскими демонстрациями в Петрограде, виноваты большевики.

Гашек болезненно переживает катастрофическое отступление русских войск под немецко-австрийским натиском на Украине. Поведение русских солдат ему непонятно, хотя он и чувствует, что в России происходит что-то грозное и гигантское, предвещающее глубокие исторические сдвиги.

Поначалу он тоже прибегает к антибольшевистским аргументам, распространенным в легионерской печати. Это, конечно, не означает, что он полностью согласен с политическим руководством корпуса. Хотя официально Масарик провозгласил невмешательство чехословацкого войска во внутреннюю политическую борьбу в России, на верхах усиливаются попытки использовать его для «урегулирования» внутренних конфликтов в России.

В протоколах заседаний полкового комитета зафиксированы некоторые предостерегающие высказывания Гашека, призывавшего воздержаться от действий, в результате которых могут быть нарушены добрые отношения между чехословацким войском и русскими людьми. По его предложению 29 августа 1917 года полковой комитет принял, например, резолюцию о сохранении нейтралитета в вопросах русской внутренней политики. На заседании 9 сентября Гашек был единственным членом комитета, обратившим

внимание на то, что из-за «дешевизны труда солдат, используемых на помещичьих полях, могут возникнуть разногласия с местными трудящимися».

Он, казалось бы, ведет размеренный образ жизни, спокойно работает, используя хорошее знание русского языка, чтобы разобраться в окружающей обстановке. Хозяйкой маленького замка, где разместился штаб первого полка, была какая-то старая дворянка. Хозяйство вели две ее взрослые дочери, единственным мужчиной в семье был их дядя, неприметный слабоумный человек: с ним Гашек подружился, говорят, дядюшка вырезал ему на память чубук. На веранде просторного здания Гашек вел дела канцелярии полка, но времени этому уделял не слишком много, потому что, по словам очевидцев, постоянно «о чем-то размышлял, мощно дымя из короткой трубки».

Авторитет Гашека в чехословацком войске все возрастает. Приказом № 1103 от 7 сентября рядовой Ярослав Гашек назначен присяжным заседателем полкового суда. В начале ноября 1917 года он как делегат Первого полка становится членом бригадного комитета. 15 ноября снова вступает в редакцию киевского «Чехослована».

В Киеве его застаёт сообщение об Октябрьской революции и о мирных переговорах Советского правительства. Тем временем, используя затяжной характер переговоров в Брест-Литовске, немцы, объединившись с местными сепаратистскими кругами, начинают захватывать Украину. Чехословацкий корпус с этого момента становится островком, затерявшимся в российской буре.

Как вспоминают очевидцы, Гашек в ту пору склонялся к романтическому плану, по которому корпус должен был пробиваться в Австро-Венгрию через Кавказ и Персию. Он разъясняет эту идею в статье «Прошлое и настоящее», напечатанной в «Чехословане» 5 ноября

1917 года. Вместе с несколькими офицерами он разрабатывает устав «террористических чехословацких групп». В случае сепаратного мира им надлежало пробраться в Австро-Венгрию и проводить там индивидуальный террор, разрушать железные дороги, взрывать стратегически важные мосты и туннели, вызывать социальные беспорядки, подогревать антиправительственные, антигосударственные и антидинастические настроения и тем самым готовить почву для всенародного восстания.

Эта акция противоречит намерениям филиала. Легионерское политическое руководство не столько думает о боях с немцами, сколько стремится уберечь корпус от проникновения революционных социалистических элементов. Масарик объявляет корпус составной частью французской армии и заключает с Советским правительством соглашение о постепенной переброске его во Францию. Одновременно в корпусе вводится французский дисциплинарный устав, наступает распад прежних дружеских отношений между солдатами и офицерами. Молодые офицеры ослеплены возможностью блестящей карьеры. После ухода русских командиров «братья» прапорщики и подпоручики буквально в течение ночи становятся «братьями» полковниками и генералами. Военская дисциплина укрепляется посредством чисток.

Тем не менее избежать оживления деятельности социалистических элементов в чехословацком сопротивлении не удалось. Социал-демократы, главным образом из рядов военнопленных, требуют реорганизации филиала и отстранения от руководства буржуазных политиков, прежде всего — Богдана Павлу. Филиал, в свою очередь, стремится усилить свои позиции в войске, опираясь преимущественно на офицеров и недавно набранных солдат.

У Гашека тоже раскрываются глаза. В революционных событиях, изображавшихся в легионерских газетах как бессмысленный бунт, вызванный вражеской пропагандой, он обнаруживает элементы исторического движения, могущего оказать воздействие и на положение Чехии.

В кажущемся хаосе он находит черты бескомпромиссного, последовательного социального переворота.

Недоверие и неприязнь к «идейному мещанству» становятся источником убеждения, что единственная сила, которая способна осуществить революцию здесь и на его родине, — это рабочий класс. Только он обладает «непокорным революционным характером», который необходим для завоевания национальной самостоятельности. «Неудивительно, что ныне чешский рабочий стал революционером, — пишет Гашек в статье «Черно-желтое рождество чешского рабочего», — ведь он прошел горькую школу рабочего движения, и война, направленная против него, дала ему закалку. В беспощадном жизненном испытании, в котором ему грозили австрийские виселицы, простой чешский человек сохранил твердый, непоколебимый характер и не склонил перед Австрией голову».

В редакции «Чехослована» Гашек встречается с Бржетиславом Гулой, приобщившим его к марксистской революционной теории. Под влиянием русских событий писатель пересматривает свой анархистский нигилизм.

Во время бурных дискуссий в редакции и в киевских кафе он все настойчивее отстаивает мысль, что русская революция будет иметь широкий международный отклик, что она вызовет обострение обстановки в Австро-Венгрии. В передовой статье, опубликованной 17 декабря 1917 года, он, например, пишет: «Дезорганизация русского фронта вызвала отзвук и по другую его сторону, а кроме того, революция настойчиво

и неумолимо подготавливает народы Австрии к государственному перевороту и способствует внутреннему разложению монархии».

Из чешских газет, случайно попавших в его руки, Гашек узнает, что и на его родине в результате военных лишений происходят существенные социальные сдвиги. Свое тогдашнее туманно-романтическое представление о народном восстании он раскрывает в двух статьях, напечатанных в феврале 1918 года.

Государственную самостоятельность чехов и словаков Гашек с этого момента связывает с судьбой российской революции. Поэтому он призывает защищать ее.

События развиваются стремительно. Немецкие войска вторглись на Украину. Корпус получает бессмысленный, но мнению Гашека, приказ покинуть украинский фронт. Писатель характеризует вывод корпуса из России как измену национальному делу.

Виновниками неблагоприятного развития событий он считает отнюдь не простых солдат, которые большей частью настроены социалистически, а изменническое руководство, филиал чехословацкого Национального совета в России. В противовес этому он выдвигает революционный энтузиазм и здоровый реализм народных масс:

«Они смотрели на все свысока, сами себя убеждая в том, что задают тон, считали, что принадлежат к высшим слоям нации, и отделяли себя от народа, который говорил о них, что они играют в господ.

А между тем только в социальных низах, в простых и здоровых сердцах, сильных верой и горячих любовью, зарождается лучший мир.

В народе заложены основы новой жизни. Ныне миновала пора декаданса, аристократически задирать нос перед демократией уже нельзя.

Социализм перестал быть романтической мечтой, теперь он осуществляется на практике. Из гармонии индивидуума со всем обществом он творит огненную и торжественную музыку жизни. Лишь угнетенные слои народа приносят в современный мир великую силу воли, страсть неприятия окружающего мира, энергию, устремленную к окончательной победе. Несокрушимый реализм масс противостоит идейному мещанству».

В заостренном виде мы находим тут формулировки, впервые появившиеся в сатире «Клуб чешских Пикквиков». События обнажили пропасть между интересами буржуазии и народа. Речь идет не только о государственной независимости чехов и словаков, но и о более глубоких процессах.

Взгляды писателя решительно развиваются в революционном направлении, невзирая на все препятствия и ожидающее его непонимание. Вновь проявляется склонность Гашека к последовательным и бескомпромиссным решениям даже в чрезвычайно неясной обстановке. Отныне смыслом его деятельности становится современный социализм, «переставший быть утопией и превратившийся в новую культурную веру, в религию большой внутренней правды, которая наконец-то может сделать маленького человека счастливым и освободить его от социальных ужасов».

Чехословацкое войско, подчиняясь приказу, отступает перед немецкими полчищами. Киев занимают красные части.

В эти минуты нужно было действовать. Гашек снова обличает филиал. Предав забвению старые споры с левыми социал-демократами, объединившимися вокруг газеты «Свобода»^[94] (они тоже имеют к нему претензии, ибо до недавнего времени он нападал на приверженцев этой группы из-за их безразличия к формированию корпуса), хочет теперь совместно с ними арестовать киевский филиал, привлечь корпус на сторону

революции и бок о бок с советскими добровольцами задержать вторжение немцев на Украину.

С этой целью в Киеве был создан Чехословацкий революционный Совет рабочих и солдат^[95], опубликовавший в конце февраля свой манифест. Гашек, автор листовки, пишет: «Войска германского и австрийского императоров вторглись на Украину и в Россию. Это авангард капиталистов и империалистов, посланный против политической и социальной революции, против русского и чешского пролетариата. В такой важный момент военная комиссия филиала чехословацкого Национального совета обнаружила полнейшее малодушие. Необходимо было действовать решительно. Объединились все партии и направления. Возник Чехословацкий революционный совет рабочих и солдат (...), который призывает всех чехов и словаков к оружию».

Но задержать отправку корпуса во Францию Чехословацкий революционный совет уже не мог. После выхода правых социал-демократов вся коалиция распалась.

Гашек потерпел еще одно политическое фиаско. Но на этот раз он не стал ждать, когда окажется в руках своих врагов.

Самара

На собрании всех «чехословаков» Гашек еще раз вступает в спор с представителем филиала и заявляет, что необходимо всеми средствами задержать наступающую немецко-австрийскую армию. Вскоре после этого вместе с бывшим сотрудником «Чехослована» Бржетиславом Гулой он уезжает в Москву, где создается организация чехословацких левых социал-демократов.

По пути они остановились в Харькове у скульпторов Стрейчека и Кубеша, в мастерской которых работал и шурин Гашека Слава Майер. Архитектор Йозеф Майер, находившийся тогда в Харькове, рассказывает об этой встрече: «Во время самой большой сумятицы после заключения брест-литовского мира у меня появился Гашек.

— Как я рад, что еще застал вас в Харькове! В моем распоряжении два редакционных вагона, я возьму вас с собой. Забирай Славу и едем!

— Его до сих пор нет, где-то сдерживает немцев.

— Вот сумасшедший! Ведь уже и корпус отступает. Как тут воевать с немцами, когда украинцы пинают тебя в зад. Но они чертовски просчитаются, очень скоро эти немцы им обрыднут, как и нам. Увидишь, как их отсюда шуганут. Однако без Славы я не поеду. Пошлю ребят, выкатим пулеметы и не двинемся с места, пока не вернется Слава.

В конце концов он все-таки поддался уговорам и решил ехать, ибо его шурин Слава был ранен и оказался нетранспортабельным».

Йозеф Майер вспоминает, что Гашек был все еще настроен очень оптимистически и обещал вернуть корпус с пути во Францию и склонить к сражениям с

немцами. В Москве обоих журналистов приняли весьма радушно. Чешское коммунистическое движение здесь представляли бывшие деятели петроградской левой социал-демократии. Они были полны веры, что русская революция автоматически вызовет переворот в Европе, мобилизовав вооруженный пролетариат на восстание против правительств центральноевропейских держав. С легионерами и заграничным сопротивлением эта группа не имела никакой связи. Тем радостнее редакторы Бенеш и Кнофличек приветствовали бывшего легионера Гашека в качестве сотрудника газеты «Прукопник» («Пионер»)^[96]. Они рассчитывают на него при подготовке первого же номера, который вышел 27 марта 1918 года. Гашек поместил здесь передовую статью, в заглавии которой звучал настойчивый вопрос: «Зачем ехать во Францию?»

Аргументируя свою точку зрения, он убедительно использует знание истории чешского движения и обстановки в корпусе: описывает возникновение филиала, родившегося в результате «злосчастного пакта оппозиции с солдатами»; признает положительную роль филиала в борьбе против старого Союза, но осуждает его отношение к событиям в России. В заключение Гашек провозглашает: «Из русской политической революции, из дворцового переворота за эти месяцы разгорелась великая мировая революция. Война государств, война империй, породившая чешскую национальную революцию, по неумолимым законам восстания превратилась в войну пролетариата с капитализмом».

В это же время Гашек становится членом организации левых чешских социал-демократов, которые затем объявили себя секцией Российской Коммунистической партии (большевиков).

В Москве после приезда Ленина бурлят митинги. 12 марта 1918 года Гашек дважды слушает выступления

Ленина — на заседании Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Политехническом музее и в манеже Алексеевского военного училища. Вместе с другими чешскими коммунистами он присутствовал на совещании по вопросу о чешской печати у Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлова. Интересные впечатления от встречи с Гашеком сохранил в своей памяти старый большевик С. М. Бирюков.

«Впервые я случайно встретился с Ярославом Гашеком в начале марта 1918 года в военном комиссариате города Москвы, куда Гашек пришел встать на учет.

Я обратил внимание на этого незнакомца. Он выглядел необычно. Шинель на нем висела небрежно, движения были медлительны, взгляд задумчив (...) Я пригласил Гашека к себе на квартиру (...) Дома предложил ему с дороги принять ванну и дал чистое белье. Затем мы вместе пообедали и по московскому обычаю выпили чаю (...) Мы с Гашеком часто по вечерам горячо обсуждали события тех дней (...)

Вскоре нам стало известно, что вечером в манеже Алексеевского военного училища в Лефортове назначен митинг московского пролетариата, посвященный встрече с Владимиром Ильичем Лениным. Мы, не раздумывая, решили пойти туда.

По снежным сугробам мы около двух часов добирались до манежа. Гашек сильно продрог, так как на нем была легкая шинелька (...)

Увлеченные событиями дня, мы забыли о еде. Уже наступала ночь, голод давал себя чувствовать, а добираться до дома было далеко. Мы решили воспользоваться приглашением старого большевика И. Г. Камкова и остались у него ночевать. Гостеприимный хозяин поставил самовар и угостил нас

горячим картофелем. Мы хорошо согрелись, отдохнули, восстановили свои силы и уже не могли удержаться, чтобы не обменяться мнениями о прошедшем дне (...) Гашек заявил, что хотя он и некоммунист, но без колебаний готов пойти за Лениным и вместе с русскими большевиками выполнить свой интернациональный долг перед русской пролетарской революцией.

Такое заявление Гашека настолько нас всех обрадовало, что мы готовы были его расцеловать. Старейший из нас, активный участник трех революций, член партии с 1902 года, Иван Георгиевич Камков, подошел к Гашеку, крепко его обнял.

Спустя несколько дней Гашек пришел ко мне в каком-то приподнятом настроении и рассказал, что он познакомился сегодня с группой чешских коммунистов, которые задумали в Москве издавать газету на чешском языке, а ему предложили сотрудничать в ней (...)

За последнее время Гашек все реже и реже стал заходить ко мне, ссылаясь на занятость подготовкой к выпуску газеты и большой перепиской с чехами, находившимися в разных местах нашей страны.

Но вот он как-то появился поздно вечером, чем-то радостно возбужденный. Оказалось, пришел поделиться со мной огромным событием в его жизни. Несколько часов назад он был принят в ряды Российской Коммунистической партии большевиков. И показал мне партийный билет...

Затем Гашек рассказал еще об одном важном событии. Он вместе с чехами-коммунистами встретился с Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яковом Михайловичем Свердловым. Они долго беседовали по разным вопросам, связанным с чешскими организациями в Советской России, в частности по изданию чешских газет и другой литературы.

Товарищ Свердлов оказал большую помощь и поддержку чешским коммунистам. Чехи остались очень довольны беседой.

Вскоре после этого, в один из мартовских вечеров, Гашек развернул перед нами (у меня тогда был товарищ Пельше) первый номер газеты «Прукопник».

Он с волнением, переводя тут же на русский язык, прочитал помещенную в этом номере свою статью — обращение «К чешскому войску». Позже он прочитал и другие статьи (...)

С. М. Бирюков вспоминает, что накануне отъезда в Самару Гашек зашел к нему с двумя товарищами — чехами...

«Гашек уехал, а через несколько дней я получил от него письмо из Самары.

В Москве, писал Гашек, он многое пережил, передумал и переоценил из своего прошлого, и революционная Москва явилась для него своеобразным политическим университетом».

Отъезд Гашека из Москвы был связан с прибытием туда сотрудников киевской социал-демократической газеты «Свобода», не доверявших Гашеку из-за его легионерского прошлого. Ему пришлось уйти из реорганизованной редакции «Прукопника», получившей название «Прукопник свободы».

В это время во все края России разъезжаются агитаторы, которые ведут пропаганду среди чешских пленных и легионеров и организуют из них красноармейские отряды. В качестве руководителя одной из таких групп Гашек уезжает на Волгу.

В Самаре, куда он прибыл в начале апреля 1918 года, царит неразбериха. Город — важный железнодорожный узел на средней Волге — забит эшелонами, которые по приказу филиала чехословацкого Национального совета везут чешское войско на восток. Здесь находятся реакционные

сербские полки, полностью подчиняющиеся своим офицерам, группы русских анархистов, эсеры, меньшевики.

На Дворянской — главной улице Самары — над гостиницей «Сан-Ремо» висит плакат: «Чешский военный отдел для формирования чешско-словацких отрядов при Красной Армии». В бывших казармах на углу Воскресенской и Соборной формируется новый красноармейский отряд. Агитация ведется прямо у вагонов на вокзале. Печатным пропагандистским материалом служит первый номер «Прукопника» со статьей Гашека.

Важным событием стало собрание, созванное 12 апреля 1918 года, вскоре после прибытия Гашека в Самару. Цитируем его выступление по протоколу собрания: «Взяв слово, представился как бывший чешский солдат и работник Союза чехословацких обществ в России. Говорит о развитии чешского революционного движения и чешской эмиграции в России, о первых активистах этого движения. Касается деятельности поручика Клецанды^[97] в период аферы Корнилова, утверждая, что тот старался склонить первую дивизию к выступлению на стороне Корнилова, упоминает о перевороте на Украине, когда чешские полки были якобы посланы на помощь Керенскому. Описывает продвижение первой чешской дивизии к Житомиру и Киеву, и затем обеих дивизий по территории Украины, характеризуя при этом бой с немецкими войсками у Бахмача^[98]. Ставит в упрек филиалу Национального совета его поспешный и неожиданный переезд в Пирятин, когда организации чешских пленных в Киеве не было оставлено никаких директив. Говорит о собрании в Киеве после отъезда филиала Национального совета, на котором в присутствии работников филиала Киселого и Скотака^[99] был избран Совет рабочих и солдат. Этот Совет

обратился ко всем чешским пленным с призывом вступить в чешскую революционную армию. В конце речи провозглашает: поскольку социалистические партии в Чехии принимают программу большевиков-коммунистов и даже от имени аграриев депутат Удржал^[100] высказался за раздел земельных владений, он решительно советует не уезжать во Францию, а, наоборот, присоединиться к борьбе большевиков против немецкого и австрийского империализма и против буржуазии вообще и не оставлять здесь русских братьев без помощи в тяжкий период борьбы за наше общее дело».

О том, насколько диаметрально разошлись тогда точки зрения, свидетельствует заявление официального оратора из рядов чехословацкого войска: «В наше время, в пору великой истории чешского войска, твое поведение, брат Гашек, — это прямое предательство интересов собственного народа. Среда, в которой мы сейчас живем, может оказать пагубное влияние на наши части, если мы останемся на русской территории, ведь анархия и возможный голод способны уничтожить то, что мы с таким трудом создали, и потому от имени всего чешского войска я провозглашаю: «Все за профессором Масариком, все во Францию!»

Карты раскрыты. Гашек последовательно и решительно рвет связи с чехословацкими легионами в России, так же как прежде он разошелся с филиалом чехословацкого Национального совета. На собрании филиала 14 апреля 1918 года зачитывается его письмо:

«Нижеследующим извещаю, что я не согласен с политикой филиала чехословацкого Национального совета и с отъездом нашего войска во Францию.

Посему заявляю, что выхожу из рядов чешского войска до тех пор, пока в нем и во всем

руководстве Национального совета не одержит верх иное направление.

Прошу принять к сведению это мое решение. Буду и впредь служить делу революции в Австрии, делу освобождения нашего народа.

Ярослав Гашек, собственноручно».

Советские власти разрешили чехословацким войскам покинуть Россию, но имели все основания опасаться, что иностранные националистически настроенные части могут стать базой интервенции.

Русская революция придает конкретные черты твердой уверенности Гашека в том, что для достижения независимости чехов и словаков не надо ждать военной победы Антанты, что ее можно добиться немедленно, путем вооруженного народного восстания. От поведения корпуса зависит теперь, какой будет Чехословацкая республика. В этом мнении Гашек утверждает в время личных встреч с ведущими советскими деятелями, в частности — со Свердловым. Огромный революционный энтузиазм Советской России воодушевляет Гашека.

Но и после расхождения с филиалом и чехословацким войском он не теряет из виду судьбу легионов, упорно надеясь предотвратить его отправку во Францию. Гашек заявляет, что в корпусе 70 процентов социалистов и уже поэтому чехословацкое войско должно помогать русской революции. Зная о противоречиях между солдатской массой и офицерами, связанных с попытками ограничить влияние комитетов и неустанным стремлением отдалить общевойсковой съезд, он старается использовать эти разногласия.

Как организатор вербовочного пункта Гашек поставил задачу добиться социально-политического расслоения корпуса и склонить прогрессивные элементы на сторону Советской власти. Миссия эта облегчалась

двумя обстоятельствами: во-первых, он прекрасно знал обстановку и настроение в чехословацком войске; во-вторых, через Самару проходили уже частично разоруженные эшелоны (вооруженные части стояли под Пензой).

Гашек избирает метод убеждения. Старается действовать как можно осторожнее, чтобы найти с рядовыми солдатами общий язык.

Такая тактика оправдала себя. Гашеку удалось привлечь в ряды Красной Армии весь самарский филиал чехословацкого Национального совета. Сообщение об этом мы находим в газете «Прукопник»: «За несколько дней до 1 Мая настал решительный перелом в деятельности местной организации филиала Национального совета. Мы устроили собрание в Клубе большевиков, на котором т. Коцоурек рассказал о съезде военнопленных в Москве. Следующий оратор, т. Ярослав Гашек, выступил с докладом «Мировая революция и чешская эмиграция», призвав в конце его превратить местную организацию филиала Национального совета в организацию коммунистическую. Так была осуществлена местная революция и основана организация Чешской партии коммунистов (большевиков), в которую ежедневно вступают новые члены. Естественно, мы приняли участие в революционном празднике 1 Мая и, приветствуемые толпами, шли во время демонстрации вслед за группой польских большевиков».

Успех окрылил Гашека. События в Самаре еще раз убедили его, что на поведение чехословацких частей можно воздействовать вопреки воле политического руководства легионов. По свидетельству Йозефа Поспишила^[101], в вербовочной комиссии в гостинице «Сан-Ремо» велись дебаты о том, каким образом будут развиваться события.

Между чехословацким корпусом и советскими властями существовало соглашение о том, что корпус

сдаст основное оружие и будет эвакуирован через Сибирь. (В Европе продолжалась война, хотя Советская Россия после Брест-Литовского мира находилась в состоянии нейтралитета.) Однако реакционное руководство корпусом, подогреваемое западными державами, нарушало это соглашение и все больше склонялось к авантюристическому вооруженному выступлению против Советской власти. Западные державы, в свою очередь, надеялись использовать действия корпуса как предлог для интервенции в Советскую Россию.

Чувствуя непосредственную угрозу, Гашек развивает лихорадочную деятельность. Следы ее мы находим в отделе писем седьмого номера «Прукопника», где редакция отвечает на письмо из Самары; автор этого письма, очевидно, критиковал бездействие московского руководства, его неосведомленность. В девятом номере публикуется последнее предупреждение чешскому войску, озаглавленное: «Открытое письмо профессору Масарику». Автор, скрывающийся за подписью «солдат чешской армии», дает в нем подробный анализ чешского патриотического движения в России и всесторонне рассматривает положение корпуса. Он подчеркивает роль народных масс в больших исторических переворотах и предостерегает от преувеличенного культа вождей. Этим автором был Ярослав Гашек.

Реакционные члены филиала, которые все еще надеются использовать чехословацкое войско для «наведения порядка» в России, тоже не дремлют. После самарского переворота филиал посылает своим представителям указания, как бороться с большевистской агитацией. Не щадят и Гашека. Он становится мишенью яростной клеветнической кампании легионерских газет. Член филиала и культурный эксперт газеты «Чехословенски вояк» («Чехословацкий солдат») поэт Рудольф Медек^[102]

карикатурно изображает его характер, находит в нем шутовское безразличие к людям, безответственность и трусость: «...сейчас я вижу, что это твоя судьба, судьба твоей аморфной души, твоей бесхребетной, безразличной ко всему «человечности». Твои шутовские колокольчики нашли печальное применение на войне. Но самый отвратительный твой шутовской трюк — попытка нанести вред нашему движению, опозорить его в собственных глазах и перед всем светом. Знаю, жалкие остатки стыда заставят тебя покраснеть, когда ты будешь читать эти строки, поскольку ты сентиментален, как старая проститутка, и помнишь, что я не раз предостерегал тебя от лжи и подлости, но ты так и не исправишься. Правда, отречешься, наверняка отречешься от собственных слов и поступков, но затем вернешься к тому, что стало для тебя второй профессией, — опять будешь публично срамиться!»

Патетик и рапсод войны и легионерского похода наделяет бывшего коллегу, с которым всего несколько недель назад в Киеве сидел в уютном винном погребе, «шутовскими колокольчиками», стремясь задеть самое уязвимое его место.

Однако критически относятся к деятельности Гашека и левые социал-демократы из числа бывших военнопленных. В напряженный момент оживают старые споры между руководителями киевской «Свободы» Муной^[103] и Гайсом и московским «Прукопником», к числу сотрудников которого принадлежал Гашек.

На одном из предварительных совещаний объединительного съезда чешских социал-демократов (коммунистов), происходившего 25 и 26 мая, искренность убеждений Гашека была поставлена под сомнение. Некоторые делегаты не могут простить ему деятельности в легионах, того, что он преувеличивал революционность чехословацкого войска.

Это было необычно бурное заседание. В самом его начале, как удар грома, прозвучала весть о том, что в Челябинске чехословацкие войска выступили против Советской власти. Сообщение это потрясло всех присутствовавших, и работа съезда проходила в особо нервной обстановке.

Между тем чехословацкие части быстро овладели Пензой. Приходят ужасающие известия: опьяненные военным успехом легионеры самосудом расправились с четырьмя чешскими красноармейцами, прежними своими соратниками. Ночью вытащили их из вагонов и повесили.

Части чехословацкого корпуса приближаются к Самаре. Ярослав Гашек лихорадочно готовится к обороне города. Докладывает председателю Самарского Совета Куйбышеву о боеспособности своего отряда. Посещает собрание анархистов. Его заявление о том, что он и сам бывший анархист, вызывает бурю аплодисментов. Но, ко всеобщему разочарованию, Гашек разбивает пораженческие аргументы анархистов. Во всех самарских газетах он публикует предостережение чехословацким войскам, которое заканчивает взволнованным возгласом: «Братья, остановитесь!»

Но даже самые искренние и прочувствованные слова не могут остановить легионерских полков, дезориентированных руководством и пораженных политической слепотой. Гашек, долго веривший в революционный характер чехословацкого войска, едва не заплатил за эту ошибку жизнью. Его предупреждают, что легионеры питают к нему особую ненависть и намерены с ним расправиться.

Он издает последнюю листовку и предупреждает в ней: «Мы точно знаем настроение наших товарищей на родине, в Чехии и Словакии, все они готовы бороться за победу мировой революции. Поэтому объявляем всех чехов и словаков, которые примут участие в аванюре

Национального совета, предателями мировой революции. Наш народ никогда не позволит им вернуться на родину, в свободную Чехословакию».

После боя в районе станции Липяги под Самарой стало ясно, что падение города неизбежно. Гашек сопровождает свой отряд на вокзал, но сам в эшелон, отправлявшийся на юго-восток, к Бузулуку, не садится. Он возвращается в город, по некоторым сведениям, для того, чтобы ликвидировать архив, который мог попасть в руки белогвардейцев. Затем, переодевшись, уходит на северо-восток, по направлению к Большой Каменке.

В роли полоумного сына немецкого колониста из Туркестана

«Полевой суд чехословацкого войска, Омск, 25 июля 1918. Ордер на арест № 203.

Полевой суд чехосл. войска на основе предложения общественного обвинителя нижеследующим выдает ордер на арест Ярослава Гашека, бывшего члена редакции журнала «Гумористицке листы» в Праге, бывшего добровольца 1-го чехословацкого полка имени Яна Гуса, редактора «Чехослована» в Киеве, члена редакции газеты социал-демократов (коммунистов) «Походень» («Факел») в Москве, организатора чехословацкого красноармейского отряда в Самаре, обвиняемого в многократной измене государственным интересам чехословацкой нации.

Всем участникам чехословацкого революционного движения строжайше приказывается арестовать Ярослава Гашека, где и когда бы он ни появился, и под усиленной охраной доставить в полевой суд чехословацкого войска.

Председатель полевого суда: Айзенбергер, собственноручно.

Следователь: Гесс т. р., собственноручно».

О том, что пережил Гашек с начала июня 1918 года, когда, переодетый, он покинул Самару, до сентября того же года, когда он добрался до занятого Красной Армией Симбирска, у нас нет сведений, за исключением

единственного упоминания в письме Салату-Петрлику^[104].

«От непоследовательности я избавился за 30 месяцев неустанной работы в коммунистической партии и на фронте, не считая небольшого приключения после того, как в 1918 году «братья» взяли штурмом Самару и мне два месяца пришлось играть роль слабоумного сына немецкого колониста из Туркестана, который в молодости ушел из дому и бродит по свету, чему верили и дошлые патрули чешских войск, прочесывавшие местность». Это упоминание не может охватить всего драматизма событий. Гашек опять переживал глубокое разочарование — его вера в революционность чехословацкого войска была развеяна. И теперь ему угрожает кровавая месть собственных земляков.

Как всегда, не видя выхода из создавшегося положения, он прибегает к шутовской маске. Скрывается в татарских деревнях под видом «полоумного сына немецкого го колониста из Туркестана». Теперь это уже не дадаистская выходка, а продуманная попытка избежать смертельной опасности. Гашек не мог выдавать себя за русского, он не настолько хорошо владел разговорным языком, произношение тоже сразу бы его выдало. Как чех он вызвал бы подозрения. Выгоднее всего было играть роль немецкого колониста. Под этой личиной Гашеку удалось обмануть встречавшиеся на пути легионерские патрули. Рассказывают такой случай. Однажды Гашек, переодетый крестьянином, ехал на подводе. Когда появился патруль, он быстро нагнулся и стал собирать намеренно рассыпанное под телегой зерно, чтобы чешские солдаты не могли разглядеть его лицо.

Существуют не вполне достоверные сведения, что Гашек работал в окрестностях Самары в подполье. По воспоминаниям Ольги Миненко-Орловской^[105], он якобы скрывался неподалеку от Самары в поселке Дачи, в

загородном доме бывшего преподавателя бузулукской гимназии Каноныкина, с которым познакомился, находясь в лагере военнопленных в Топком. Каноныкин будто бы уговорил деятеля бузулукской земской управы Миненко-Орловского взять Гашека в свою семью домашним учителем. Но пока велись переговоры с администрацией лагеря, Гашек уехал в Киев. С дочерью Миненко-Орловского Ольгой Гашек случайно познакомился в апреле 1918 года в редакции газеты «Солдат, рабочий и крестьянин». В трудное время она вызвалась помочь ему и укрывала на даче своего дяди Каноныкина — члена самарского правительства. Все это мало похоже на правду, как и утверждение, будто во время неожиданного прихода легионерского патруля Гашек играл под Швейка и посылал насмешливые приветы поручику Чечену^[106].

Важнейшим источником для освещения одного из самых загадочных периодов жизни Гашека становится литературный очерк, озаглавленный «Юбилейное воспоминание». Он был написан после возвращения на родину (мы судим об этом по почерку, который скорее всего принадлежит Клименту Штепанеку). Автор изображает свое бегство из Самары и появление в татарской деревне Большая Каменка Елховского уезда Самарской губернии. Текст рассказа очень важен, необходимо привести его целиком:

«Летом 1918 года в Самаре была создана армия контрреволюционного Учредительного собрания. Членов и лидеров его позднее, ближе к зиме, повесил или иным образом отправил на тот свет адмирал Колчак.

В Самарской губернии в ту пору колосилась пшеница и приближался сенокос. В самой Самаре трибуналы штамповали приговоры, по которым рабочих и работниц выводили из тюрьмы и расстреливали за кирпичным заводом. В городе и окрестностях рыскала контрразведка нового контрреволюционного

правительства, поддерживаемого купцами и чиновниками, снова повылезавшими из щелей и развлекавшимися доносами. В эти трудные минуты, когда мне на каждом шагу грозила смерть, я счел самым благоразумным двинуться на восток, в Большую Каменку. Там живет часть поволжской мордвы. Это народ добродушный и очень наивный... И вот, когда я улепетывал на северо-восток, по дороге меня догнал мордовский крестьянин.

— Куда путь держишь, мил человек? — окликнул он меня, останавливая телегу, доверху груженную кочанами капусты.

— Да так, — говорю я, — прогуливаюсь.

— И хорошо делаешь, — весьма решительно провозгласил мордвин. — Прогуливайся, голубок. В Самаре казаки народ режут. Садись-ка на воз, поедем дальше. Страшные дела творятся в Самаре. Везу это я на базар капусту, а навстречу Петр Романович, что из соседней Лукашевки. «Вертайсь, — говорит, — казаки на самарских дачах отбирают капусту. У меня все забрали, а соседа Дмитриевича порубали шашками. «Смилуйтесь, братцы, — кричал он им. — Как можно, православные, обирать людей на дороге. Мы везем товар на рынок!» А казаки ему: «Теперь наше право». Стащили его с подводы и зарубили. «Вот окаянный, — говорят, — видали мы таких. Поди, в сельском Совете служит».

Мордвин взглянул на меня, и по его глазам я понял: он совершенно убежден, что и я бегу из Самары.

— Та-а-ак, — протянул он. — Хорошую погоду выбрал ты для прогулки. Ну да что ж, промеж мордвы сховаешься, пока вся эта заваруха кончится. Народ натерпелся вдосталь, а нынче у нас свои поля да уголья. Только вот помещики да генералы сызнава хотят властвовать и драть с нашего брата шкуру. Перво-наперво кулаков остерегайся. Денька через два-три сюда заявятся разъезды оренбургских казачков. Наши

сказывали — их уже под Бузулуком видали, а с другой стороны войско на Ставрополь движется. Ночью пушки палили и зарево большое светилось. Ладно, давай-ка закурим, махорка у меня есть.

Он достал холщовый кисет с бумагой и махоркой, мы свернули сигарки, закурили и продолжали разговор.

— Из каких мест сам-то будешь? — спросил мордвин. — Издалече?

— Издалече, дяденька.

— И у вас тоже бои идут?

— У нас тишь да гладь.

— Оттого-то тебе там и наскучило. А тут выход один — бежать. Вот кабы удалось тебе перебраться на ту сторону Волги... Там ни генералов, ни помещиков, ни купцов. Большую силу там собирают против самарцев. Ты, голубок, не бойся, к вечеру доберемся до дому, я тебе одежонку дам мордовскую, обуешь лапти, а утречком отправишься в Большую Каменку. Прокормишься трудом да подаяньем... Всему помаленьку научишься, а потом опять как-нибудь к своим прибьешься.

Утром, когда я двинулся дальше, на северо-восток, никто бы меня не узнал. К полудню я добрал до какой-то татарской деревни, прошел ее, но за околицей меня догнал татарин и коротко спросил: «Бежишь?» После такого немногословного вступления он сунул мне в руку каравай хлеба и с напутствием «Салям алейкум!» повернул обратно. Примерно через полчаса догнал меня другой татарин из той же деревни и на невероятно ломаном русском языке предупредил, чтобы я не шел по дороге, а спустился к речке, а потом, у леса, поднялся бы вверх по берегу. И все повторял: «Казак, дорога, есть казак, коя барасын?»^[107] На прощанье он дал мне пачку махорки, коробок спичек и бумаги на самокрутки, добавив: «Татар бедная, генерала сволочь, генер кихнет». В пойме реки, на опушке рощи, я съел этот

каравай. В траве неподалеку от меня происходило то же, что в Самаре. Толстый муравей-солдат пожирал маленького муравьишку, еще минуту назад тащившего кусочек коры на коллективное строительство нового муравейника.

К вечеру я добрался до Большой Каменки, вошел в первую попавшуюся избу, поклонился висевшей в углу иконе, поздоровался с хозяевами и сел за стол. На столе стояла большая миска сальмы — картофельной похлебки с клецками из пшеничной муки и крошеным зеленым луком. Хозяйка принесла деревянную ложку, положила ее передо мной и предложила откусать вместе с ними. Хозяин пододвинул ко мне хлеб и нож. Поначалу никто меня ни о чем не спрашивал. Круглые добродушные лица мордвин не выражали особого любопытства. Когда мы наелись, хозяин сказал, что я буду спать на чердаке, и только после этого завязалась беседа. «Издамече?» — «Издамече, хозяин». — «Бежишь? Да, видать, бежишь, ни онучи толком закрутить не можешь, ни лапти по-нашему, по-мордовски, лыком подвязать. Сразу видать, голубок, из Самары бежишь. Кирпич делать умеешь?» Я на авось сказал, что умею...»

Рукопись обрывается посреди фразы. Бродяжий сюжет и на сей раз имеет автобиографическую подоплеку. Последняя фраза послужила вехой для исследователей. На основе ее было установлено, что гостеприимным хозяином, приютившим Гашека, был Яков Федорович Дорогойченков, сельский писарь, ведавший строительством школы и нанимавший рабочих для обжига кирпича. В Большую Каменку Гашек скорее всего направился по совету его сына, с которым познакомился в Самаре, в редакции газеты.

Судьба, как пылинку, занесла его на необозримые просторы России, и он затерялся в многомиллионной человеческой массе.

«Красная Европа»

Благополучно завершив самое опасное свое странствие, во время которого ему на каждом шагу угрожала смерть, Гашек добрался до Симбирска, занятого 12 сентября Красной Армией, и явился в политотдел Реввоенсовета Восточного фронта. Сначала его задержали и посадили под арест по подозрению в шпионаже, в лицо его здесь никто не знал, о его деятельности в Самаре дошли только самые скудные сведения. Но благодаря заступничеству чешских красноармейцев, поручившихся за Гашека, он был отпущен. Председатель Реввоенсовета Каюров^[108] дал ему для проверки ответственное задание.

Он послал Гашека в Бугульму, в распоряжение коменданта города Широкова. Тогда не было известно, освобождена Бугульма или еще находится в руках белых. Только 16 октября, в день отъезда Гашека из Симбирска, пришло донесение о взятии города.

Описывая впоследствии это полное приключений путешествие, Гашек рассказывает, что его сопровождала группа чувашей. Чтобы миновать фронт, они выбрали окольный путь: сначала плыли пароходом по Волге, потом по Каме до Чистополя. Оттуда на утопавших в осенней грязи подводах через башкирские деревни доехали до Бугульмы.

Прямые сведения о деятельности Гашека в Бугульме немногочисленны. (Недавно появились интересные воспоминания И. Ф. Риманова.^[109]) В архивах имя Гашека упоминается с того момента, когда при исполнении своих обязанностей он установил контакт с политическими органами оперировавшей в этих местах 26-й дивизии 5-й армии. Политотдел дивизии заинтересовался инициативным работником. Сначала

был послан запрос в ЦК Чехословацкой коммунистической партии в России. Ответ был лаконичен: «Товарищ Гашек выступил в марте из чешского корпуса. С тех пор поддерживал связь с партийными учреждениями. После занятия чехословаками Самары судьба его неизвестна. За ЦК Чехословацкой коммунистической партии Гандлирж».

На следующий же день после получения этого ответа Гашек был официально утвержден в должности помощника коменданта города Бугульмы. В конце декабря он становится сотрудником политотдела 5-й армии и работает во фронтовом штабе 26-й дивизии.

В начале нового, 1919 года, когда Красная Армия взяла Уфу, Реввоенсовет вместе с политотделом 5-й армии решил издавать большую ежедневную красноармейскую газету, которая получила название «Наш путь». Нужно было подыскать способных людей. Тут кто-то вспомнил, что в политотделе работает чешский журналист. «Товарищу Гашеку» предложили стать сотрудником газеты. Писатель, давно соскучившийся по запаху типографской краски, принялся за дело с необычайным рвением. Он взял на себя руководство типографией и добился того, что уже 11 января 1919 года вышел первый номер новой газеты.

Гашека несколько смущало, достаточно ли хорошо владеет он русским языком и стилем для серьезной публицистической деятельности. Но главный редактор газеты Василий Сорокин^[110] пообещал править все его статьи. Поэтому уже в третьем номере появляется фельетон «Из дневника уфимского буржуя», где карикатурно воспроизводится образ мыслей русского реакционера. Характерно, что первой мишенью Гашека оказался мещанин, натуру которого он хорошо узнал еще в Чехии. В других статьях, сатирах и фельетонах, опубликованных в той же газете, писатель касается стратегической ситуации на фронте, международной

политики, высмеивает корыстолюбие и трусость церковных сановников, неустойчивость «настроений» белогвардейцев. Хотя в этих печатных материалах он не мог полностью проявить свой талант, его фронтовая публицистика отличается свежестью, ясностью взгляда, умением просто объяснить сложную политическую проблему.

Все это тем более ценно, что при широкой организаторской деятельности у Гашека оставалось очень мало времени для работы над текстом. Он не удовлетворяется пропагандой принципов, стремится обеспечить и материально-техническую сторону издания. В архиве политотдела мы находим запись выступления Гашека, в которой тот обосновывает необходимость проведенной им реквизиции частной типографии Ицковича.

Русская революция переживала критический момент. В марте 1919 года под натиском Колчака Красная Армия оставляет Уфу. Рассказывают, что Гашек стоял у саней, на которые грузилось оборудование типографии, и покинул Уфу одним из последних. Это было напряженное время. По свидетельству второй жены писателя Александры Львовой, в лагере военнопленных, под который были отведены большие казармы у вокзала, вспыхнула эпидемия тифа и быстро распространилась по городу. Дорогой заболел и Гашек. Типография, размещенная в железнодорожном вагоне, отправлена в Белебей, армия отступает к Бузулуку. За ее продвижением следят разведывательные самолеты колчаковцев. Типография, которую переводят все ближе к Самаре, оторвалась от армии. «Наш путь» перестал выходить. А Гашек тем временем постепенно выздоравливал.

К концу апреля началось контрнаступление, типография опять присоединилась к армии. Газета стала выходить под новым заголовком — «Красный стрелок»,

поскольку старое название было дискредитировано отступлением. Свежеотпечатанные номера газеты разбрасываются вдоль железнодорожного полотна, чтобы их могли прочесть наступающие красноармейцы.

В июне 1919 года типография вновь разместилась в своем прежнем здании в Уфе. Когда Красная Армия взяла город впервые, к буржуазным слоям населения относились не слишком строго. Теперь, после пережитых испытаний и разгула белого террора, были приняты ответные меры: экспроприировалось имущество, контрреволюционные элементы препровождались в бывшие лагеря для военнопленных, действовали трибуналы.

Гашек со своим другом немцем Брауном тоже участвует в этих акциях. Но по возможности старается избегать крайних мер.

В тот период писатель выглядел бодро и был совершенно здоров. Бросил пить.

Став партийным секретарем ячейки РКП (б) при полевой военной типографии, Гашек проявляет такие черты характера, которые ранее оставались в тени: революционную смелость, чувство ответственности. Его оценки отдельных работников и их морального облика отличаются принципиальностью. Еще ранее в открытом письме в редакцию газеты «Наш путь» он резко критикует поведение некоего Кобусова, уполномоченного полиграфического отдела в Уфе, который в пьяном виде разъезжал по улицам города и кричал: «Вот как комиссар гуляет!» В этом же письме Гашек отмечает, что в полиграфическом отделе на ответственные должности пролезли бывшие эксплуататоры и их прислужники, которые никогда не были друзьями рабочих и, в частности, печатников.

Много времени и энергии писатель уделяет агитационной работе среди иностранцев, заброшенных войной в глубь России, — немецких, венгерских и

чешских военнопленных, перебежчиков из чехословацкого корпуса. Он оказался человеком, в высшей степени подходящим для этого дела: поражал окружающих знаниями и широтой кругозора; хорошо разбирался в психологии разных общественных слоев, в свойствах национального характера. Не последнюю роль при этом играли его блестящая память и языковые способности. Он говорил по-русски, по-польски, по-немецки, по-венгерски. Рассказывают, будто позднее он научился говорить по-башкирски и усвоил несколько китайских слов, которые вставлял в свои выступления, что всегда приносило ему успех среди китайских добровольцев.

Особенно популярны были так называемые митинги-концерты, то есть лекции, сопровождаемые концертной программой. На этих митингах Гашек выступает с докладами на такие темы, как «Политическое положение в Европе», «Лига народов или III Интернационал?», «Победа на Востоке освободит Запад» и т. д., стремясь привлечь иностранцев, оказавшихся в России, к идее мировой революции.

Вскоре его агитационная и пропагандистская работа обретает военно-организаторский характер. Из бывших военнопленных создаются новые части Красной Армии. Поэтому организация коммунистов-иностранцев была прикреплена к политотделу 5-й армии. Ярослав Гашек, который выступал от имени Австро-Венгерского Совета рабочих и крестьянских депутатов и был ведущим представителем большевистской ячейки, назначается начальником иностранной секции политотдела. Он редактирует газеты «Sturm — Roham» («Буря» — по-немецки и по-венгерски), «Weltrevolution» («Всемирная революция». — нем.).

Для русской революции настали трудные дни. В поддержку белогвардейских сил выступили западные и японские интервенты. В экономике царила разруха.

Большевики жили надеждой на пролетарскую революцию в странах Западной Европы. Господствовало убеждение, что русская революция скоро превратится в мировую.

Политические взгляды Гашека находят наиболее полное выражение в концепции Красной Европы. «Красной Европой» называлась и газета, которую он основывает как секретарь комитета коммунистов-иностранцев в марте 1919 года, в канун возникновения Третьего Интернационала. «Красная Европа» — для Гашека конечная цель гражданской войны. В передовой статье к первому номеру этой газеты он пишет: «...мы будем счастливы, если своей деятельностью принесем лепту к созданию Красной Европы, Федераций социалистических советских республик»^[111]. А в другой статье провозглашает: «Недалек день, когда везде в Европе и во всем мире будут предательские и соглашательские правительства уничтожены и восторжествует власть трудящихся над капиталистами, помещиками, кулаками, купцами и банкирами.

Это власть Советская, неограниченная диктатура пролетариата.

На место власти соглашательской, поддерживавшей выгоды буржуазии, в Красной Европе, в Германии, и Австрии, в Венгрии, в Чехии, в Италии, в Югославии, во Франции и в Англии будет только одна власть — власть рабочего и крестьянина, власть бедноты, живущей своим собственным трудом». Гашек очень живо реагирует на социальный кризис в Европе. Так, после провозглашения Венгерской советской республики он в роли уполномоченного Австро-Венгерского Совета мобилизует граждан венгерской национальности на помощь революции. Писатель не упускает из виду и положения в Чехословацкой республике. В воззвании «Всем иностранцам, возвращающимся на родину» он подчеркивает, что «революция, уничтожившая в Австро-

Венгрии и в Германии старые, прогнившие монархические порядки, — лишь первый этап освободительного движения. На обломках рухнувших империй созданы Венгерская, Австрийская, Немецкая и Чехословацкая республики, однако народы, собственной кровью заплатившие за свободу своих стран, не получили в них власти. Молодыми республиками распоряжаются промышленники, торговцы, финансисты и люди, подкупленные буржуазией, предатели социализма и лакеи богачей. Правительства этих республик боятся революционного пролетариата».

С расширением общего кругозора изменяется и взгляд Гашека на войну. Раньше он видел в ней лишь толчок, который приведет к падению абсолютистских империй и свержению деспотических режимов. Теперь эта цель для него — только фаза исторического процесса: «Мы знаем две эпохи в истории, когда рабочий и крестьянин к ружьям привинчивали штыки.

Первая эпоха — это когда их гнали на всемирную бойню, чтобы для буржуазии своей страны завоевывать чужие рынки.

Им приказывали палачи взять винтовку в руки ради промышленной конкуренции фабрикантов.

Вторая эпоха — это когда рабочий и крестьянин взяли винтовку, чтобы освободить себя от палачей, они создали Красную Армию, боевой орган для защиты пролетариата всего мира».

Под влиянием ленинской оценки войны Гашек изменяет свой взгляд на роль чехословацкого корпуса, а Масарика, которого раньше считал вождем чешского сопротивления, теперь в одной из красноармейских статей называет «лидером чехословацких контрреволюционеров».

В период пребывания в Иркутске Гашек еще успел увидеть полный крах пресловутого легионерского «анабасиса». Разочарованные, деморализованные

отряды, начинающие догадываться о нечестной игре, которую с ними вели, отказываются подчиняться офицерам и встречают их оскорбительными выкриками: «Долой!» Интересен диагноз положения в чехословацком корпусе, который Гашек ставит в статье «Чешский вопрос»: «Сдвиг этих солдатских масс влево, разоблачения империалистической политики союзников наводнили экстренные поезда линии Иркутск — Чита — Владивосток политическими и военными представителями Чехословацкой республики. Удирали перед большевиками и перед своими солдатами. Бежали от красной грозы. Им стало уже невозможно появляться перед обманутыми своими земляками. Перепугались тел расстрелянных ими когда-то чешских коммунистов от Пензы и Самары до Владивостока. Чешские войска заключили договор с Советской Россией. Их борьба за Учредительное собрание кончается в эшелонах, в которых они пробираются в порт Владивосток».

По долгу службы Гашек продолжает вести интернационалистскую пропаганду. В лекции «Лига убийц» он вскрывает неприглядную роль Лиги наций, говорит о значении Октябрьской революции для западноевропейского пролетариата и т. п. О знакомстве с историей революционного движения свидетельствует доклад «Парижская коммуна», об осведомленности в международной проблематике — речь «О международном значении венгерских Советов», выступление на митинге польской интернациональной бригады, речь «О вмешательстве империалистов во внутренние дела Советской России» и т. п. Осенью 1920 года он даже выступает на тему «Китай и советская революция».

Как пропагандиста его посылают на курсы политотдела. Об этом он упоминает в письме Салату-Петрлику: «Если в начале этого письма я сообщал, что в понедельник читаю лекции там-то и там-то, так это дело

само собой разумеющееся, ведь доклады или выступления на собраниях для меня теперь нечто повседневное, обычное, так же как работа в разных комиссиях, куда меня выбирали на протяжении двух лет». Пропагандистский характер носят и статьи Гашека, опубликованные в красноармейских газетах. Нужно признать, что они в общем-то не поднимаются выше обычного среднего уровня агитационной публицистики и в большинстве своем продиктованы конкретными обстоятельствами. Самым потрясающим из событий, заставивших Гашека взяться за перо, было убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. «Каждый рабочий и крестьянин знает, что эти два выстрела — символ атаки международной буржуазии на революционный пролетариат и что нельзя тратить время, рисковать еще жизнью других работников Великой Революции Труда и что надо сразу покончить с буржуазией. Эти два выстрела — сигнал к нашему наступлению на всех фронтах пролетарской революции, сигнал к беспощадной борьбе внутри страны с контрреволюцией». В Красной Армии он видит инструмент пролетарской диктатуры, защитницу справедливых социальных требований народа: «Красная Армия, как представитель вооруженного пролетариата, есть надежда всех западноевропейских трудящихся масс.

Победа Красной Армии есть победа пролетариата над буржуазией в мировом масштабе, так как побежденной является не только буржуазия на российской территории».

Судя по докладам и статьям, которые мы находим в военных и гражданских советских газетах, издававшихся в Уфе, Омске, Красноярске, Иркутске, его убеждения, в которых раньше на первый план выступала критика соглашательского, мелкобуржуазного характера чехословацкого

национального движения, теперь проникнуты глубоким пониманием идеи диктатуры пролетариата. В докладе «Парижская коммуна», прочитанном в клубе II Интернационала, в качестве причины поражения Парижской коммуны он называет «неорганизованность коммунаров, отсутствие партийной дисциплины, неумелое руководство обороной Парижа, мягкость коммунаров по отношению к буржуазии и др.».

Для многих друзей Гашека оставалось загадкой, как мог мягкий по характеру, беззаботный юморист и человек богемы превратиться в сознающего всю меру своей ответственности революционера. И все же в этом есть определенная логика. В русской революции Гашек видел единственный путь для освобождения миллионов обездоленных. Симпатии писателя к русскому революционному движению коренятся во всем его прежнем личном опыте.

Немалую роль в процессе превращения богемного весельчака в революционера сыграло оказанное ему доверие. В Сибири была страшная нехватка революционной интеллигенции, а представить себе армейскую типографию без образованного и способного руководителя невозможно. Революционная работа была для Гашека вознаграждением за годы обид и недооценки. К нему возвращается уверенность в себе, сознание собственного достоинства. Он чувствует, что нужен людям. Безоговорочно сливается с массой, с коллективом. Это опять-таки доказывает необычайную последовательность его характера.

Большевицкий комиссар

25 февраля 1920 года социал-демократическая газета «Право лиду» опубликовала сенсационное сообщение: «Писатель Ярослав Гашек жив! Как мы узнали от недавно вернувшегося из России товарища, Ярослав Гашек, автор «Бравого солдата Швейка» и других потешных повествований, не лишенных оригинальности и даже остроумия, который считался мертвым, жив и здоров. Он обосновался в Челябинске на Урале и ведет там добропорядочный образ жизни профессионального служащего. Члены местного Совета уважают его за старательность и ценят в нем хорошего товарища и социалиста. Вечером после работы Гашек возвращается в свою квартиру, и русские обижаются, что он редко бывает в их компании, ибо Ярослав Гашек принципиально не посещает трактиров. Товарищ, от которого мы получили информацию, утверждает, что не мог даже узнать в нем бывшего представителя пражской богемы, завсегдатая ночных заведений, где он за чашкой черного кофе писал самые удачные свои юморески, если вообще в этот момент не отдавал предпочтение шуткам и забаве. Сейчас Гашека считают в Челябинске скучным домоседом. Вот только бы наши патриотические газеты опять не набросились на него за нынешнюю принадлежность к большевикам».

В Челябинск Гашек попадает с Пятой Красной армией, которая в 1919 году начала победоносное наступление против Колчака. Он душа всех газет интернациональной секции. Тогдашняя армейская служба проходила в напряженной обстановке, изобиловала неожиданностями. Гашек самоотверженно переносил все тяготы и быстро находил выход из трудного положения. В типографии гаснет свет...

Берется большая картофелина, в ней выскабливается углубление, туда наливают растительного масла, опускают фитиль — и освещение готово! Он добывает паек для жен и детей печатников. Посылает агитаторов, чтобы противодействовать социал-оппортунистическому влиянию на иностранцев, находящихся в России. Комиссар Гашек просит разрешения организовать в Челябинске секретный отдел для борьбы со шпионами из рядов чехословацкого корпуса и сам работает по заданиям Чека, Он формирует также из иностранцев части Красной Армии. Однажды, вернувшись домой, рассказал даже, что имеет дело с турками. В Красной Армии теперь будет турецкая часть, ибо ему удалось сагитировать группу турецких военнопленных.

В Омске и Красноярске, которые 5-я армия заняла весной 1920 года, авторитет и популярность Гашека в советской среде продолжают расти. Он избирается секретарем партийной ячейки штаба 5-й армии. Председательствует на собрании, где решается вопрос об использовании частей Красной Армии для мирного труда по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Одновременно он руководит деятельностью интернационального отделения — весьма обширной, как видно из написанных его рукой ежемесячных отчетов. Отделение печатало листовки, вело агитационную работу, издавало по-русски, по-немецки и по-венгерски газеты «Всемирная революция», «Известия иностранной секции» и т. д.

Инструктируются возвращающиеся на родину военнопленные. С этой целью издаются листовки, воззвания, брошюры, собирается и передается в вышестоящие органы информация. Сознание, что пламя революционного движения ширится по всей Европе и уже охватило Венгрию, Финляндию, Баварию, Чехословакию, помогало русским революционерам преодолевать лишения, которые выпали на их долю в

период иностранной интервенции. К годовщине провозглашения в Венгрии Советской власти была поставлена пьеса «Домой на родину!», в создании которой принял участие и Ярослав Гашек. Судя по заметке в газете «Красноярский рабочий», действие этого агитационного спектакля таково. Политически отсталый военнопленный Лайош возвращается домой. За время войны он ничему не научился и думает, что дома все найдет таким же, как было прежде. Однако его ждет разочарование. Жена убита в 1917 году во время голодного бунта. Дети умерли, а его скромная лавочка разграблена. Об этом рассказывает Лайошу старая тетка, полная предрассудков и иллюзий буржуазного мира. Брат Лайоша Ференц за время войны превратился в сознательного революционного рабочего. Стал подпольщиком. Пьеса кончается изображением победы венгерской реакции. Полиция арестовывает и сажает в тюрьму Ференца, а заодно и Лайоша, поскольку тот вернулся из большевистской России. После освобождения из тюрьмы Лайош в порыве ярости убивает оскорбившего его буржуя. Несмотря на серьезное содержание, в пьесе были и сатирические моменты.

Каждодневная работа требовала от Гашека большого напряжения, и времени для литературного творчества почти не оставалось. Несколько раз он упоминал о намерении написать военный роман, но никаких документальных следов работы над ним не сохранилось. Собирался написать книгу о попах. После возвращения в Чехословакию якобы рассказывал о ней своей жене Ярмиле, однако и это произведение до сих пор не найдено. Гордость Гашека газета «Sturm — Roham», поглощавшая все его творческие силы, вероятно, тоже навсегда утрачена^[112]. Бывший работник политотдела 5-й армии сообщил Карелу Крейбиху^[113], автору статьи, затрагивающей этот период жизни

Гашека, интересные сведения: «Мы познакомились с Гашеком в теплушке; он не вполне хорошо говорил по-русски, но с остротами в стиле русского народного юмора. В его обществе много говорилось о еде; больше всего и весьма многословно он восхвалял гуляш. Он делал гуляш из гусей, которых мы купили па одной станции. Чтобы сохранить их свежими и холодными, мы подвесили их внизу вагона, так как была зима. Когда они исчезли, все шутя уверяли, что Гашек их украл, чтобы тайком приготовить гуляш, В Красноярске я жил с ним в одном доме (...). Насколько я наблюдал и знал, он работал хорошо. В области теории тогда ведь немного требовалось. Он не был марксистом или коммунистом в теоретическом смысле, но это был сознательный революционер. О роли нашей революции он имел правильное представление и хорошо знал, какому делу он служит (...). Несмотря на свою полноту, он был очень подвижен. Пожалуй, его живой темперамент и вовлек его в революцию. По моему впечатлению, он к своей работе относился добросовестно».

Другой свидетель рассказывает о многообразной деятельности Гашека: «Гашек заведовал тогда подотделом нацменьшинств... Он руководил целым штабом инструкторов, организовывал собрания, писал листовки и издавал (...) на разных языках газеты. Позднее (...) в Иркутске к этому прибавилась еще газета на бурят-монгольском языке.

Это была политически трудная и ответственная работа...» Тот же свидетель сообщает характеристику, которую дал Гашеку тогдашний начальник политотдела 5-й армии: «Старательный, надежный и действительно неплохой политический работник...» (Кстати, по словам этого свидетеля, Гашек и при нем упоминал о том, что хочет создать военный роман, в котором собирается описать эволюцию австро-венгерского солдата от «серой скотинки» до красноармейца.)

Комиссар Гашек относился к своим обязанностям с исключительной ответственностью и серьезностью. Но все, кто с ним встречался в то время, когда он был работником политотдела, подтверждают, что и в ту пору ему не изменяло чувство юмора. Писатель Мате Залка рисует свою встречу с ним так: «С Ярославом Хашеком я познакомился на собрании политработников, комиссаров и командиров интернациональных частей V Красной Армии после взятия Красноярска».

Хашек был членом редколлегии армейского интернационального органа «Штурм», и, если память мне не изменяет, он же был начальником нацменсектора политотдела в V армии.

Я обратил на него внимание, как и все остальные, ибо в присутствии Хашека мрачным оставаться было невозможно. Он рассказывал, а мы, кругом стоящие, улыбались, смеялись, хохотали или просто ржали, надрываясь от смеха.

Разговор Хашека — сплошной поток остроумнейших положений. Его стихией была, несомненно, журналистика, он метко и быстро формулировал — делал это внешне спокойно, чем еще более подчеркивал действенность его фраз.

Не помню хорошо, кого он тогда задевал этими беседами, я только помню, что я спросил кого-то — кто этот шутник? Мне ответили: это Хашек.

— Да, наши умники повоевали для Клемансо, Масарика, Колчака и голландских молочных ферм... а теперь у них появился проблеск ума... они хотят с нами вести мирные переговоры... сейчас, когда они уже битые...

Это было в январе 1920 года, когда чешские части арьергарда отступающих белых выкинули красный флаг и отказались далее подчиняться своим офицерам».

К слабым и побежденным Гашек был по-человечески великодушен. Особенно это проявляется в отношении к

бывшим товарищам по легиону, которым он не раз помогал. С. М. Бирюков вспоминает:

«Когда в трибунал попадали бывшие легионеры, мы вызывали Гашека. Он с удивительным чутьем умел отделять людей ошибающихся, тот сырой материал, как он говорил, который поддается «обработке», от матерых, неисправимых врагов революции, часто прикидывающихся овечками и прячущих свои волчьи клыки».

Большевистский комиссар Гашек постоянно задает себе вопрос, как отнесется чешский народ к мировой революции. И тут им овладевает прежний скепсис. Он вспоминал свой довоенный опыт и высказывал опасение, что старая традиция застольных обществ, решения всех проблем за кружкой пива, характерная для политической жизни Чехии, поглотит и революционное движение. Прекрасно зная мелкотравчатость отечественной политической среды, эгоизм чешского мещанина, писатель не надеялся когда-нибудь вернуться на родину. Не мог он и обмануть доверие, которое ему было оказано в России. И решил, что останется здесь навсегда.

Весной 1920 года Гашек женится на русской девушке Александре Львовой, работнице типографии, с которой он познакомился в Уфе. Александра Львова жила там с матерью. В их доме комиссар Гашек обрел семейный уют. 15 мая 1920 года в присутствии свидетеля — немецкого коммуниста Брауна — он официально зарегистрировал свой брак в городском Совете Красноярска. Желая покончить с прошлым и намереваясь начать в России новую жизнь, он заявил, что холост.

В своей тогдашней деятельности, как мы узнаём из интервью, опубликованного в газете «Красноярский рабочий», Гашек по-прежнему руководствуется идеей Красной Европы. В этом интервью он говорит о

революционном настроении примерно 400 тысяч бывших военнопленных, которые находятся еще на территории России и по возвращении домой могут стать важным резервом пролетарской революции. Напоминает, что чехословацкое правительство боится не только возвращающихся военнопленных, но и собственных войск — чехословацкого корпуса, так как информировано об их «плохом настроении» и видит в них «красную угрозу». Основываясь на новейших сообщениях, Гашек рассказывает о создании в Кладно первой Чешской советской республики^[114], с которой буржуазия просто не знает, что делать.

Несмотря на довольно благоприятные известия о положении в Чехословакии, Гашек не выказывал желания вернуться на родину. Может быть, он боится преследований, может, не хочет встречаться с бывшими легионерами, а возможно, просто избегает личных осложнений. Ведь со своей первой женой Ярмилой он не развелся.

С начала июня 1920 года Гашек живет в Иркутске. Он часто бывает хмур, задумчив. Выглядит старше своих лет. Носил он тогда старую, мешковато сидевшую гимнастерку. Штаб 5-й армии разместился в гостинице «Модерн» на Большой улице. Комиссар Гашек жил неподалеку, в домике на берегу реки Ангары, где находился агитотдел. После отъезда большинства военнопленных европейцев интернациональное отделение сибирской армии развернуло работу среди представителей азиатских народов. В это время Гашек изучает китайский язык и собирается издавать газету для красноармейцев-китайцев. В газете «Власть труда» он публикует заметку о работе среди китайских коммунистов и сообщает, что будет издавать для них еженедельник. Выступает он а на собрании китайских граждан города Иркутска.

Части 30-й и 35-й дивизий были расквартированы в разных местах, и Гашек непрестанно куда-нибудь ездил на собрания. В свободные минуты ходил рыбачить на Чертово озеро. Обычно он сидел в одиночестве, расстегнув воротник гимнастерки, и мурлыкал себе под нос чешские песенки.

Рука судьбы вновь вмешалась в его жизнь. Весной 1920 года о его работе узнали чешские коммунисты в Москве, члены Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б). В мае при участии двух членов делегации из Чехословакии д-ра Богумира Шмералья^[115] и Ивана Ольбрахта^[116] Бюро издало директиву о мобилизации всех чехословацких коммунистов на территории Советской России. Всем чешским и словацким коммунистам, занимающим различные посты, предписывалось немедленно вернуться на родину. (Шмераль был первым, кто привез в Прагу подробное сообщение о революционной деятельности Гашека в Сибири.) В июне 1920 года Центральное чехословацкое бюро предприняло первые шаги, чтобы отозвать его из Сибири в Москву. Из записи в протоколе явствует, что Бюро ознакомилось с газетой «Sturm — Roham» и весьма положительно оценило ее. Гашек должен был стать редактором газет и брошюр, издававшихся Центральным бюро под руководством Салата-Петрлика. Кроме того, предполагалось, что он будет членом комиссии по набору коммунистов для революционной работы в Чехословакии.

В это время Гашек получает личное письмо от председателя московского Центрального бюро Салата-Петрлика. В нем упоминались инсинуации чехословацкой буржуазной печати, заявлявшей, что-де Гашек «примазался к большевикам». В ответном письме Салату-Петрлику, датированном 17 сентября, Гашек возмущенно опровергает клевету, ссылаясь на работу, сделанную им в интересах революции. «Путь от

Симбирска до Иркутска с армией, где на моих плечах лежал груз различных важных партийных и административных заданий, представляет собой наилучший материал для полемики с чешской буржуазией, которая, как ты пишешь, утверждает, будто я примазался к большевикам. Сама-то она не может обойтись без идеологии, заключенной в слове «примазаться». Она пыталась примазаться к Австрии, затем к царю, потом примазалась к французскому и английскому капиталу и к товарищу Тусару^[117]. Что касается последнего, то тут весьма трудно решить, кто к кому примазался. Да здравствуют политические спекулянты!» И далее он пишет: «Если я поеду в Чехию, то не затем, чтобы посмотреть на выметенные пражские улицы или убедиться, пишут ли еще газеты, будто я примазался к коммунизму. Я приеду туда для того, чтобы намылить шею всему прославленному чешскому правительству, и сделаю это с энергией, к которой привык за годы боев нашей Пятой армии с сибирской реакцией покойного адмирала».^[118]

Однако попытка вызвать Ярослава Гашека в Москву натолкнулась на сопротивление сибирских органов. Они отказываются освободить его от занимаемых постов и лишь делегируют в Дальневосточное чехословацкое бюро агитации и пропаганды при Иркутском губкоме РКП (б) — филиал Центрального бюро в Москве.

Обстановка в Чехословакии накалялась. Центральное бюро вместе с членами чехословацкой делегации на II конгрессе III Интернационала, возглавляемой Антонином Запотоцким^[119], обратилось в ЦК РКП (б) с просьбой об освобождении чешских коммунистов от возложенных на них обязанностей. Вопрос о Гашеке еще раз обсуждается на заседании Центрального бюро 2 октября 1920 года (там же был заслушан доклад о положении в Чехословакии и в особенности о развитии революционного движения в

Кладно). Вероятно, по личному предложению Б. Гулы, члена делегации и бывшего редактора «Чехослована», было принято постановление, что «товарищ Гашек должен быть немедленно направлен из Иркутска в Кладно». До последней минуты Гашек продолжает работу в политотделе армии. Становится ответственным редактором «Вестника Поарма 5», в котором публикуются приказы и сообщения армейского политотдела, а в период с 7 по 13 октября замещает начальника политотдела.

В эту пору он часто бывал задумчив, утратил присущую ему стихийную веселость. Обрадованный вниманием ведущих деятелей чешского коммунистического движения, в письме Салату он выразил согласие вернуться на родину, но чем больше об этом размышляет, тем меньше верит, что в Чехословакии может произойти такая же революция, как в России. «Он говорил, — вспоминает Александра Львова, — что у чехов голубиный характер и что каждый из них привык думать лишь о себе... Мы подолгу гуляем в окрестностях Иркутска. Ярослав все время раздумывает — ехать ему или не ехать. Грустно улыбается и твердит, что в Чехословакии другая ситуация, что там ему будет трудней, чем здесь».

Краевое бюро в Иркутске на требование освободить Ярослава Гашека от исполняемых обязанностей сначала ответило отказом. Поэтому Центральное бюро обращается к местным органам с новой просьбой безотлагательно отпустить Гашека: «Мы уже несколько раз требовали... Гашека через ЦК и Реввоенсовет, не может поэтому быть никаких предлогов для вашего оставания на месте. Нужно за границей, в Чехословакии, доказать преданность революции и коммунизму».

А на родине Гашека назревает политический кризис. Происходит раскол в социал-демократической партии, большинство членов склоняется на сторону

революционного, левого крыла. Центральное бюро больше не хочет ждать. 19 октября по указанию ЦК РКП (б) Гашека освобождают от всех обязанностей, и 24 октября он вместе с Шурой выезжает в Москву. Три дня они провели у родственников в Уфе. Железнодорожное движение было нерегулярным, на некоторых станциях приходилось ждать отправки по нескольку дней. В Москву они прибыли только 27 ноября.

Как коммунист с теоретической подготовкой Гашек не посещает в Москве политических курсов для возвращающихся на родину эмигрантов. В анкетной графе: «В какое место Чехословакии желаете ехать?» — пишет: «Куда требуют». В уголке анкеты, заполненной им перед отъездом, сделана приписка о том, что по решению Коминтерна он командирован в Кладно. Гашека снабдили деньгами на самые насущные нужды, пропагандистскими материалами и через Нарву, Балтийское море и Гданьск отправили в Чехословакию. В Прагу он приехал 19 декабря 1920 года.

Возвращение

Тот, кто, читая газету, не пропускает и рубрику «Вести по нашей стране», в утреннем выпуске «Трибуны» от 20 декабря 1920 года мог обратить внимание на заметку: «Ярослав Гашек снова в Праге. Вчера посетителей кафе «Унион» ожидал большой сюрприз; откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба, после пятилетнего пребывания в России сюда появился Ярослав Гашек... Если кому-либо из широкой публики неизвестно, кто такой Ярослав Гашек, объяснить это в нескольких словах нелегко. Впрочем, наше сообщение предназначено для его друзей».

Возвращение популярного представителя пражской богемы и таинственного «большевистского комиссара» привлекло внимание не только друзей, но и врагов Гашека. «Народный комиссар Гашек, — пишет вскоре газета «Час», — вернувшийся из России с новой женой, в настоящее время старательно изучает республиканскую Прагу. За распространение коммунистических идей он пока что взялся довольно странным способом. Окруженный старыми знакомыми, с которыми некогда основал партию умеренного прогресса в рамках закона, а теперь, спустя несколько лет, встретился в любимом кафе, он продает брошюры и автографы, пользующиеся, как говорят, большим спросом. На днях — по сообщению одной пражской газеты — юморист-коммунист Гашек якобы стал членом Армии спасения. Подобно храброму солдату Швейку, он начал деятельность в ее рядах с того, что носит транспаранты во время уличных шествий. Очевидно, комиссарство так вошло в плоть и кровь народного комиссара Гашека, что он не может обойтись без армии. Жаль, его кладненская гвардия разбежалась. Вот он и старается оседлать, хоть и не

слишком ловко — задом наперед — новую комиссарскую белую кобылу».

Намеки, содержащиеся в статейке, имеют собственно, характер утонченного фискальства, они затрагивают самые уязвимые места Гашека. Замечание о том, что он вернулся из России «с новой женой», — прямой донос. Не лишен скрытого смысла и намек на «кладненскую гвардию».

С расколом социал-демократической партии осенью 1920 года политический кризис в Чехословакии достиг высшей точки. После отставки социал-демократических министров было сформировано чиновничье правительство во главе с бывшим шефом моравского наместничества Черным. Левое социал-демократическое большинство заняло здание Народного дома на Гибернской улице, где находилась партийная типография. Но полиция поддержала формальные права старого оппортунистического руководства, помогла ему вернуть Народный дом, а 9 декабря разогнала массовую демонстрацию против этих незаконных действий.

Чешский пролетариат ответил на акт насилия генеральной забастовкой. Во многих местах рабочие заняли заводы, батраки захватывали богатые поместья, в городе Кладно возникла «советская республика». Президент и правительство отказались вести с левыми социал-демократами переговоры, пока не прекратится забастовка, а затем движение было подавлено силой. Во время расстрелов рабочих демонстраций 13 человек было убито. Около 3 тысяч человек брошено в тюрьмы. Многие левые руководители оказались за решеткой.

В период политических битв, решивших вопрос о дальнейшей судьбе республики, Гашек, только что вернувшийся из эмиграции, содержался в карантинном лагере в Пардубицах. Как только его выпустили, он, горя нетерпением, сел в первый же скорый поезд, отходивший в Прагу. Когда стал вырисовываться силуэт

города, растроганный Гашек начал что-то взволнованно объяснять своей подруге. Вскочил, принялся нервно расхаживать по купе. Говорил он с ней по-русски, не замечая внимания, которое возбуждал этим у спутников.

На пражском вокзале странная пара вышла. На Гашеке была каракулевая шапка, длинное темное зимнее пальто, валенки серого цвета.

Кто-то посоветовал им поселиться в отеле «Нептун» в садах Челаковского, близ Национального музея. Затем Гашек сел в фиакр и отправился выяснять «обстановку». Он узнавал улицы и дома, всей грудью вдыхал атмосферу республиканской Праги, точно пытаюсь наверстать упущенное. Рассказывают, будто на бывшем проспекте Фердинанда он радостно воскликнул: «Нага Национальный проспект!» Фиакр остановился перед кафе «Унион», где Гашека ожидала торжественная встреча. Но приветствовали здесь лишь довоенного короля богемы.

Для возвращения красного комиссара момент был самый неподходящий, правительство, ободренное победой, готовило чудовищный провокационный процесс, в частности, над представителями кладненской «советской республики», обвиненными в государственной измене. А ведь Гашек был послан на родину, чтобы помочь в Кладно! Йозеф Гандлирж, которому было поручено организовать прием возвращающихся красноармейцев, находился в заключении вместе с остальными социал-демократическими деятелями. Гашека ждало страшное разочарование. В Москве он получил немало агитационных материалов, но всего 1500 инфляционных немецких марок на дорогу и на первое время. Хорошо еще, что за несколько дней до возвращения писателя в издательстве Отто вышел его сборник «Две дюжины рассказов». «Посмертное» издание книги автора, неоднократно объявлявшегося умершим, вызвало

большой интерес. Гашек получил от издателя 200 крон и смог оплатить отель. Затем пришла нужда. Республика, во имя независимости которой он столько раз рисковал жизнью, была к нему не многим ласковее, чем австро-венгерская монархия. Александра Львова так описывает первые свои впечатления: «На другой день Ярослав долго отсыпался. В полдень начал одеваться. Надел косоворотку, подпоясал ее ремнем, надел зимнее пальто, которое получил в Москве, на голову нахлобучил фуражку с козырьком. Поцеловал меня и сказал, что скоро вернется. И в самом деле, часа через три был уже дома. Выглядел он печально, фуражку швырнул на постель: «Все проиграно, Шура. Мы приехали слишком поздно. Те, к кому я должен был обратиться, арестованы. А те, кто остался, вообще мне не верят, говорят, что ничего не знают».

Казалось, он сейчас заплачет. Я по мере сил старалась его утешить: «Мы ведь можем вернуться в Россию, там уйма работы, мама и все остальные нас любят. Тут даже порядочного мороза не бывает, на улице дождь и грязь». Но Ярослав словно бы не слышал. Потом встал, сменил косоворотку на обычную рубашку без галстука, надел полуботинки, пиджак, осеннее пальто и сказал, что вернется, но на этот раз вернулся только через три дня».

И в независимой Чехословакии Гашек остался отверженным, изгоем. Двери левых социал-демократических организаций также перед ним закрылись. Очевидно, его считали провокатором. Этого он не ожидал. Равнодушным холодком встречают его и старые товарищи. Один из друзей, поэт и бывший анархист, в винном погребе отказался подать Гашеку руку. Он тоже поверил слухам о зверствах «красных комиссаров». Поначалу Гашек очень от этого страдал. Как свидетельствуют некоторые знавшие его люди, он не раз говорил: «Не нужно было мне возвращаться.

Здесь меня ненавидят». И будто бы даже хотел застрелиться.

На пароходе по пути на родину он впервые после долгого перерыва немного выпил. Встретился здесь с чехами, и, когда стало известно, что под именем Штайдля скрывается Ярослав Гашек, нельзя было не поддержать компанию. Все хотели видеть его таким, каким знали до войны. В Пардубицах, в карантине, он тоже несколько раз выходил выпить кружку пива, но возвращался всегда трезвым. Алкоголь больше не дает ему ни хмельного возбуждения, ни чувства радостной раскованности.

Что-то в нем перегорело. Эту перемену заметил и Э. А. Лонген. В «Унионке» он так красочно описал Шуре идиллию чешского рождества с елочкой и рыбным супом, что она не смогла отказаться от приглашения на ужин. Лонген намеревался склонить гостя, чтобы тот написал какую-нибудь вещицу для готовившейся тогда к открытию «Революционной сцены». О встрече в этот сочельник Лонген вспоминает: «Я не участвовал в разговоре и наблюдал за Гашеком, который поразил меня явным старанием играть роль довоенного богемного весельчака. Весельчаком он больше не был. Его лукавая улыбка утратила мягкость и чарующую сердечность, а хитрый, прищуренный взгляд был мрачно-насмешлив. Гашек, как прежде, сыпал остротами, но глаза его при этом явно насмехались над слушателями. Его внешность и движения приобрели какую-то жесткость и угловатость, по лицу временами пробегала пренебрежительная усмешка. А порой проскальзывала и досада. В такие минуты он быстро осушал рюмку. Пил нервно, без передышки, без удовольствия, иной раз выпивал несколько рюмок подряд, точно хотел отогнать какое-то неприятное ощущение...»

Шура рассказывает: «Я не хотела со всем этим мириться, но Ярослав только отрицательно качал головой. Я, мол, не знаю чешской природы. Если кто покажет чеху кулак, тот сразу испугается. Надо много времени, чтобы он очухался и бросился в свалку очертя голову. А самый большой враг, — говорил Гашек, — чешская бюрократия. Тут не так, как было у вас, где на сотни километров встретишь всего нескольких царских чиновников. Здесь это целая прослойка, и довольно большая. Живется ей неплохо. Эти люди ничем не хотят рисковать. Боятся потерять то, что имеют. Он их называл «прихлебателями». Перечислял по именам габсбургских бюрократов, сумевших пролезть на государственные посты в республике, и прямо пылал ненавистью. Рассказывал, как прежде издевался над ними, и был уверен, что теперь они захотят отомстить».

К достоверности этих высказываний следует относиться с известной сдержанностью; безусловно, они были задним числом выправлены и отредактированы. Тем не менее в них верно отражается ситуация, в которой Гашек очутился по возвращении на родину. Он вновь расплачивался за то, что опередил историю. Как и во времена австро-венгерской монархии, за ним следят полицейские шпики. Тайный агент Пайер докладывает своему начальству о каждом его шаге.

В этом, казалось бы, безвыходном положении Гашек защищается саркастической иронией, юмором, мистификацией.

Когда в кафе «У Золотой гусыни» одна журналистка наивно спросила его, правда ли, что большевики едят человеческое мясо, он ответил таким набором фантастических вымыслов и подробностей о большевистских «зверствах», что у той пропало всякое желание продолжать беседу. На серьезные вопросы он отвечает уклончиво и ловко уводит разговор в сторону.

Даже в кругу близких знакомых он не желал больше вступать в политические дискуссии. Прежние друзья задавали ему разные вопросы, пытаясь разузнать о его деятельности в Советской России. Но Ярослав Гашек избегал прямых ответов. Лонген рассказывает: «Никогда до войны я не видел Гашека в таком состоянии. Он пил и пел, пил и ругался. Клял нас и весь свет. В самом большом опьянении не терял трезвого сознания и сохранял способность острить, хотя подчас мрачновато и не слишком разбираясь в средствах. Я попытался занять Гашека разговором: «Ярда, напиши нам какую-нибудь комедию для «Революционной сцены». Хотя бы из русской жизни. Мы хорошо заплатим». — «Революционной? Вы самые обыкновенные скоты и но суйтесь в революцию! — Резким ударом кулака он сбил со стола рюмки и засмеялся. — У вас тут «Революционная сцена», Революционный проспект, площадь Революции, но ни у кого нет ни грана революционного духа!»

Его раздражение и гнев обрушивались на головы руководителей левых социал-демократов, в нерешительности и политической наивности которых он видел остатки традиций чешской политической кружковщины. «Привыкли больше трепать языком, чем дело делать. В этом всегда была наша трагедия», — горько сетовал он.

Но когда Шура предлагала уехать в Россию, Гашек не хотел об этом и слышать: «Государственные органы знают, что я вернулся, и назад нас уже не выпустят. Пришлось бы бежать. Нашей ситуации советские товарищи не поймут, решат, что я заслоняющийся от борьбы предатель».

Корни создавшегося плачевного положения Гашек видел в традиционной слабости и компромиссном характере чешской политики.

В канун нового, 1920 года он посылает в «Праволиду» свою первую «исповедь» — новеллу «Душенька Ярослава Гашека рассказывает». С горечью вспоминает он предвоенные годы, когда в награду за свою литературную работу пожинал лишь насмешки и непонимание. «В 35 лет у меня за плечами было 18 лет усердной, плодотворной работы. До 1914 года я наводняла своими сатирами, юморесками и рассказами все чешские журналы, у меня был широкий круг читателей. Я заполняла целые номера юмористических журналов, пользуясь для этого самыми различными псевдонимами. Но читатели обычно узнавали меня. Я думала тогда наивно, что я писатель.

К чему эти длинные тирады? Чем вы били на самом деле?

Я растерялась. Нащупала в кармане некролог и смущенно пролепетала: «Простите ради бога — пьяницей с пухлыми руками!»

Горько-иронический, даже сентиментальный, тон заключительной фразы объясняется тем, что новелла возникла в августе 1920 года в Иркутске, когда в руки Гашека попал экземпляр аграрной газеты «Венков» («Деревня») от января предыдущего года. Мало кому из смертных доводилось прочесть собственный некролог. Гашеку представилась такая возможность. Но озаглавлен некролог был не слишком лестно: «Предатель». Автор заметки, бывший сотоварищ Гашека, поэт Ярослав Кольман-Кассиус, под впечатлением ложного известия о его бесславной смерти в Одессе нарисовал портрет шута и «пьяницы с пухлыми руками», который всегда охотно предавал все, что имел: жену, родину и искусство.

Особенно задело Гашека то, как бывшие друзья объясняли его богемные привычки: «В посмертном воспоминании, которое посвятил мне приятель, меня называли пьяницей и акробатом, превращающим жизнь

в цирковое представление. Назвали и шутом. «Гашек-шашек»^[120], — так меня дразнили уличные мальчишки еще до того, как я начал ходить в школу, и потому прозвище ничуть меня не удивило. При жизни я тоже любила подпускать шпильки и наговорила кое-кому из ближних немало колкостей. Но я принципиально поддевала только живых. Критиковала резко и высмеивала все, с чем они осмеливались предстать перед судом общества. Однако грязного белья их частной жизни не ворошила. Не цеплялась за го, что господин NN имел любовницу и выпил лишнего там-то и там-то. С меня хватало, что он произнес то-то и то-то».

В «Унионке», куда Гашек ежедневно ходит писать, он обещает Лонгену за небольшой задаток веселую одноактную пьеску для сцены в «Адрии». Но потом, забыв про это обещание, принимает ангажемент в кабаре «Семерка червей», директор которого за веселый номер в программе предлагает ему 100 крон с каждого выступления и тут же выдает 500 крон аванса. Очевидно, Гашеку льстило, что он снова будет выступать на сцене. В «Семерке» он читает очередную ироническую «исповедь» — фельетон «Как я встретился с автором своего некролога», который за несколько дней до этого с сенсационным подзаголовком «Тайна моего пребывания в «России» напечатал шеф-редактор «Трибуны».

Дирекция кабаре расклеила афиши, на этот раз сообщалось, что писатель Ярослав Гашек будет в «Семерке червей» рассказывать о своем большевистском прошлом. Но ожидаемой сенсации не получилось. Посетители увидели не «забрызганного кровью» советского комиссара, укрощенного и теперь выступающего в буржуазном кабаре, а добродушного, усталого человека в измятом костюме.

Бывший анархист Мареш^[121] рассказывает, что встретился с писателем где-то в начале января во время

репетиции.

В ложе полутемного зала сидел человек, в котором он узнал Ярослава Гашека, товарища по анархистскому движению. На стуле рядом с ним стояли стакан и бутылка содовой. Мареш, стараясь скрыть смущение, подарил ему экземпляр только что вышедшего сборника своих стихов. Послушаем, как он сам описывает эту встречу: «Гашек не уделил стихам ни малейшего внимания. С отсутствующим видом полистал тоненькую книжку. В его облике ощущалась какая-то напряженность, лицо было неподвижно. Положил книжку рядом с бутылкой содовой и сказал негромко, даже не взглянув в мою сторону: «Ага, стишки... Хотят тут превратить меня в балаганного шута, — добавил он со вздохом. — В этом мире можно обрести свободу, только если тебя признают идиотом. — Он медленно провел рукой по лицу, точно стирая заблудшую капельку пота. И произнес коротко, плотно сжав губы: — Сволочи!» Признаюсь, я был растерян, — повествует далее Мареш. — Сказал ему, что должен зайти в дирекцию. Но Гашек мне уже не отвечал. Несколько мгновений оцепенело смотрел сквозь меня, потом закрыл глаза и как-то осел в кресле.

Когда я минут через двадцать вновь проходил мимо ложи, Гашек сидел там, опираясь обоими локтями на барьер и закрыв лицо ладонями. Спал? Плакал? Не знаю. Но явно не хотел ничего ни видеть, ни слышать».

Шутки и мистификации прежнего прославленного юмориста утратили непринужденность и легкость. Часто он приходит усталый, помятый, в нечищенной обуви, выступления его становятся все более небрежными. Директор кабаре просит Гашека рассказать в конце концов что-нибудь из своего большевистского прошлого. Тот отнекивается. Потом объявляет на воскресное утро серьезную лекцию «О нравах и жизни в Монголии». Публика полагает, что это шутка, что разговор будет

касаться политики, но Гашек нудно рассказывает о географических особенностях Сибири; ожидаемых острот, иронических намеков в адрес Советской власти так никто и не дождался. После этого «представления», состоявшегося 16 января 1921 года, с ним расторгли контракт.

Полицейскому осведомителю, который через несколько дней наводил о нем справки, было сказано, что «Гашек — человек совершенно бесхарактерный, всегда готовый пойти туда, где ему больше заплатят».

Согласно иным свидетельствам волна шовинистической ненависти и вражды зашла так далеко, что на Вацлавской площади его окружили бывшие legionеры и угрожали избиением.

В нем пробуждается меланхолия, ощущение одиночества.

Грустные воспоминания озаряют прошлое, и в Гашеке вновь вспыхивает щемящая нежность к Ярмиле и сыну. Первая встреча бывших супругов проходит мучительно. Гашек впервые понимает, что никогда не сможет искупить своей вины перед Ярмилой, и по-детски бесхитростно борется за утраченную любовь, за право увидеться с мальчиком.

Он оказывает Ярмиле знаки внимания, заверяет о искренности своих чувств, пытается пробудить ее литературное честолюбие. Просит помочь связями и знакомствами; а как только ему удастся укрепиться в редакциях, пытается устроить и ее рассказы, буквально терроризируя ими преданных ценителей своего таланта. Он всеми силами стремится вытравить из сознания Ярмилы память о том, что их отношения были прерваны, что между ними пролегла целая вечность, полная бурных событий. В письмах снова звучат старые обещания и просьбы о прощении. Свою возобновленную интимную близость с Ярмилой он поэтически назвал «прекрасным маем на склоне лет».

Из обширной корреспонденции мы приведем лишь первое письмо, из которого видна вся сложность положения Гашека.

«После того письма, которое я получил лишь сегодня, потому что хожу писать фельетоны только раз в неделю, обещаю тебе стать порядочным человеком. Это будет первое обещание, которое я исполню, и, прошу тебя, помоги мне, если ты обладаешь достаточным влиянием, найти какое-нибудь, хотя бы самое скромное место. Пить брошу совершенно, что не так трудно сделать, поскольку в России я за все годы службы у большевиков ни разу не пил. Не думай, Ярмилка, что я тебя не любил. Я люблю тебя по-прежнему. Как произошло все то, о чем ты пишешь, — это парадокс судьбы. Такова уж проклятая кривая моей жизни. Сегодня впервые поверь мне. То, что я тебе не отвечал, и для меня самого загадка. Хотел написать, но не осмеливался. Да и как бы я мог написать, что хочу видеть тебя и своего сына, когда я, и правда, такой жалкий и оборванный, точно принадлежу к босяцкой братии, хотя, между прочим, и босяки тоже люди. Не уезжай из Праги, Ярмилка! Прошу тебя о свидании, если ты за меня не стыдишься. В «Семерке червей» я больше не выступаю. Фотография моя — из поддельного паспорта, который я раздобыл, когда бежал из России на родину. Заверяю тебя, я люблю своего сына. Посылаю тебе медальон, который носил в России. Твоей фотографии у меня, к сожалению, не было, а если бы была, я бы тоже ее привез. С той девушкой — это страшное недоразумение. Посоветуй, что мне делать. Поцелуй за меня сына.

Митя, который признает себя побежденным, или конец бродяги».

Сначала он бережет Ярмилу, не хочет ее компрометировать, делает перед ней вид, будто бежал из России. После нескольких дружеских встреч Ярмила

становится его близкой доверенной. Он признается ей, что его преследуют тайные агенты, что получил повестку в суд, очевидно, по обвинению в двоеженстве, что простудился на первомайском митинге. В другой раз упоминает, что пражская обстановка дурно действует на его здоровье и он вместе с художником Панушкой ищет дачу в окрестностях Ондржейова; в мае сообщает, что договорился о даче близ Мельника. В июне жалуется: замучили приступы лихорадки.

Во время одного из свиданий происходит встреча с сыном. Гашек знакомится с девятилетним Ришей, чье изображение носил в медальоне все время пребывания в России. Он робко гладит мальчика по голове и обращается к нему на «вы». Только через месяц мальчик узнает, что «пан редактор из «Трибуны», с которым мама его познакомила, — его отец, хотя дома ему говорили, будто отец погиб в России. Матери и теперь приходится взять с него слово, что он никому об этой встрече не скажет.

Во время каникул, когда «пан редактор» приехал к ним, мальчик видит, что отец милый, остроумный и занятый человек. Он умеет рассказывать о чем угодно. Принес ему книгу «Трое мужчин и акула» и написал на ней простое посвящение: «Дорогому сыну. Ярослав Гашек».

Но это была последняя встреча Риши с отцом.

С момента возвращения в Прагу Гашек снова стал прежним бродягой и завсегдатаем богемного кружка. Вскоре он переселяется из гостиницы «Нептун» в квартиру на Жижкове. Здесь Шура не поладила с хозяйкой, при первой же задержке платы за жилье их выставляют на улицу. В самую безвыходную минуту помогает товарищ, бывший анархист и контрабандист Франта Сауэр. Он дает им пристанище в своей квартире на Жижкова (Еронимова улица, д. № 3).

Теперь Гашек делает только то, что доставляет ему удовольствие. Каждое утро ходит на жижковский рынок за покупками. Обут в шлепанцы, ворот — нараспашку, на голове — старая шляпа. Бабки на базаре начинали улыбаться, едва завидев его корзину. Пан писатель для каждого находил доброе слово, покупал и подгнившие овощи — лишь бы продавец не остался в убытке. Потом заскакивал в трактирчик на рюмку водки и садился писать или вместе со своим квартирохозяином Франтой Сауэром отправлялся по издательским делам.

Открывается последняя, заключительная глава творческой деятельности Гашека. Вдвоем с Сауэром они организуют собственное издательство и выпускают в нем книгу «Трое мужчин и акула». Другая книжка должна выйти в типографии «Трибуны». Однако сотрудничество с «Трибуной» нужно чем-то оплатить. Публика во что бы то ни стало желает услышать рассказ очевидца о зверствах красных комиссаров. После увольнения из кабаре Гашек продолжает серию своих «исповедей» и публикует их под названием «Комендант города Бугульмы».

Вместо изображения террора мы находим тут кроткое, иронически-юмористическое повествование о неприятностях, которые автору — советскому коменданту города — доставил радикальный командир Тверского конного полка Ерохимов.

В рамках иронической «исповеди» Гашек находит широкий простор для построения фабулы. Характерной чертой повествования становится флегматическая, снисходительная усмешка над человеческим чванством и властолюбием. В результате доноса Ерохимова герой-повествователь оказывается «перед революционным трибуналом Восточного фронта». Впрочем, в ходе разбирательства Ерохимов признает, что послал донос в пьяном виде, и сам предстает перед революционным судом. Неожиданный оборот расследования приводит

членов трибунала в замешательство, но дело кончается миром.

«Долго, до самой ночи, обсуждали все «за» и «против», пока в конце концов не порешили, что Ерохимоп получит строгий выговор с предупреждением, а если такое еще хоть раз повторится — то и вышку.

В течение всего разбирательства Ерохимов спал.

Утром революционный трибунал Восточного фронта уехал. Прощаясь со мной, Агапов вновь иронически заметил: «Как волка ни корми, он все в лес глядит. Смотри, брат, если что — голова с плеч!

Я пожал всем руки».

Тут словно бы слились воедино жизненные наблюдения, характерные для ранних гашековских рассказов о героях из народа, с его богемным, военным и послевоенным опытом, что придает тексту необычайную внутреннюю насыщенность. Непритязательное с виду повествование раскрывает гуманистический смысл революции. В хаосе эпохи порой теряется незаметная, но решающая деталь — маленький человек, являющийся, однако, носителем ценностей, от которых зависит будущее всего человечества. Отсюда один лишь шаг до «Швейка».

Шовинистическая буржуазия, которая после провозглашения независимости Чехословакии надеется извлечь выгоду из выигранной борьбы и вновь поддается романтическим иллюзиям и милитаристской фразеологии, резко нападает на Гашека за его скептическую иронию. А выступлениями в кабаре и прежним образом жизни он вызвал неприязнь к себе и в представителях пролетарского искусства. Они не поняли гашековской мистификации и объявили его предателем революции. «Великий фигляр вернулся из России, — читаем мы в журнале «Кмен» («Ствол»)^[122]. — Ярослав Гашек, очутившись в прежней обстановке, снова стал

таким же, как раньше, и убежден: что бы там ни было, а главное — балаган».

Вот тут-то и происходит переворот, разом изменивший жизнь Гашека и его положение в чешской культуре. Автор мистифицированных «исповедей» явно под влиянием своих богемных привычек был произвольно отождествлен с наиболее значительным собственным литературным созданием — с фигурой храброго солдата Швейка.

Безошибочным художественным чутьем он угадывает, что не может руководствоваться лишь падким до сенсации, но кратковременным интересом публики, а должен обрисовать судьбу чешского человека с момента убийства в Сараеве, когда началось историческое испытание национального духа и человеческих характеров.

На грани нужды, апатии и отчаяния, когда больше не хочется жить, последней его надеждой становится литературное детище — храбрый солдат Швейк. Александра Львова вспоминает:

«Однажды в конце февраля они с Сауэром пришли домой в хорошем настроении. Смеялись, обнимались, и Ярослав объявил, что ему пришла в голову блестящая идея. Он будет писать о солдате Швейке. Я не знала, что он писал о Швейке еще до войны и во время ее. Он мне это сказал только теперь, но тут же заявил, что это будет нечто совсем иное, это будет настоящая литература. «Посмеюсь над всеми дураками, а заодно покажу, каков наш настоящий характер и на что мы способны». Начали с того, что послали в трактир напротив, который назывался «У Шноров», за пивом и порядком выпили. Все утро следующего дня проспали, а после обеда Ярослав начал писать. Сауэр ходил за пивом. Ярослав писал очень быстро, сразу начисто. Когда у него начинала болеть рука, диктовал Сауэру.

При этом оба от души веселились и даже забыли про пиво. Писали целую ночь».

Наконец-то Гашек чувствует, что напишет вещь, которая поднимет его авторитет, принесет ему покой, уважение друзей, почтение недругов, а быть может, и безбедное существование.

Он не доверяет корыстолюбивым издателям и решает опубликовать свое произведение отдельными выпусками самостоятельно, в «собственном» издательстве «Ярослав Гашек и Франта Сауэр».

Для этого необходим солидный компаньон. В одном из винных погребков Старого Места они встретили братьев Фрич с Микулашского проспекта, состоятельных торговцев сукном. Кажется, дело слажено, оба издателя отправляются выбрать материю на костюмы в качестве задатка, но в последнюю минуту договоренность расстраивается. Тогда они принимают в компаньоны Антонина Чермака, владельца конторы по купле и продаже недвижимого имущества, и брата Сауэра — Арношта, жестянщика, которого им удалось уверить, будто на литературе можно легко разбогатеть.

Все говорит о том, что и теперь Гашек не собирался создавать произведение так называемой высокой литературы.

«Швейк» должен был стать массовым развлекательным чтивом.

Поэтому писатель избирает форму дешевых выпусков с продолжением, которые конкурировали бы с популярными вестернами и приключенческими романами, выходившими у Свеченого.

Бульварным слогом Гашек анонсирует свое произведение на крикливо-желтой афише, появившейся за окнами трактиров и на жижковских перекрестках. Текст близок к цирковой рекламе:

«Да здравствует император Франц-Иосиф I!»
— воскликнул бравый солдат Швейк.

Эта книга одновременно выходит во Франции, в Англии и Америке!

Победа чешской книги за рубежом!

Выкиньте из своих библиотек «Тарзана в джунглях» и разные дурацкие переводы уголовных романов!

Решитесь на мужественный шаг и докажите, что знаете толк в чисто чешской книге! Мы не обещаем вам никаких премий, но гарантируем: вы приобретете новаторский образец юмора и сатиры!

Революция в чешской литературе!

Лучшая юмористически-сатирическая книга мировой литературы!

Победа чешской книги за рубежом!

Самая дешевая чешская книга!

Первый тираж — 100 000 экземпляров!»

Ни один из обоих тогдашних издателей, очевидно, и не подозревал, что действительность во многом превзойдет широковещательные рекламные фразы.

Официальные книготорговцы приняли необычное литературное произведение с явным недоверием. Один из них отказался пустить роман в продажу. Нелюбезный прием со стороны книготорговцев не отпугнул Гашека, скорее наоборот, в нем проснулся дух старого бунтаря. В жижковских трактирах он председательствует на «втором съезде» партии умеренного прогресса в рамках закона, убедительно продемонстрировав, что и в республике есть подходящая почва для памфлета и сатиры.

Гашек работает над «Швейком» и одновременно завязывает контакты с левой печатью. Критикует порядки в республике точно так же, как до войны

обличал порядки в Австро-Венгрии. Особенно резко он выступает против пережитков устарелого, австрофильского образа мыслей у новоиспеченных бюрократов.

Буржуазная общественность, испытывавшая вполне понятное недоверие к Гашеку, не могла смириться с вульгаризмами, встречающимися в его произведении. Писатель отклоняет подобного рода упреки, подчеркивая правдивость и естественность этих выражений, обвиняет фальшивых моралистов в лицемерии. На откровенно грубоватый характер произведения повлиял и тот факт, что создавалось оно для самой широкой читающей публики. Сауэр вспоминает, что особенно горячий прием роман получил в среде ветеранов и инвалидов минувшей войны, которые в скептической иронии Швейка находили отражение собственного жизненного опыта.

Вследствие всех этих обстоятельств «Швейк» не мог попасть в руки читателей обычным путем, необходимо было как-то проложить ему дорогу. Гашек и Сауэр предпринимают длительные, продолжающиеся по несколько дней агитационные походы по пражским трактирам и винным погребкам, во время которых пропагандируют произведение и его автора.

Расцвет, славу и падение издательства Гашека и Сауэра рисует в своих воспоминаниях Йозеф Лада.

«В 1921 году Гашек пришел ко мне и попросил нарисовать обложку для «Похождений храброго солдата Швейка во время мировой войны». Книгу предполагалось издавать отдельными выпусками. Я принялся за работу. Швейка я изобразил не на основе какого-то реального прототипа, а в соответствии с тем представлением, какое сложилось у Ярослава Гашека, в соответствии с описанием его внешности в романе. Я нарисовал Швейка раскуривающим трубку посреди летящих снарядов и ядер, посреди разрывов.

Добродушное лицо, по спокойному выражению которого видно, что это человек «себе на уме», но в случае надобности сумеет прикинуться дурачком. В назначенный день я принес эту обложку в винный погребок «У Могельских». Гашеку и Франте Сауэру она очень понравилась. После недолгих раздумий Гашек пообещал мне 200 крон гонорара.

Сауэру это показалось мало, и он повысил мой гонорар до 500 крон. После длительной паузы Гашек закончил дебаты о гонораре, решительно стукнув кулаком по столу и заявив, что я получу 1000 крон. Но пока я не только не получил никаких денег, но мне даже самому пришлось заплатить за обоих официанту. Обложка была напечатана — а гонорара все нет как нет. Впрочем, я на него не слишком рассчитывал, а когда успел совсем про него забыть, пришел ученик от Ф. Сауэра, у которого была лавчонка, где продавалось всякое белье, и принес мне несколько пар исподнего и носки — с объяснением, что хозяин кланяется и посылает гонорар за обложку, а раньше-де послать его не мог, поскольку обанкротился».

Домик под замком

Все давно уже понимали, что отчаянную финансовую ситуацию издательства «Гашек, Сауэр и К°» можно разрешить только одним способом: автору необходимо переменить обстановку. Подыскивается какое-нибудь подходящее место в провинции.

Но Гашеку порой доставляло необъяснимое удовольствие расстроить, отдалить исполнение какого-либо доброго намерения.

О затруднениях Гашека его друг Франта Сауэр рассказывает художнику Панушке. Чтобы Гашек закончил роман, необходимо вытащить его куда-нибудь в провинцию, на свежий воздух. Добряк Панушка сразу же решает взять писателя с собой в Липницу. «Городок словно создан для Гашека, — втолковывает он Сауэру. — Я прекрасно знаю эти места. Каждый год уезжаю туда летом, а иной раз, если выпадет снег, и зимой. Только подумай, я буду себе малевать, а он где-нибудь поблизости в лесочке примется за свой роман. И работа у обоих пойдет как по маслу».

Рассказывают, будто Гашек вышел с кувшином за пивом и встретил Панушку, уже собравшегося в дорогу. Самый подходящий момент, поскольку Шура с Сауэром пошли куда-то за покупками. Гашек вызвался помочь художнику поднести до вокзала этюдник. Слово за слово — и уезжают оба. Кувшин остался в трактире, куда за ним никто уже не пришел.

В Липницу приехали в тот же день, 25 августа 1921 года. Когда постучали в дверь гостеприимного трактира «У чешской короны», сгущались сумерки.

Трактирщик Александр Инвальд радушно приветствовал художника, для которого уже была приготовлена комнатка на втором этаже. Другого

господина он не знал. На «пана писателя» незнакомец был не слишком похож. Одет весьма скромно и, к удивлению трактирщика, не привез никакого багажа. «Он выпится со мной наверху, а завтра приготовишь ему соседнюю комнату», — прервал Панушка раздумья озадаченного Инвальда.

Спокойный городишко в горах сразу понравился Гашеку. «Я живу теперь прямо в трактире, ни о чем лучшем и не помышлял», — удовлетворенно иронизировал он и старался расположиться по своему вкусу. Панушка попросил трактирщика открыть писателю кредит на сумму пятьсот крон и дал за него письменное поручительство. Так что можно было приступить к делу. Друзья теперь осуществляли свои планы. Ходили по окрестностям, Панушка писал с натуры, а Гашек носил его этюдник, и оба рассказывали друг другу всевозможные истории.

Охотнее всего они проводили время в замке, ибо питали пристрастие к причудливым памятникам старины. Лесничий Бём предоставил в их распоряжение ключ, так что они могли попасть в замок когда им вздумается. Друзья разводили во дворе маленький костер, пекли на углях сардельки и картошку, пели старые австрийские песенки.

Вскоре после приезда в Липницу они освятили замок вечеринкой, в которой принял участие и учитель Ольдржих Шикирж. Когда стемнело, учитель заснул где-то в закутке, и про него забыли. Замок заперли, пошли к Инвальдам. Вскоре прибежали люди — дескать, в замке привидение, какая-то белая фигура бегает по зубчатым стенам и взывает о помощи. Послали за лесничим да попросили его захватить ружье. Гашек считал, что в замке скрывается какой-нибудь дезертир из бывшей австрийской армии. Но, едва увидев на стене мятущуюся фигуру, решил подшутить над всеми и стал кричать, что это рожембергская Белая пани, и громко требовал,

чтобы лесничий выстрелил в привидение — только так, мол, он освободит жертву злого духа от заклятья. Когда несчастному учителю открыли двери, он дрожал и не мог произнести ни слова.

В веселых забавах в Липнице недостатка не было, местечко хотело отдохнуть от ужасов войны и неуверенности в завтрашнем дне.

Историческая романтичность привлекала в «мазхаузе» замка (древнее название столового зала в первом этаже). Там он написал свою первую липницкую юмореску, которую затем послал в «Гумористицке листы» («Юмористическую газету»). Новелла называется «Экскурсовод по замку» и точно передает местный колорит и настроение: «В хорошо сохранившейся части замка, то есть там, где стены еще держатся и где уцелели своды первого этажа, находится столовый зал. Много столетий назад тут кормили челядь. Бывший владелец именья реставрировал этот зал. В нем два дубовых стола, скамьи, камин. Здесь, в абсолютном покое, я кое-что пишу. Местный лесничий дал мне ключи от замка, осенние вихри проносятся над краем, и кажется, меня вот-вот вместе с замком унесет к Немецкому Броду. Постепенно из кладки вываливаются камни, стены распадаются, внизу, под замком, пасутся козы...»

Первые три недели, прожитые Гашеком в Липнице вдвоем с Панушкой, позднее казались ему самыми прекрасными из всего проведенного здесь времени. Но Гашек не был бы Гашеком, если бы не испытывал судьбу и не старался обмануть самого себя. В скорбные минуты он вспоминает Шуру, которую оставил в Праге одну, без всякой помощи. В полночь он пишет ей открытку со своим адресом и приглашением приехать. И сразу же относит на почту, помещавшуюся тогда во втором этаже дома Инвальда. Утром, раздумав, он хотел было вернуть свою открытку, да опоздал — почту уже отправили.

Вскоре прибыла Шура с Франтой Сауэром, идиллии пришел конец. А когда Панушка уехал домой, в свое пражское «ателье», в Липнице стало тоскливо. Кредит был исчерпан, нужда опять стучалась в дверь.

Гашек пишет отчаянное письмо своему пражскому издателю:

«Ради бога, всех святых и памяти покойного императора Франца-Иосифа, прошу тебя — пришли денег, потому что мы здесь вдвоем — я и Шуринька. У меня не осталось ни геллера, и даже чтобы послать это письмо, приходится одалживать, а мне это ужасно неприятно, потому что, как тебе известно, я человек в высшей степени порядочный».

Сауэр посылает четыреста крон, однако настойчиво требует очередное продолжение «Швейка». Следует второе письмо, несомненно, самое нежное из всех, что Сауэр когда-либо получал от Гашека: «Милый и дорогой Франта! Посылаю тебе пока девять страниц, которые я написал вчера и сегодня до 12 часов, до ухода почты. После полудня буду писать дальше и завтра наверняка вышлю новую порцию. У меня сейчас необыкновенное желание писать, а тебя прошу тоже не забывать о моем существовании, непременно приезжай, как ты мне обещал, но не в понедельник, а еще в воскресенье! Я, сам понимаешь, в чрезвычайно затруднительной ситуации, но не хочу ни у кого одалживать, чтобы не подорвать нашу репутацию, раз я должен остаться здесь до окончания всей книги! Теперь у меня постоянно рабочее настроение, и будь уверен — я охотно приложу все силы, чтобы наши дела пошли на лад. Итак, приезжай и убедись в моей работоспособности. Шуринька передает тебе сердечный привет и ждет тебя не дождется... А я, Франта, очень по тебе соскучился,

потому что искренне тебя люблю. Передай дома всем привет, целует тебя твой Ярка».

Сауэр приехал только в понедельник. Дело в том, что накануне он посетил премьеру инсценированного «Швейка» в пражской «Адрии». Приехал он главным образом для того, чтобы вытянуть из автора очередное продолжение рукописи и тем самым успокоить пана Нейберта, владельца типографии. Но никакие просьбы, обещания и клятвы на Гашека не действуют. Обрадованный встречей со старым приятелем, он таскает Сауэра по липницким и дольноместским трактирам, ведет его в Радостовицы на гулянье по случаю какого-то праздника, но сестра за рукопись не желает. Тут лесничему приходит в голову сумасбродная идея — запереть писателя в замке и не выпускать до тех пор, пока он не «выдаст» требуемого количества страниц. Гашек этой шутки не принял. Он невозмутимо выпил бутылку коньяка, приготовленную для него в домике лесника при замке, но напрасно лесник простоял с ружьем у двери — Гашек не написал ни строчки. Несчастный Сауэр уезжает в Прагу, утомленный деревенскими кутежами, но без тех «четвертушек» бумаги, ради которых сюда явился, — Гашек никому не позволял диктовать себе, когда и сколько он должен писать.

Вскоре после этого визита между двумя компаньонами наступает разлад. По мере того как возрастает успех «Швейка», медленно, но все же неотвратимо рвутся нити, которыми Гашек был связан со своими друзьями, между ними обнаруживаются резкие расхождения.

Гашек и Сауэр издавали «Швейка» на правах совладельцев собственного издательства. Но когда строились планы, все выглядело куда заманчивее. Сауэра неотступно преследовали кредиторы; из-за

беззаботности и нерадивости Гашека издание тормозилось.

Сауэр разочаровался в своем предприятии, а вдобавок друзья еще попрекают его, что-де он не отдает компаньону положенной доли. Еще в Липнице художник Панушка уговаривал Сауэра не оставлять Гашека без денег.

Утрата доверия ускорила распад издательства «Гашек, Сауэр и К°». По взаимному соглашению компаньоны полностью передают печатанье и распространение «Швейка» в руки преуспевающей фирмы, возглавляемой предприимчивым издателем Сынеком.

После выхода первой части «Швейка» ситуация меняется: возрастает интерес к книге, тираж стремительно растет. В следующем году выходит уже пять изданий первой части и четыре второй; третья часть, написанная весной 1922 года, вышла до конца того же года двумя изданиями.

Перед рождеством в Липницу приезжает еще один известный представитель пражской богемы — Эмиль Артур Лонген, по случайному совпадению обстоятельств тоже из-за «Швейка». Сауэр сообщил Гашеку, что Лонген без авторского разрешения с большим кассовым успехом ставит в «Адрии» инсценировку «Швейка». Гашек написал Лонгену резкое письмо, в котором явственно ощущается напряженность, возникшая в их отношениях.

«Дорогой друг!

Из некоторых газет за 1 ноября я узнал, что 2 числа этого месяца должна состояться премьера: «Я. Гашек. Бравый солдат Швейк во время мировой войны». Это подтвердил мне и наш общий приятель Сауэр, который был на представлении в «Адрии».

Он хвалил постановку и заверил меня, что спектакль очень хорошо оформлен и что ты постарался, чтобы все, до мельчайших диалогов, действительно соответствовало тексту.

Но насколько я помню, между нами еще с декабря не было никаких сношений, а во время нашей случайной встречи в «Унионке» на лицах у нас обоих появилось чрезвычайно глупое выражение — очевидно, мы хотели намекнуть друг другу, что незнакомы.

Тем более меня удивил нынешний твой интерес ко мне и то, что ты дал сценическую жизнь произведению, которое я тогда даже не предполагал писать.

Очень хорошо помню, что я обещал написать что-нибудь для вас и, приняв 300 крон задатка, скрепил подписью свое обещание, которое не отказываюсь выполнить. Но ты должен признать, что «Швейка» я написал не для вас и что вы ставите его без моего ведома. Ты даже не спросил моего согласия, начхал на меня. Прощаю тебе это!

Но при следующих условиях, твердых и неизблемых:

1. Те 300 крон ты вычеркиваешь из памяти и с обратной почтой высылаешь мне письменное тому подтверждение. Это штраф за то, что ты не испросил у меня согласия!

2. Ты сразу же вышлешь мне крупную сумму в качестве задатка (поскольку ты уже давал задаток Фр. Сауэру) телеграфным переводом на адрес: Ярослав Гашек, писатель, Липница у Светлой над Сазавой.

3. Денежная сумма, которую ты мне пришлешь (не думай, что отделаешься какими-нибудь 500 кронами), послужит задатком в счет

ежедневных отчислений в размере 10 крон с каждого спектакля, согласно твоей договоренности с Сауэром.

4. Квитанция о высылке мне задатка на указанных условиях будет в твоих руках одновременно и авторским разрешением на постановку пьесы.

В противном случае, то есть если я не получу денег сразу же после 8 ноября 1921 года, я запрещаю дальнейшие спектакли.

Тебе известно, какой я свинтус! Твой Ярослав Гашек».

Письмо нуждается в некоторых комментариях. Вскоре после возвращения на родину Гашек обещал Лонгену написать для «Революционной сцены» несколько одноактных пьес и взял небольшой задаток.

Когда вышла первая часть «Швейка», Лонген вспомнил о его обещании и показал «Швейка» на сцене. Инсценировка получилась растянутая, «Швейк» шел с продолжением в течение трех вечеров.

Против этого у Гашека были возражения. «Вполне разумно, что вы отменяете деление на части, — говорил он Лонгену, — ведь иначе получится нечто вроде «Научного словаря Отто».

Во время этого визита оба приятеля вспоминали время, когда вместе выступали в кабаре. Эксцентрический темперамент и неутолимую жажду обоих сдерживало лишь присутствие их жен — нервной, излишне впечатлительной Ксены Лонгеновой, выдающейся актрисы кабаре, и заботливой Шуры.

Все же приятели написали в Липнице две одноактные пьесы. Первая из них — «Министр и его дитя» — содержала намек на тогдашний конфликт путешественника А. В. Фрича с министром иностранных дел Бенешем. Цензура имела возражения против

злободневных политических нападок, и пьеса еще до премьеры была запрещена. Существует мнение, будто Гашек даже послал по этому поводу министру Бенешу письменный протест.

Пьесу надо было чем-то заменить. Тогда они в два счета написали на сюжет Киша другую комедию — «Из Карлина в Братиславу за 365 дней». Времени было в обрез, два актера «Революционной сцены», явившиеся за пьесой из Праги, уезжали ночным скорым, ибо на следующий день была назначена премьера. Но и на сей раз представление не состоялось. Полиция наложила запрет «по соображениям противопожарной безопасности».

Слава застаёт Гашека неподготовленным. Он к ней не привык, не умел разобраться в хитросплетениях всевозможнейших предложений, которыми его вдруг стали осаждать различные предприимчивые личности. Слишком мягкий по натуре, он не научился противоборствовать корыстолюбцам.

Так, он разрешил драматизировать «Швейка» одновременно нескольким лицам, чем впоследствии дал повод для длительной судебной тяжбы.

Как, собственно, это могло случиться?

Первоначально право поставить «Швейка» присвоил себе Лонген, хотя, как мы только что убедились, на весьма сомнительных основаниях.

Вторым право на инсценировку приобрел актер Карел Нолль. Он обратился к Гашеку, будучи в тяжелой финансовой ситуации. После роспуска «Революционной сцены» у прежнего актерского коллектива возникли осложнения с новым директором театра Фенцлем. Неподражаемый исполнитель роли Швейка Карел Нолль решил создать из уволенных актеров собственный театральный коллектив и сыграть несколько спектаклей в чешской провинции. Без большого труда он соблазнил этой идеей мягкосердечного автора. Гашек сам посетил

представление в Гавличковом Броде, где ему устроили настоящую овацию.

Этот вечер был одним из счастливейших в жизни Гашека. Ему не понравилось место на балконе, и еще в начале спектакля он пересел в первый ряд. Обрадованный успехом «Швейка», сияющий, он несколько раз выходил на сцену и вместе с актерами благодарил публику.

После представления автор устроил небольшой банкет в отеле «У черного орла». Настроение у него было приподнятое, и он заявил, что сам готов исполнять роль сапера Водички. В Гавличковом Броде Гашек истратил уйму денег на покупки и угощения. И только на четвертый день вернулся домой.

При этом он, вероятно, забыл, что еще прежде, в феврале 1922 года, передал директору Фенцлю все права на создание инсценировки по «Швейку». Узнав о нарушении условий договора, Фенцль сразу же отправился в Липницу. В результате был расширен и в окончательной редакции подписан договор, по которому за пять тысяч крон Фенцль получал право не только на постановку, но и на экранизацию «Швейка». В качестве задатка автор тут же получил 1500 крон наличными.

Итак, теперь Гашек «продал» Нолля. В дополнительном пункте договора содержится прямой запрет на любую постановку «Швейка» без разрешения директора Фенцля.

Постоянно нуждаясь, Гашек не смог устоять перед соблазнительным предложением. Наибольших выгод в переговорах обычно добивался тот, кто приходил последним.

В Липнице наконец устроился и быт Гашека. Договор с издателем Сынеком обеспечил ему постоянный доход, который он использовал для частичной уплаты долга Инвальду, а также для кое-какого улучшения гардероба. До той поры у него была лишь потрепанная одежонка,

подаренная лесничим. После встречи Нового, 1922 года он вместе с Лонгеном едет в Прагу и привозит синий костюм, серую шляпу и трость с серебряным набалдашником. Из купленного в липницкой лавочке люстрина заказывает у портного два домашних костюма, один — себе, другой — своему писарю Клименту Штепанеку. На лето Гашек сшил на заказ просторную полосатую русскую рубаху и подпоясывал ее синим шнуром с кисточками.

Все это опять-таки свидетельствует о его простоте и удивительной самобытности. К вещам у него было особое, сугубо личное отношение, а на то, что скажут другие, он не обращал ни малейшего внимания. В отношении к деньгам сказывалась детскость Гашека, широта его натуры; даже живя в долг, он всегда платил за любую услугу.

Память о нем живет здесь в многочисленных легендах и анекдотах. Гашек был человек простой, но переменчивый и многоликий. Каждый мог воспринимать его по-своему. Он любил подтрунивать над другими и над собой, любил оставлять слушателей в неведении относительно того, рассказывает ли он правду или сочиняет. Ни своим поведением, ни внешностью он не походил на серьезного литератора. Порой, когда его умение владеть пером ставилось под сомнение, ему даже приходилось защищать свою писательскую честь.

Однажды Гашек дружески разговаривал с местным жителем, которого здесь прозвали Американцем. Этот человек вернулся из Соединенных Штатов и привез много денег, а также изрядную толику самоуверенности. Вспоминали войну, зашла речь о «Швейке».

И тут практичный Американец заявил, что, мол, никакое это не искусство, так мог бы написать и его покойный отец. Гашек разозлился и говорит Штепанеку: «Прошу вас, поднимитесь за бумагой и чернилами, надо показать этому умнику, на что я способен. — Потом

спросил Американца: — О чем прикажешь писать?» — «О чем хочешь, — махнул тот рукой, — да вот хоть напиши про учителя, про того, что живет напротив и ловит дождь в свои пробирки». И Гашек продиктовал юмореску «Инспектор из пражского института метеорологии». Продиктует фразу-другую и опять болтает с Американцем. Так продолжалось до тех пор, пока юмореска не была готова. Когда Гашек тут же, на месте, прочел рассказ вслух, Американец признал, что его отец никогда бы ничего подобного сделать не сумел.

Чтобы привыкнуть к Гашеку и полюбить его, деревенским жителям нужно было чем-то заполнить пропасть, отделявшую их от этого потомка Уленшпигеля, и они сочиняли всяческие истории, которые делали его ближе и понятней.

Вот что, например, про него рассказывали.

Как только он переступит порог трактира, сразу велит налить за его счет всем присутствующим (что, вероятно, вполне соответствовало действительности). Любому бродяге, проходившему через Липницу, дарит сапоги, которые специально для подобных случаев шьет его «придворный» сапожник Крупичка. (Это уже правда лишь отчасти. По свидетельству Климента Штепанека, едва ли набралось бы десять пар таких подаренных сапог.) Как-то раз шел Гашек с почты и нес 200 крон, полученные за «Швейка». Встретил сгорбленную старуху, сунул ей эти 200 крон и был страшно доволен, когда та бросилась целовать ему руки. (Тут уже вообще голый вымысел. Но никого не занимало, что соответствует истине, а что — нет, ибо в предании и мифе реальное, фактическое начало свободно переплетается с началом эстетическим, с фантазией.) Можно было легко злоупотребить его доверчивостью. Однажды приехал навестить Гашека какой-то актер, Гашек его кормил и поил, оставил спать в своей комнате. Вернувшись в Прагу, новоиспеченный «друг»

Гашека отблагодарил его за гостеприимство тем, что, прикрываясь его именем, взял у издателя Сынека 200 крон. Гашек не слишком расстраивался по поводу вероломства друзей — у него была иная шкала жизненных ценностей, чем у большинства людей.

Гашеку доставляло тайную радость, когда он мог удивить кого-нибудь неожиданной помощью. С Панушкой в Липницу приехал молодой болгарский художник Георгий Христов. Он не предполагал, что зима в этом горном крае такая суровая, и бегал по окрестностям со своими холстами и кисточками совсем окоченевший. Гашек дал ему пальто и уступил собственную постель.

Вспоминал он о таких вещах неохотно и обычно с иронией.

Необходимо опровергнуть и преувеличенные рассказы о нужде, в которой якобы жил Гашек. Климент Штепанек утверждал, что особенно к концу жизни у его работодателя был вполне приличный по тем временам доход. Согласно договору с Сынеком от 4 февраля 1922 года с каждого проданного экземпляра он должен был получать за вычетом накладных расходов 1 крону 70 геллеров за выпуск в четыре листа и 7 крон 65 геллеров за часть объемом в шестнадцать листов. При этом 1-я часть «Швейка» еще при жизни Гашека вышла в количестве 27 тысяч экземпляров, 2-я часть — в количестве 22 тысяч, 3-я часть — в количестве 22 тысяч и т. д. Куда делись все эти деньги, для Штепанека до сих пор остается загадкой. Гашек никогда не контролировал, честно ли выполняют условия договора издатель или театральный директор Фенцль. Если кто-нибудь убеждал его привести в порядок бухгалтерию, он только отмахивался, а когда советчик продолжал настаивать, раздраженно требовал, чтобы его оставили в покое.

Гашек жил данной минутой. Высочайшей ценностью для него было настоящее.

В небольшом зальце деревенского трактира Гашек предпринял последнюю попытку оживить свой богемный миф. Он хочет забыть здесь про страшную усталость от окопов и ураганного огня, от драматических переживаний, сбросить с себя все, что его мучило и тяготило.

Казалось, трудно было бы найти для этого более подходящее место, чем липницкое уединение. Хозяева, супруги Инвальды, любили людей, причастных к искусству, и старались ему во всем угодить. Круг липницких друзей и знакомых должен был заменить Гашеку прежнее богемное общество.

На первый взгляд создается впечатление, будто он устранился от политики. Бывший большевистский комиссар следит за событиями в республике со снисходительной усмешкой, с презрительной иронией. Предвыборную борьбу в маленьком провинциальном городке, походившую на дешевый фарс, он комментирует с тонким пониманием всех деталей и умением поставить точный диагноз.

Отношение Ярослава Гашека к Чехословакии той поры было сложным. Он не мог отказаться от критики в адрес буржуазной демократии, но опасался, чтобы его высказывания не сочли «государственной изменой». Поэтому любой сколько-нибудь серьезный разговор на политические темы обычно обращал в шутку. По свидетельству судебного советника Швеца, о своем большевистском прошлом Гашек предпочитал не упоминать, а соответствующие намеки пропускал мимо ушей. Просто он не желал привлекать к себе внимания.

Это вовсе не значит, что Гашек стыдился своих коммунистических убеждений. Сохранился экземпляр книжки «Трое мужчин и акула» с таким посвящением старосте липницкого «Сокола»: «Брату Штольцу —

коммунист Гашек». На самом деле Гашек постоянно находится в курсе политических событий и в своих сатирах высмеивает социальный реформизм и представителей старой австрийской бюрократии в государственном аппарате республики. Он посылает в редакцию коммунистической газеты «Руде право» письмо с перечнем австрийских генералов, засевавших в министерстве национальной обороны. Но это лишь слабые отзвуки его прежней политической активности.

Лонген рассказывает историю об учителе Мареше. Государственным служащим сократили жалование. Учитель Мареш, национальный демократ и воспитатель в «Соколе», чувствовал себя обобраным республикой. В приступе радикализма он разорвал национально-демократический партийный билет и объявил, что переходит к коммунистам. «Товарищ Гашек, — патетически обратился он к бывшему большевистскому комиссару, — я вступаю в коммунистическую партию!» Гашек тут же сел и принялся оформлять вступление Мареша. О членстве в партии он говорил как об опасном деле, требующем лишь людей с твердым характером. «Завтра раненько утром отошлю твое заявление прямо в Исполнительный комитет коммунистической партии, в Прагу. Зайди утречком ко мне наверх. В трактире мы не можем толковать о секретных вещах, касающихся только коммунистов».

Рано утром протрезвевший Мареш стоял перед комнатой своего поручителя. Канючил под дверь, чтобы тот вернул ему заявление, чтобы не портил ему жизнь, ведь у него семья. Гашек хотел спать и потому постарался от него отделаться: «Не мешай и отправляйся домой. Заявление я уже отослал». Учитель забарабанил в дверь почтовой конторы, находившейся поблизости, но там ни о чем таком не слышали. Он побежал назад, к Гашеку. Тот ва глазах учителя разорвал заявление в клочки и насмешливо произнес:

«Уж не думаешь ли ты, что большевикам нужны такие хамелеоны? Я лишь хотел тебе показать, насколько убог твой радикализм».

Маленький мирок трактира Инвальда одухотворен затеями и устными рассказами, в которых оживает фантазия писателя, пробуждается присущая ему стихийная веселость.

Наверху, в его каморке, было холодно и неудобно; поэтому он с утра пораньше спускается вниз, в небольшой закуток возле залы. Оттуда то и дело выходит к стойке или заглядывает на кухню, любопытствуя, что варится под крышками кастрюль. Одновременно диктует какую-нибудь юмореску или «Швейка», разговаривает с посетителями пивного бара и советует пани Инвальдовой, как и чем сдобрить подливу.

Он был счастлив, когда мог скрасить жизнь шуткой, избавиться от стереотипа будней. Его развлекали общение с людьми, самые заурядные события.

Особенно любил он всяких экзотических пришельцев, радостно встречал торговцев вразнос а различных бродяг, с которыми в заброшенный уголок проникал чарующий запах далей. С ними он сходилась поразительно легко.

Нередко он устраивал праздничные вечеринки, на которых варил свой прославленный матросский грог. Это был напиток такой крепости, что, отведав его, каждому впору хоть Ла-Манш переплыть. Вот рецепт: «1/2 литра воды вскипяти с 2–3 зернами душистого перца, 6–8 зернами черного перца, 10 гвоздичками, щепотью корицы, лимонной корочкой и соком из целого лимона, всыпь 1/2 кг сахару. Когда все сварится, подлей 3 литра белого вина и дай прокипеть. Затем влей литр коньяку и снова вскипяти да внимательно следи, чтобы не сбежало! Поставь на стол по правую руку от себя, сними крышку и зажги поднимающийся пар, затем крышку

сразу же снова закрой. Этим торжественный обряд приготовления грога заканчивается. А кто скажет тебе, что неплохо было бы всыпать туда еще и ванили, так дай ему по роже!»

К торжественным моментам относились и различные годовщины, дни рождений и именин. Как опытный импровизатор из кабаре, Гашек инстинктивно чувствовал настроение публики, умел использовать мгновения, когда люди открываются друг перед другом, отбрасывают мысли о повседневных делах, забывают о предрассудках, общественных перегородках и целиком отдаются праздничному восприятию жизни. Поэтому он вел подробный список именин всех своих знакомых и посылал им вырезки из старых календарей с подчеркнутой датой, что одновременно означало приглашение в трактир Инвальда.

В таких случаях Гашек любил произносить речи, используя свои чуть ли не энциклопедические знания различных дат и фактов. Так, например, в речи на день св. Иосифа он мимоходом заметил, что никто, в сущности, точно не знает, когда святой Иосиф родился. Утром другого дня по площади шатался один из местных именинников, которого неотступно преследовала мысль, откуда вообще это известно Гашеку. Он спрашивал всех проходивших мимо про своего святого патрона, но, так ничего и не узнав, отправился к приходскому священнику. Тот подтвердил, что дата рождения святого Иосифа действительно остается для церкви тайной. В результате авторитет Гашек необычайно возрос.

Из всех этих историй явствует, что до конца своих дней Гашек сохранил особенность, которая делает его больше, чем литератором; он был художником жизни — умел постичь настроение момента, умел интенсивно переживать действительность.

Тот образ жизни, который до войны служил ему способом бегства от враждебного общества и

одновременно защитой, охранительной клоунской маской, под которой он скрывал свой критический нигилизм, после войны открывает ему путь к естественным человеческим ценностям. Это проявилось прежде всего в «Похождениях бравого солдата Швейка».

Мемуарная литература, спекулировавшая популярностью Гашека, но не делавшая попыток понять творческое значение его богемного мифа, создала ошибочное представление, будто он просто-напросто «вмонтировал» в свой роман истории и анекдоты, которые рассказывались в липницком трактире ветеранами мировой войны. Необходимо отметить, что кое-какие из этих историй и анекдотов в действительности рассказывал сам автор «Швейка». Порой он советовался с окружающими, как поступить с отдельными эпизодическими персонажами. И разумеется, при создании «Швейка» большую роль сыграла трактирная среда. Здесь Гашек впервые получил признание и оценку. Иногда ему приходилось читать куски текста художнику Панушке, своему покровителю, желавшему знать, как продвигается работа. Метр обычно похлопывал его по плечу и одобрительно ворчал: «Неплохо, скотина».

Швейковские рассказы стали в Липнице достоянием устной народной традиции. Больше всего нравилась комическая сцена с рекрутом Пехом, которому лейтенант надавал по морде из-за того, что тот утверждал, будто в Нижнем Боусове ярмарки происходят не раз в год, как принято и положено, а шесть раз. Впервые Гашек рассказал эту историю во время уже упомянутого праздника в честь св. Иосифа и должен был несколько раз ее повторить. Общество пришло в восторг от находчивости рекрута, который, не моргнув глазом, ответил лейтенанту таким словоизвержением: «Нижний Боусов, Unter Beutzen,

двести шестьдесят семь домов, тысяча девятьсот тридцать шесть чешских жителей, округ Ичин, волость Сobotка, бывшая вотчина Кост, приходская церковь святой Екатерины, построенная в четырнадцатом столетии и реставрированная графом Вацлавом Братиславой Нетолицким, школа, почта, телеграф, станция чешской товарной линии, сахарный завод, мельница, лесопилка, хутор Вальха, шесть ярмарок в году». При гротескном и неожиданном завершении — «шесть ярмарок в году» — слушатели валились с ног от смеха.

Говорят, Гашек обещал, что Пеха выпустят из сумасшедшего дома. А когда ему будут вручать орден, он в присутствии генерала перед всем строем даст лейтенанту Моцу пощечину. Лесничий Шоула, завсегда трактира Инвальда, советовал, чтобы Пех еще пхнул лейтенанта ногой в брюхо.

Однако подобного рода детали не так уж много значат в композиции романа. «Швейк» — не собрание случайных анекдотов и смешных историй времен первой мировой войны. Да и в сохранившихся свидетельствах о том, как Гашек использовал услышанные в трактире рассказы, тоже обнаруживаются расхождения.

Например, говорят, будто однажды Гашек слышал историю о бродяге, который по ошибке отправился просить милостыню в жандармский участок. Этот мотив на страницах «Швейка» перенесен в Липницу.

Очевидцы, вспоминая сей случай, были бы, вероятно, очень удивлены, если бы узнали истинное происхождение сюжета. Историю о бродяге, который по ошибке забрел за подаянием в жандармский участок, впервые можно было прочесть в новелле Гашека «В сельской каталажке», напечатанной еще в 1904 году! Видимо, он рассказывал ее в кабачке сам.

По словам Александра Инвальда, Гашек был страстным рассказчиком. Когда приезжали гости из

Праги, он никого не отпускал спать и мог рассказывать хоть до утра. Стоило ему заметить, что слушатели увлечены, как он начинал выдумывать все новые и новые перипетии, только бы их рассмешить.

Детская непосредственность и искренность были и основными чертами отношения Гашека к самому процессу творчества. Он не пытался соперничать с другими писателями в поисках художественной оригинальности, не стремился к эстетическому новаторству, не противопоставлял индивидуалистическому дендизму своего поколения символическую патетику, характерную для раннего коллективистского искусства. Он поразил своих современников чем-то совсем иным: не боялся быть элементарно простым, обыденно человеческим. Он писал так же, как жил: по-детски естественно, радостно. И научился тому, что может позволить себе лишь величайший талант: умел «не уметь». Всегда и при всех обстоятельствах он оставался самим собой.

Свои идеи и поразительные блески фантазии Гашек с легкомысленной щедростью расточал на импровизации в застольной компании. А работая над романом, не брезговал грубой трактирной шуткой.

Гашек уехал в Липницу, чтобы окончательно решить судьбу своего романа. Но «Швейк» парадоксальным образом решил его собственную судьбу. Только неожиданный успех «Швейка» создал условия для осуществления мечты вечного бродяги о собственном домашнем очаге. Устроив свои финансовые дела подписанием договора с издателем Сынеком, он принял предложение торговца Гавела, с которым некогда встретился в инвалидовском трактире, и 16 июня 1922 года за 25 000 крои купил у него маленький домик под замком. Трезвые и практичные сельские жители удивлялись, почему он купил именно эту лачугу. Домик, по существу возникший из нескольких пристроек, никак

не отличался красотой. С одной стороны он двухэтажный, другой, одноэтажной стеной упирается в склон холма; ход отсюда ведет прямо на дорогу. Причудливой внутренней планировкой домик скорее напоминал укрепленную усадьбу средневекового мелкопоместного дворянина, чем крестьянскую постройку. В нем было четыре входа, по одному с каждой стороны. Он притулился у подножия холма, на котором стоит замок, и своим выступом смотрел в сторону бедняцкого квартала, так и называвшегося — «Нужда». Все это как нельзя лучше соответствовало пристрастию Гашека к особенному, необычному.

Друзья отговаривали его, предупреждали, что перестройка, возможно, обойдется дороже, чем сам дом, но Гашек упрямо стоял на своем. Он поручил реконструкцию дома архитектору, и тот представил смету. «Только все как следует сосчитай, ничего не забудь», — напоминал Гашек, несказанно удивляя этим сельских жителей. Слово архитектор когда-нибудь забывает хоть что-то поставить заказчику в счет!

Гашек сразу влюбился в свой план и принялся за перестройку с присущим ему размахом. Работы, по мнению нового владельца дома, продвигались слишком медленно. Поэтому он нанял еще двух каменщиков.

Гашек часто приходил на место стройки, чтобы убедиться, есть ли у каменщиков еда и питье. Время от времени местный посыльный, отставной солдат Карел Рерих отправлялся в трактир Инвальда за сардельками или пивом — рабочему люду Гашек благоволил. Вдове, ранее жившей в домике, он сразу же разрешил не платить за комнату.

Когда осенью 1922 года Гашек переселился, он занимал, собственно, лишь одно помещение — большую комнату в первом этаже, которая была одновременно его кабинетом, гостиной и спальней. Наверху громоздились нерасставленные предметы новой

спальни, изготовленной из лиственницы, но покупка матрасов пока все откладывалась. До конца жизни Гашек спал на проволочной сетке, поставленной у окна; днем он на ней отдыхал и диктовал «Швейка».

Говорят, ему хотелось устроить все, как в «мазхаузе» замка. Из окон комнаты, в которой Гашек провел остаток жизни, он видел один из живописнейших уголков Высочины [\[123\]](#) — тот же, что виден из окон замка. Стол и стулья в его комнате были копиями старочешской мебели из замковых покоев.

Собственным домиком Гашек пользовался недолго. Он прожил в нем неполных три месяца.

Последняя прогулка

Последние дни и недели жизни Гашека печальны.

Все его тело словно бы опухло, но это уже не та упругая полнота, которая отличала его в молодые годы. Ему тяжело ходить, ноги отекают. Мучают боли в желудке. Нет аппетита. Он оставляет пищу нетронутой или тайком выбрасывает ее в окно. Порой даже во время работы, когда Гашек диктует, его начинает тошнить.

Но он упрямо сопротивляется мысли, что серьезно болен.

С его здоровьем вообще происходило что-то странное. Мы сталкиваемся с загадками еще в ту пору, когда его должны были призвать на действительную службу. «Четыре раза Митя являлся в призывную комиссию, и ни разу его не взяли», — пишет Ярмила Гашекова. Почему — она не упоминает. Вошедшая в анекдоты о Гашеке версия, согласно которой он был «освобожден от военной службы как идиот», представляет собой парафраз шуточной истории, заимствованной из старого воинского календаря, и всерьез ее принимать нельзя. Ссылаются на Богуслава Гашека, будто бы тот говорил кому-то, что у его старшего брата слабое сердце и недоразвитая щитовидная железа. Никаких более точных сведений на этот счет у нас нет. Сохранилось лишь медицинское свидетельство, данное в 1915 году Виноградской больницей. Согласно этому документу Гашек страдал носовыми кровотечениями. Однако от такой болезни не умирают.

Весьма вероятно, что здоровье Гашека было подорвано из-за недолеченных болезней, которые он перенес еще в юности. Как свидетельствует Эдуард Басс, во время странствий по Венгрии Гашек страдал

болотной лихорадкой, а по рассказам Александры Львовой в России он дважды болел тифом — в лагере военнопленных (в Тоцком) и в Уфе.

Многолетняя ночная жизнь и пристрастие к вину тоже не остались без последствий. Нельзя не заметить, как сильно изменилось его лицо. Черты его округляются. Но это уже нездоровая тучность, сопровождаемая общим ослаблением мускулов и сигнализирующая о серьезном нарушении деятельности внутренних органов. Послушаем, как рисует внешность Гашека Лонген, видевший его в декабре 1921 года: «Я рассмотрел Гашека при свете, он заметно растолстел с момента своего бегства из Праги и на посторонних, вероятно, производил впечатление чудака, привыкшего всю жизнь бродяжничать. На нем были свитер и черный долгополый сюртук старого покроя. Ноги до колен утопали в огромных валенках. Зимнее пальто казалось слишком тесным, он даже не мог застегнуть пуговиц. Мясистое лицо обрело еще большую округлость, отливало жирным блеском, стало каким-то словно бы подмороженным. Жесты Гашека отличались ленивой медлительностью, точно каждое движение требовало от него усилий».

Ярмила Гашекова во время одной весенней прогулки с Ярославом в 1921 году обратила внимание на то, что он устал и при малейшем препятствии, ранее не представившем бы для него трудности, задыхается. Как женщина эмансипированная она объясняла это изнеженностью, в которой винила соперницу.

Лонген во время своего посещения Липницы тоже заметил, что за развлечения и долгие бдения в трактире Гашеку приходится расплачиваться болями и постоянной бессонницей. Внизу, в трактирном зале, Гашек выпил чашку черного кофе с ромом, и сразу же на его побагровевшем лице выступил густой пот. Он бегал по залу, захлебываясь кашлем, а затем выскочил за

дверь, на свежий воздух. «Вот так всякий раз, когда он долго не спит и слишком много выпьет, — рассказывал трактирщик Инвальд. — Летом ему было худо. Не мог спать в комнате на постели. Сидел внизу, в зале, у открытого окна и засыпал лишь на рассвете. И не поддавался никаким уговорам. Сколько раз я пытался убедить его, чтобы он перестал пить и ходил на прогулки».

Желудочные рези, которые Гашек объяснял тем, что принимает слишком большие дозы аспирина, он испытывал не только в Липнице. Приятельница Ярмилы вспоминает, как летом 1921 года Гашеки навестили ее на даче в Давле: «Гашек выглядел скверно, был бледен, размяк, одежда на нем висела. После сытного торжественного обеда ему стало плохо. Начались сильные боли. Он еще больше побледнел и с тоской повторял: «У меня рак».

Все намеки на то, что ему надо лечиться, писатель нетерпеливо отвергает. Он не хотел идти к врачу, не хотел подвергаться осмотру. От советов и уговоров отмахивался, ссылаясь на суровый местный климат и застуженный ревматизм. Только эту болезнь Швейка он соглашался у себя признать.

Вдобавок Гашек не умеет отказаться ни от одного из своих пристрастий, хотя они явно вредят его здоровью. Шура рассказывала: «Он не должен был есть ничего острого и кислого, но страшно любил огурцы и огуречный рассол, так что даже ночью тайком ходил пить его в кладовку к Инвальдам. Их кухарка Резинка Шпинарова должна была готовить ему любимое блюдо, для которого он придумал название «кошачий танец». Это было крошево из вареного картофеля, обжаренных сарделек и крутых яиц. Ярослав запивал еду пивом и был совершенно доволен».

В нежелании заботиться о своем здоровье тоже проявилась своеобразная беззаботность Гашека. Это

обычно объясняют его флегматизмом, недостатком воли; но ведь во многих случаях он бывал энергичен и решителен, а в отношении себя нередко даже суров и беспощаден. Ярмила Гашекова видела, как, укушенный бешеной собакой, он сам выжег рану раскаленным железом.

В последние дни жизни Гашек почти не мог двигаться и лежал на поставленном у окна пружинном матрасе. Так он принимал гостей, так диктовал роман и лишь изредка, заложив руки за спину, шагал по комнате. Порой, когда боль утихала, он выходил на короткую прогулку перед домиком. Мир бывшего бродяги, ограниченный теперь маленьким клочком земли, стремительно сокращался.

Буйные привычки молодости он вспомнил в последний раз при посещении давнего друга, писателя З. М. Кудея, немало побродившего в свое время по американским лесам и прериям. Их некогда прочная дружба после войны тоже дала трещину. Кудей, вопреки своей богемной репутации оставшийся в плену мещанских условностей, упрекал друга в том, что он, не будучи разведен с первой женой, привез из России молодую девушку и вызвал негодование окружающих. Гашек строго посоветовал ему не совать нос в чужие дела.

Но когда Кудей приехал в Липницу, все сразу было забыто; Кудей воскресил в Гашеке воспоминания о прошлом и о прелестях свободных странствий. Тем горестнее было ощущение, что жизненных сил остается все меньше и меньше.

Летом 1922 года Гашек предпринимает большое путешествие в область Пацова и Влашима. Добирается и до Дольних Краловиц, которые перед войной посетил с Кудеем во время скитаний по «средней Европе». Теперь это своего рода семейная увеселительная прогулка: он едет в коляске, одолженной у лесничего Бема, вместе с

Шурой и ее приятельницей. Но и это последнее путешествие доставляет ему радость, как мы видим из полученной Па-нушкой открытки: «Мои спутницы так устали, что уже не в силах рыдать. Тащу их во Блашим. Сегодня мы проехали 37 км. Прежде чем доберемся до Липницы, у нас, судя по всему, заведутся вши. Вид у всей компании запущенный. Твой Ярослав Гашек».

В декабре того же года уже не приходится думать о сколько-нибудь продолжительной поездке. Гашек не может пройти даже до трактира Инвальда. Поэтому в маленьком домишке под замком он устраивает «домашнюю корчму». Обычно сразу же после полудня по Липнице начинала бегать служанка, созывавшая гостей. К Гашеку приходят друзья: оба брата Коларжи, Йозеф и Ярослав, учителя Шикирж, Мареш, Якл, староста Райдль, лесник Шоула, сапожник Крупичка и простые люди из окрестностей. Бодрый и шумный лесничий Бем заглядывает и по два раза на день. Если вдруг случается, что никто из приглашенных не явился, хозяин посылает девушку прямо в трактир, звать всех, кто там сидит. Одновременно он наказывает Резинке взять у трактирщика шестилитровый кувшин пива, чтобы тот не остался в убытке. Порой приходил и сам Инвальд. Гашек — особенно в последние дни жизни — не хотел оставаться в одиночестве, старался собрать вокруг себя общество. Не имея возможности посещать прежнюю компанию, он окружил себя разной «челядью». Помимо писаря, содержал слугу для отдельных работ, старого отставного солдата Рериха, который осенью протапливал все еще сырую «новостройку». Домашним хозяйством занималась Терезия Шпинарова, бывшая служанка Инвальда. Как рассказывают, она очень вкусно стряпала. В шутку писатель «нанимал» и местного ночного сторожа Косика, за несколько шкаликов тасовавшего ему карты; хотел даже платить жалованье престарелому местному полицейскому пану Франтишеку

Штепанеку, отцу Климента, для того, дескать, чтобы держать в руках липницкую «службу общественной безопасности».

Людей из своего ближайшего окружения он ценил и любил оказывать им мелкие знаки внимания. Куда более прежнего он был благодарен тем, кто составлял его публику, приноравливался к его настроениям и слушал его рассказы.

Хотя здоровье Гашека все ухудшалось, он никогда не думал о трагическом исходе. Был полон планов и надежд. Говорил о том, как весной посадит возле дома цветы и как хорошо заживет здесь с Шурой.

Именно в это время и осуществил он свою последнюю прогулку. В середине ноября в Дольнем Месте в трактире «У Мухи» затевался увеселительный вечер по случаю храмового праздника в костеле св. Мартина — так называемая «золотая вечеринка». Утром лесничий Бем рассказывал, кто из Липницы туда пойдет. Гашек, страшно любивший храмовые праздники, как и все торжественные сборища, окончательно и бесповоротно решил ехать в Дольне Место. Он приказал нанять экипаж и со всеми домочадцами отправился в путь. Эту поездку описал Климент Штепанек: «Нам пришлось донести Гашека до брички на руках. Было очень холодно, и его как следует укутали (...).

Однако состояние здоровья не позволило ему в полной мере принять участие в веселье. Всю ночь он проиграл со своими знакомыми в карты, хорошее настроение его не покидало.

С храмового праздника мы вернулись в пять утра. Уложили Гашека в постель и поспешили затопить печь, чтобы он хоть немного согрелся».

Вероятно, никто, в том числе и сам Гашек, не предполагал, что это была его последняя поездка. Потом он уже почти не выходил, разве что делал несколько шагов возле домика.

На рождество выпало много снега. Гашеку чуть полегчало. Он вспоминал, как они с Шурой катались в России на санках, и утром послал Штепанека в Гумполец за санками — мол, они с Шурой будут кататься, «как в былые времена». В тот день Гашеку было значительно лучше, и на радостях он даже принялся протаптывать около домика дорожку в снегу, обув для этого привезенные из Сибири «пимы». Работа ему нравилась, он заявил, что протаптывание дорожек станет отныне его привилегией. После праздников неожиданно наступило ухудшение. Теперь он наконец-то позволил, чтобы его как следует осмотрел врач. Пригласили доктора Новака, который уже несколько раз словно бы случайно навещал писателя. Но Гашек все еще пытался ходить и упорно не хотел надолго слечь в постель.

До дня святого Сильвестра (31 декабря) снег растаял. Гашек уже предвкушает, как отпразднует проводы старого года. Все утро лежа диктует и еще немного после обеда — сидя. Но все время нетерпеливо заглядывает на кухню — проверить, как идут приготовления к празднику. Служанку то и дело посылают за какой-нибудь мелочью в трактир Инвальда.

Однако вечер не слишком удался, видно было, что хозяин тяжело дышит и с трудом скрывает от других свое состояние. Он уже почти не может говорить. Извиняется и обещает, что к богоявлению ему станет лучше и тогда он устроит настоящий праздник.

На другой день Гашек почувствовал себя совсем плохо. Друзья, приходившие поздравить писателя с Новым годом, спешили откланяться, боясь его утомить. Началась рвота, и врач рекомендовал пить одно лишь молоко. Сосед, посетивший больного, вспоминает, что видел на столе бутылку шаратицкой минеральной воды и молоко. «Гром разрази первую корову, позволившую себя выдоить», — сказал ему Гашек, улыбаясь через силу.

Утром наступил кризис. Гашек уже не выносил никого, кроме Шуры. Срочно вызвали врача. Больной сильно ослаб. Доктор Новак распорядился, чтобы ему давали мед и кашу из детской питательной муки, но пациент не мог проглотить даже каши с медом. Только к вечеру он разрешил принести сверху постель, а до тех пор все еще лежал на придвинутом к окну пружинном матрасе.

Настала критическая ночь. Гашек лежит в агонии, за дверью нервно расхаживает по кухне врач, Шура плачет. На скамье у печи сидит подавленный молодой писарь. Время от времени кто-нибудь из них заглядывает в комнату. Гашек хрипит, дышит все тяжелее. Доктор посоветовал известить родных.

Больной то приходит в себя, то вновь впадает в беспамятство. А в минуты, когда к нему возвращается сознание, плачет. Рассказывают, что ночью он попросил глоток коньяку. Доктор Новак не разрешил и подал ему стакан молока. «Вы меня надуваете», — сказал с упреком Гашек. Согласно позднейшим версиям на смертном одре он оставался бодр и насмешлив, острил, как Швейк. Веселился, когда ему ставили клистир, и подшучивал над смертью. Все это лишь безвкусные выдумки.

Неожиданно хриплое дыхание больного прервалось.

В полицейском протоколе доктор Новак сообщает:

«Я лечил Ярослава Гашека в течение последних четырех недель. За день до смерти меня вызвали к нему в 11 часов утра, и я обнаружил, что сердце его отказывает. Я был у него несколько раз и провел там всю ночь. Гашек лежал, ночью он встал и хотел написать завещание. Сел к столу и взял в руку перо. Видя, что ему будет тяжело писать, я предложил, что напишу за него. Он диктовал мне, а я писал завещание под его диктовку, при этом присутствовали также Терезия Шпинарова и

Мария Влчкова. Потом я прочел завещание, Ярослав Гашек еще раз перечитал его и исправил две ошибки.

Затем он подписал завещание, я и обе указанные женщины поставили свои подписи как свидетели. Ярослав Гашек был трезв и в полном рассудке. В пять часов утра я пошел домой и разбудил старосту Райдля. Когда около 8 часов утра я опять пришел к Гашеку, он уже был без сознания, и староста в моем присутствии подписал завещание».

В свидетельстве о смерти, подписанном доктором Но-ваком, значится: Pneumonia, lat. paralysis cordis.^[124] В качестве причины смерти указан паралич сердца.

На большом рабочем столе в нижней комнате остался лежать простой синий конверт со штампом «Ярослав Гашек, писатель, Липница над Сазавой» и адресом: «Пану Ольдржиху Шикиржу, Липница». На обороте конверта рукой Гашека нечетко набросаны карандашом черновики двух писем, запечатлевших, чем в последние мгновения жизни была занята его мысль.

Первое письмо адресовано в окружной школьный комитет: «Во время медицинского осмотра окружн. врач пан доктор Ресслъ в Ледчи обнаружил у меня комбинированное заболевание сердца, нервов и легких. Мой лечащий врач доктор Л. Новак также подтвердил, что я буду неспособен заниматься какими бы то ни было делами по крайней мере еще три месяца. Оба рекомендуют безотлагательное пребывание в теплом климате. И в интересах своего здоровья я предполагаю внять их советам.

Учитывая мою неспособность выполнять возложенные на меня обязанности, прошу окружной школьный комитет подыскать мне на этот период заместителя, дабы интересы школы не пострадали».

Итак, Ярослав Гашек просил в этом письме освободить его от обязанностей общественного

школьного попечителя, которые, очевидно, добросовестно выполнял.

Другое письмо адресовано окружной политической управе в Ледчи и гласит: «Нижеподписавшийся настоятельно просит соблаговолить выдать ему документы, необходимые для пребывания в Испании, (Barselona, Calle Rosellos) для улучшения состояния здоровья согласно настоятельным советам лечащего врача доктора Новака и доктора Рессля, окружного врача. Предполагаю жить у моего свояка А. Бейчека в Барселоне, где мне будет предоставлен соответствующий домашний и медицинский уход, и надеюсь, что мягкий климат позволит мне до истечения трех месяцев вернуться выздоровевшим. Путь следования — через Германию и Францию.

Выражаю надежду, что окружная политическая управа не будет препятствовать скорейшему удовлетворению моей просьбы, дабы я имел возможность скорее покинуть суровый, губительный для меня климат».

Никакого свояка в Барселоне у Гашека, разумеется, не было. Речь шла скорее всего о ком-то из бывших анархистов, которые нередко находили прибежище в Испании. Скорее всего тут имели место литературные ассоциации. По словам Лонгена, Гашек хотел написать пьесу по мотивам одного классического испанского произведения, якобы присланного ему из Барселоны знакомым художником. Героем ее он предполагал сделать нищенствующего монаха, тайного агента инквизиции, для виду подвергнутого пыткам. Но комедии, которая могла бы пролить какой-то свет на эту загадку, Гашек так и не написал.

Инстинкт перелетных птиц, всю жизнь не дававший Гашеку покоя, уже не мог увлечь его вдаль. Бродяжья мечта о собственном домашнем очаге осуществилась лишь отчасти. А попытка спастись с помощью

авантюрной поездки на юг, в теплые края, осталась на бумаге.

Не был дописан и «Швейк». Возможно, Гашек закончил бы свое произведение, если бы больше заботился о здоровье, изменил образ жизни. Но тогда это, вероятно, был бы уже не тот Гашек и, пожалуй, даже не тот «Швейк».

В канун Нового года, утром и после обеда, по свидетельству Климента Штепанека, Гашек диктует ему последний свой рассказ — юмореску о сборщике налога за убой свиней. Мы не знаем текста этого рассказа. Он тоже остался незавершенным.

Похороны готовились в спешке. Рано утром после тяжелой ночи на 3 января 1923 года Климент Штепанек, секретарь писателя, отправляется в городок Коханов — позвонить в Прагу и сообщить Богуславу Гашеку, что его брат умирает. Так и не добившись разговора с Прагой, Климент возвращается в Липницу и там узнает о смерти шефа. Он тотчас нанимает бричку и едет на станцию Округлицы, хочет поспеть к пражскому поезду. Но, едва миновав последние липницкие домишки, встречает Богуслава. Еще несколько дней назад, вечером 30 декабря, в Прагу с нарочным была послана телеграмма. Текст ее по какой-то случайности сохранился: «Богуславу Гашеку, банк «Славия», Прага. Немедленно приезжай с Заплатилом. К приходу поезда будем ждать в Округлицах».

Штепанек сообщает Богуславу, что его брата уже нет в живых. Богуслав потрясен. Он останавливается в трактире «У чешской короны». Плачет. Плачет долго, по в маленький домик около замка так и не заходит. Говорит, что не в состоянии видеть брата мертвым. И вечерним поездом возвращается домой, пообещав перевезти гроб в Прагу и договориться о достойных похоронах в крематории.

На другой день Климент Штепанек извещает окружную управу в Гавличкове Броде о смерти чешского писателя-юмориста Ярослава Гашека. В свидетельстве о смерти записано: труп будет подвергнут кремации.

В домике близ замка царит смятение. Молодая вдова рыдает на кухне и варит грог для посетителей, которые вот-вот явятся выразить ей соболезнование. А Гашек все еще лежит на голом столе в своем бывшем кабинете. Около него вместо почетного караула неотлучно сидит художник Панушка с бутылкой коньяка и что-то набрасывает в альбоме. Это будет посмертный портрет друга. Панушка тоже приехал слишком поздно и живым его уже не застал.

Возникла странная ситуация, вызвавшая сумятицу и множество недоразумений. Казалось, у покойного нет близких родственников, о похоронах никто не заботился; молодому писарю поневоле пришлось действовать на собственный страх и риск. Он заказал у столяра роскошный белый гроб. Однако друзья и знакомые советовали отказаться от услуг местного столяра-клерикала. Из соображений экономии был приглашен более дешевый столяр, но, пока он снял мерку и приступил к работе, подошел день похорон. Грубо сколоченный черный гроб был доставлен в последнюю минуту. Тщетно ждали каких-либо вестей от Богуслава, тот не откликнулся.

В полнейшем отчаянии вдова оплакивала покойного и свое безвыходное положение. Она оказалась совершенно без средств. Траурный обряд и гроб заказаны в долг. В день похорон приехала наконец жена издателя Сынека, которому последняя книга Ярослава Гашека принесла большой финансовый успех; но, по ее словам, муж не разрешил ей оплачивать расходы или хоть выдать что-нибудь в долг.

Всем распорядился Климент Штепанек вместе с энергичным паном Заплатилом, другом семьи, срочно

вызванным телеграммой. Втроем с учителем Марешем они направились в церковный приход. Местный священник Отакар Семерад считал Гашека неверующим и хоронить его на христианском кладбище категорически отказывался. Он настаивал, чтобы писателя погребли вне кладбища, за моргом — на месте, отведенном для самоубийц, но в конце концов поддался уговорам и похоронил его у дальней кладбищенской стены.

Рассказывают, что Семерад не любил Гашека из-за одной проделки. Тот-де как-то нанял в трактире старого шарманщика, который за десять крон два часа кряду играл под окном приходского священника. Но, судя по письму, присланному первой жене Гашека Ярмиле, пастор по-своему даже уважал покойного:

«С Вашим супругом паном Ярославом Гашеком я говорил дважды. В первый раз, как мне кажется, в июне 1922 года, когда я возвращался из деревенской школы, а он вышел мне навстречу из винного погребка здешнего еврея; Ваш супруг был сильно навеселе, просил снабдить его историческими источниками о прошлом местного замка, сказал, что хочет что-то о нем написать. Я охотно пообещал предоставить в его распоряжение все, что имеется в здешнем архиве. Позднее я слышал, будто он купил и отремонтировал дом. Я встречался с ним на площади, и он всякий раз вежливо здоровался. Затем, в конце ноября 1922 года, я посетил местный кинотеатр, он был там со своей русской. Сидели они как раз за моей спиной. В антракте я вышел покурить, а он подошел и пообещал навестить меня, хотя, мол, у нас с ним разное мировоззрение! Я понял, что он не католик, но охотно пригласил его, ибо подумал, что это ему нужно для его занятий. Увы, он уже не пришел... Насколько я могу судить, это был добрый человек, но во хмелю легко поддавался чужому влиянию».

Не разрешая похоронить покойного юмориста на католическом кладбище, священник заблуждался. Ведь официально со времени своего первого брака, т. е. с 1910 года, Гашек состоял в лоне католической церкви.

Могила Ярослава Гашека находится в правом углу маленького липницкого кладбища. На пригорке, у стены. Первоначально это был простой холмик, поросший травой. Такова якобы была воля самого писателя. Главная же причина излишней скромности, вероятно, отсутствие денег. Позднее на средства комитета по увековечению памяти Гашека и при участии наследников могилу облицевали массивными плитами из посазавского гранита. Памятник в виде раскрытой книги украшала позолоченная надпись: «Ты, Австрия, наверно, никогда к паденью не была так близко и никогда еще не вызывала такого гнева и таких проклятий». (Это цитата из одного забытого стихотворения Гашека времен пребывания в России.)

Спустя годы случай сыграл злую шутку над памятником писателя: надпись как «несоответствующая» была уничтожена. Осталось только: Ярослав Гашек — звездочка — 30. 4. 1883 — крестик — 3. 1. 1923.

Немые позолоченные буквы и цифры. А во времена юбилейных торжеств — свежие венки.

Гашек не раз сбивал своих друзей с толку всякого рода выдумками.

Сразу после окончания войны в газетах появилось сообщение, что он убит пьяными матросами в одесском портовом кабаке. Вскоре получила распространение другая версия: будто его расстреляли в России разъяренные легионеры. Пережившего многократную «смерть» юмориста стали считать бессмертным. «Прославленнейшие мистификаторы (...) — жалкие дилетанты в сравнении с гениальностью, которую проявил Ярослав Гашек, — писал в 1919 году журналист

Эдуард Басс. — Уже много лет тому назад, во времена македонского восстания, он распространил о себе слух, будто пал в сражении на горе Гарван. Сегодня имя Гашека опять не сходит с газетных полос. По какому праву этот покойник водит нас за нос?»

Сообщение о подлинной смерти популярного юмориста в послепраздничной атмосфере первых дней нового, 1923 года осталось совершенно незамеченным. Друзья считали, что это всего лишь новая шутка, мол, опять Гашек вздумал дурачить публику. И никто не спешил на похороны. Известие, разлетевшееся в день смерти писателя по пражским редакциям, лишь на другой день появилось в утреннем выпуске «Трибуны», и то со знаком вопроса. Несмотря на предостережения опытных коллег, молодой сотрудник этой газеты Михал Мареш на всякий случай отправился в Липницу. К своему удивлению, он убедился, что на сей раз это вовсе не вымысел. Мареш посетил домик близ замка, выслушал некоторые подробности и поспешил уехать, чтобы написать о Гашеке первый некролог. На следующий день в пражской прессе были опубликованы немногочисленные сообщения, заметки и даже краткие, в несколько строк, воспоминания.

Однако покойный писатель недолго занимал Прагу. «Это был огромный талант, — заявляли снобы, завсегда и ресторанов и кафе, — он мог бы написать великое произведение, если бы не его беспорядочный образ жизни...» Позднее в печати появились кое-какие мемуары друзей Гашека из богемной среды, и все поглотили воды забвения.

Что же помогло ему восстать из мертвых? Случайность, какие нередко бывают в искусстве и в жизни, но случайность исключительная. Имя этой случайности — Швейк.

Работа над романом

На особое место образа Швейка в творчестве Гашека обратил внимание Франтишек Лангер:

«В своих небольших юморесках Гашек всегда стереотипно ставил на одну и ту же карту — на интересную сюжетную находку, и поэтому он целиком отдавался поискам новых и новых сюжетов, а все остальное — стиль, художественную шлифовку — преспокойно приносил в жертву этому девизу. Так, он без сожаления распротился с рядом великолепных персонажей — о воре Шейбой, с владельцем блошиного цирка Местеком, которые прямо-таки взывали, чтобы писатель представил их в разных ситуациях, сделал сквозными героями целого беллетристического цикла. Швейк — единственное исключение. Это персонаж, к которому автор постоянно возвращается и притом в ключевые моменты своей жизни».

И в Липнице Гашек как будто не изменил отношения к литературному творчеству. Он постоянно стремится найти повод для импровизации, литературному труду предпочитает веселую забаву. Однако Швейк все больше поглощает его творческие силы. Несмотря на постоянные помехи, роман пишется достаточно быстро. Есть основания предположить, что в Праге Гашек закончил первую часть и в новой обстановке начинает работать примерно с половины сентября. В открытке, посланной советнику Швецу 16 января 1922 года, он сообщает, что как раз приступил к третьей части. А если учесть, что не менее недели после нового года он провел в Праге (согласно свидетельству Лонгена), то на вторую часть в 15 печатных листов остаются всего три с половиной месяца, то есть округленно — по неделе на печатный лист. Добавим, к этому рассказы, которые он

посылал в количестве примерно двух за неделю, неупорядоченный образ жизни, гулянья, торжества, праздники — и мы поймем, что речь идет о достойной уважения работоспособности.

На исходе зимы 1921 года автор «Швейка» ошпарил руку и, поскольку писать ему было трудно, предложил должность своего секретаря двадцатипятилетнему безработному пареньку, сыну липницкого полицейского. Они договорились, что будут работать ежедневно с 9 до 12 утром и с 3 до 5 после обеда. Жалованье (400 крон в месяц) секретарь должен был получать независимо от того, был ли он занят в свои часы. Сверхурочная работа оплачивалась по истечении месяца.

О первых днях своего секретарства Штепанек рассказывает:

«На следующий день я пришел точно, как было условлено, в девять часов. Гашек спал. А поскольку спала я пани Шура, я к ним вообще не мог попасть. Когда я постучал в дверь, Гашек проснулся и, узнав, что это я, крикнул, чтобы я пришел через час. Что ж, явился я через час, и снова повторилось то же самое. Гашек кричал из постели: «Господи, я спать хочу. Прошу вас, придите через час, а еще лучше — после обеда!»

Подобное счастье — отправиться на работу и вернуться, так и не поработав, — мне выпадало довольно часто. Иной раз Гашек действительно вставал через час, порой — через два, а то, бывало, не поднимается с постели и после обеда, а когда встанет — много мы с ним все равно написать не успеваем. Я старался изучить натуру Гашека, чтобы в наиболее подходящий момент нет-нет да и напомнить о работе, но он редко когда поддавался на уговоры. Большею частью все зависело от его настроения.

Подчас он диктовал мне в зале трактира «У Инвальда», а сам тем временем о чем-то спорил с кем-нибудь из посетителей. В таких случаях мне

приходилось не раз переспрашивать одну и ту же фразу. Или он сидел в обществе академического художника Панушки, советника юстиции Швеца из Пршибрама и двух местных учителей Шикиржа и Мареша (последний учил пани Шуру чешскому языку), живо с ними беседовал и как бы между делом диктовал. Однажды мы пошли взглянуть, как продвигается ремонт домика, который он купил себе весной, но оттуда я неожиданно должен был срочно возвращаться за письменными принадлежностями и бумагой, а потом усесться на пороге и писать на перевернутом ящике, в то время как тут же, поблизости, работали каменщики.

Как я уже упоминал, в первый раз я пришел к Гашеку утром, и притом напрасно — Гашек отсыпался. Когда я вернулся после обеда, он уже сидел за столом, ждал меня и со смехом сказал: «Ну и задали мы тебе утром перцу, а?»

Пани Шура должна была без промедления принести от Инвальда чай и налить нам сливовицы. Мы не спеша готовились к работе. Я заранее предвкушал удовольствие от новой главы «Швейка», хотелось узнать, как Гашек сочиняет, есть ли у него какие-нибудь заметки, которыми он пользуется при создании романа. Но в тот день я так этого и не узнал.

«Швейку мы сегодня еще дадим поспать, напишем что-нибудь коротенькое», — сказал Гашек к великому моему разочарованию.

Мы поговорили о всякой всячине, тем временем я приготовил бумагу, перо и чернила, тут Гашек встал, заложив руки за спину, принялся ходить по небольшому свободному пространству комнаты и произнес: «Итак, начинаем! Заглавие пока не пишите, оставьте для него место, придумаем, когда все будет готово, — сначала посмотрим, о чем пойдет речь!»

Значит, не только я, но и сам Гашек, видимо, еще не знал, о чем пойдет речь. Но стоило ему закурить

сигарету, как он уже вошел в темп, и я попотел-таки, чтобы не отстать от него. Это было мое секретарское крещение, поначалу я еще не набил руку, но за два часа мы все же справились.

Так была написана юмореска «Взаимные отношения между родителями и детьми», впервые напечатанная в сборнике рассказов Гашека «Мирная конференция и другие юморески».

Диктуя, Гашек попеременно то прохаживался, то сидел, иной раз усмехался, порой даже посмеивался, а когда продиктовал мне последнюю фразу, принялся искренне хохотать над тем, как ловко он отправил учителя гимназии Штольбу, главного персонажа юморески, на новое место службы, в тогдашнюю Подкарпатскую Русь^[125].

Рукопись я должен был тут же положить в конверт (при этом Гашек на нее даже не взглянул) и послать поэту Опоченскому, который готовил к изданию книгу рассказов «Мирная конференция».

Потом Гашек попросил меня написать письмо и несколько открыток брату и знакомым. Тем мой первый рабочий день и кончился.

На другой день мы начали с самого утра и сразу со «Швейка»; Гашек дал мне до половины исписанную четвертушку бумаги. Я спросил, где остальная рукопись, он только рассмеялся: «Издатель не может дожидаться, все требует от меня новых страниц, вот я и посылаю, что успею написать за день. А себе оставляю последнюю четвертушку, чтобы знать, на чем остановился».

Мне по-прежнему хотелось увидеть заметки Гашека, но ничего сколько-нибудь внушительного я не обнаружил. Это был обыкновенный отрывной блокнот, на первой страничке — какая-то мазня, а следующие — вообще чистые. Начав диктовать, Гашек даже не притронулся к этому блокноту. За все время ни разу никуда не заглянул, из чего я заключил, что мазня и

иероглифы в блокноте не имели к «Швейку» никакого отношения. Но порой он все же разворачивал карту, это бывало в те моменты, когда нужно было точно определить местонахождение Швейка, особенно в период следования его маршевой роты из Венгрии на русский фронт.

Гашек снова расхаживал или присаживался и диктовал. Иногда закуривал сигарету и, позвав пани Шуру, в распоряжении которой были ликеры, просил налить стопочку. При этом возникала обычная перепалка. Пани Шура утверждала, что Ярославчик и так выпил слишком много. Уступала она, лишь добившись обещания, что эта стопка будет в самом деле последней.

В тот день мы написали примерно восемь страниц «Швейка». Гашек диктовал быстро, но делал большие перерывы, кроме того, нас задержало несколько пришедших во время работы гостей. Исписанные листки мы вечером отсылали в Прагу издателю Сынеку, оставляли только четвертушку с последней фразой.

Случалось, на такой страничке было не больше двух-трех строчек из монолога Швейка, но на следующий день Гашек свободно продолжал диктовать.

Иной раз он вдруг останавливался на полуслове и принимался громко хохотать. Обычно это происходило, когда Швейк начинал разглагольствовать, или Балоун выказывал свой аппетит, или поручик Дуб кричал: «Вы — бездельники, вы меня еще не знаете, но вы меня еще узнаете». Сапер Водичка тоже был его любимой фигурой».

Стиль импровизации, знакомый нам по «Истории партии умеренного прогресса», повлиял и на характер центрального произведения Гашека. Из этой записи Штепанека мы узнаём, насколько мизерны были предварительные заметки и материалы, которыми автор пользовался во время работы. Сохранились листки с

какими-то пометками, а также старые австрийские календари, присланные по просьбе Гашека из Праги издателем Сынеком. Остальные цитаты и документы, армейские депеши, приказы, директивы, составляющие фактографический пласт романа и придающие ему характер подлинного свидетельства эпохи, писатель приводил по памяти. Память у Гашека была действительно феноменальная. Благодаря ей он сочетал в процессе творчества журналистскую конкретность и оперативность с художественной выразительностью и непосредственностью.

Великолепная память позволяла Гашеку воспроизводить факты и детали в самый нужный момент и в самом подходящем контексте. Об этом рассказывает Лонген:

«Сверхъестественная память помогала Гашеку в нужную минуту использовать все свои знания и весь свой опыт, точно он наудачу извлекал эти богатства из какой-то неисчерпаемой кладовой. Для многих людей его поколения оставалось загадкой, когда он, собственно, находил время читать и пополнять образование, если постоянно шатался по трактирам и бродяжничал. И все же Гашек читал. Доставал книгу и быстро ее прочитывал. Он глотал страницу за страницей и помнил все...

Гашек был бездонным кладезем неожиданных идей, шуток, редких оборотов речи и творил с поразительной легкостью, полагаясь на фантастическую память. Он помнил каждое хоть раз услышанное слово, и ничто не замедляло темпа его работы. Он крепко держал в руках нить комедийного действия. Если начинал новый диалог, точно знал, какой остротой его завершит. Любой персонаж был им продуман до мельчайших подробностей.

Как только в голове Гашека созревала новая идея, он подходил к моему столу и, диктуя, играл роль того лица,

чьи слова я в то время записывал. Он жестикулировал, топал ногой, кричал, ухмылялся или делал серьезное лицо в зависимости от содержания диалогов и характера персонажей. Эти театральные сцены бывали так же причудливо-гротескны, как сам Гашек. А когда ему удавалась острота, он смеялся тихо, словно бы захлебываясь смехом, и прохаживался, держа руки в карманах или заложив их за спину, лукаво щурясь на меня и с нетерпением ожидая воздействия своих слов».

Литературные картины и образы Гашек рисовал легко и непосредственно, словно извлекал их прямо из жизни. Написанные им страницы производят впечатление эскизности и недоработанности: смысл многих эпизодов как бы нуждается в дорисовке, сюжетном контексте. Эта импровизационная небрежность и естественность была проявлением своеобразной художественной формы, фактором многозначной швейковской комичности. Лонген обращает внимание на связь необычного подхода Гашека к творческому труду с его обостренной, детской любознательностью, которая сказывалась и в общении с людьми, и в повседневной жизни. Он подметил эту гашековскую черту во время одного из визитов к соседям: «У пивовара нам пришлось сидеть долго, пока Гашек переговорил обо всех знакомых из Липницы и окрестных сел, обо всех местных событиях и делах. Его интересовала каждая мелочь, каждая незначительная деталь. Он был точно любопытная квочка, готовая сунуть клюв в любую щель, пока не набьет зоб до отказа».

Хлесткость и действенность своих шуток Гашек проверяет тут же, на месте, в кругу слушателей. Тем самым окружающая трактирная обстановка непосредственно включается в смысловое построение книги. Однако в «Швейке» мы впервые в его творчестве встречаемся и с противоположной тенденцией:

литературное произведение воздействует на образ жизни самого автора.

Близким друзьям писателя кажется, что работа над романом непривычно его утомляет, что он старается насколько возможно отдалить ее. Без конца прерывает продолжение «Швейка» и охотнее диктует короткие юморески и рассказы, которые служат для него своеобразной формой отдыха. «Швейк» точно бы перерастал рамки его привычного бытия. Литературное творчество, может быть, и не вполне осознанно, становится главным содержанием его жизни. «Швейк» произвольно оказывается наиболее полным выражением его личности.

В провинциальной глуши писатель внимательно следит за резонансом, вызванным его произведением в Чехии и за границей.

Гашек и Швейк

Красноармейская деятельность Гашека — ключ для понимания его личности и для разгадки тайны, кто же такой Швейк и каково его общественное значение. Ярослав Гашек был первым чешским писателем, который всем своим существом воспринял ленинские идеи социалистической революции. Свою огромную творческую энергию Гашек поставил на службу идее преобразования мира, а революционные убеждения и импульсивный темперамент не позволили ему остаться в стороне от активного участия в этом преобразовании. «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» стали итогом его творческого пути и самым зрелым произведением мирового антивоенного романа.

«Нет более социальной книги, чем «Швейк», — писал Фучик в 1926 году, — он весь обращен к людям, и смех, возбуждаемый им, требует общественного резонанса».

Гашековский Швейк порожден исторической действительностью последних лет существования Австро-Венгрии, которая перед первой мировой войной была одной из великих европейских империалистических держав. Образ Швейка возникает в период надвигающегося кризиса империализма, когда классовые и экономические противоречия усугубляются развитием современной промышленности и техники. В эти годы казалось, что вещи уже не служат своему назначению, а господствуют над людьми. Тогдашняя Австро-Венгрия была страной контрастов. Головокружительные научные открытия и технический прогресс резко не соответствуют отсталому общественному строю, еще сохранявшему феодально-церковный характер. Сатирик той эпохи, по сути дела, мог не прибегать к вымыслу — достаточно было

воспроизвести подлинную реальность. Стоило только изменить угол зрения — и эпоха сама выставляла себя на осмеяние; карикатуру часто нельзя было отличить от оригинала.

Отсюда и вырастает юмор Гашека. Его социальной основой была гротескная народная, плебейская издевка, разоблачающая официальные представления и национальные идолы, и анонимное общественное мнение, осуждающее бюрократизм, оппозиционное по отношению к военным и церковным кругам. Эстетическим своеобразием этого юмора становится максимально достоверное воспроизведение действительности.

Но, несмотря на это или, быть может, именно поэтому возрастает роль личной позиции сатирика. Самое большое искусство — высказать то, что всем кажется привычным и понятным, выявить бьющую в глаза лживость, пустоту, лицемерие, найти зерна поэзии, затерянные в банальной повседневности. И как раз это удалось Ярославу Гашеку.

Швейк — прежде всего простой человек из народа, который в конкретной ситуации, лицом к лицу с опасностью, не поддается унынию и страху, не падает на колени, а сохраняет здоровую народную уверенность в себе, веселый нрав, общительность и оптимизм.

Швейку чужды индивидуалистические идеалы или романтический энтузиазм. Его трезвый скепсис прочно связывает его с реальностью. Он не обладает «героическими чертами», но это означает лишь то, что в основе его отношения к миру не абстрактные идеи, а практический опыт, которым он делится с комической непосредственностью. Швейк, разумеется, не знает и не понимает причин мировой катастрофы, но весьма явственно ощущает все вызванные ею тяготы. С поразительной силой и интенсивностью освобождается

он от бремени обстоятельств — своей идиотской улыбкой он попросту их игнорирует.

Он поистине восхитителен: найдет выход из самой запутанной ситуации и умеет называть вещи их подлинными именами. В момент, когда все вокруг гибнет и охвачено ужасом, он выступает в качестве носителя элементарных ценностей и глашатая человеческой надежды.

Превосходство Швейка над его окружением во многом напоминает сказку. В этом плане он продолжает традицию народных сказочных героев, ловких плутов и хитрецов, которые в нужную минуту проявляют достаточно ума и находчивости, чтобы одолеть дракона, решить неразрешимую задачу, освободиться от злых чар, пусть даже все это делается несколько прямолинейно и наивно.

Однако народный герой Гашека оказывается в сложнейшей обстановке современного мира, подвергается воздействию его кризисов и исторических конфликтов. Именно поэтому он не может быть простоватым и наивным, как фольклорный герой, именно поэтому он прибегает к гротескной маске идиота.

Гениальность гашековского изображения Швейка заключается в том, что он диалектически соединяет в себе притворную глупость, выдающую подлинную свою подоплеку язвительной иронией и сарказмом, с наивной неосознанностью простачка, проявлением которой становятся непринужденное веселье, несокрушимый оптимизм и неувядающая жизнерадостность.

Юмористический роман о войне — это само по себе нечто парадоксальное. Автору надо было заглушить в душе трагизм военных впечатлений, картины страдания миллионных масс, чтобы он мог создать образ Швейка — наивного простачка и хитрого плута одновременно. Диалектическое единство этих противоположностей

воплощено в Швейке как литературном типе с такой конкретностью и пластичностью, что после каждой фразы, после каждого крылатого изречения героя мы вновь спрашиваем себя: кто же он такой, этот Швейк? Дело в том, что Швейк надевает и снимает маску в зависимости от обстоятельств; его речь содержит целую шкалу нюансов — от сарказма до гротескной наивности. Швейк — тип мудрого шута, который в неисчерпаемом потоке примеров и параллелей, лишь кажущихся болтовней, высказывает самые жестокие и важные истины. И делает он это с неотразимым комизмом, так что его никогда нельзя поймать на месте преступления, изобличить, потребовать к ответу.

Мудрость шута таит в себе бесчисленные неожиданные метаморфозы. Этим литературным типом Гашек сознательно или бессознательно продолжает линию так называемого плутовского романа. Плутоватый герой служит острым сатирическим скальпелем, вскрывающим и обнажающим существо различных общественных слоев, причем его «похождения» во время первой мировой войны представляют собой вариант старого традиционного мотива пути, дороги. При ближайшем рассмотрении мы видим, что маска Швейка — лишь способ мимикрии, что это скорее гротескное средство, с помощью которого он срывает маски с других. Швейк — идиот только среди настоящих идиотов. На самом же деле его устами автор говорит все более серьезные вещи.

Возьмем, к примеру, одну из основных особенностей и компонентов идейной структуры романа — интернационализм Швейка. Вопреки распространенным национальным предрассудкам в Швейке прежде всего побеждает человечность, дружественное отношение к простому человеку. В атмосфере шовинистического угара, вызванного милитаристской пропагандой, как образец подлинной человечности выглядит дружеская

встреча Швейка с раненым венгерским солдатом, в чьей старой шинели «была дырка от пули, которая ранила его во славу венгерского короля».

Гашек весьма точно различает ценности, высмеивая господствующие авторитеты и символы и противопоставляя им дружеское единение простых людей. Вот почему Швейк — наиболее явственное выражение гашековской оценки действительности.

Швейк остается при этом забавной фигурой, всегда свежим и неутомимым народным юмористом и рассказчиком. Его отвращение к войне выражается не посредством программных деклараций, а естественно и спонтанно — способом, близким народной стихии. Именно это было типично для тогдашней эпохи. Его общественная активность проявляется прежде всего во взгляде на вещи. Его флегматичное отношение к событиям представляет собой лишь маску, за которой скрывается глубокое понимание сути явлений, способность распознавать противоречия мира. Кажущаяся двойственность Швейка указывает на то, что Гашек хотел изобразить человека из народа в определенный исторический момент, в начале огромных перемен, на пороге самопознания.

Швейк не только конкретный народный персонаж. Это живое воплощение общественной позиции, которая помогает простым людям обрести превосходство над враждебной властью. В нем выражена вера писателя в неистребимую жизнеспособность и непобедимость народа, вера в пробуждающуюся активность миллионов масс. Эту сторону народного существа Гашек передал посредством всеобъемлющего смеха Швейка, защищающего положительные жизненные ценности от разрушительных сил. Швейк — прообраз человека будущего, свободного от собственнических и корыстных интересов, человека, в полной мере

проявляющего свою солидарность и общительность, свои естественные человеческие качества.

Диалектическая трактовка Швейка невозможна без учета широты художественного и идейного кругозора его автора. Нужно прежде всего сознавать, что сам Гашек отнюдь не Швейк. Недавно умерший выдающийся словацкий поэт Ладислав Новомеский справедливо писал по этому поводу: «Характер Йозефа Швейка ошибочно был наделен... каким-то *роковым нигилизмом*. Но его сознательные противники замалчивают — а невольные в ущерб делу забывают, — что автор Швейка, создавший эту неповторимую комическую фигуру, в иной обстановке умел быть совсем иным. Он был серьезен и энергичен там, где общественные интересы совпадали с его собственными. Ведь Ярослав Гашек, как свидетельствуют исторические документы, был одним из лучших революционных комиссаров в Сибири!»

В своем противодействии властям Швейк непоколебим и неподкупен — и в этом революционное значение его народности. Если мы будем оценивать его слова и поступки под таким углом зрения, он предстанет перед нами защитником основных человеческих прав и ценностей от посягательств империалистического мира. Лишь внешне он выглядит невозмутимым. А его воспоминания о пражских трактирах и идиллической южночешской деревне (здесь оживает мотив «пылинки», противоборствующей вихрю войны) не только источник ностальгии. В них таится заряд революционной энергии, заряд мятежных сил, скрытых в простом человеке.

Именно поэтому Иван Ольбрахт заявил в ответе на одну анкету: «Считаю «Бравого солдата Швейка», книгу, проникнутую пролетарским мировоззрением и мировосприятием, самым выдающимся произведением чешской пролетарской литературы».

«Швейк» не только пародия на Австро-Венгрию кануна и начала первой мировой войны. Этот роман

затрагивает и проблемы современного мира. Гашек высмеивает абстрактный индивидуалистический протест, показывает необходимость массовой солидарности, прорывающей замкнутый круг буржуазного изоляционизма, осуждает национальную ограниченность и бездушие потребительского общества. Общественная активность Швейка сильнее всего ощущается в периоды исторических кризисов и военных конфликтов. В такие моменты Швейк своим несокрушимым оптимизмом возвращает людям веру в жизнь и способность преодолевать абсурдные обстоятельства. Там, где другие теряют голову, Швейк остается самим собой, он подтверждает необходимость человечности в любую эпоху и в любых ситуациях.

Швейк — глашатай взаимопонимания между людьми и народами, выразитель активного гуманизма нашей эпохи. В этом современное звучание созданного Гашеком образа.

«Ни теперь, ни прежде никто в мировой литературе не был столь щедро наделен юмором, как Ярослав Гашек, — утверждал друг писателя Эгон Эрвин Киш. — Юмор Гашека так богат и сочен, что его считают юмористом. Однако Гашек нечто несравненно более значительное. Он сатирик. И его Швейк заключает в себе более глубокий нравственный смысл. Гашек и Швейк «слезоточивым газом» смеха сражаются против всего, что достойно осмеяния, — против реакции, за лучший мир. Когда вы читаете этот роман, смейтесь, но при сем не забывайте думать».

Основные даты жизни и творчества

1883, 30 апреля — в Праге родился Ярослав Гашек.

1893 — принят в гимназию на Житной улице.

1898, 12 февраля — оставляет гимназию.

1899 — поступает в пражское Коммерческое училище.

1900, лето — странствие по Словакии.

1901, 26 января — в газете «Пародии листы» опубликован первый очерк Гашека «Цыгане на празднике».

1901, лето — странствие по Словакии.

1902 — закончил Коммерческое училище. *Лето* — странствие по Словакии. *Октябрь* — поступает на службу в пражский банк «Славия».

1903, весна — странствие по Словакии.

30 мая — отправляется в «балканское» странствие (Словакия, Венгрия, Сербия, Болгария, Румыния, Буковина, Словакия, Польша, Моравия).

3 июня — уволен из банка «Славия».

1904, июль — член редакции журнала чешских анархистов «Омладина» в городе Лом на северо-западе Чехии.

Конец лета — ранняя осень — путешествует по Южной Германии и Швейцарии.

1905, лето — «миссионерское» странствие (Венгрия, Хорватия, Словения, Италия, Триест, Австрия).

1906, декабрь — сотрудник пражского анархистского журнала «Нова Омладина».

1907, февраль — сотрудник пражского анархистского журнала «Худяс» («Бедняк»).

Март — май — сотрудник пражского анархистского журнала «Комуна» («Коммуна»).

18 августа — 16 сентября — содержится в тюрьме за оскорбление действием полицейского во время первомайского митинга.

1909 (январь) — 1910 (октябрь) — в редакции журнала «Свет звиржат» («Мир животных»).

1910, 15 мая — вступает в брак с Ярмилой Майеровой.

1911, 10-27 февраля — содержится в Институте для душевнобольных.

1911, ноябрь — 1912, февраль — сотрудник газеты «Ческе слово».

1912, 20 апреля — у Гашека рождается сын Рихард.

Конец апреля — расстается с женой.

Конец декабря — 1913, май — живет у Л. Гаека и помогает ему в выпуске журналов «Свет звиржат» и «Свет».

1913, лето — странствует по Чехии.

1915, 17 февраля — начало мая — служит в 91-м пехотном полку в городе Ческе Будейовицы. Исключен из школы вольноопределяющихся.

Конец февраля — апрель — находится в госпитале как больной ревматизмом.

Около 5 мая — 30 июня — резервный батальон, в котором служит Гашек, переведен в полевой лагерь в Бруке-на-Лейте.

Июль — участвует в боях у Соколя.

24 сентября — во время сражения у Хорупан добровольно сдается в плен русским солдатам.

Конец сентября — октябрь — в лагере для военнопленных в Дарнице под Киевом.

1915, ноябрь, — 1916, июнь — в лагере военнопленных в Тоцком под Самарой.

1916, июль — 1917, апрель — в Киеве, в редакции газеты «Чехослован».

1917, 24 февраля — арестован и заключен в тюрьму в Борисполе за столкновение с русским офицером.

Апрель — направлен в 1-й полк имени Яна Гуса чехословацкого войска в России.

Июнь — принимает участие в битве у Зборова.

15 ноября — вновь вступает в редакцию газеты «Чехослован».

1918, конец февраля — порывает с чехословацким корпусом и уезжает из Киева.

Март — приезжает в Москву, вступает в чехословацкую секцию РКП (б).

Начало апреля — направлен на агитационную работу в Самару.

7-8 июня — покидает Самару и скрывается от белочехов.

Вторая половина сентября — является в политотдел Реввоенсовета Восточного фронта в Симбирске.

16 октября — направлен политическим организатором в город Бугульму.

25 декабря — назначается помощником коменданта города Бугульмы.

1919, начало января — март — в Уфе сотрудничает в красноармейской газете «Наш путь», назначен начальником ее типографии.

Март — апрель — в Белебее, Бугуруслане, Кротовке, Бугульме.

Апрель — сотрудничает в красноармейской газете «Красный стрелок».

Начало июня — возвращается в Уфу.

17 августа — 14 ноября — в Челябинске.

26 августа — назначен инструктором организационного подотдела политотдела 5-й армии.

5 сентября — назначен начальником интернационального отделения политотдела 5-й армии.

3—15 декабря — в Омске.

1919, 15 декабря, — 1920, 16 января — в Новониколаевске (Новосибирске).

1920, 10 февраля — 3 июня — в Красноярске.

15 мая — вступает в брак с А. Львовой.

3 июня — 23 октября — в Иркутске.

23 октября — выезжает в распоряжение
Политуправления Красной Армии в Москву.

17 ноября — приезжает в Москву.

26 ноября — направлен на партийную работу в город
Кладно.

19 декабря — приезжает в Прагу.

1921, март — печатает первые выпуски романа
«Похождения бравого солдата Швейка».

Август — заканчивает первый том «Швейка».

25 августа — приезжает в местечко Липницу.

1922, 29 декабря — в последний раз диктует
«Швейка».

1923, 3 января — Ярослав Гашек скончался.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Катерина Гашкова, мать писателя.

Йозеф Гашек, отец.

Ярославу 4 года.

Ярослав Гашек — чиновник банка «Славия».

Гашек — редактор анархистского журнала.

Гашек (второй справа) с друзьями. Прага, 1912 г.

Один из трактирчиков, известных по «Швейку».

Ярослав Гашек.

Гашек и Кудей в дамских купальных костюмах.

***Гашек с единомышленниками в период создания
партии умеренного прогресса в рамках закона.
Прага, 1911 г.***

Гашек колет лед на пражской улице.

Ярмила Майерова в годы девичества.

***Гашек перед отъездом из Москвы в Чехословакию.
1920 г.***

По дороге на фронт.

Страшлипка — прототип Швейка.

Гашек — редактор «Чехословака» в Киеве.

***Гашек — начальник типографии и литературный
сотрудник газеты «Наш путь». Уфа, 1919 г.***

Гашек (в первом ряду третий справа) среди работников политотдела 5-й армии Восточного фронта. Иркутск, 1920 г.

***Ярослав Гашек с Александрой Львовой в
Красноярске.***

Первое издание «Похождения бравого солдата Швейка». Художник Лада.

Ярослав Гашек. 1921 г.

Гашек с девятилетним сыном Рихардом. 1921 г.

***Гашек в Липнице над Сазавой. Последнее фото.
1922 г.***

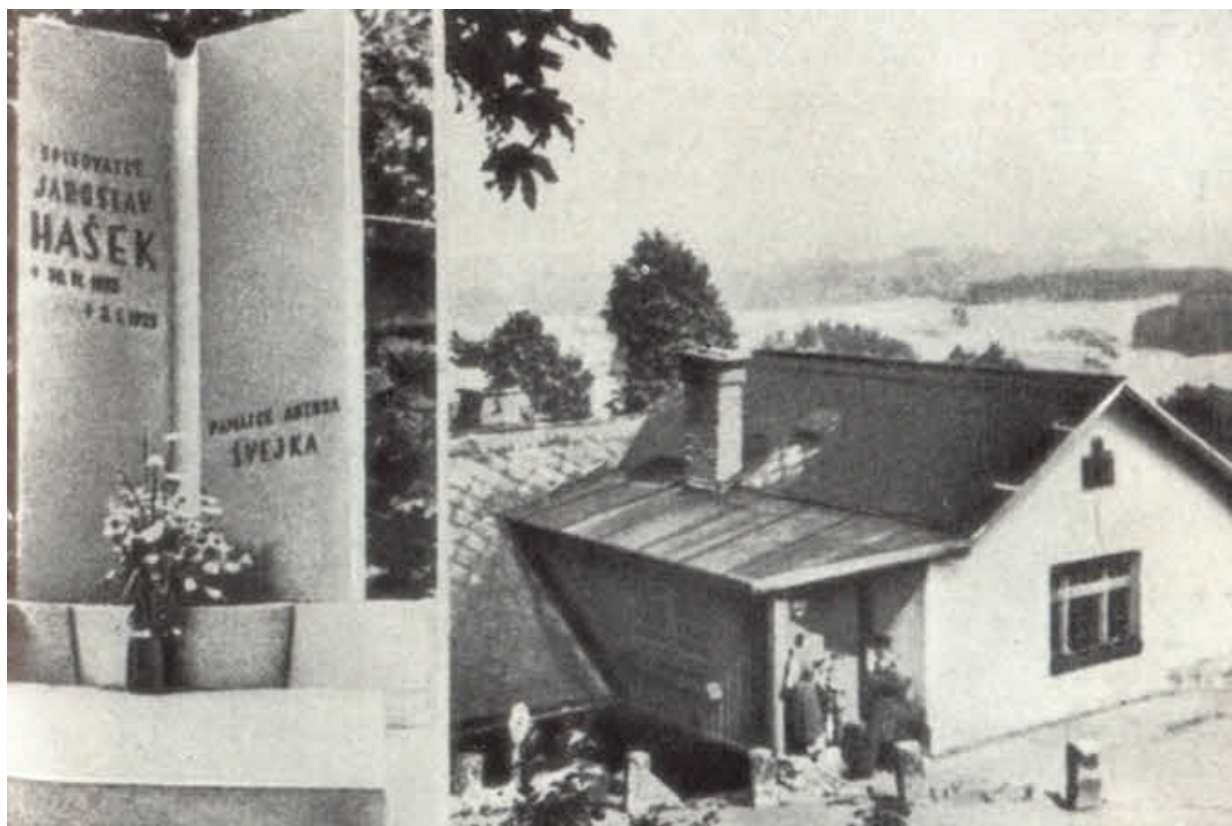
Липницкий замок.

Стол в замке, за которым работал Гашек.

Последний портрет Гашека. Художник Я. Панушка.

Дом, в котором жил и работал Гашек с 1921 г. (ныне музей). Слева — памятник Я. Гашеку на Липницком кладбище.

Книги Гашека, изданные на чешском языке.

Рисунок художника Лады.

Книги Гашека, изданные в Советском Союзе.

notes

Примечания

1

Кромержиж — город в Моравии, где в период буржуазно-демократической революции 1848 года заседал австрийский рейхсрат.

В духе южночешских мятежных традиций... — На юге Чехии родился великий религиозный реформатор и вождь чешского национально-освободительного и антифеодального движения Ян Гус (ок. 1371-1415), здесь его учение нашло широкую поддержку в крестьянских массах, здесь же получили распространение наиболее радикальные антифеодальные идеи, сторонники которых основали город Табор, ставший опорой левого крыла гуситского движения (таборитов).

З

Гануш Йозеф (1862-1941) — чешский литературовед.

4

Шульц Фердинанд (1835-1905) — консервативный чешский критик и писатель.

Будители — так в Чехии и Словакии называли деятелей отечественной культуры, стремившихся пробудить в родном народе национальное самосознание.

«*Да здравствует жизнь!*» — заголовок программной статьи С. К. Неймана, опубликованной в 1913 году (впоследствии так же был озаглавлен его теоретический и критический сборник, вышедший в 1920 году).

Упрка Йожа (1861-1940) — чешский художник, изображавший людей и быт Моравской Словакии.

Детванцы — жители местечка Детва и его окрестностей (Средняя Словакия).

Сикуйи — народность, живущая в Трансильванских Альпах.

Ольбрахт Иван (настоящие имя и фамилия — Камил Земан) (1882–1952) — народный писатель Чехословакии, прозаик, видный журналист, активно участвовал в создании Чехословацкой компартии и ее центрального органа — газеты «Руде право»; в 1909–1916 годах был редакционным работником венской социал-демократической чешской газеты «Дельнице листы».

Майерова Мария (настоящая фамилия — Бартошова) (1882-1967) — народная писательница Чехословакии; с 1908 года — член чешской социал-демократической партии, с 1921 года — коммунистка; в молодости сотрудничала как в социал-демократической, так и в анархистской прессе.

«Чешские братья» — протестантская религиозная община, основанная в 1457 году поздними последователями гусизма; члены ее проповедовали добровольную бедность и непротивление злу насилием.

Нейман Станислав Костка (1875-1947) — выдающийся чешский революционный поэт; участник движения «Омладина»; от анархокоммунизма пришел к коммунизму и был одним из основателей Компартии Чехословакии.

«Новая красота» — термин, введенный в чешскую критику Ф. Кс. Шальдой, автором эссе «Новая красота: ее генезис и характер» (1903). Эссе это вошло в известную книгу Шальды «Сражения за завтрашний день» (1905).

Регенбургская Валгалла — монументальное здание, воздвигнутое неподалеку от Регенсбурга на возвышенности, господствующей над Дунаем; сооружено по приказу баварского короля Людвига I (1786–1868) и по проекту немецкого архитектора Лео Кленце (1774–1864). Этот дорический храм, по мысли его создателей, был символически связан с культом германского бога ветров Валгаллы — рай воинов, дворец на горной вершине, во владениях Валгаллы.

...божьи воины... — «Кто, вы, божьи воины?» —
первая строка боевой песни таборитов.

Промышленная (1891) и этнографическая (1895) выставки в Праге явились манифестацией самобытности чешской национальной культуры и достижений чешской промышленности.

Махар Йозеф Сватоплук (1864-1942) — чешский поэт, выступавший с резкой критикой австрийского бюрократизма, католической церкви и буржуазного общества; после первой мировой войны оказался в лагере реакции.

Шрамек Франя (1877-1952) — чешский поэт, прозаик и драматург; народный писатель Чехословакии.

Томан Карел (настоящее имя и фамилия — Антонин Бернашек) (1877–1946) — чешский поэт-лирик, народный писатель Чехословакии.

Лангер Франтишек (1888–1965) — чешский прозаик и драматург, народный писатель Чехословакии; встречался с чешскими писателями-анархистами; вместе с Гашеком был одним из инициаторов создания партии умеренного прогресса в рамках закона, автор воспоминаний о Ярославе Гашеке.

Скружный Йозеф (1871-1948) — чешский журналист и писатель, автор юмористических романов и рассказов, в 1895-1930 годах редактировал журнал «Гумористицке листы».

Маген Иржи (настоящее имя и фамилия — Антонин Ванчура) (1882-1939) — чешский драматург, прозаик, поэт, критик и публицист; автор эссе «Глава о предвоенном поколении» (1934).

Опоченский Густав Рогер (1891-1949) —
второстепенный чешский поэт, друг Гашека.

Киш Эгон Эрвин (1885-1949) — известный чешско-немецкий писатель и журналист, пользовавшийся славой «неистового репортера» (так называлась его книга, изданная в 1925 году); Киш — коммунист; в 1937-1938 годах сражался в Интернациональной бригаде в Испании.

Бедный путешественник *(нем.)*.

Вогрызек Карел — один из лидеров чешских анархистов, авантюрист и демагог; пропагандировал индивидуальный террор и контрабанду в качестве средств разрушения буржуазного государства; впоследствии был разоблачен как полицейский провокатор; после 1918 года эмигрировал в Бразилию.

Каха Михаэл (1874-1940) — рабочий издатель и журналист, редактор ряда анархистских журналов, позднее сочувствовал Компартии Чехословакии.

Младочехи (официальное название — «Свободомыслящая партия») — чешская буржуазно-либеральная политическая партия, существовавшая с 1847 по 1917 год; добивалась политически-правового уравнивания Чехии с Австрией и Венгрией и превращения Габсбургской империи в триединую монархию; опиралась на среднюю и мелкую буржуазию и кулачество, вела ожесточенную борьбу против марксизма и проповедовала теорию общности интересов чешской буржуазии и чешского рабочего класса.

Шальда Франтишек Ксавер (1867-1937) — выдающийся чешский критик, идейный глашатай литературного поколения 90-х годов; впоследствии поддерживал коммунистических писателей, в момент цензурного преследования печатных органов КПЧ передал Ю. Фучику свой журнал «Творба».

...что доставленный обвиняемый Гашек Ярослав к соблюдению поста, ношению кандалов и физическому труду пригоден (*нем.*).

«*Право лиду*» (1893–1948) — газета, центральный орган чехославянской, а с 1918 г. — чехословацкой социал-демократической рабочей партии.

Соукуп Франтишек (1871-1940) — один из лидеров чехословацкой правой социал-демократии, принимал деятельное участие в чешском буржуазно-националистическом движении в период первой мировой войны; в буржуазной Чехословакии — виднейший идеолог правого крыла социал-демократической партии, сенатор, с 1929-го — председатель Сената.

Винтер Лев (1876–1935) — пражский адвокат, социал-демократический лидер; впоследствии министр в первом буржуазном чехословацком правительстве, член Исполкома II Интернационала.

Крейчи Вацлав Франтишек (1867–1941) — чешский прозаик, драматург, критик, вел в газете «Право лиду» разделы литературной, театральной и музыкальной критики, редактировал беллетристические публикации; впоследствии представлял чехословацкую социал-демократическую партию в палате депутатов, Национальном собрании и сенате.

«*Рашпле*» (1890-1920) — чешский социал-демократический сатирический журнал, выходил в городе Брно.

«Май» — общество чешских беллетристов, основано в 1887 году, с 1901 года — кооперативное издательство, с 1910 года — акционерное общество; издавало журнал «Май» (1902-1914).

Кронбауэр Рудольф Ярослав (1864-1912) — чешский журналист и второстепенный писатель, автор сентиментальных романов для девиц; служащий издательства «Май».

Вика Карел (ранее — Карел Гоужвичка) (1875–1941) — чешский писатель-юморист и редактор; в его мемуарах — «О моей старой золотой Праге» (1946) — есть страницы, посвященные Гашеку.

Ян Гус был сожжен на костре в городе Констанц (Южная Германия) 6 июля 1415 года. В Чехии стало традицией отмечать этот день.

«*Венков*» (1906–1945) — центральный орган
реакционной аграрной партии.

Вероятно, имеется в виду журнал «Народни обзор» (выходил с 1906 года), в котором печатался Гашек.

Жак Карел (1871-1934) — второстепенный чешский беллетрист, член редакции газеты «Народни политика».

«*Злата Прага*» (1884–1930) — чешский
иллюстрированный литературно-художественный
журнал.

«Люмир» (1873–1940) — чешский литературно-художественный журнал.

«ЗВОН» (1901-1942) — чешский литературно-художественный журнал консервативного направления.

«Шваида-дудак» (1862-1914) — чешский сатирический и юмористический художественный журнал.

Азойская эра — самая древняя эра в геологической истории Земли (другое ее название — архейская эра), в отложениях этого периода не обнаружены органические остатки.

«Час» («Время») — орган чешской либерально-демократической интеллигенции, с 1886 года — еженедельник, в 1900—1915-м, 1920-1923 годах — газета; в 1900-1915 годах — центральный орган реалистической партии.

«Чех» — с 1869 года еженедельник, с 1871-го — газета; выходила в Праге; отражала интересы высшего духовенства; на страницах «Чеха» велась ожесточенная травля социалистов.

...чисто реалистически... — намек на теорию и практику чешских реалистов, членов реалистической народной (с 1906 года — прогрессивной) партии; в качестве идейного течения существовала с 1887 года; в 1900 году оформилась как самостоятельная политическая партия; проводила буржуазно-реформистскую политику.

Старочехи — партия чешской консервативной буржуазии и крупных землевладельцев, проводившая верноподданническую по отношению к австро-венгерской монархии политику.

Под этим заголовком в 1910–1911 годах в журнале «Карикатуры» публиковался цикл сатирических характеристик отдельных политических деятелей, политических партий и их печатных органов. Почти все они были написаны Гашеком.

Крамарж Карел (1860–1937) — крупный чешский предприниматель, идеолог так называемого неосдавизма, лидер младочешской партии и ее депутат в австрийском имперском совете, после 1918 года — лидер крайне правой национально-демократической партии и премьер-министр первого буржуазного правительства Чехословакии, ярый враг СССР. Так называемая «позитивная политика», провозглашенная Крамаржем, была политикой соглашения с Габсбургской монархией и укрепления позиций чешской буржуазии в рамках Австро-Венгрии.

Вещественное доказательство (*латин.*).

56

Так (*латин.*).

Джунио Рудольф — деятель хорватского буржуазного освободительного движения, в годы первой мировой войны был связан с чешской «Мафией» (тайная буржуазно-националистическая организация).

Шпатны Эмиль (1883–1937) — впоследствии депутат и сенатор от национально-социалистической партии, член редакции газеты «Ческе слово».

Гатина Алоис (1886–1950) — политик и журналист, член национально-социалистической партии.

Этот «предвыборный гуляш» варился и в переносном и в буквальном смысле слова — им бесплатно угощали избирателей.

Грюнбергер Оскар — чешский социал-демократ, редактор отдела юридических консультаций в газете «Право лиду», погиб в начале первой мировой войны.

В начале XIX века чешский поэт Вацлав Ганка (1791–1861) якобы нашел две «древние» рукописи, одна из которых получила название Краледворской. Только в конце века лингвистическим анализом было доказано, что это мистификация. Спор о подлинности этих рукописей продолжался и в XX веке. Научная критика, наносившая удар по романтическим иллюзиям, принималась в штыки консервативными общественными силами.

Намек на то, что в Австро-Венгрии дворники состояли на службе у тайной полиции. Гашек вполне «логично» предлагает взять их на государственное содержание.

Новотный Богуслав (1874-1956) — журналист, член редакции газеты «Право лиду» (с 1907 года), впоследствии — один из редакторов коммунистической газеты «Руде право».

26 августа 1648 года шведские войска под командованием генерала Кёнигсмарка захватили Градчаны и Малую Страну — левобережные районы Праги, но Старе Место Пражске на правом берегу Влтавы выдержало осаду. В 1741 году французские и баварские войска вторглись в Чехию и в конце года захватили Прагу. Французский гарнизон оставался здесь до декабря 1742 года. Армия прусского короля Фридриха II (1740–1786) захватила Прагу в 1744 году. В 1610 году Леопольд, епископ Нассауский, вторгся в Чехию и в феврале 1611 года занял Град и Малую Страну, но не сумел завладеть Старым Местом Пражским и Новым Местом Пражским на правом берегу Влтавы и 11 марта 1611 года покинул город.

Пелант Карел (1874–1925) — чешский журналист и писатель, один из руководителей чешского филиала международной буржуазно-просветительской атеистической организации «Вольная мысль»; после 1918 года стал членом редакции реакционной аграрной газеты «Вечер».

«*Святой Войтех*» — клерикальный ежемесячный журнал; выходил в Оломоуце с 1905 года.

Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) — профессор Пражского университета, идеолог чешской либеральной буржуазии, лидер народной (реалистической) партии, объединявшей представителей буржуазной интеллигенции. В период первой мировой войны возглавил чешское буржуазно-националистическое движение за границей. После провозглашения независимости Чехословацкой республики — ее первый президент (1918–1935).

Дртина Франтишек (1861-1925) — чешский философ и педагог, профессор Пражского университета.

Кудей Зденек Матей (настоящее имя и фамилия — Зденек Матей) (1881-1955) — чешский писатель, в ряде мемуарных книг рассказал о своих странствиях с Я. Гашеком.

Гануш Отакар (настоящее имя и фамилия — Гануш Трнечек) (1890–1940) — чешский редактор, юморист и шансонье.

«Лидовки» — чешская буржуазно-либеральная газета «Лидове новины», выходила в Брно в 1892-1944 годах, имела пражскую редакцию; в «Лидовых новинах» сотрудничали видные чешские писатели.

Геверох Антонин (1869-1927) — чешский невропатолог и психиатр, профессор Пражского университета и директор Института для душевнобольных.

Секанина Франтишек (1875–1958) — чешский консервативный критик.

Фастрова Ольга (1876–1965) — автор статей о детском воспитании, печатавшихся в газете «Народни политика».

Моудра Павла (1861-1940) — второстепенная чешская писательница, переводчица, выступала с лекциями о вреде алкоголя».

Стивин Йозеф (псевдоним — Фолтин) (1879–1941) — чешский журналист, политический деятель, один из лидеров чехословацкой социал-демократической партии; первоначально примыкал к левому крылу, но затем перебежал в правооппортунистический лагерь, стал главным редактором органа социал-реформистов «Право лиду», заместителем председателя парламента и представлял чехословацкую социал-демократию во II Интернационале.

Свойсик Антонин Б. (1876-1938) — организатор движения чешских бойскаутов.

Наход — город на северо-востоке Чехии.

«Помалкивай и служи» *(нем.)*.

Бог, Англию низринь, —
гласит приказ. Аминь!
Сам бог в солдаты взят... По божьей воле ныне
погибнет Англия, падут ее твердыни (*нем.*).

Гашек Ярослав, по его собственным показаниям,
редактор-наборщик (нем.).

Аферист и обманщик (*нем.*).

Политически неблагонадежен (*нем.*).

Пополнениями *(нем.)*.

Тучек Л. В. — представитель младоболеславского автомобильного завода «Лаурин» в России, вместе с В. Вондарком возглавлял Военную комиссию Союза чешских (позднее — чехословацких) обществ, которая с февраля 1915 года находилась в Киеве, с мая 1916 года — член правления Союза чехословацких обществ в России; политик прорусской ориентации.

Парижское руководство — Чешский заграничный комитет, позднее, с марта 1916 года, — чехословацкий Национальный совет, во главе которого стояли Т. Масарик, Э. Бенеш, Й. Дюрих и М. Штефаник.

Дюрих Йозеф (1847-1927) — чешский буржуазный политик, первоначально младочех, затем — член аграрной партии; летом 1916 года был делегирован в Россию чехословацким Национальным советом, однако не оправдал возлагавшихся на него надежд и возглавил наиболее реакционную царскофильскую группировку в чехословацком заграничном движении, противопоставившую себя как петроградской «западнической» группировке, так и умеренным киевским русофилам. При поддержке царского правительства Дюрихом был создан чешско-словацкий Народный совет в России, прекративший свое существование после Февральской революции.

Павлу Богдан (1883–1938) — словацкий буржуазный политик, член филиала чехословацкого Национального совета, затем политический уполномоченный чехословацкого правительства в России, стремился использовать чехословацкий корпус в интересах западных империалистов и руководителей контрреволюции.

Речь идет о Временном комитете Государственной думы, созданном 27 февраля (12 марта) 1917 года.

Гайда Рудольф (1892–1948) — штабс-капитан, затем генерал, в период контрреволюционного мятежа — член Военного совета чехословацкого корпуса, возглавлял сибирскую группировку чехословацких войск. В конце 1918 года — командующий фронтом колчаковской армии; занимал высшие должности в армии буржуазной Чехословакии, в 1926 году уволен в отставку за попытку организации фашистского путча; один из лидеров чешских фашистов.

Халупа В. — один из руководителей Клуба сотрудников организации чешских военнопленных в России, член филиала Чехословацкого национального совета. В марте 1918 года с одним из транспортов чехословацкого корпуса выехал через Мурманск во Францию, а затем в Италию. В Чехословацкой буржуазной республике — генерал.

18 и 19 июня 1917 года чехословацкая бригада из трех полков, действуя в составе 49-го корпуса 11-й русской армии, нанесла у деревни Цеповой близ местечка Зборов под Тернополем поражение трем полкам австро-венгерской армии, два из которых в основном состояли из чехов. Победа у Зборова, использовавшаяся правительством Керенского и чехословацкими буржуазными лидерами в целях шовинистической и милитаристской пропаганды, была лишь незначительным эпизодом неудачного июньского наступления русской армии, солдаты которой не хотели воевать. Вскоре после этого германские и австро-венгерские части перешли в успешное контрнаступление в районе Тернополя.

«Свобода» (1917-1918) — орган чехословацких левых социал-демократов в России, выходил в Киеве, Полтаве и Москве.

Чехословацкий революционный Совет рабочих и солдат в Киеве был создан 24 февраля 1918 года на собрании в помещении Киевского коммерческого института и объединял чехословацких социалистов. Совет был намерен организовать революционную армию из легионеров, чешских и словацких красногвардейцев и вновь вооруженных военнопленных.

«Прукопник» — газета «чехословацких социал-демократов (коммунистов-интернационалистов)», с июня 1918 года после объединения с газетой «Свобода» выходила под названием «Прукопник свободы» («Пионер свободы») (1918–1919) и была центральным органом Чехословацкой коммунистической партии в России (секции РКП (б)).

Клецанда Войтех Владимир (1882-1947) — офицер штаба Юго-Западного фронта, позднее генерал чехословацкого корпуса, с 30-х годов — профашист; принимал участие в подготовке корниловского мятежа.

У станции Бахмач 12-14 марта 1918 года чехословацкий арьергард сдерживал наступление австро-германских войск и войск Центральной рады, для того чтобы основные силы чехословацкого корпуса могли погрузиться в эшелоны и двинуться на восток. Легионеры сражались совместно с красногвардейскими отрядами, но, как только погрузка была завершена, по приказу своего командования покинули фронт.

Скотак Алоис (1886–1918) — левый чешский социал-демократ, легионер, перешел на сторону Красной Армии, помогал создавать Первый чехословацкий революционный полк в Пензе; после занятия Пензы легионерами был повешен без суда.

Удржал Франтишек (1866-1938) — реакционный чешский политик, лидер аграрной партии, крупный землевладелец, был министром обороны и премьер-министром в правительствах буржуазной Чехословакии.

Поспишил Йозеф (род. в 1895 г.) — рабочий-текстильщик, легионер, познакомился с Гашеком в Киеве; в Самаре бежал из эшелона чехословацких легионеров и вместе с Гашеком принимал участие в создании чехословацкой коммунистической организации, возглавлял Чешский военный отдел по формированию чехословацких отрядов Красной Армии, по возвращении на родину вступил в Коммунистическую партию Чехословакии.

Медек Рудольф (1890-1940) — чешский писатель; легионер, член филиала Чехословацкого национального совета в России, редактор легионерской газеты «Ческословенски вояк» (1917-1920), впоследствии получил чин генерала; до войны, в Чехии, и в Киеве встречался с Гашеком; в пятитомной эпопее «Анабасис» (1921-1927) и других произведениях прославлял «подвиги» легионеров, выступая с активных антибольшевистских позиций; в 30-е годы был профашистски настроен и постоянно полемизировал с чешскими прогрессивными писателями.

Муна Алоис (1886–1943) — чешский публицист, один из организаторов и председатель ЦИК Чехословацкой коммунистической группы в России, после возвращения на родину вел партийную работу в городе Кладно; в 1929 году исключен из КПЧ как ликвидатор.

Салат-Петрлик Ярослав — член ЦИК Чехословацких коммунистических групп в России и на Украине, председатель Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б).

Миненко-Орловская Ольга Ксенофоновна — с весны 1918 года сотрудница газеты «Солдат, рабочий и крестьянин», выходившей в Самаре; с весны 1919 года — член агитбригады Чапаевской дивизии.

Чечек Станислав (1886–1930) — в мае 1918 года командовал Пензенской группой частей чехословацкого корпуса, руководил захватом Пензы и Самары, с июля 1918 года — полковник, с сентября 1918 года — генерал; впоследствии — командующий чехословацкими войсками на Дальнем Востоке.

Куда идешь? (*татар.*)

Каюров Василий Николаевич (1880–1955) — питерский рабочий, член Коммунистической партии с 1900 года; после Февральской революции 1917 года — член Выборгского комитета РСДРП (б) и исполкома Выборгского районного Совета; летом 1918 года возглавлял продотряд в Казанской губернии, заместитель начальника политотдела 5-й армии Восточного фронта в Симбирске, Бугульме и Уфе.

Риманов Иван Филиппович (род. в 1895 г.) — в октябре — декабре 1918 года помощник командира комендантской роты военной комендатуры города Бугульмы.

Сорокин Василий Васильевич (1895–1963) — член Коммунистической партии с 1917 года, опубликовал статью «Ярослав Гашек как фельетонист фронтовой печати» («Литературная газета», 1938) и «Воспоминания о Ярославе Гашеке» («Славяне», 1957).

Цитаты из статей Гашека, написанных по-русски, воспроизводятся с сохранением всех особенностей гашековского русского стиля (Примеч. перев.).

№ 7 газеты «Sturm — Roham» (1920, Красноярск) сохранился в газетном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; фотокопия заголовка и части первой страницы № 8 от 10 апреля 1920 года, а также фотокопия фельетона Гашека «Жертва немецкой контрреволюции в Сибири» из того же номера хранятся в Центральном музее Революции в Москве.

Крейбих Карел (1883-1966) — видный деятель Компартии Чехословакии, публицист и историк рабочего движения, в 1950-1952 годах — чехословацкий посол в Москве; в 1927-1933 годах жил в СССР, опубликовал статьи «Литературный успех чешского автора. Бравый солдат Швейк» («Вестник иностранной литературы», 1928) и «Ярослав Гашек. Жизнь и творчество» («Литература мировой революции», 1932).

Летом 1919 года в шахтерском городе Кладно был создан Объединенный районный Совет рабочих депутатов, практически установивший контроль над всей Кладненской областью.

Богумир Шмераль приехал в Советскую Россию 29 марта 1920 года и пробыл здесь до конца мая; о своих впечатлениях он рассказал в книге «Правда о Советской России» (1920), где передает свидетельство делегатки профсоюзного съезда из Сибири о Ярославе Гашеке.

Иван Ольбрахт пробыл в Советской России около полугода (март — август 1920 года). В Москве Ольбрахт встретился с Софьей Самойловной Гончарской («сибирским военным комиссаром»), работавшей с Гашеком в Челябинске и Омске. С. С. Гончарская заявила ему: «Ярослав Романович говорит, что, если бы у него была не одна жизнь, а десять, он все их с радостью пожертвовал бы ради власти рабочих. И я верю в полную искренность его слов. Потому что он многократно доказал это на деле».

Тусар Властимил (1877-1924) — один из лидеров правой социал-демократии и в 1919-1920 годах председатель правительства Чехословакии.

118

Имеется в виду Колчак.

Запотоцкий Антонин (1884–1957) — видный деятель чехословацкого и международного рабочего и коммунистического движения; впоследствии председатель правительства Чехословакии (1948–1955) и президент Чехословацкой республики (1953–1957).

120

Шашек — по-чешски: шут, клоун.

Мареш Михаил (настоящее имя — Йозеф (1893–1971) — чешский писатель и журналист; принимал участие в анархистском движении; впоследствии — коммунист, сотрудник газеты «Руде право».

«Кмен» (1917-1922) — прогрессивный чешский литературно-художественный журнал, выходил сначала под редакцией Ф. Кс. Шальды, а затем — С. К. Неймана.

123

Высочина — здесь Чешско-Моравская возвышенность (восток и юго-восток Чехии).

124

Воспаление легких, скрытый паралич сердца
(латин.).

125

Так тогда называлась Закарпатская Украина.